44 7/13 т 1
Вад. и ЛБА
не выдаётся

ДѢЛА И ЛЮДИ ВѢКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

44 7/13

П. К. МАРТЬЯНОВА.

Д 402/114

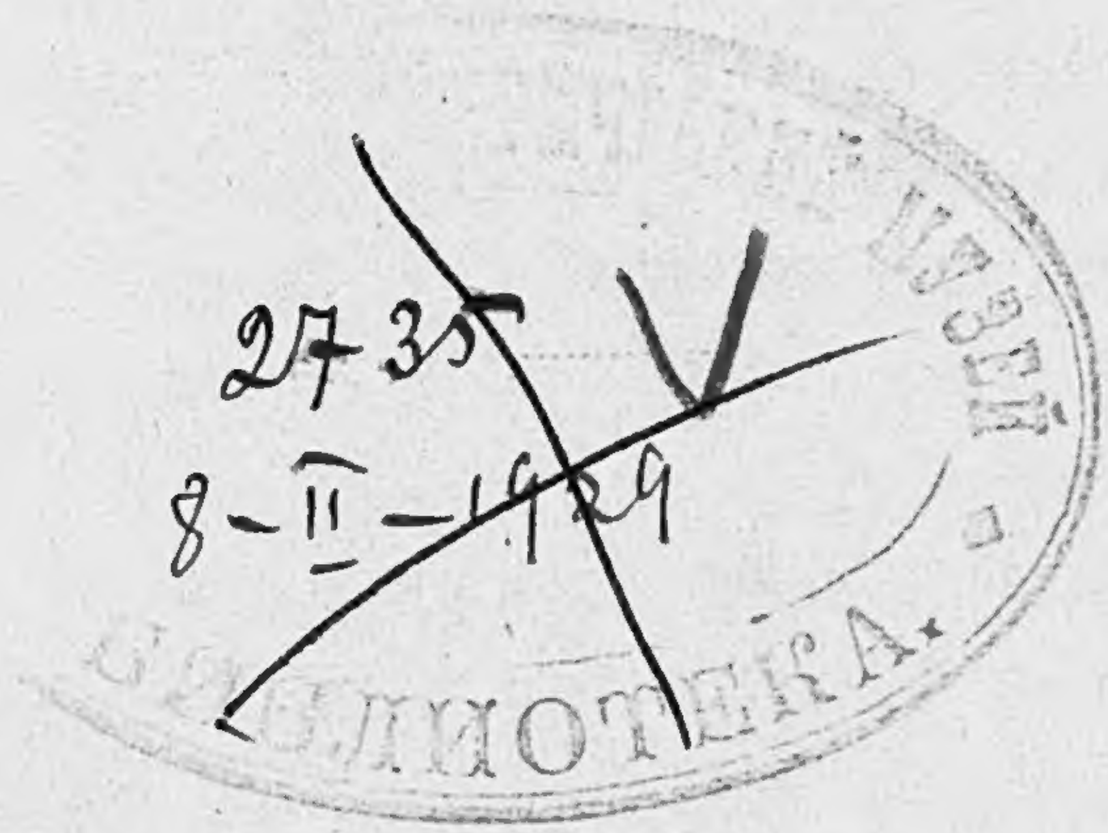
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

389

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1893.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
2735-1929 м.



Спб. Типографія Р. Р. Голике. Екатерининскій каналъ, д. № 166.

ОТЪ АВТОРА.

ДАВНО, очень давно, чуть еще не съ первыхъ дней юности, я сталъ записывать для памяти: что̀ видѣли очи, что̀ слышали уши, что̀ чуяло сердце. Но это не былъ, строго говоря, дневникъ или мемуары, куда заносилось изо дня въ день, точно и пунктуально, все видѣнное, слышанное или перечувствованное,—нѣтъ! Это были одиночные листы, листики и листочки, или же небольшія тетрадки, гдѣ, по мѣрѣ возможности, иногда подробно, иногда вкратцѣ и сокращеннымъ способомъ, записывалось все, что поражало взоръ, мысль или сердце. Конечно, съ теченіемъ времени, этихъ листовъ, листиковъ, листочковъ и тетрадокъ накопился цѣлый ворохъ, уберечь который оказалось болѣе труднымъ, чѣмъ накопить. Походы, передвиженія, служба, не могли не повліять на утрату нѣкоторыхъ бумагъ. Но тѣмъ не менѣе большинство ихъ, т.-е., добрая половина, сохранилась и, по надлежащемъ разборѣ и разсмотрѣніи, оказывается составляющей нѣчто интересное по отношенію нѣкоторыхъ историческихъ событій, или же общественной дѣятельности, домашней жизни и чудачествъ болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ прошлаго времени. Два-три очерка, два-три отдѣльныхъ эпизода изъ спасеннаго вороха бумагъ, названнаго мною для однообразія: «Старой записной книжкой», появлялись уже въ печати, а именно: въ журналахъ «Военный Сборникъ», «Всемірный Трудъ», «Древняя и Новая Россія» и «Историческій Вѣстникъ», и газетахъ «Эхо» и «Свѣтъ». Масса отдѣльныхъ мыслей, словъ и изреченій извлечена изъ «Книжки» и со-

ставила особое двухтомное изданіе, подъ заглавіемъ: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Нѣкоторыя тетрадки, касающіяся близко стоящихъ къ намъ лицъ и событій, не могутъ еще появиться въ печати, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Но есть много матеріала, который долженъ увидѣть свѣтъ. Отлагать появленіе этого матеріала въ печати—не слѣдуетъ: время бѣжитъ, и завтрашній день въ руцѣ Божіей. Пока есть силы и возможность, я считаю себя обязаннымъ привести въ порядокъ тѣ накопившіяся у меня бумаги, которыя имѣютъ какой-нибудь общественный интересъ, и, раздѣливъ на нѣсколько выпусковъ, приступить къ ихъ печатанію. На первый разъ я полагаю ограничиться выпускомъ въ свѣтъ двухъ томовъ, а остальные будутъ издаваться впослѣдствіи частями, по мѣрѣ изысканія потребныхъ для того средствъ. Въ первые два тома войдутъ отрывки изъ старой записной книжки, статьи и замѣтки, появлявшіеся уже въ печати и только немногіе изъ вновь подготовленныхъ, какъ, наприм.: «Литературныя встрѣчи и знакомства», «Разсказы о дняхъ минувшихъ» и проч.

Предназначенныя къ помѣщенію въ первые два тома статьи, свѣдѣнія и замѣтки о лицахъ и событіяхъ, имѣютъ вполнѣ историческую достовѣрность, такъ какъ записаны мною какъ участникомъ и очевидцемъ ихъ, или же со словъ лицъ, тоже лично участвовавшихъ въ событіяхъ, или стоявшихъ близко къ нимъ. Въ видахъ же удостовѣренія сего послѣдняго, считаю нужнымъ пояснить здѣсь, что статьи: «Александръ I и оберъ-вагенмейстеръ Соломка», «Скифы», «Митрополитъ Филаретъ и штабъ-ротмистръ Соломка», «Императоръ Николай I и пажи» и «Ретивый инспекторъ», записаны со словъ генералъ-маіора Сергѣя Аѳонасьевича Соломки, сына оберъ-вагенмейстера Соломки и личнаго участника трехъ послѣднихъ событій. Имъ же сообщенъ и разсказъ объ А. Н. Муравьевѣ, случившійся во время посѣщенія имъ тюрьмы по званію чиновника для порученій бывшаго с.-петербургскаго военнаго губернатора, князя

Суворова. Статьи: «Николай Павловичъ въ адмиралтействѣ» и «Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій» переданы генералъ-маіоромъ Василіемъ Борисовичемъ Албенскимъ, участникомъ перваго событія и другомъ г. Симанскаго. Статьи: «Императоръ Николай I въ 5 московской гимназіи», «Императоръ Николай I на саперныхъ работахъ», «Генералъ Рамзай» и «Кадеты въ Александріи», сообщены генералъ-лейтенантомъ Александромъ Дмитріевичемъ Симановскимъ, личнымъ свидѣтелемъ событій. Разсказы «Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ», «Какъ опредѣлялись въ учебныя заведенія», «Какъ опредѣлялись на должности», «Генералъ, графъ Никитинъ», «Бодиско» и «Лазаревичъ», записаны со словъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Андреевича Иванова, участника и свидѣтеля событій. «Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ» передана сенаторомъ, статсъ-секретаремъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ, который, какъ бывшій секретарь графа М. Ю. Віельгорскаго, сообщилъ также и разсказы: «Императоръ Николай I и французы», «Графъ М. Ю. Віельгорскій» и «М. И. Глинка у графа Віельгорскаго». Статьи: «Генералъ Бурмейстеръ» и «Гвардейцы въ Калишѣ» сообщены участникомъ событій отставнымъ моряком Николаемъ Семеновичемъ Лазаревымъ-Станищевымъ. «Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. П. Писаревымъ» передана находившимся при свиданіи полковникомъ Петромъ Павловичемъ Суворовымъ. «Архіерейскій пріемъ» записанъ со словъ участника событія, дворянина Василія Степановича Александрова, который сообщилъ также и разсказъ о «Блудномъ Булавинѣ», событіи, случившемся на его глазахъ. Разсказъ о «декабристѣ Тизенгаузенѣ» сообщенъ московскимъ старожиломъ Владиміромъ Львовичемъ Клумовымъ, слышавшимъ его отъ маіора Михаила Дмитріевича Поздняка, свидѣтеля событія. Разсказъ «Наши администраторы» переданъ участникомъ событія, надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигилянскимъ. Разсказъ «Великій князь Михаилъ Павловичъ

и отставной солдатъ» записанъ со словъ генералъ-лейтенанта Кушелева, слышавшаго его отъ самого великаго князя, а статьи «Великій князь Михаилъ Павловичъ и коннопіонеры», «Борщовъ и медвѣженокъ» и «Кадеты морскаго корпуса въ Александріи»—со словъ участниковъ событій: первые два—полковника Сергѣя Михаиловича Борщова, а послѣдній—поручика Павла Александровича Брылкина. Событіе «Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій» передано статсъ-секретаремъ А. Д. Комовскимъ, слышавшемъ его отъ участника событія генерала Карла Ивановича Бистрома. Разсказы о генералахъ: Дрентельнѣ, графѣ Евдокимовѣ, графѣ Тотлебенѣ, Шлоссманѣ и министрѣ финансовъ Канкринѣ, записаны со словъ свидѣтелей или лицъ, находившихся при нихъ на службѣ, а именно: первый—капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, второй и третій—статсъ-секретаря Сергѣя Федоровича Панютина, четвертый—коллежскаго ассесора Николая Михаиловича Ивановскаго, а послѣдній—бывшаго городского головы, купца Василія Григорьевича Жукова.

Петръ Мартьяновъ.

С.-Петербургъ.
Первая половина 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

	стр.
Дитя и поэтъ А. С. Пушкинъ	1
Панихида по А. С. Пушкинѣ	9
Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 года	10
Назаровы и Т. Н. Грановскій	31
Сюжетъ пѣсни о купцѣ Калашниковѣ	32
Оберъ-полиціймейстеръ Цынскій	35
Какъ Мина попала въ фаворъ	36
Архіерейскій пріемъ	39
Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія	42
Какъ опредѣлялись на должности	43
«Блудный Булавинъ»	47
Наши администраторы	53
Ретивый инспекторъ	54
Суворовъ въ ссылкѣ	56
Императоръ Александръ I-й и оберъ-вагенмейстеръ Соломка	78
«Скифы»	84
Изумительныя цифры	87
Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій	88
Императоръ Николай I и пажи	90
Императрица Александра Ѳеодоровна и смолянки	92
Николай I въ 5 московской гимназіи	93
Декабристъ Тизенгаузенъ	94
Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка	97
Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ	97
Императоръ Николай I и французы	98
Кадеты въ Александріи	99
Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ	100
Борщовъ и медвѣженокъ	101
Отверженцы и отщепенцы общества	103
Резолюціи императора Александра II	128
Генералъ Клугинъ	130
Генералъ Рамзай	131

стр.
Графъ М. Ю. Віельгорскій. 132
Генералъ Бурмейстеръ. 132
Гвардейцы въ Калишѣ 135
Нилусъ. 136
Бодиско 137
Лазаревичъ 137
Статсъ-секретарь А. Д. Комовскій 138
Послѣдняя эмиграція татаръ изъ Крыма въ 1874 году 147
Три встрѣчи:
Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ. 162
Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ. 164
Встрѣча А. Ѳ. Писемскаго съ самоуправцами 169
М. И. Глинка у графа Віельгорскаго. 172
Мои литературныя знакомства—годъ 1865 175
Полковыя офицерскія библіотеки. 240
Какъ погибли мои «Бесѣды» 249
Три дня въ Севастополѣ. 265
Князь А. Л. Дадіанъ, флигель-адъютантъ императора Николая I. 277
Николай I на саперныхъ работахъ 290
Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ 291
Кадеты морскаго корпуса въ Александріи 292
Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій. 295
Великій князь Михаилъ Павловичъ и коннопіонеры 296
Генералъ Дрентельнъ 297
Генералъ, графъ Никитинъ. 298
Генералъ, графъ Евдокимовъ 298
Генералъ Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ 299
Директоръ полиціи исполнительной Оржевскій 299
Министръ финансовъ Канкринъ 300
А. Н. Муравьевъ 300
Генералъ, графъ Тотлебенъ 301
Статсъ-секретарь Панютинъ 301
Генералъ Шлосманъ. 303
Генералъ Алопеусъ 304

ДИТЯ И ПОЭТЪ А. С. ПУШКИНЪ.

ПОСЛѢ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1831 году, меня, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принялъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время стряпчій, надворный совѣтникъ Владиміръ Матвѣевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся чиновниковъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, лавки, бани и тотъ знаменитый «Глазовскій» трактиръ, куда москвичи и ихъ залетные гости ѣздили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со всѣми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цвѣтниками и непзбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, сараи, погреба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, кучера, сновали взадъ и впередъ, перебранивались и кричали. Лошади, множество разныхъ собакъ и домашняя птица дополняли шумную картину обыденной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владиміръ Матвѣевичъ жилъ въ домѣ съ женою Ульяной Ивановной, дамою почтенной и богобоязненной. Дѣтей у нихъ въ жи-

выхъ не было, кромѣ одной дочери, Екатерины Владиміровны, находившейся въ замужествѣ за Ѳедоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сохранной казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфортабельная гостинная съ балкономъ и террассою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетная, дѣвичьи и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроившій тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ особой комнатѣ при немъ жилъ воспитанникъ, Гавріилъ Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ дворовой женщины, тогда медицинскій студентъ, а впослѣдствіи уѣздный врачъ. Меблировка дома вполнѣ отвѣчала широкой натурѣ его обладателя. Кладовыя и погреба ломились подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду виденъ былъ избытокъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствѣ, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шеѣ головой, остриженной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясистыя, глаза смѣющіеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходилъ всегда въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ куда-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за-полночь. Изобильный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобильный разными случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшого роста старушка, слыла большою домосѣдкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Пріемы ея были торжественны и чинны: тишина и скука царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она запросто въ своей уборной, сидя въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ называемыхъ церемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостинную,

но сидѣла не долго, извинялась нездоровьемъ и уходила, предоставляя занимать гостей или мужу, или своей дочери Екатеринѣ Владиміровнѣ Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазовыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсины, кн. Грузинскіе, Багговутъ, Мерлины, изрѣдка наѣзжалъ кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именитые люди. Иногда собиралась молодежь, и тогда пѣли и танцовали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го іюля, въ день именинъ Владиміра Матвѣевича, и въ декабрѣ, въ день рожденія его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играла полковая музыка, пѣли пѣсенники, дѣлалась иллюминація, вино лилось рѣкой, веселились на распашку, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владиміра Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обусловливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законовѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыя не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Разскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстнѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Кваснпковъ. Онъ проматывалъ по нѣсколыку тысячъ въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которыя платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стогнахъ города и гульбищахъ; наконецъ, пробилъ часъ расплаты. На какомъ то поминальномъ обѣдѣ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помню, клобукъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Истербурга, и, по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгій приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ; бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось исходатайствовать небольшое облегченіе. По свидѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилованіи Квасникова, но представленія его не уважили. Вотъ тогда-то и обратились къ Владиміру Матвѣевичу, который и взялся дѣло это обработать.

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазовъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ флигелей своего дома, подъ условіемъ гулять у него гдѣ хочетъ, но за ворота не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольнаго заключеннпка съ его худощавой выразительной физіономіей. Глаза въ глубокихъ впадинахъ, брови насуплены, носъ большой, длинный, съ горбомъ, голова острижена подъ гребенку, усы большіе, бакенбарды висячіе, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полувоенный плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала типъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костыль, съ опущенною на грудь головою, часто прогуливался онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсенку и сильно ударяя костылемъ въ землю. Встрѣчъ съ незнакомыми избѣгалъ, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартиркѣ появлялись старые друзья, хлопали пробки, брянчала гитара и до утра гигали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза ѣздилъ по его дѣлу въ Петербургъ, и всякій разъ возвращался безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы спасовать передъ неудачею. Спустя нѣкоторое время, онъ вновь поѣхалъ—и привезъ Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объяснялъ Владиміръ Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрѣпленныхъ самыми вѣскими аргументами доводовъ, успѣлъ склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать передъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благопріятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастію, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣлился напомнить о прощеніи наказаннаго не по винѣ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно-ли говорить съ какимъ авторитетомъ возвратился въ Москву Владиміръ Матвѣевичъ. Начались пиры. Квасниковъ задалъ такой обѣдъ своему освободителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачъ Владиміра Матвѣевича. Во время кутежа у Квасникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего водворенія у Глазова. Владиміръ Матвѣевичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перевезъ насъ (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки, дворянки Агафьи Ивановны, въ помощь которой назначены были двѣ дворовыя женщины. Мнѣ шолъ тогда 5-й, брату 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владиміръ Матвѣевичъ любилъ насъ, какъ своихъ дѣтей, озаботился устройствомъ для насъ всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего-нибудь? О чемъ бы ни просила его наша заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресенье и праздничные дни мы ходили въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владиміра Матвѣевича, гдѣ и оставались цѣлый день, а иногда и вечеръ, рѣзвились и играли съ пріѣзжавшими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1833 года, Владиміръ Матвѣевичъ .прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ причта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человѣкъ не молодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насъ, наравнѣ съ сестрою, за азбуку и только пройдя съ нами сію стадію, почтеннѣйшій нашъ педагогъ сталъ упитывать насъ всяческими премудростями отъ грамматики, ариѳметики и катехизиса. Онъ занимался съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 час. утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечерніе уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что весною 1835 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владиміру Матвѣевичу, и за оказанное прилежаніе получили отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галунными лампасами и сапожки охотничьи съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряж-

ками, а сестрѣ—тирольскій костюмъ. Кромѣ того каждому изъ насъ онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на гостинцы.

Это были мои первыя деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрѣйшей Агафьѣ Ивановнѣ, которая, потомъ, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда-же годъ или два спустя она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ послѣднее время, т. е. 1834—1836 годы, въ домѣ Владиміра Матвѣевича царило особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежъ, съѣзжались часто. Много пѣли, много танцовали. Катинька Львова была прекрасная музыкантша и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокій, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ на дняхъ пріѣзжалъ въ Грузины слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане—его стихія».

Разсказъ о поѣздкѣ Пушкина въ Грузины возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ замѣтилъ, что интересно было-бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Слова эти возбудили во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафья Ивановна часто недомогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гаврилу Ивановичу Глазову и у него читалъ нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина геніемъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ пріѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что это можно устроить. День или два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и обѣщалъ трактирнымъ половымъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда пріѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совсѣмъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени—не помню хорошо, прибѣгаетъ къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафья Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувъ вверхъ донышкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часа полтора мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока всѣ въ домѣ угомонились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись,

вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на всѣ стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Пріѣздъ гостей къ цыганамъ произвелъ вокругъ трактира оживленіе. У подъѣзда толпились извощики, кучера, троечные ямщики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, переругивались между собою или ругали хозяевъ и господъ.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно ловя каждый вырывавшійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслись припѣвы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя»! раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомыхъ сосѣднихъ мальчика, не захотѣвшихъ отстать отъ насъ, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчатъ-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже поздняя, дулъ осенній свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, обливая серебристыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотрѣть на Пушкина вблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ былъ сойти, чтобы сѣсть въ экипажъ. Но прошелъ часъ, другой, и мы, перезябнувъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ямщикъ, экипажъ»! мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ямщикъ взнуздывалъ тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ небольшими баками, въ шинели съ капишономъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длинополой бекешѣ, съ замотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. На верху, на площадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедшій прежде другихъ господинъ въ шинели, видя, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошелъ въ глубь двора. У перилъ, окаймлявшихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на

отражавшуюся въ водѣ луну, деревья и строенія. Другой же стоялъ на крыльцѣ и перебрасывался словами съ оставшимися на верхней площадкѣ товарищами.

Я толкнулъ брата и мы (всѣ четыре мальчика), окружили господина, стоявшаго у пруда. Онъ оглянулся и спросилъ: «что вамъ нужно?»

— Вы — Пушкинъ? спросилъ я тихо.

— На что вамъ?

— Такъ... интересно его видѣть.

— А почему вамъ интересно его видѣть?

— Онъ пишетъ стихи.

— Какъ вы узнали, что онъ пишетъ стихи?

— Я — крестникъ Владиміра Матвѣича... у насъ въ домѣ барышни поютъ «Черную шаль»; интересно узнать: ваша ли эта шаль.

— А что у васъ еще поютъ? Что вы еще знаете?

— Я ничего не знаю, но вотъ братъ мой читалъ у Гавріила Ивановича много вашихъ стиховъ. (Я не сомнѣвался болѣе, что это — Пушкинъ).

— Такъ вы ничего больше не знаете, сказалъ онъ какъ-будто въ раздумьѣ и, погладя меня по головѣ, продолжалъ:

«Одну вы знаете лишь «Шаль»...
Какая жалость!..
Моя, мой милый, это шаль,
А проще—шалость.

Слова эти привели меня въ восхищеніе, я схватилъ руку Пушкина и горячо поцѣловалъ ее. Мальчишки загалдѣли: и я, и я! и бросились также цѣловать его руку. Пушкинъ отнялъ руку назадъ и, добродушно улыбаясь, сказалъ: «къ чему это»?

Между тѣмъ лошади были поданы и онъ, направляясь къ экипажу, спросилъ меня: «А вы грамотный»!

— Учусь, отвѣчалъ я.

— Учитесь!.. будете знать болѣе, чѣмъ мои «шалости».

Затѣмъ, онъ сѣлъ въ коляску, товарищи за нимъ; цыгане, окружая экипажъ, просили скорѣе пріѣзжать опять къ нимъ; прислуга кланялась и желала счастливаго пути. Пушкинъ въ отвѣтъ кивалъ имъ головой, товарищи, смѣясь, отвѣчали: «да, да, хорошо, хорошо»!

Но вотъ ямщикъ тронулъ возжей коренника, лошади тронулись, коляска громыхнулась и покатила. Еще мгновеніе—и вѣчность легла на слѣдъ ея...

Въ первое слѣдовавшее за симъ воскресенье я разсказалъ m-lle Львовой и другимъ гостямъ Владиміра Матвѣевича о нашемъ ночномъ путешествіи и передалъ отъ слова до слова разговоръ мой съ геніальнымъ поэтомъ. Всѣ восторгались нашей смѣлостью, нашей находчивостью. Я сдѣлался героемъ вечера. Меня распрашивали по нѣскольку разъ, заставляли повторять каждое слово Александра Сергѣевича, кормили сластями и отпустили домой, нагрузивъ карманы гостинцами.

Но финалъ былъ ужасенъ: на утро меня и брата, сильно наказали за то, что мы осмѣлились безъ спросу выходить ночью на улицу...

Панихида по А. С. Пушкинѣ.

Въ началѣ февраля 1837 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе о смерти Пушкина. Это извѣстіе взволновало студенческій міръ. На Никитской улицѣ, въ домѣ князя Вадбольскаго, въ квартирѣ г-жи Линденбаумъ, которая содержала меблированныя комнаты, отдаваемыя въ наймы, большей частію, студентамъ, была назначена сходка. Вечеромъ студенты собрались и поставили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать? Дебаты пропзошли жаркіе. Имена Данзаса, д'Аршіяка, Дантеса, Геккерена не сходили съ устъ, крики благороднаго негодованія, проклятія и угрозы раздавались то и дѣло. Нѣкто Барановъ, богатый помѣщикъ, степнякъ, натура горячая и необузданная, вызывался ѣхать въ Петербургъ и драться съ Дантесомъ, а если бы онъ отказался, отстегать его хлыстомъ. Его предложеніе не приняли. Другія тоже не прошли. Остановились на томъ, чтобы отслужить по Пушкинѣ панихиду. На утро сообщили товарищамъ, начались сборы, подписка пошла хорошо. Но университетское начальство подъ рукою не одобрило. Назначено было новое совѣщаніе и рѣшили отслужить панихиду не по Пушкинѣ, а по усопшемъ рабѣ божіемъ Александрѣ. День назначили праздничный — слѣдующее воскресенье; мѣсто — Никитскій монастырь. Пригласили пѣвчихъ, заказали полное освященіе церкви. Хлопотали было

поставить печальный катафалкъ, но игуменья не разрѣшила. Время прошло быстро; наступилъ день панихиды. Началась обѣдня, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обѣдню, другіе прохаживались по монастырскому двору. Но полиція провѣдала, явился квартальный со своими будочниками, за нимъ прибылъ частный приставъ, позднѣе пожаловалъ и самъ полиціймейстеръ. Развязно вошелъ онъ во храмъ, еще развязнѣе подошелъ къ игуменьѣ и довольно долго бесѣдовалъ съ нею келейно: ясно было, что что-то затѣвается.

Но вотъ обѣдня кончилась, полиціймейстеръ незамѣтно уѣхалъ. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Потушили свѣчи. Потянулись монахини, въ церкви стало пустѣть, а панихида не начиналась.

Два, три студента пошли въ алтарь за объясненіями къ священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Онъ отвѣтилъ, что панихиды не будетъ. Спрашиваютъ: «почему»?— «А потому, говоритъ, что по живомъ человѣкѣ панихидъ не служатъ». «Какъ по живомъ»! изумляются студенты.—«Да такъ, отвѣчаетъ, Пушкинъ живъ... не вѣрите — спросите мать игуменью». Обращаются къ игуменьѣ, та отозвалась, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей сейчасъ полиціймейстеромъ, Пушкинъ, хотя и боленъ, но еще живъ. Бросаются къ приставу,—приставъ утверждаетъ, что подобное извѣстіе только что получено изъ Петербурга. Студенты, обрадованные такою доброю вѣстью, расходятся по домамъ.

Спустя часъ или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентамъ не позволили.

Москва въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1839 г.

Старушка Москва, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, жила жизнью тихою и безмятежною. Послѣ усмиренія Польши, особо важныхъ политическихъ событій въ русской жизни не было, дѣла шли обыкновеннымъ чередомъ, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону, и общество дремало въ сладкомъ невѣдѣніи и забытьѣ. Вдругъ лѣтомъ 1839 года до слуха Бѣлокаменной дошла вѣсть, что осенью должна совершиться торжественная, въ присутствіи самого государя императора Николая Павловича, закладка храма Христа Спасителя,—и первопрестольная столица встрепенулась. Пошли толки,

догадки, предположенія о томъ, когда, что и какъ должно быть исполнено. Наговорившись досыта, Москва начала готовиться къ торжеству, желая отпраздновать это, столь близкое ея сердцу, событіе какъ можно грандіознѣе. Первымъ дѣломъ привели въ порядокъ мостовыя, тумбы и фонарные столбы подчернили, дома, ворота и заборы принялись красить, шатающихся собакъ ловить, хожалыхъ и будочниковъ облачать въ новую аммуницію. Къ іюлю сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что закладка совершится въ сентябрѣ, послѣ открытія памятника на Бородинскомъ полѣ, что Государь Императоръ, прибудетъ въ Москву въ сопровожденіи приглашенныхъ на бородинскіе маневры иностранныхъ принцевъ и что въ закладкѣ храма примутъ участіе командированныя на маневры гвардейскія войска. Извѣстіе это взволновало весь городъ: такого блестящаго собранія именитыхъ и знатныхъ гостей въ Москвѣ давно уже не было, чуть ли не съ самой коронаціи въ 1826 году, и вотъ, начиная съ великосвѣтскихъ гостиныхъ и кабинетовъ сановниковъ и кончая купеческими свѣтлицами и рынкомъ, все пришло въ движеніе. Тысячи надеждъ, тысячи ожиданій возбудило прибытіе царя. Кузнецкій мостъ съ утра до ночи запружали экипажи, магазины переполнялись покупателями, дамы заказывали, шили и покупали новомодные костюмы и украшенія. Городскіе ряды, равномѣрно, торговали на славу, такъ какъ всякая, даже самая простая женщина хотѣла имѣть къ пріѣзду царя какую-нибудь обнову. Полиція усугубила свое рвеніе: улицы мели, деревья на бульварахъ подстригали, скамейки красили и нищихъ забирали. Все это—такія мѣры, которыя принимаетъ Москва только въ экстренныхъ случаяхъ. До 1839 года я Государя не видѣлъ, потому пріѣздъ его въ Москву не могъ не интересовать меня. О характерѣ, рыцарствѣ и добротѣ императора Николая Павловича ходили цѣлыя легенды. Его хладнокровіе и неустрашимость при усмиреніи бунта въ 1825 году, его заботливость о солдатѣ и мужество, выказанныя въ турецкую войну 1828 года, и его самоотверженіе на Сѣнной площади въ холеру 1831 года, невольно влекли къ нему сердца народа и заставляли каждаго добиваться возможности хотя разъ въ жизни взглянуть на него и выразить ему, чѣмъ можно, свое сочувствіе и преданность.

Мнѣ было тогда 12 лѣтъ; я жилъ у опекуна на Никитской, въ домѣ князя Вадбольскаго, гдѣ и какъ увидѣть царя не зналъ, и потому обратился за совѣтомъ къ другу и учителю моему, студенту Назарову.

— Подожди,—отвѣчалъ Назаровъ:—надо подумать.

Между тѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже на исходѣ; каждый новый день приносилъ въ Москву животрепещущія новости о военныхъ празднествахъ подъ Бородинымъ, маневрахъ и открытіи памятника воинамъ, павшимъ въ Бородинскомъ сраженіи; сообщавшія объ этомъ «Московскія Вѣдомости» читались съ жадностью.

— Скоро и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!—говорили собиравшіеся въ кучки горожане.—Самъ Царь прибудетъ и сдѣлаетъ закладку храма, а это будетъ почище бородинскаго памятника.

— Смотри, парень,—хихикала фризовая шинель:—чтобы и нынѣ не вышло того же, что было на Воробьевыхъ горахъ. Въ 1817 г., тамъ, чай, тоже закладывали храмъ, да что вышло: три стѣны размокли на дождѣ, а четвертая испарилась на солнцѣ.

— Ну, это было при Благословенномъ, а теперь Николай, теперь щелкоперамъ потачки не дадутъ,—отвѣчалъ горожанинъ.

3 сентября, въ 6 часовъ пополудни, императоръ Николай Павловичъ изволилъ прибыть въ Москву съ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхали: великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій (молодой супругъ великой княгини Маріи Николаевны) и гости русскаго царя: принцы: Альбертъ Прусскій, Евгеній Виртембергскій, Александръ Нидерландскій и эрцгерцогъ Австрійскій Альбертъ. Массы народа покрывали улицы и площади по пути слѣдованія Государя. Я предполагалъ увидѣть Царя на Красной площади, досталъ себѣ у сторожа рядовъ скамейку и расположился на ней у памятника Минина и Пожарскаго. Но едва показалась коляска Государя отъ Иверской, народъ, стоявшій до того времени въ порядкѣ, разомъ обнажилъ головы и съ крикомъ «ура»! бросился на встрѣчу Государю. Меня сшибли со скамьи на землю и едва не затоптали ногами. Благодаря вмѣшательству какого-то купца, поднявшаго меня, я отдѣлался только потерей фуражки, разбитымъ носомъ и нѣсколькими ссадинами на рукахъ и тѣлѣ. Царя я даже не видѣлъ, я видѣлъ только массу головъ и вдали мелькавшія шляпы съ разноцвѣтными перьями. Въ Кремлѣ гудѣли колокола, а на площади стоялъ стонъ отъ привѣтственныхъ кликовъ народа.

— Ну, что, хорошо? — спрашивалъ меня Назаровъ, по возвращеніи моемъ домой. — Благодари Бога, что голова осталась цѣла. Впрочемъ, это тебѣ на будущее время урокъ! Прежде отца въ петлю не суйся!

На другой день рано утромъ я отправился съ нимъ въ Кремль, посмотрѣть на выходъ Царя изъ собора. Мы прошли къ самому Успенскому собору и стали за линіей войскъ, расположенныхъ противъ Краснаго крыльца. День былъ ведреный. Народу собралось много, но, благодаря внимательности полиціи, тѣсноты и давки не было и мнѣ удалось видѣть церемонію царскаго выхода довольно хорошо.

Ровно въ 11 часовъ Государь вышелъ изъ дворца. Онъ былъ въ мундирѣ съ эполетами, бѣлыхъ штанахъ и ботфортахъ, шляпа съ перьями, голубая лента черезъ плечо. Высокій, стройный и красивый собою, съ орлинымъ взглядомъ и величественною поступью, онъ выдѣлялся изъ массы слѣдовавшихъ за нимъ принцевъ и генералитета, видно было, что это—Царь. Едва Государь показался съ крыльца, войска взяли на караулъ и народъ восторженно его привѣтствовалъ.

— Какой молодецъ! какой красавецъ! кровь съ молокомъ! Дай ему Богъ здоровья! слышались восклицанія изъ толпы.

За Государемъ слѣдовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, иностранные принцы и свита.

— Нашъ москвичъ! землякъ! Коренной кремлевскій Царевичъ! Эхъ, какъ выровнялся-то! Весь въ Отца! встрѣчала толпа наслѣдника.

— Нашъ зять! Пятый сынъ Царя! И съ виду какъ будто русскій!—летѣли возгласы по адресу герцога Лейхтенбергскаго.

— Смотри, толкнулъ меня Назаровъ,—вотъ идетъ фельдмаршалъ князь Варшавскій! Это—князь Петръ Михайловичъ Волконскій! Это—графъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь! Это—князь Голицынъ! Это—графъ Орловъ-Денисовъ! Это — графъ Паленъ! указывалъ онъ на сопровождавшихъ государя генераловъ.

Глаза мои перебѣгали съ одного лица на другое, я припоминалъ 1812 годъ, Варшаву, Кавказъ и событія, въ которыхъ они участвовали. Какое-то теплое хорошее чувство наполняло душу, я видѣлъ всѣхъ этихъ тузовъ земли русской, и хотя физіономіи нѣкоторыхъ изъ нихъ не располагали къ себѣ, я все-таки считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Первыя сильныя впечатлѣнія невольно овладѣваютъ душой и упоютъ ее.

При входѣ въ Успенскій соборъ, Императоръ былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ тремя епископами и всѣмъ церковнымъ клиромъ и, приложась ко св. Кресту, вступилъ въ соборъ,

при пѣніи тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя». Послѣ молебствія, Государь прослѣдовалъ мимо Грановитой палаты въ Терема, а оттуда въ Верхо-Спасскій соборъ и въ церковь Рождества Богородицы.

Вечеромъ у матери Назарова собралось большое общество. Было нѣсколько профессоровъ, студентовъ, два доктора и пасторъ. Позднѣе пріѣхалъ плацъ-адъютантъ комендантскаго управленія, разсказавшій, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ о комендантѣ, генералѣ Стаалѣ.

Отъ одного изъ полковъ, расположенныхъ въ Москвѣ, поступилъ въ ордонансъ-гаузъ рапортъ, въ заголовкѣ котораго, вмѣсто словъ: московскому коменданту, стояло: «московскому комедіанту». Можетъ быть, это была, просто, описка писаря, но комендантъ, суровый службистъ и педантъ, прочитавъ бумагу, ужасно разсердился. «Они мнѣ пишутъ, что я—комедіантъ, кричалъ онъ, дрожа отъ гнѣва, я имъ покажу, что я за комедіантъ». И, вытребовавъ къ себѣ полковаго адъютанта, посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли, а командиру полка приказалъ объявить выговоръ.

Московскіе скалозубы, любившіе посмѣяться, довели о случившемся до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича.

Его высочество послалъ за комендантомъ и тотъ тотчасъ явился, догадавшись въ чемъ дѣло, встревоженный и хмурый.

— Что это ты, Карлъ Густафычъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ,—обратился къ нему шутливо великій князь:—это тебѣ не къ лицу, это вовсе не твоя роль...

— У меня одна роль, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ генералъ Стааль:—роль московскаго коменданта, которую я и исполняю по мѣрѣ моихъ силъ и способностей.

— Да ты не сердись на меня, пожалуйста, — разсмѣялся Михаилъ Павловичъ:—я знаю, что ты строгій комендантъ, но не будь же черезчуръ строгимъ.

Генералъ Стааль улыбнулся.

— Ну, вотъ видишь, ты самъ согласенъ, что черезчуръ строгимъ быть не слѣдуетъ, а ты съ адъютанта слишкомъ строго взыскалъ.

— Нельзя же, ваше высочество, дозволить смѣяться надъ званіемъ, которое я ношу по волѣ моего всемилостивѣйшаго Государя.

— Нельзя, Карлъ Густафычъ, но все-таки лучше бы было, если бы ты отпустилъ его ночевать домой.

Комендантъ молчалъ; ему, очевидно, не хотѣлось освободить офицера, но и возражать онъ не рѣшался. Тогда великій князь положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Сегодня въ Москвѣ праздникъ, Карлъ Густафычъ, ради этого праздника поди выпусти его.

Комендантъ, понимая буквально слова великаго князя, самъ лично отправился на гауптвахту и освободилъ изъ-подъ ареста адъютанта.

Чрезъ нѣсколько дней вступили въ Москву гвардейскія войска, находившіяся на маневрахъ подъ Бородинымъ. Первопрестольная встрѣтила ихъ вполнѣ по родственному: клики, привѣтствія, маханье шляпами и платками сопровождали это вступленіе. Гвардейскіе солдаты, въ высокихъ того времени киверахъ, казались великанами, но особенно громаднымъ ростомъ выдѣлялся тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка, который, какъ говорили, имѣлъ около семи футовъ росту. Большинство солдатъ были старые ветераны со множествомъ медалей и крестовъ на груди. Москва любитъ все величественное и грандіозное, и гиганты эти ей нравились. Они, въ теченіи своего кратковременнаго въ ней пребыванія, собирали вокругъ себя толпы народа и становились предметомъ всевозможныхъ бесѣдъ и угощеній. Нѣкоторые москвичи приглашали ихъ къ себѣ въ дома, угощали и дарили деньгами. Говорили даже, что солдаты въ двухъ-трехъ домахъ были приглашены въ воспріемники дѣтей и крестили, но на зубокъ получили не родильницы, а крестные отцы. Это выходило уже совсѣмъ по-московски!

Нѣсколько молодыхъ людей, интересовавшихся событіями 14 декабря 1825 года, о которыхъ въ то, запретное, время, никто ничего достовѣрнаго не зналъ, устроили вечеръ въ честь ветерановъ. Я былъ на этомъ вечерѣ съ Назаровымъ. Мы пришли часовъ въ 7 вечера, общество было уже въ сборѣ и пиръ начатъ на славу. Нѣсколько нумеровъ въ меблированныхъ комнатахъ г. Линденбаумъ на Никитской, гдѣ обыкновенно ютились студенты и другая молодежь, было обращено въ одно помѣщеніе. Ветераны разныхъ полковъ въ перемежку съ молодежью сидѣли на стульяхъ, на окнахъ и на студенческихъ постеляхъ (мебели было мало) съ трубками въ рукахъ, у нѣкоторыхъ мундиры были сняты, у другихъ растегнуты. Пили и закусывали безъ церемоній. Пили кому что нравилось: водку, пиво, пуншъ, вино. Бесѣда шла пріятельская и шумная: русскій солдатъ во всякомъ обществѣ осванвается чрезвычайно скоро, со студентами же, какъ съ товарищами по оружію (студенты тогда имѣли мундиры и шпаги) старики-ветераны стали на короткую ногу съ перваго же раза.

Меня сначала удивила подобная компанія, но когда мнѣ объяснили цѣль, я сѣлъ и сталъ слушать. Студенты разспрашивали, солдаты отвѣчали, но съ такой осторожностью, что изъ ихъ разсказовъ о ходѣ самаго событія ничего нельзя было понять. Они говорили только о «молодомъ Императорѣ» и восхищались его мужествомъ и смѣлостью.

— Мы присягнули ему безъ замінки, ораторствовалъ старикъ преображенецъ. 14 декабря, утромъ, насъ потребовали ко дворцу. Спѣшно, на-ходу застегиваясь, мы вышли, взяли ружья на плечо и маршъ на площадь. Пришли и выстроились правымъ флангомъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, спиной къ комендантскому подъѣзду; смотримъ, у воротъ стоитъ куча народу и больше простаго, а въ серединѣ молодой Императоръ въ измайловскомъ мундирѣ, съ лентою черезъ плечо, но безъ шинели, одинъ одинешекъ, стоитъ и читаетъ народу манифестъ о восшествіи своемъ на престолъ: мы только диву дались, никогда ничего подобнаго не слыхивали и не видывали. Прискакалъ Нейдгартъ, отрапортовалъ что-то, и Государь, обратясь къ толпѣ, заявилъ, что московцы (Московскій гвардейскій полкъ) не признаютъ его царемъ и бунтуютъ. Народъ заволновался и закричалъ, что никого не допуститъ до него и никому его не выдастъ! «Спасибо, ребята, — отвѣчалъ Царь:—хотѣлъ бы, за ваше ко мнѣ расположеніе перецѣловать васъ всѣхъ, но, сами знаете, не могу, а потому поцѣлую ближайшихъ ко мнѣ, а они уже передадутъ мой поцѣлуй и остальнымъ». И онъ обнялъ и поцѣловалъ двухъ-трехъ человѣкъ, стоявшихъ впереди. «Теперь, — продолжалъ Царь:—не мѣшайте мнѣ распорядиться войскомъ и идите съ Богомъ по домамъ»! И народъ отхлынулъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ намъ, и, поздоровавшись, спросилъ: «Готовы-ли мы идти за нимъ куда велитъ»? Мы отвѣчали: «Хотя на край свѣта! Рады стараться! Рады умереть за васъ, ваше императорское величество!». Тогда онъ велѣлъ зарядить ружья боевыми патронами, скомандовалъ: «Къ атакѣ, въ колонну стройся! Четвертый и пятый взводы прямо! Скорымъ шагомъ, маршъ»! И повернувъ насъ направо, велѣлъ полковому нашему командиру Исленеву вести насъ къ Сенатской площади, гдѣ стояли мятежники. Мы тронулись, при немъ осталась только одна рота, съ которой онъ потомъ, сѣвъ на лошадь, и прибылъ на сенатскую площадь. Мы первые присягнули ему, мы первые встали за него, мы первые пошли за него на мятежника, и онъ за то любитъ насъ и зоветъ не иначе, какъ «моя семья»!

— Первыми встали за него финляндцы (Финляндскій гвардейскій полкъ),—перебилъ преображенца егерь:—рота финляндцевъ въ карауль пришла, еще васъ не было, онъ вышелъ къ ней и она первая отдала ему императорскую честь, салютовала знаменемъ и била походъ. Первымъ словомъ новаго Царя къ войскамъ былъ его вопросъ финляндской ротѣ: «Присягнула-ли она ему и знаетъ-ли, что присяга ему совершена по волѣ его брата, цесаревича Константина»? Финляндцы отвѣтили, что присягнули и знаютъ. Тогда, значитъ, вамъ надо показать мнѣ вѣрность на дѣлѣ,—заговорилъ молодой Императоръ:— московцы шалятъ, не перенимать у нихъ, дѣлать дѣло молодцами! Готовы-ли вы стоять и умереть за меня»? Финляндцы закричали: «Ура, Николай»! Тогда онъ велѣлъ зарядить имъ ружья и самъ отвелъ ихъ къ главнымъ воротамъ дворца. А затѣмъ уже обратился къ народу и сталъ читать манифестъ.

— Ну, это все равно, кто первый сталъ, кто послѣдній,—вмѣшался въ споръ солдатъ студентъ Стаховичъ:— дѣло въ томъ, что стали за Царя, поэтому я предлагаю выпить за его здоровье.

Раздалось «ура»! и стаканы были опорожнены.

— Все время онъ держалъ себя молодцомъ, истинно по-царски, заговорилъ семеновскій фельдфебель, затянувшись жуковскимъ табакомъ изъ громадной трубки:— встрѣтя гренадеръ, бѣжавшихъ на мѣсто бунта, онъ хотѣлъ остановить ихъ и закричалъ: «стой»! Гренадеры ему отвѣчали: «мы не за тебя, за Константина»! «Ну, когда такъ, то вотъ вамъ дорога»!—воскликнулъ Николай и указалъ имъ на Сенатскую площадь. Гренадеры проходили по обѣ стороны сидѣвшаго на конѣ Царя, нѣкоторые задѣвали амуниціей ему за ноги. Нужно мужество, что бы находиться одному среди обезумѣвшихъ бунтовщиковъ, и полное хладнокровіе. Или вотъ, когда мятежники стрѣляли по нашимъ на Сенатской площади и нѣкоторые молодые солдатики сторонились отъ пуль, онъ выскакалъ впередъ за ряды войскъ и сталъ, какъ на разводѣ, впереди всѣхъ. Развѣ это не храбрость?.. храбрость!

— Нѣтъ, лучше всего, какъ онъ обрѣзалъ нѣмца — засмѣялся преображенецъ: кавалеръ какой то иностранный, говорили даже посланникъ, подошелъ къ нему на Сенатской площади и говоритъ: «Мы за васъ, государь, мы вамъ поможемъ если хотите»! Такъ онъ его такъ турнулъ, что тотъ едва пятки унесъ. «Убирайтесь, крикнулъ:—это дѣло не ваше, это дѣло мое, чисто семейное, я его и безъ васъ устрою». Молодецъ, право!

— А правда-ли, что дворецъ то, какъ говорятъ, чуть не захватили мятежники? — спросилъ одинъ изъ устроителей вечера Вольскій.

— Нѣтъ, саперы не допустили!—отозвался семеновецъ:—саперы за полчаса раньше заняли дворецъ, они стояли уже у главныхъ воротъ, на государевомъ и посольскомъ подъѣздахъ, какъ прибѣжали мятежные гренадеры. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ ихъ командиръ, подумалъ, подумалъ, да и махнулъ рукой. «Это не наши, ребята»,— сказалъ онъ и повелъ своихъ на Сенатскую площадь.

Студентъ Обрушинъ предложилъ выпить за саперъ. Выпили.

— А правда-ли, что Наслѣдника выносили изъ дворца подъ защиту войскъ?—спросилъ Стаховичъ.

— Это чистая выдумка! — возразилъ преображенецъ: — послѣ усмиренія мятежа, когда Государь возвратился во дворецъ, онъ пожелалъ показать войскамъ своего сына. Царскій камердинеръ вынесъ его на рукахъ, и молодой Императоръ, передавая его на руки георгіевскимъ кавалерамъ, просилъ полюбить его, какъ онъ самъ ихъ любитъ. Потомъ вызвалъ отъ каждой роты по одному человѣку и велѣлъ Наслѣднику поцѣловать ихъ. Конечно, войска были въ восторгѣ, солдаты цѣловали ручки и ножки Наслѣдника престола, а онъ, поцѣловавъ одного солдата, схватилъ за носъ, а другого за баки. Потомъ вдругъ отнявъ ручку, — сказалъ: «Какіе жесткіе у тебя волосы!» А теперь, смотри, какой молодецъ!

Студентъ Мухинъ предложилъ выпить за «молодца Наслѣдника» и всѣ чокнулись и выпили.

На вопросы о числѣ мятежниковъ, ихъ планахъ и цѣляхъ, солдаты отвѣчали: «А кто ихъ знаетъ, намъ не вѣдомо».

Пробило 8 часовъ — и солдаты стали собираться домой, «на перекличку», какъ выразился егерь. Одѣвшись, они очень вѣжливо поблагодарили хозяевъ за хлѣбъ-соль, водку и табакъ. Студенты дружески пожали имъ руки и подарили на память студенческаго, какъ выразился Вольскій, побратимства по фунту жуковскаго табаку, а фельдфебелю, кромѣ того, и большую пѣнковую трубку. Обрушинъ предложилъ выпить «отвальную». Выпили и разошлись.

Описаніе этого вечера, конечно, болѣе подробное приведеннаго мною, было составлено распорядителями его, и циркулировало потомъ въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи. Для людей конца XIX вѣка подобныя приглашенія и распросы солдатъ могутъ казаться крайне неумѣстными, смѣшными и даже глупыми, но для того,

запретнаго, времени они являлись единственнымъ источникомъ для уясненія интересовавшихъ общество событій и были пикантной новостью дня, о которой говорили и вспоминали потомъ долго. Я же записалъ объ этомъ просто, какъ объ историческомъ фактѣ.

10 сентября совершена закладка храма Христа Спасителя на берегу рѣки Москвы, близъ Каменнаго моста. Мысль о постройкѣ храма принадлежитъ императору Александру I. Въ благодарность Господу Богу за изгнаніе изъ Россіи французовъ въ 1812 году, онъ положилъ воздвигнуть храмъ, который бы выражалъ собою идею благодарности неисповѣдимому Промыслу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминалъ потомству о доблестныхъ дѣяніяхъ его предковъ. Въ манифестѣ о созданіи храма, состоявшемся 25 декабря 1812 года, говорилось между прочимъ: «И да стоитъ храмъ сей многіе вѣка, и да курится въ немъ, предъ святымъ Престоломъ Божіимъ, кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ». Храмъ этотъ первоначально предполагалось построить на Воробьевыхъ горахъ по проекту академика живописи Карла Витберга. Проектъ талантливаго, но несчастливаго художника представлялъ феноменально-рѣдкое явленіе. Предполагалось воздвигнуть трехъ-этажный храмъ, вышиною 110 саженъ, съ колоннадою по обѣимъ сторонамъ храма въ 300 саженъ длины, а на концахъ ея—два памятника по 50 саженъ высоты каждый: одинъ изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятеля во время преслѣдованія его отъ Москвы до русской границы, другой—изъ пушекъ, взятыхъ у него во время похода отъ границы до Парижа. Зданіе гигантское, дѣлающее честь генію художника-мыслителя, но въ самомъ существѣ своемъ во многомъ неисполнимое. Укажу хотя на то обстоятельство, что мы не взяли у французовъ и ихъ союзниковъ въ войны 1812 — 1814 годовъ столько пушекъ, чтобы воздвигнуть изъ нихъ два памятника, по 50 саж. высоты каждый. Мѣстомъ для постройки избрали Воробьевы горы, но почва мѣстности, гдѣ предполагалось строить храмъ, оказалась впослѣдствіи неудобной—чрезвычайно рыхлою и не могущей выдержать тяжести колоссальной постройки. Самый способъ постройки храма рабами *) не могъ

---

*) Для земляныхъ работъ, добыванія матеріаловъ и постройки храма, куплено было коммиссіей для постройки храма 23.234 души помѣщичьихъ крестьянъ, которые и давали храму ежегодно 6.000 работниковъ.

гарантировать успѣшности и прочности работъ. Закладка храма на Воробьевыхъ горахъ была совершена 12 октября 1817 года, работы продолжались до 1825 года. Но «строитель, какъ выразился московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, хотѣлъ одинъ ѣсть хлѣбъ». А такъ какъ одному ѣсть хлѣба нельзя, когда вокругъ масса людей лязгаетъ зубами, то, конечно, начались пререканія, ссоры и кляузы, кончившіяся тѣмъ, что коммиссію сооруженія храма закрыли, членовъ ея предали суду, а строителя Витберга сослали въ Вятку. 4.132.560 р., израсходованныхъ коммиссіей на первоначальныя работы, списали со счетовъ, рабовъ-работниковъ передали въ казенное вѣдомство, остатки заготовленныхъ матеріаловъ частью продали, частью отдали погорѣльцамъ села Всесвятскаго, частью бросили. Въ тридцатыхъ годахъ дѣло постройки храма вступило въ новый фазисъ. Мѣсто для его сооруженія избрано императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Самый храмъ предположено соорудить въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, по проекту архитектора К. А. Тона. Для постройки храма учреждена новая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, работы начались въ 1838 году и ко времени закладки бутъ былъ положенъ и фундаментъ зданія высился выше уровня земли.

На торжество закладки я явился съ Назаровымъ. Мы пришли на мѣсто закладки утромъ рано, но народу было уже такъ много, что мы не могли найти мѣста, откуда можно было бы видѣть церемонію. Построенныя для публики особыя мѣста Москва раскупила заблаговременно, а за двѣ-три оставшіяся скамейки просили баснословно дорого. На мѣстѣ закладки бѣлѣлась довольно большая и хорошо выровненная горизонтальная плоскость съ выдающимися изъ земли очертаніями стѣнъ, окруженная массой строительнаго матеріала. Надъ этой плоскостью высилась обширная богато убранная палатка, съ настланными до нея мостками, покрытыми краснымъ сукномъ. Справа отъ палатки виднѣлся простой, топорной работы деревянный крестъ, рабочіе наполняли дворъ храма, что-то носили, что-то двигали, что-то убирали. День, не смотря на сентябрь, выпалъ солнечный, безвѣтряный и теплый. Городъ убрался по праздничному: въ окнахъ и на балконахъ домовъ виднѣлись разноцвѣтные ковры, цвѣты и зелень. Не найдя мѣста около храма, мы отправились искать его на Красную площадь, обошли Кремль и пристроились на грудѣ строительныхъ матеріаловъ близъ Спасскихъ воротъ.

На всемъ протяженіи отъ Успенскаго собора до мѣста закладки стояли шпалерами войска, сперва кавалерія, потомъ пѣхота. Народъ запружалъ всѣ улицы и Красную площадь. По совершеніи божественной литургіи митрополитомъ Филаретомъ въ Успенскомъ соборѣ, началось церемоніальное шествіе съ хоругвями и чудотворными иконами Бомоматери Владимірской и Иверской. Процессія слѣдовала изъ Кремля, чрезъ Никольскія ворота, по линіи стѣнъ Кремля, мимо Спасскихъ воротъ, по набережной Москвы рѣки и Пречистенкѣ. Первые ея ряды вышли на Красную площадь около полудня. Во главѣ процессіи шли инвалиды 1812 года, потомъ коммиссія для постройки храма, далѣе длинный рядъ придворныхъ и другихъ чиновъ, камеръ-юнкеровъ, камергеровъ, сенаторовъ, генераловъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года, среди которыхъ особенное вниманіе обращали на себя Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, графъ М. С. Воронцовъ, графъ А. И. Чернышевъ, князь И. Ѳ. Паскевичъ, графъ К. Ѳ. Толь, князь П. М. Волконскій, графъ П. П. Паленъ, графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, П. А. Тучковъ и др. Потомъ слѣдовало духовенство, пѣвчіе, хоругви, образа, ряды діаконовъ, священниковъ и іеромонаховъ, архимандриты, епископы и митрополитъ Филаретъ. За митрополитомъ изволилъ шествовать государь императоръ Николай Павловичъ, съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, эрцъ-герцогъ Австрійскій, принцы Прусскій, Нидерландскій и Виртенбергскій и свита Его Величества и адъютанты принцевъ и герцоговъ, министры, члены государственнаго совѣта и другіе сановники. Колокольный звонъ всѣхъ церквей столицы, отданіе чести войсками, преклоненіе знаменъ, музыка, команда и барабанный бой, шитые золотомъ мундиры, плюмажи и перья шляпъ, звѣзды, ленты, ордена, эполеты, каски, кивера, парчевыя ризы священнослужителей, нарядные кафтаны купечества, все это вмѣстѣ взятое усугубляло торжественность минуты и производило сильное впечатлѣніе. При приближеніи процессіи, вся масса народа, какъ бы по командѣ обнажила головы и осѣнилась крестнымъ знаменіемъ. Нѣкоторые благочестиво вспоминали покойнаго императора Александра Благословеннаго и молились за упокой его души. Болѣе часу прошло, пока вся процессія прослѣдовала мимо.

Мы не дождались обратнаго шествія процессіи, сочтя за лучшее заблаговременно выбраться изъ окружающей толпы, и отправились домой.

Вечеромъ студентъ Вольскій, бывшій на мѣстѣ закладки храма, говорилъ, что въ основаніе храма положенъ Государемъ камень съ предметами закладки храма въ 1817 году и крестообразно вырѣзанной доской съ двумя плитками, изъ коихъ одна съ его именемъ, а другая—съ именемъ Императрицы. Подобныя же плитки съ своими именами положили: Наслѣдникъ Цесаревичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцоги, принцы и митрополитъ. Кромѣ того положено: 30 золотыхъ полуимперіаловъ, 24 серебряныхъ пятизлотника, и по 60 четвертаковъ, двугривенныхъ, пятиалтынныхъ и гривенниковъ, всѣ монеты чекана 1839 года. Митрополитъ Филаретъ произнесъ при этомъ рѣчь—одинъ изъ шедевровъ духовнаго краснорѣчія, въ которой сравнилъ императора Николая съ царемъ Соломономъ, такъ какъ на долю ихъ обоихъ выпало счастье воздвиженія храмовъ Богу Истинному, тогда какъ мысль о созданіи храмовъ принадлежала ихъ вѣнценоснымъ предшественникамъ.

На другой день, бывши въ гостяхъ у А. П. Шестова (извѣстнаго впослѣдствіи московскаго городскаго головы), я слышалъ отъ него, что Государь, послѣ закладки храма, бесѣдуя съ княземъ С. М. Голицынымъ, изволилъ отозваться: «Вотъ владыко сравнилъ меня съ Соломономъ, которому послѣ царя Давида, какъ и мнѣ послѣ брата Александра, предопредѣлено было свыше возсоздать храмъ Богу Истинному. Не знаю, удастся-ли мнѣ создать въ Москвѣ такой же великолѣпный храмъ, какъ создалъ Соломонъ въ Іерусалимѣ; но знаю, что рядомъ съ храмомъ во имя Христа Спасителя, я не воздвигну уже храма Ваалу. Для меня нѣтъ Бога иного, кромѣ Бога Истиннаго».

Въ память торжества закладки храма выбита медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ, какъ на медали 1812 года, Всевидящаго Ока, съ надписью: «Не Намъ, не Намъ, а имени Твоему», а съ другой—вида строющагося храма и надпись: «Завѣщалъ Александръ, началъ исполненіе Николай I».

Во все время нахожденія царя въ Бѣлокаменной, Москва веселилась до упаду. Выходы во дворцѣ, обѣдъ у генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, дворянскій балъ, вечеръ въ только что открытомъ въ Петровскомъ паркѣ вокзалѣ, который удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Государь Императоръ, составляли такія крупныя событія для Москвы, что они многіе годы были въ памяти добродушныхъ москвичей, и для многихъ составили эпоху жизни. Гвардейскихъ войскъ Москва послѣ того не видала долго, именно до коронаціи Императора Александра II въ 1856 году. А это чего-нибудь стоитъ.

Но и гвардейцамъ не могла не быть памятна Москва. Не говоря уже о томъ, что доступно каждому большому цивилизованному городу, первопрестольная давала своимъ гостямъ такія своеобразныя, исключительно мѣстныя удовольствія, о которыхъ иныя цивилизованныя страны не имѣютъ даже понятія. Я говорю о цыганахъ и медвѣжьей травлѣ.

Цыгане составляли исконную славу и гордость Москвы. Ихъ хоры извѣстны были, по слухамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ. Но жили они постоянно въ Москвѣ. Гастроли ихъ, а потомъ и самое переселеніе въ Петербургъ и другіе наши города начались не ранѣе сороковыхъ годовъ. Поэтому, не только гвардейскій офицеръ или петербургскій администраторъ и магнатъ, но каждый пріѣзжавшій въ Москву иностранецъ-художникъ, музыкантъ или писатель, считали долгомъ послушать «дикую пѣсню» цыганъ, полюбоваться ихъ «огневою» пляскою. Знаменитый виртуозъ-піанистъ Листъ, какъ извѣстно, въ день перваго своего концерта въ московскомъ дворянскомъ собраніи, былъ увезенъ къ цыганамъ и тамъ такъ заслушался и увлекся ихъ пѣніемъ, что заставилъ собравшуюся въ концертъ публику ждать себя болѣе часа. За то первой его піесой, которую онъ сыгралъ въ концертѣ, по возвращеніи отъ цыганъ, была его извѣстная импровизація на цыганскіе мотивы, доставившая ему самыя восторженныя овваціи. У цыганъ по недѣлямъ пропадали раскутившіеся бары. Самъ А. П. Ермоловъ иногда наѣзжалъ въ таборъ. Онъ любилъ безшабашную разнузданную пляску и гики цыганскихъ пѣсенъ. Узнавъ, что извѣстный организаторъ цыганскаго хора Илья Соколовъ задумалъ отправиться съ хоромъ въ Петербургъ, онъ пріѣхалъ къ нему и долго уговаривалъ не дѣлать этого, чтобы не подорвать славы московскаго табора. Когда же Соколовъ, прельстясь на заманчивыя предложенія, поѣхалъ въ Петербургъ съ лучшими солистками хора, онъ съ горечью упрекалъ оставшагося въ Москвѣ его племянника и пророчески говорилъ: «Будете кочевать — пропадете, сядете въ Москвѣ осѣдло—будете благоденствовать».

Медвѣжья травля была также исконное наслѣдіе добраго стараго времени. Изстари наши бояре, служивые и посадскіе люди любили всякіе схватки и бои, будь это бой кулачный, травля дикаго звѣря или бой пѣтушиный. Всякая подобная потѣха имѣла своихъ поклонниковъ и собирала сотни, а иногда и тысячи людей. До нынѣ еще памятны Москвѣ кулачные бои, которые устраивалъ въ началѣ текущаго столѣтія вельможа, графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій. Со време-

немъ, конечно, потѣхи и забавы эти замѣнялись болѣе утонченными, но въ 1839 году въ Москвѣ не только существовали кулачные бои и травля медвѣдей, быковъ и кабановъ собаками, но послѣдняя возбуждала большое вниманіе общества и служила предметомъ оживленнаго спорта. Для нея былъ выстроенъ особый амфитеатръ за Рогожской заставой, и тамъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ давались кровавыя зрѣлища. Какъ сейчасъ вижу этотъ амфитеатръ. Версты полторы или двѣ отъ заставы, вправо, стояло небольшое деревянное одноэтажное зданіе. Нѣчто въ родѣ цирка, съ круглою ареною посрединѣ, — жалкая пародія на амфитеатры для боя быковъ въ Испаніи. Арена, выравненная и посыпанная пескомъ, имѣла пространство не болѣе 200—300 квадратныхъ сажень и была обнесена высокимъ барьеромъ, вокругъ котораго шли въ два ряда мѣста для зрителей. Противъ входа въ мѣста устроены были ворота для выпуска звѣрей, а справа дверцы для вывода собакъ. Нужно думать, что учрежденіе это процвѣтало, такъ какъ цѣны на мѣста назначены были, относительно того времени, довольно высокія, именно: первое мѣсто—два рубля, а второе—одинъ рубль. Самыя афиши о травлѣ звѣрей составлялись курьезно и по смыслу, и по своему типичному, неподражаемому языку. Вотъ что, напримѣръ, гласили сентябрьскія афиши 1839 года. «Амфитеатръ за Рогожской заставой. 3 сентября, въ воскресенье, будетъ большая травля разныхъ звѣрей лучшими меделянскими собаками и англійскими мордашками напускомъ по охотѣ. Вновь привезенный ужаснаго роста медвѣдь, называемый «Давило», будетъ травиться отличными меделянскими собаками на залогъ на 100 рублей. Названныя собаки: первая привезенная изъ Рязани, «Халуй», вторая здѣшняя «Бушуй». Начало въ 5 часовъ. Приписка: «оный медвѣдь будетъ привязанъ на полной свободѣ». 10, 14 и 17 сентября, послѣ такого же, какъ выше приведено, вступленія о травлѣ разныхъ звѣрей, въ афишахъ говорилось: «Охотники приглашаются съ своими собаками. Извѣстный охотникъ Богатыревъ будетъ пускать своихъ собакъ, между прочимъ, будетъ травиться дикой черноморской быкъ меделянскими собаками и англійскими мордашками. Сего быка собаки непремѣнно должны, по договору съ охотниками, побѣдить. Въ заключеніе будетъ травиться ужаснаго роста и свирѣпости такъ-называемый «Хрякъ» или «Кабанъ». Дикіе кабаны водятся въ непроходимыхъ лѣсахъ; охотники кабановъ ловятъ или убиваютъ оныхъ съ большою опасностью; увѣряютъ, что не могутъ оныхъ взять меделянскія собаки

и англійскія мордашки. Содержатель, желая доставить удовольствіе посѣтителямъ, любящимъ полную охоту, нашелъ злѣйшаго русскаго кабана и будетъ пускать на онаго своихъ собакъ для драки; сперва пустятся англійскія мордашки, если не одолѣютъ, подпустятъ на помощь меделянскія собаки. Будетъ пущено на кабана не болѣе трехъ собакъ».

Вотъ эти то злачныя мѣста наиболѣе, чѣмъ обычныя для джентльменовъ удовольствія, влекли къ себѣ прибывшихъ въ Москву гостей. Блестящіе гвардейскіе офицеры и придворные кавалеры не желали уступать московскимъ толстосумамъ ни въ чемъ въ области общедоступныхъ развлеченій и, поэтому, у цыганокъ и на травлѣ, какъ вездѣ, каждый хотѣлъ торжествовать, шли споры, держались пари, бросались деньги на вѣтеръ, но бралъ верхъ и торжествовалъ тотъ, кто могъ болѣе бросить. Всѣ эти Маши, Стеши и Любаши—тогдашнія цыганскія солистки, всѣ эти «Давилы», «Халуи» и «Бушуи» стоили тысячъ и, поэтому, гости Москвы должны были ее помнить, и даже не менѣе, чѣмъ она ихъ. Воспоминанія объ утраченныхъ кошелькахъ иногда живутъ долѣе, нежели воспоминанія о сердечныхъ пріемахъ великосвѣтскихъ красавицъ. Графъ М. С. Воронцовъ проигралъ «извѣстному охотнику Богатыреву» почти мимоходомъ предложенное имъ пари за мордашку въ 10.000 рублей. Эгому вельможѣ-богачу ничего незначило проиграть подобную сумму, но были другія пари, проигрышъ которыхъ заставилъ нѣкоторыхъ лицъ поѣхать вмѣсто Петербурга—въ деревни.

Эстетическихъ удовольствій для своихъ высокихъ гостей Москва приготовила не особенно много. Не смотря на то, что въ составѣ ея драматической и другихъ труппъ императорскаго театра находилось тогда очень много даровитыхъ артистовъ и артистокъ, какъ, напримѣръ: Щепкинъ, Мочаловъ, Никифоровъ, Самаринъ, Шумскій, Усачевъ, Садовскій, Ленскій, Живокини, Лавровъ, Бантышевъ, Сабурова, Львова-Синецкая и Н. Рѣшина, во все время пребыванія Государя въ Москвѣ, дирекціей театровъ было поставлено только на большомъ театрѣ два спектакля, и на маломъ—три. На первомъ 7 сентября, шла историческая быль Н. А. Полевого «Дѣдушка русскаго флота» и, 8 сентября, опера А. Н. Верстовскаго «Тоска по родинѣ». На послѣднемъ же французскою труппой, съ только что вернувшейся изъ Парижа m-lle Констансъ, исполнены піесы: «Riquiqui» (9 сентября) и два раза «Leqain a Draguigon», (6 и 13 сентября). Кромѣ того, виртуозъ императора австрійскаго и первый теноръ миланской сцены, г. Поджи, далъ два музыкальныхъ утра

въ фойе большаго театра 6 и 9 сентября. Конечно, все это слишкомъ мизерно, но нельзя не принять во вниманіе, что открытіе въ то время спектаклей зимняго сезона происходило гораздо позднѣе, чѣмъ нынѣ, а именно: 15 сентября, т.-е. когда Государь и другіе высокіе посѣтители изъ Москвы уже выѣхали.

За то аристократическихъ баловъ было много. Пользуясь нахлынувшею въ Москву массой военной и придворной молодежи, высшее общество танцовало до упаду. Кромѣ упомянутыхъ выше баловъ московскаго дворянства и въ вокзалѣ Петровскаго парка, были еще балы: 6 сентября, у хозяина Москвы, князя Д. В. Голицына, и, 9 сентября, у князя С. М. Голицына. Государь Императоръ съ великими князьями, принцами и герцогами, удостоивалъ всѣ эти балы своимъ посѣщеніемъ, и своей простотой и милостивымъ вниманіемъ придавалъ имъ особый блескъ и оживленіе.

4 сентября, въ высочайшемъ присутствіи, состоялся разводъ отъ 2 учебнаго карабинернаго полка, а 6—ученье батальону кадетъ московскаго кадетскаго корпуса. 5 сентября государь изволилъ быть въ Екатерининскомъ и Александровскомъ институтахъ благородныхъ дѣвицъ и посѣтилъ Маріинскую больницу, 6—обозрѣвалъ арсеналъ, 7—воспитательный домъ и Александровскій сиротскій институтъ, 8 — вдовій домъ. Москва съ утра до вечера стояла на ногахъ. Кремль, улицы и мѣстности, гдѣ проѣзжалъ, или куда пріѣзжалъ Государь, были буквально залиты тысячами народа. Одно его появленіе электризовало массы и восторженные клики «ура»! гремѣли и, какъ раскаты эхо, неслись за его экипажемъ изъ одного конца города до другого. Иногда, вслѣдствіе скопленія народныхъ массъ, проѣздъ Государя замедлялся. Толпа обступала коляску Царя со всѣхъ сторонъ, нѣкоторые смѣльчаки вскакивали на подножку и цѣловали руки и края одеждъ любимаго монарха съ благоговѣніемъ. Государь милостиво раскланивался на всѣ стороны, иногда говорилъ народу свое «спасибо», и разъ какъ-то, на углу Охотнаго ряда и Тверской, просилъ толпу разступиться и пропустить его, иначе онъ опоздаетъ пріѣхать къ назначенному имъ часу.

Многіе обращались къ великодушію и милосердію Самодержца. Такъ, въ проѣздъ его величества къ разводу 2 учебнаго карабинернаго полка, на Воскресенской площади, палъ передъ коляской Государя убѣленный сѣдинами старецъ въ дворянскомъ мундирѣ и, воздѣвъ къ нему руки, взывалъ о милости. Николай Павловичъ приказалъ остановить коляску, подозвалъ къ себѣ старика, выслу-

шалъ его жалобу на обиды и притѣсненія родственниковъ, завладѣвшихъ его имѣніемъ, во время службы его на Кавказѣ и милостиво спросилъ его.

— А есть у тебя прошеніе ко мнѣ?

— Какое можетъ быть, ваше императорское величество, прошеніе у стараго солдата! — отвѣчалъ обласканный старикъ: — подавалъ я десятокъ прошеній въ разные суды на твое имя, Государь, и ни на одно не получилъ удовлетворенія. Что дѣлать, лично рѣшился предстать предъ твои свѣтлыя очи: какъ ты рѣшишь, надежа-государь, такъ ужъ пусть и будетъ.

— Хорошо,— отвѣтилъ благосклонно государь:— ступай во дворецъ и жди меня.

Возвратясь съ развода, царь повелѣлъ выдать старику (какъ говорили тогда, капитану Θирсову), изъ собственной шкатулки 500 рублей, а дѣло его вытребовать и разсмотрѣть въ Петербургѣ.

— Поѣзжай съ Богомъ домой — трепалъ старика по плечу Государь на прощанье: — а чѣмъ будетъ рѣшено твое дѣло — я тебя увѣдомлю.

Также онъ принялъ у вдовьяго дома и также благосклонно выслушалъ просьбу престарѣлой вдовы — солдатки о возвращеніи ей, для прокормленія ея на старости, сына-кантониста. Просьбу эту тоже приказалъ, какъ говорили потомъ, удовлетворить.

Вечеромъ 10 сентября, т.-е. въ день закладки храма Христа Спасителя, Москва была иллюминована. Кремлевскія стѣны со стороны сада и самый садъ, а также всѣ прилегающія къ Кремлю площади и улицы ярко освѣщались громадными щитами и транспарантами, составленными изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, и массой горѣвшихъ въ окнахъ зданій свѣчей, и на тротуарахъ — плошекъ. Народъ буквально затоплялъ кремлевскій садъ и всѣ окрестности, по которымъ въ нѣсколько рядовъ катались, въ экипажахъ, знать и лучшее общество столицы. Около 9 часовъ показался въ публикѣ ѣхавшій съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государь Императоръ, а вслѣдъ за нимъ и прочіе высокіе гости Москвы. Они прослѣдовали по всей цѣпи залитыхъ огнями стѣнъ Кремля и по нѣкоторымъ улицамъ, привѣтствуемые повсюду ликовавшимъ народомъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ.

11 сентября, московское купечество, съ Высочайшаго соизволенія, дало въ экзерциръ-гаузѣ обѣдъ прибывшимъ на закладку храма частямъ гвардейскихъ войскъ. Столы для нижнихъ чиновъ

были накрыты въ 4 ряда, по 16 столовъ, на 60 человѣкъ каждый. Въ концѣ же манежа распорядители устроили небольшое возвышеніе, убранное дорогими коврами и экзотическими растеніями, гдѣ накрыли завтракъ для свиты его величества и офицеровъ гвардейскаго отряда.

Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ и принцами, въ сопровожденіи генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, свиты и генералитета, изволилъ удостоить обѣдъ своимъ посѣщеніемъ.

У подъѣзда экзерциръ-гауза встрѣтили его величество московскій городской голова и депутація отъ купечества (устроителей обѣда). Войдя въ манежъ, Государь поздоровался съ войсками, и когда радостные клики: «здравія желаемъ, ваше императорское величество», потрясли стѣны зданія, послѣдовало приказаніе снять кивера и садиться за столы. Во время обѣда Царь съ сопровождавшими его лицами проходилъ по столамъ и, пробуя солдатскій борщъ и другія кушанья, изволилъ неоднократно изъявлять свое высокое удовольствіе хозяевамъ обѣда, и за радушіе пріема, и за усердное угощеніе солдатъ.

Обойдя всѣ ряды столовъ, Государь Императоръ милостиво разговаривалъ съ купечествомъ, и между прочимъ, изволилъ отозваться, что угощеніе солдатъ хлѣбомъ-солью, доказывающее гостепріимство жителей Москвы, столь пріятно, что онъ принимаетъ его такъ, какъ усердіе, лично его величеству оказанное. И тутъ же, потребовавъ вина, соизволилъ пить за здоровье московскаго купечества. Примѣру его послѣдовали великіе князья, герцогъ и принцы. Затѣмъ, побесѣдовавъ еще нѣсколько времени съ купечествомъ о развитіи торговли и фабричной промышленности въ Москвѣ и изъявивъ еще разъ свое высокое удовольствіе всѣмъ лицамъ, бывшимъ хозяевами обѣда, его величество изволилъ удалиться. Великіе же князья, герцогъ и принцы, а также генералъ-фельдмаршалъ, свита государя и генералитетъ, проводивъ Императора, возвратились въ экзерциръ-гаузъ и удостоили участія завтракъ, приготовленный для свиты и гвардейскихъ офицеровъ.

Солдаты гвардейскаго отряда, по прибытіи въ Москву, никакой службы не несли. Отбывъ бородинскіе маневры, продолжавшіеся нѣсколько недѣль, они получили отдыхъ и пользовались свободой осматривать городъ и навѣщать своихъ родныхъ и знакомыхъ. Великій

князь Михаилъ Павловичъ, главный начальникъ гвардейскихъ войскъ, предписалъ, чтобы гвардейскіе нижніе чины, при выходѣ изъ казармъ, были одѣты по формѣ, и, посѣщая родныхъ и знакомыхъ, въ питейные дома не ходили и вообще вели себя трезво и благочинно. И, дѣйствительно, случаевъ нарушенія дисциплины почти не было. Но въ семьѣ не безъ урода. Разъ какъ-то, великій князь Михаилъ Павловичъ около полудня ѣхалъ въ военный госпиталь, въ Лефортовѣ. Проѣзжая Нѣмецкой слободой, онъ встрѣтилъ небольшую кучку фабричныхъ и среди ихъ громко разсуждавшаго и помахивавшаго находившеюся въ рукахъ косушкой водки егеря.

— Это что такое!—закричалъ великій князь, остановивъ коляску, въ которой ѣхалъ съ какимъ-то генераломъ: — егерь, поди сюда!..

Солдатикъ, увидавъ грознаго царева брата, оторопѣлъ и, не зная что дѣлать, топтался на мѣстѣ.

— Что же ты нейдешь,—повторилъ великій князь:—поди сюда, я тебѣ приказываю!

— Боюсь, ваше императорское высочество, — лепеталъ егерь:—казнить будете.

— Да что же я, палачъ, что-ли! — вспылилъ великій князь:—поди сюда, говорю тебѣ! —И не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ коляски и пошелъ къ егерю на встрѣчу.

Егерь, видя, что спасенія нѣтъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Это что такое у тебя въ рукахъ?—вскричалъ великій князь, указывая но косушку.

— Косушка водки, ваше императорское высочество, которую я вотъ хотѣлъ роспить съ земляками.

— Развѣ ты не знаешь, что я приказалъ, чтобы вы въ Москвѣ по кабакамъ не ходили и не пьянствовали?

— Ваше высочество, я въ кабакѣ и не былъ, — проговорилъ какъ-бы съ упрекомъ егерь:—а косушку эту принесъ вотъ Тимонька, я же ее взялъ только въ руки и кое-что сказалъ, какъ пить надо вино съ толкомъ.

— И этого нельзя дѣлать,—сказалъ великій князь—ходить по улицамъ съ косушкою въ рукахъ.

Солдатикъ былъ шустрый и уже успѣлъ овладѣть самимъ собою. Улыбнувшись, онъ отвѣтилъ уже бойко.

— Не извольте безпокоиться, ваше высочество, вѣдь я самъ Пинетти. Вотъ вы изволите видѣть косушку водки, а другіе не

видятъ. Я васъ сейчасъ удостовѣрю. И солдатикъ, взявъ косушку, поднялъ, показалъ и громко просчиталъ: разъ, два, три! махнулъ рукой, повернулся около великаго князя — и косушка исчезла. Онъ самодовольно протянулъ впередъ обѣ руки и раскрылъ ладони, онѣ были пусты. Фабричные стояли въ нѣсколькихъ шагахъ, и великій князь изумился: куда солдатъ могъ дѣть косушку?

— Нѣтъ-ли у васъ, ваше высочество, какой-нибудь монеты, я вамъ покажу больше,—говорилъ уже самоувѣренно егерь.

Великій князь оглянулся на генерала. Тотъ вынулъ изъ кошелька рубль и подалъ.

Солдатикъ взялъ его между пальцами и съ тою же полуулыбкою проговорилъ:

— Смотрите, ваше высочество, изволите видѣть рубль—и онъ вытянулъ руку и показалъ монету. — Считайте, ваше высочество, разъ, два, три! Онъ махнулъ рукой, раскрылъ ладонь — и рубля не было.

Великій князь стоялъ въ изумленіи. Толпа прибывала.

— Позвольте, ваше высочество, это вы его спрятали, — говорилъ серьезно егерь и вынулъ рубль изъ-за ботфорта великаго князя.

Михаилъ Павловичъ разсмѣялся.

— Да онъ и въ самомъ дѣлѣ—Пинетти. А ну, повтори!

Солдатъ повторилъ фокусъ еще ловчѣе и вынулъ рубль изъ-за галстуха генерала.

Фабричные и народъ, котораго набралось уже довольно много, смѣялись.

— Ну, хорошо, Пинетти — отозвался великій князь: — возьми себѣ этотъ рубль на память и ступай гулять. Да только ты смотри у меня — пригрозивъ, разсмѣялся Михаилъ Павловичъ: — вовремя на мѣстѣ быть и въ порядкѣ!.. Не то, я тоже вѣдь Пинетти, возьму тебя, скажу: разъ, два, три!—и тебя не будетъ. Вынуть тебя, потомъ, пожалуй, изъ какой-нибудь гауптвахты. И великій князь сталъ садиться въ коляску.

— Не извольте безпокоиться!.. Благодарю покорно, ваше высочество! провожалъ его егерь.— Ребята, обратился онъ къ народу — «ура»! его высочеству!

И громкое «ура»! прокатилось вслѣдъ за удалявшеюся коляской.

Эпилогъ этой встрѣчи завершился въ госпиталѣ, гдѣ за обшлагомъ шинели великаго князя, когда ее сняли, оказазась сунутая егеремъ косушка.

— А! Это меня Пинетти наградилъ, разсмѣялся Михаилъ Павловичъ, и разсказалъ встрѣтившему его начальству о проказахъ егеря.

Случай этотъ переданъ былъ мнѣ однимъ изъ госпитальныхъ врачей, слышавшихъ его отъ самого великаго князя и подтвержденъ потомъ случайно встрѣтившимся очевидцемъ.

14 сентября, въ 9 час. вечера, Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы, а вслѣдъ за нимъ отбыли великіе князья, принцы и свита, гвардія тоже выступила и Москва погрузилась въ обычную дрему. Въ 9 часовъ вечера, въ то время, ея граждане предавались сну. Только полиція бодрствовала, и то не всегда и не вездѣ. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что зимою 1839 года, въ одну изъ ненастныхъ ночей, какіе-то шутники собрали и доставили къ дому оберъ-полиціймейстера двѣнадцать аллебардъ, похищенныхъ ими у спавшихъ будочниковъ.

Назаровы и Т. Н. Грановскій.

Т. Н. Грановскаго я встрѣчалъ въ Москвѣ, въ началѣ сорокового годовъ, у А. Н. Назаровой, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ Жаркова. Она имѣла двухъ сыновей, студентовъ, Василья и Павла Ивановичей, жившихъ съ нею, и дочь, выданную замужъ за какого-то тамбовскаго помѣщика. Я посѣщалъ Павла Ивановича разъ, а иногда и два въ недѣлю, чтобы набираться ума-разума. Онъ училъ меня русской словесности, давалъ читать книги и вообще руководилъ моими первыми шагами на поприщѣ жизни.

Первый разъ я видѣлъ Грановскаго въ небольшомъ кругу гостей Александры Никитишны, за вечернимъ чаемъ. Онъ уже тогда составилъ себѣ имя даровитаго ученаго; поэтому его встрѣчали съ особенной предупредительностью. Я зналъ его по наслышкѣ; говорили, что онъ умница, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, слѣдовательно, встрѣча съ нимъ представляла для меня двойной интересъ. Я вошелъ въ комнату несмѣло, конфузясь поклонился и сѣлъ въ уголкѣ. Тимофей Николаевичъ сидѣлъ у стола, вблизи хозяйки, рядомъ съ которою помѣщались двѣ какія-то молодыя дамы, почтенный старичокъ, съ титуломъ превосходительства, солидный чиновникъ губернскаго правленія и нѣсколько студентовъ. Грановскій показался мнѣ

еще очень молодымъ; манеры его были мягки, рѣчь тихая, вкрадчивая. Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ немного, но каждое его слово, каждая фраза выходили такими красивыми, такими увлекательными, что любо было слушать. Но изъ всего имъ тогда сказаннаго у меня теперь ничего не осталось въ памяти.

Второй разъ я его видѣлъ при утреннемъ визитѣ. Побесѣдовавъ съ хозяйкой дома, онъ зашелъ къ намъ, т. е. въ рабочую комнату Павла Ивановича, гдѣ я сидѣлъ за книгой. Перекинувшись нѣсколькими словами съ Павломъ Ивановичемъ о новостяхъ дня, о какихъ-то новыхъ распоряженіяхъ по университету, о своихъ лекціяхъ, онъ лѣнивo повернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ внимательно и спросилъ: «что, каковъ»?

— Поѣдомъ ѣсть русскихъ беллетристовъ, отвѣчалъ Назаровъ.

— Вотъ какъ!.. А не можете ли прочитать намъ что-нибудь? обратился онъ ко мнѣ.

Я сконфузился. Но, оправясь, прочиталъ напзусть сцену убійства изъ «Аммалатъ-Бека». Когда я съ пафосомъ продекламировалъ слова: «на томъ мѣстѣ, гдѣ ты убилъ отца моего, тамъ я изъ тебя выточу кровь и развѣю прахъ твой по вѣтру», Грановскій сказалъ: «хорошо!.. Изъ него выйдетъ писатель, или актеръ».

Сюжетъ пѣсни о купцѣ Калашниковѣ.

Послѣ польской компаніи 1831 года, въ Москву наѣхало много офицеровъ раненыхъ, больныхъ, или просто отдохнуть и повеселиться. Большинство этихъ офицеровъ любило пожить за спиною начальства, какъ говорилось, во всю. Товарищескія пирушки, кутежи, картежная игра, волокитство и эксцентричныя выходки были главнѣйшими составными элементами ихъ вольной, ничѣмъ не стѣсняемой отпускной жизни. Въ особенности выдѣлялись тогда два молодыхъ офицера. Одинъ гвардейскій поручикъ, другой штабсъ-ротмистръ гусаръ. Они были короткіе пріятели. Оба хорошихъ фамилій, оба храбры, оба красивы, оба богаты и оба хотѣли быть первыми въ тѣсномъ кружкѣ кутилъ и игроковъ. Мало-по-малу между ними возникло соперничество, и они старались превзойти одинъ другаго въ удальствѣ. Если сегодня гвардеецъ устраивалъ завтракъ, то завтра гусаръ давалъ

пріятелямъ обѣдъ; если первый везетъ вечеромъ товарищей за городъ на тройкахъ, то другой потомъ цѣлые три дня кутитъ съ друзьями у цыганъ, и въ концѣ концовъ разбиваетъ трактиръ. Если тотъ похищаетъ изъ театра танцовщицу, то этотъ, спустя нѣсколько времени, увозитъ у купца жену.

Симъ послѣднимъ эпизодомъ завершились ихъ доблестныя похожденія. Но эпизодъ окончился трагически. Разскажу, какъ я слышалъ о немъ.

На одной изъ окраинъ Москвы, заселенной купечествомъ, жилъ одинъ богатый коммерсантъ, человѣкъ молодой, солидный и дѣльный, недавно женившійся на 18-ти-лѣтней, чрезвычайно красивой дѣвушкѣ. Онъ жилъ по старинному. Утромъ уѣзжалъ на откормленномъ рысакѣ въ гостинный дворъ, гдѣ у него находились товарные склады, занимался весь день дѣлами и только вечеромъ возвращался домой. Домъ его, какъ большинство старинныхъ купеческихъ домовъ того времени, содержался постоянно подъ замкомъ. Если кому нужно было войти въ него, то онъ долженъ былъ нѣсколько разъ позвонить. Къ воротамъ выходили молодецъ или кухарка и, не отпирая калитки, спрашивали: «кто? кого надо? зачѣмъ»? Получивъ отвѣтъ, шли съ докладомъ и послѣ нѣкотораго времени возвращались и впускали, или же отказывали, говоря: «дома нѣтъ», или же «велѣно придти тогда-то». Жена его изъ дому никуда не выѣзжала, кромѣ церкви или родныхъ, и то не иначе, какъ съ мужемъ, или со старухой свекровью, или же съ обоими вмѣстѣ.

Объ этой-то запертой красавицѣ и шепнули гусару. Онъ пріѣхалъ какъ-то въ церковь, посмотрѣлъ и заинтересовался. Началъ онъ изыскивать мѣры, чтобы познакомиться съ купцомъ, но купецъ отъ всякаго знакомства отказался. Хотѣлъ обратить на себя вниманіе купчихи, пробраться какъ-нибудь въ домъ, но не удалось: строгости въ домѣ увеличили, старуха свекровь не отходила отъ невѣстки ни на шагъ и берегла ее какъ зѣницу ока. Но встрѣчаемыя гусаромъ препятствія только сильнѣе подстрекали его самолюбіе, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во чтобы-то ни стало завладѣть купчихой. Долго ему ничего не удавалось, но вдругъ выпалъ счастливый случай. Наканунѣ какого-то большаго праздника, купчиха, въ сопровожденіи свекрови и старухи няньки, отправилась пѣшкомъ въ приходскую церковь ко всенощной. Гусара давно уже не было видно въ ихъ мирной окраинѣ, онъ пересталъ туда ѣздить. По окончаніи службы, когда купчиха со своими провожатыми возвращалась домой, вдругъ

изъ-за угла сосѣдняго переулка выскочило нѣсколько молодцовъ, они растолкали старухъ, схватили купчиху подъ руки, посадили ее въ подлетѣвшія изъ-за угла, запряженныя лихою тройкою сани и увезли. Улица огласилась крикомъ о помощи, сбѣжался народъ, но тройки давно уже и слѣдъ простылъ. Купецъ бросился къ властямъ, поднялъ на ноги полицію, начались розыски, но купчихи не отыскали.

Черезъ три дня та же лихая тройка доставила купчиху домой. Стали распрашивать: «гдѣ была?» Купчиха отвѣчала: «за городомъ, но гдѣ именно — не знаю». «Съ кѣмъ?» — «Съ гусаромъ». Собрали всѣхъ гусаровъ. Виновный заявилъ, что это сдѣлалъ онъ, и что же? Князь Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ, самъ въ молодости не мало нашалившій, хотѣлъ потушить дѣло и сталъ склонять купца на мировую. Трудно было тогда идти противу властей, особенно противу власти московскаго главнокомандующаго. Купецъ думалъ, думалъ и подчинился. Въ одномъ изъ извѣстныхъ московскихъ ресторановъ устроилась мировая. Къ роскошному обѣду явился купецъ въ сопровожденіи своихъ сродниковъ и свойственниковъ; гусаръ съ товарищами. Соперниковъ свели, заставили подать другъ другу руки. За обѣдомъ пошли тосты «за примиреніе», пили много, и еще болѣе шутили и смѣялись. Послѣ обѣда купецъ предложилъ гусару «сыграться въ карты», и мрачно прибавилъ: «авось я буду счастливѣе». Кто изъ офицеровъ отказывался отъ игры, гусары тѣмъ болѣе. Поставили столъ. Началась игра. Гусаръ металъ банкъ, купецъ понтировалъ. Счастье улыбалось поочереди то тому, то другому. Вдругъ купецъ, проигравъ одну довольно крупную ставку, хватаетъ гусара за руку, и съ крикомъ! «шуллеръ, передернулъ!» даетъ ему пощечину. Гусаръ выхватилъ саблю и хотѣлъ рубануть, но его удержали. Явилась полиція, купца отправили на съѣзжую, откуда онъ написалъ генералъ-губернатору письмо, въ которомъ объяснилъ, что гусара обезчестилъ за то, что тотъ обезчестилъ его жену, а на утро повѣсился.

Вотъ это то печальное событіе, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ товарищей М. Ю. Лермонтова, нѣкто И. И. Парамоновъ, и натолкнуло поэта на мысль написать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ, которой конечно дана болѣе блестящая по содержанію форма.

Оберъ-полиціймейстеръ Цынскій.

Въ царствованіе императора Николая, общій срокъ военной службы былъ 25-ти лѣтній. Рекрутскіе наборы производились при особыхъ, весьма тягостныхъ для населенія условіяхъ. Назначались въ рекруты люди отъ 20 до 35 лѣтъ, а при неимѣніи метрическихъ свидѣтельствъ, или иногда старики 40—45 лѣтъ и болѣе. Принимаемымъ брили лбы, а бракуемымъ—затылки. Людей, назначаемыхъ въ солдаты, привозили изъ деревень подъ присмотромъ бурмистровъ, управляющихъ и старостъ, связанными, а подъ-часъ и въ кандалахъ. Послѣ пріема ихъ отправляли подъ конвоемъ съ ружьями. При такихъ порядкахъ, понятно, съ какими чувствами народъ шелъ отбывать эту тяжкую для него повинность. Исполненіе ея сопровождалось возмутительными сценами. Тутъ было все: и повальное, безпробудное пьянство назначенныхъ на очередь, и плачъ, ревъ, вой, обмороки и причитанья, какъ-бы по мертвецѣ, ихъ женъ, сестеръ и матерей, и безумная, безшабашная радость тѣхъ немногихъ, кто по какому-либо счастливому случаю, избавлялся отъ рекрутчины.

Я помню эти наборы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ часто приходилось видѣть въ Москвѣ эти печальныя жертвоприношенія народомъ дѣтей своихъ на алтарь отечества. Особенно врѣзался въ мою память слѣдующій трагикомическій эпизодъ.

Пріемъ производился еще въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Воскресенской площади. Очередныхъ вводили въ пріемъ по волостямъ или вотчинамъ. Семьи ихъ, родичи и друзья, а также городскіе зѣваки, составляли народныя массы вокругъ зданія присутственныхъ мѣстъ. Изрѣдка съ крыльца пріема сбѣгалъ вѣстникъ и вѣщалъ: «такой-то и такой-то забриты, такой-то забракованъ». Вопли и стоны усиливались. Толпа колыхалась и выбрасывала изъ себя два-три семейства сданныхъ въ рекруты: они уходили оплакивать свое горе туда, гдѣ надъ ними никто не посмѣется. Порой съ крыльца сбѣгалъ забракованный съ громаднымъ выбритымъ на затылкѣ полумѣсяцемъ и начиналъ или креститься по направленіямъ къ соборамъ, или плясать среди толпы.

Но вотъ однажды сбѣгаетъ съ крыльца присутствія, разсталкивая стражу и толпу, неизвѣстно какъ ускользнувшій изъ пріема молодой парень съ забритымъ затылкомъ, въ костюмѣ прародителя, волоча правой рукой по снѣгу пестрядинную свою рубаху. Толпа загоготала и разступилась, давъ ему дорогу. Парень вѣроятно же-

лалъ пробраться къ Иверской, забывая, что онъ совершенно голый, ринулся на площадь и понесся прямо, что есть мочи.

Въ это мгновеніе выѣзжалъ изъ-за угла, мчавшійся на своихъ «непобѣдимыхъ» съ тремя конвойными казаками, оберъ-полицмейстеръ Цынскій, не человѣкъ, а звѣрь, про котораго ходила въ народѣ поговорка: «укралъ у батюшки свитку, у матушки свинку»*)

— Это что за безобразіе? раздался зычный голосъ начальника полиціи:—казакъ, взять его!

Казакъ бросился за парнемъ, парень отъ него, казакъ пришпорилъ лошадь и сталъ настигать нагиша. Казалось, вотъ, вотъ онъ его сейчасъ схватитъ; но парень не захотѣлъ поддаться, бросился на земь, и казакъ, перескочивъ чрезъ него, пролетѣлъ далеко впередъ. Парень же между тѣмъ вскочилъ и ударился бѣжать назадъ. Толпа ринулась на встрѣчу и заслонила его: кто набросилъ на него тулупъ, кто далъ валенки, кто надѣлъ шапку, и парень успѣлъ скрыться.

Цынскій рвалъ и металъ, но съ толпой ничего сдѣлать не могъ и уѣхалъ. На утро собрали къ нему всѣхъ волостныхъ и вотчинныхъ сдатчиковъ, провѣрили забракованныхъ и парня отыскали. Судопроизводство въ то время было упрощенное: парня отправили въ частный домъ и тамъ отстегали, но отстегали должно быть неосторожно, такъ что бѣдняка пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ полежалъ, полежалъ и померъ.

А. П. Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «ну, провѣдаютъ въ Петербургѣ, сошлютъ бѣднаго Цынскаго на Кавказъ, на мѣсто Нейдгардта».

Какъ Мина попала въ фаворъ.

Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа, мнѣ пришлось, между прочимъ, прочитать, что «въ Петербургѣ, при директорѣ театровъ А. М. Гедеоновѣ, имѣла громадное вліяніе на театральный міръ Мина Ивановна Б., занимавшая неоффиціальный, но весьма

---

*) Намекъ на недостойность его быть въ царской свитѣ и на какіе-то денежные захваты.

важный постъ театральной помпадурши. Отъ нея зависѣли главныя назначенія и ангажированія артистовъ, она вмѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни одинъ поставщикъ не допускался безъ ея предварительнаго одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи и вообще вся ея обстановка отличались необыкновенною роскошью. Въ ея салонахъ толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона», и т. д.

Эта «чухонская Аспазія» была дѣйствительно всемогущая въ свое время фаворитка министра двора и друга императора Николая, покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга. Вліяніе ея не ограничивалось однимъ театральнымъ міркомъ, многое отъ нея зависѣло и вообще по министерству двора. Знаменитый острякъ, князь А. С. Меншиковъ, сказалъ однажды: «люблю я графа Адлерберга, но мнѣ его мина не нравится».

Дѣятельность фаворитки многимъ въ Петербургѣ извѣстна и до сихъ поръ памятна. Но многіе ли знали ея прошлое и случаи ея повышенія?

Вотъ что разсказывалъ мнѣ о ней М. С. Морголи, бывшій откупщикъ, человѣкъ, обладавшій въ свое время большимъ состояніемъ и любившій пожить. Онъ зналъ Мину еще «бѣдною».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, проживали въ Москвѣ двѣ сестры, нѣмки, дочери петербургскаго ремесленника, Юлія и Вильгельмина Ивановны Гутъ. Жили, конечно, и ничего не имѣли. Ну, а какъ рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше, то онѣ и задумали отправиться за счастьемъ въ Петербургъ. Это было въ 1834 году. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не существовало, а для сообщенія обѣихъ нашихъ столицъ предлагали свои услуги почты, казенныя или вольныя, и знаменитые частные дилижансы. Проѣзжая изъ Малороссіи по дѣламъ въ Петербургъ, Михаилъ Степановичъ заблагоразсудилъ отправиться изъ Москвы въ частномъ дилижансѣ, и вотъ тутъ то онъ имѣлъ случай познакомиться съ дѣвицами Гутъ, отправившимися «за счастьемъ» въ Петербургъ. Само собою, дорога оказалась пріятною (дѣло было лѣтомъ). Продолжительныя остановки на станціяхъ, прогулки въ окрестныхъ лѣсахъ и рощахъ скрѣпили знакомство, которое по пріѣздѣ въ Петербургъ перешло въ дружбу.

Дѣвицы Гутъ поселились на углу Большой Подъяческой и канала въ д. Мейера, въ небольшой квартиркѣ третьяго этажа. Наружностью онѣ особенно не выдѣлялись, но вообще при первой встрѣчѣ производили пріятное впечатлѣніе. Обѣ сестры были блон-

динки. Старшая, Юлія, имѣла 23 — 24 года, ростъ средній, лицо полное, немного рябоватое, отличалась чрезвычайно живымъ и веселымъ характеромъ. Младшей, Вильгельминѣ, было не болѣе 17—18 лѣтъ, ея маленькое, выразительное личико, молчаливость и мечтательность невольно какъ то располагали къ ней всякаго. Жили онѣ бѣдно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ не было. Одѣвались скромно, но прилично, квартирку содержали чисто. Михаилъ Степановичъ посѣщалъ ихъ около года и вносилъ въ семью нѣкоторый достатокъ, но онъ въ 1835 году отправился въ Малороссію и покровителемъ дѣвицъ Гутъ остался товарищъ его, Абрамъ Григорьевичъ Юровскій, богатый малороссійскій помѣщикъ, содержавшій въ то время на откупу нѣсколько уѣздовъ въ Малороссіи. Онъ былъ уже не молодъ, лѣтъ 50-ти, роста средняго, худощавый, съ громадной лысиной на головѣ. Особенно отличался онъ тѣмъ, что имѣлъ глаза не одинаковаго цвѣта: одинъ сѣрый, другой голубой. Покровительство его повело къ тому, что сестры разъѣхались. Юлія осталась въ Подъяческой, а Вильгельмина переѣхала на Пески.

Знаменитый пожаръ Песковъ, истребившій почти всю эту часть города осенью того года, сдѣлалъ карьеру Вильгельмины Гутъ. Извѣстно, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на всякій мало-мальски серьезный пожаръ и личнымъ присутствіемъ и распорядительностію содѣйствовать къ скорѣйшему локализированію и тушенію огня. На песковскій пожаръ онъ пріѣхалъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ. Помѣстившись почти въ самомъ центрѣ объятой пожаромъ мѣстности, государь отдавалъ приказанія и вдругъ видитъ изъ воротъ одного деревяннаго, только что загорѣвшагося недалеко домика выбѣжала съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ и босикомъ, молодая дѣвушка, которая, какъ безумная, металась по улицѣ и молила о помощи. Государь обернулся къ графу Адлербергу и сказалъ: «надо ее укрыть гдѣ нибудь». Нѣсколько полицейскихъ чиновъ уже окружили дѣвушку; графъ подошелъ къ ней, накинулъ на нее свою шинель и велѣлъ отвезти ее къ себѣ на квартиру.

Это была «Мина», и съ этой ночи начался ея фаворъ.

М. С. Морголи посѣтилъ ее въ слѣдующемъ году. Она уже вошла въ свою роль и начинала господствовать. Не стану распространяться о ея вліяніи на графа Адлерберга, скажу только, что многіе, какъ, напримѣръ, Тарасовъ и др., нажили чрезъ нея состояніе. Для пріобрѣтенія же соціальнаго положенія, она вышла замужъ за почто-

ваго чиновника Б., котораго отправили почтмейстеромъ въ Сибирь, гдѣ онъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Значитъ, «Мина» вышла въ генеральши. Сестра ея Юлія также вышла замужъ за почтоваго чиновника, но карьеры себѣ не сдѣлала.

Была у «Мины» еще сестра — Александра Ивановна, старше Юліи года на три, женщина замѣчательной красоты. Въ 1829 году она плѣнила одного гвардейскаго офицера, полковника В. И. Родзянко, и уѣхала съ нимъ въ его имѣніе, Полтавской губерніи. Тамъ они обвѣнчались, но какъ то не по уставу церкви, или съ нарушеніемъ его правилъ. Мать и братья Родзянко возбудили дѣло и судъ, тянувшійся довольно долго, въ продолженіе котораго мужъ ея умеръ, а она отправилась съ какимъ то проходимцемъ въ Одессу, была имъ въ дорогѣ обобрана и явилась въ Петербургъ, когда фаворитизмъ «Мины» начался. Здѣсь она успѣла добиться пересмотра ея дѣла, кончившагося преданіемъ участниковъ суду. Но Александра Ивановна вышла изъ воды сухою. Она была признана законной женой полковника Родзянко и получила вдовью часть—230 душъ крестьянъ въ Полтавской губерніи. Пострадали же только священникъ, да нѣсколько свидѣтелей дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты или сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе.

Архіерейскій пріемъ.

Курьезны бываютъ иногда отношенія нашихъ русскихъ дѣятелей въ Литвѣ къ бѣднымъ русскимъ людямъ.

Былъ у меня одинъ добрый знакомый, нѣкто В. С. Александровъ. Происходя изъ дворянъ Псковской губерніи, онъ отдалъ въ юности дань вѣку, т. е. прослужилъ извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, и въ 1871 году, не имѣя надежды достигнуть степеней извѣстныхъ, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы пріискать себѣ болѣе спокойное мѣсто въ гражданской службѣ. Человѣкъ небогатый, скромный, непьющій, онъ остался въ Западномъ краѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и гдѣ онъ, какъ русскій, надѣялся скорѣе найти мѣсто.

Первые шаги свои онъ направилъ въ Гродно, гдѣ въ то время губернаторствовалъ извѣстный князь Крапоткинъ, такъ печально окончившій впослѣдствіи жизнь свою въ Харьковѣ.

Начались хожденія къ губернатору, къ предсѣдателямъ разныхъ палатъ, къ акцизному и другому начальству. Но бѣднаго просителя безъ связей, безъ рекомендацій, встрѣчалъ вездѣ сухой пріемъ и извиненія въ неимѣніи вакансій. При дальнѣйшихъ хожденіяхъ слѣдовали обѣщанія имѣть въ виду при случаѣ; далѣе послышались сожалѣнія о невозможности предоставить мѣсто и, наконецъ, всѣ просьбы и исканья завершились грубыми отказами.

А время между тѣмъ бѣжало быстро. Проходилъ мѣсяцъ, другой, нѣсколько; сдѣланныя въ военной службѣ кой-какія сбереженія были съѣдены, излишнія вещи заложены, явились долги, а затѣмъ невидимо подкрались лишенія, голодъ и нищета. Безъ всякихъ знакомствъ, безъ средствъ, одинъ-одинёшенекъ въ чужомъ городѣ, Василій Степановичъ не зналъ что дѣлать: приходилось искать кусокъ хлѣба поденной работой, или идти по стезѣ преступленія. Онъ жилъ на краю города, у одного бѣднаго еврея—портнаго, который, сожалѣя о его несчастіи и неудачахъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ архіерею съ просьбой помочь ему пріискать мѣсто, въ которомъ ему явно отказывали въ виду его русскаго происхожденія. Дѣйствительно, Муравьева и Кауфмана давно уже въ краѣ не было и Потаповскія идеи о покровительствѣ туземцамъ въ обществѣ преобладали. Александровъ рѣшился отправиться къ преосвященному.

Гродненскую каѳедру занималъ тогда Игнатій, бывшій викаріемъ литовскаго митрополита Іосифа Сямашко. Это былъ маститый старецъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и бородой, крикливымъ голосомъ и дрожащими отъ старости руками. Онъ, говорили, былъ богатъ, но память измѣняла ему, такъ что послушники его частенько прибирали за нимъ кредитные билеты, которые онъ разсовывалъ по столамъ и ящикамъ и забывалъ. Онъ любилъ пожить, поѣсть, но въ обращеніи съ людьми былъ грубъ и отличался индиферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія.

Въ одно пасмурное утро, съ какой-то неясной тревогой въ душѣ, бѣдный Василій Степановичъ отправился въ епископскій дворецъ, и, прійдя въ пріемную, просилъ послушника доложить о немъ его преосвященству.

— Подождите, отвѣчалъ покровительственно молодой, франтоватый послушникъ.

Другихъ посѣтителей никого не было, и потому пришлось ждать долго. Наконецъ, около полудня, преосвященный изволилъ выйти съ посохомъ въ рукѣ, и, остановясь посреди комнаты, спросилъ: «что ты»?

Подойдя подъ благословеніе, Александровъ объяснилъ владыкѣ свое положеніе и тѣ препятствія, которыя встрѣчалъ при отысканіи мѣста, просилъ его предстательства объ опредѣленіи куда нибудь на службу, при чемъ представилъ и всѣ выданные ему отъ военнаго начальства бумаги и аттестаты о знаніяхъ и поведеніи.

Объясненія Александрова архіерей выслушалъ молча, нахмуривъ брови, и изрѣдка, какъ будто въ нетерпѣніи, постукивая объ полъ посохомъ. Потомъ посмотрѣлъ документы, и, возвращая ихъ, сказалъ: «документы твои ничего не значатъ: ты могъ быть прежде хорошъ, а теперь худъ, и наоборотъ, прежде могъ быть худъ, а теперь хорошъ. Я, какъ лицо духовное, могу ходатайствовать только о тѣхъ лицахъ, которыя мнѣ лично извѣстны, а тебя я не знаю. Иди къ губернатору и проси его»!

Александровъ отвѣчалъ, что онъ былъ уже нѣсколько разъ и у губернатора, и у другихъ властныхъ лицъ, но безъ сильнаго заступничества у нихъ нельзя получить мѣста.

— Ну, такъ что же я могу для тебя сдѣлать? возразилъ съ горячностію Игнатій:—хочешь въ монахи—я приму.

— Не имѣю призванія, святой отецъ, отвѣчалъ Александровъ, и, извиняясь за причиненное безпокойствіе, вышелъ изъ пріемной.

Онъ сходилъ уже съ высокаго крыльца архіерейскаго палаццо, какъ вдругъ громкій голосъ послушника остановилъ его и пригласилъ опять къ преосвященному.

Сердце учащенно билось у бѣднаго просителя, когда онъ снова входилъ въ пріемную залу; ему казалось, что вотъ, наконецъ, счастіе улыбается, онъ получитъ мѣсто и будетъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба.

Суровый архіерей стоялъ на томъ же мѣстѣ, опираясь на посохъ и усиленно моргая бровями. При приближеніи къ нему Александрова, онъ быстро протянулъ правую руку и, подавая нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ, сказалъ ему: «вотъ, на!.. чѣмъ могу, тѣмъ помогаю».

Несчастный Александровъ совершенно растерялся и нѣсколько времени не находилъ словъ для отвѣта. Эта милостыня, грубая, унижающая и оскорбляющая человѣческое достоинство, пришибла его окончательно, и онъ, сквозь слезы, едва могъ выговорить, что онъ пришолъ не за подаяніемъ, но чтобы получить право на заработокъ куска хлѣба, въ чемъ ему, какъ русскому, всѣ отказываютъ.

— А когда такъ — вскричалъ Игнатій, обращаясь къ послуш-

нику внѣ себя отъ гнѣва и стуча, что есть силы, посохомъ объ полъ:—гони его вонъ!.. вонъ!.. вонъ!..

Александровъ бросился къ дверямъ, а вслѣдъ ему летѣли восклицанія гнѣвнаго архіерея: «гони же его!.. Если бы былъ бѣденъ, то взялъ бы... а то видно, что...»

Нужно ли говорить, что только благодаря снисхожденію послушниковъ, съ которыми онъ до выхода архіерея долго бесѣдовалъ и успѣлъ расположить ихъ къ себѣ, онъ не былъ спущенъ съ лѣстницы, по которой еще такъ недавно вела его надежда на благость высшаго представителя нашихъ духовныхъ интересовъ въ краѣ.

Подобный пріемъ такъ повліялъ на нервную систему Александрова, что онъ долгое время послѣ того не могъ видѣть равнодушно ни архіереевъ, ни священниковъ, ни монаховъ.

Какъ опредѣляли въ учебныя заведенія.

Въ 1824 году, въ залѣ Академіи Художествъ производился экзаменъ желающимъ поступить въ академію, въ присутствіи президента ея Алексѣя Николаевича Оленина. Собралось болѣе 100 лицъ, а вакансій было только 50. Не прошло и получаса, какъ комплектъ воспитанниковъ, экзаменовавшихся поочереди, былъ набранъ, и экзаменъ прерванъ возгласомъ: «довольно, нужное число воспитанниковъ принято»! Такимъ образомъ, начатый экзаменъ нѣсколькимъ молодымъ людямъ былъ прерванъ. Находившаяся съ однимъ изъ нихъ, Д. А. Ивановымъ, тетка, камеръ-юнгфера двора Ея Величества Екатерина Ивановна Звѣздкина обратилась съ жалобою къ президенту Оленину на перерывъ экзамена. Алексѣй Николаевичъ, знавшій лично г-жу Звѣздкину, извинился передъ нею, и сказалъ:

— Успокойтесь, пожалуйста, Екатерина Ивановна, племянникъ вашъ будетъ принятъ. Неугодно ли вамъ присѣсть.—И онъ подвинулъ ей кресло.

— Да какъ же? вѣдь комплектъ уже полонъ?—волновалась расходившаяся тетушка, усаживаясь въ креслѣ.

— А вотъ какъ,—улыбнулся президентъ академіи,—я имѣю право принять одного сверхъ комплекта, по баллотировкѣ.

Засимъ онъ приказалъ всѣхъ непринятыхъ въ академію молодыхъ людей поставить въ ряды и сталъ вызывать поочереди. Вы-

зываемый опускалъ руку въ урну съ билетами, бралъ одинъ билетъ и подавалъ президенту. Вызванъ былъ въ свою очередь и Ивановъ, который тоже вынулъ билетъ и подалъ его Оленину. Алексѣй Николаевичъ развернулъ его и возгласилъ: «Счастливецъ! вынулъ пріемный билетъ. Поздравляю». И онъ взялъ его за руку и отвелъ къ принятымъ по экзамену товарищамъ. Возвратясь на мѣсто, онъ обратился къ Звѣздкиной съ вопросомъ:

— Довольны ли вы, Екатерина Ивановна?

— Еще бы не быть довольной, батюшка, Алексѣй Николаевичъ, вѣдь вы осчастливили мальчика на всю жизнь. Теперь я въ долгу передъ вами. Прощайте.

И Оленинъ всталъ, проводилъ ее нѣсколько шаговъ и почтительно раскланялся.

Какъ опредѣлялись на должности.

Въ февралѣ 1862 года, на смотрителя одного изъ с.-петербургскихъ провіантскихъ магазиновъ Иванова былъ присланъ директору провіантскаго департамента анонимный доносъ, что у него въ кассѣ не хватаетъ казенной суммы. Тотчасъ была назначена экстренная ревизія. Но генералъ-маіоръ Шилинъ, произведя повѣрку книгъ и денежныхъ суммъ, нашелъ все въ порядкѣ и деньги въ наличности. По докладѣ объ этомъ директору департамента генералу Данзасу, послѣдній возбудилъ вопросъ: «какъ же такъ! мнѣ положительно извѣстно, что у него пропали деньги». «Точно такъ, отвѣчалъ генералъ Шилинъ, у Иванова ушла жена и унесла собственныя его 10.000 р.».

— А вотъ что! — воскликнулъ директоръ и, подумавъ, прибавилъ: — во всякомъ случаѣ, кто не умѣетъ беречь свои деньги, тому нельзя ввѣрять казенныхъ.

И Ивановъ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Прошло два года слишкомъ, на всѣ просьбы безпричинно отрѣшеннаго смотрителя о назначеніи его на другую какую-либо должность, онъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «подождите, откроется вакансія, помѣстимъ»! Но вакансіи открывались и замѣщались, а онъ оставался въ пріятномъ ожиданіи слѣдующей вакансіи. Пришлось обратиться къ протекціи. Ивановъ былъ хорошо знакомъ съ

игуменомъ Александро-Невской киновіи отцомъ Аполинаріемъ, имѣвшимъ доступъ къ военному министру. Черезъ него была подана министру докладная записка. Черезъ недѣлю отецъ Аполинарій пріѣзжаетъ къ Иванову и съ неудовольствіемъ сталъ выговаривать:

— Помилуйте, вы просите опредѣлить васъ, жалуетесь, что напрасно лишены мѣста, тогда какъ васъ по суду устранили отъ должности. Странно, почему вы меня не предупредили объ этомъ?

— Какъ по суду? да я не только что подъ судомъ, но и подъ слѣдствіемъ не былъ...

— Я не знаю, но мнѣ министръ сказалъ и даже отзывъ объ этомъ Данзаса показывалъ. Поѣзжайте и разузнайте сами.

Отправился Ивановъ въ канцелярію министра и, дѣйствительно, тамъ показали ему донесеніе Данзаса о бытности его подъ судомъ. Побѣжалъ онъ въ провіантскій департаментъ и попросилъ справку. Оказалось, что поводомъ къ подобному донесенію былъ все тотъ же анонимный доносъ, гдѣ говорилось, что полиція возбудила дѣло о преданіи Иванова суду.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Ивановъ правителя канцеляріи Еропкина: какой же отвѣтъ мнѣ дать господину военному министру, онъ приказалъ донести ему объ оказавшемся.

— Подождите немного, я доложу объ этомъ директору, отвѣчалъ Еропкинъ и пошелъ къ генералу Данзасу.

Возвратясь отъ него, онъ сказалъ, что генералъ-провіантмейстеръ желаетъ самъ спросить его, куда онъ желалъ бы поступить на службу? Въ это время вошелъ въ канцелярію камеръ-юнкеръ Мамоновъ-Макшеевъ и пожелалъ видѣть генералъ-провіантмейстера. Доложили генералу Данзасу, и гг. Ивановъ и Мамоновъ-Макшеевъ были введены къ нему въ кабинетъ.

— Что вамъ угодно? обратился къ послѣднему генералъ Данзасъ, любезно пожимая ему руку.

— Я имѣю передать письмо вашему превосходительству, отвѣчалъ, почтительно кланяясь камеръ-юнкеръ, и подалъ письмо.

— А, воскликнулъ генералъ-провіантмейстеръ, прочитавъ письмо, очень радъ сдѣлать угодное княгинѣ. Какое же вамъ угодно мѣсто? И, не дожидаясь отвѣта, съ улыбкою прибавилъ: у меня есть вакансія оберъ-провіантмейстера въ Ревель, хотите? я васъ назначу.

— Очень благодаренъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ, низко кланяясь, Мамоновъ-Макшеевъ.

— Такъ кланяйтесь княгинѣ и скажите, что на днях же приказъ о васъ будетъ отданъ.

Аудіенція камеръ-юнкера окончилась и настала очередь Иванова.

— Какое вы желали бы имѣть мѣсто, г. Ивановъ, спросилъ важно Данзасъ.

— Оберъ-провіантмейстера, ваше превосходительство.

— Но это мѣсто генеральское, вы не имѣете на него права.

— Если ваше превосходительство рискнули дать такое мѣсто совсѣмъ незнакомому съ провіантской частью господину, то почему же не можетъ быть дано такое мѣсто и мнѣ, хорошо знакомому съ дѣломъ?

— Но вы, я думаю, будете согласны съ тѣмъ, что человѣкъ иногда бываетъ не въ правѣ отказать въ просьбѣ?

— Знаю, ваше превосходительство, но допускаю это только въ частныхъ дѣлахъ.

— Я васъ назначу смотрителемъ въ Ригу.

— Благодарю покорно, ваше превосходительство, не желаю. .

— Это отчего?

— По многимъ причинамъ.

— Напримѣръ?

— Во-первыхъ потому, что я заслужилъ бо́льшаго вниманія начальства, ибо, находясь во все время осады и бомбардированія крѣпости Свеаборга, при всеобщемъ пожарищѣ, я сберегъ все ввѣренное мнѣ казенное имущество и, бывъ при томъ раненъ, никакой награды не получилъ, тогда какъ Гельсингфорскій смотритель, небывшій ни въ дѣлѣ, ни въ опасности, получилъ орденъ Анны 2 степени съ мечами. Во-вторыхъ, при заготовленіи фуража въ Финляндіи, сдѣлалъ казнѣ сбереженій болѣе 60 тысячъ рублей. Въ-третьихъ, лишенъ мѣста смотрителя безъ всякой причины и два слишкомъ года бѣдствую, не получая никакого содержанія. Въ-четвертыхъ, обнесенъ предъ военнымъ министромъ въ бытности подъ судомъ...

— Довольно! перебилъ его Данзасъ, такъ вотъ вы на чемъ основываете ваше требованіе... не будетъ вамъ ничего!.. и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Посмотримъ, ваше превосходительство, а можетъ быть будетъ, отвѣтилъ Ивановъ, и вышелъ изъ кабинета, весь взволнованный.

— Куда вы? встрѣтилъ его правитель канцеляріи Еропкинъ.

— Пойду къ военному министру и разскажу ему все, а если не приметъ, напишу.

— Успокойтесь, пожалуйста, подите сюда, и онъ ввелъ Иванова въ канцелярію, посидите здѣсь. Вы видѣли, генералъ разгорячился, но онъ отходчивъ, и все можетъ устроиться.

Немного погодя, пошелъ онъ съ бумагами къ Данзасу и, возвратясь, объявилъ, Иванову, что онъ можетъ спокойно отправляться домой, назначеніе на должность будетъ сдѣлано.

— А какой отвѣтъ мнѣ дать министру, спросилъ его Ивановъ.

— Никакого. Поѣзжайте домой и ждите приказа.

На другой день, въ 7 часовъ утра, курьеръ провіантскаго департамента доставилъ Иванову приказъ объ отозваніи нижегородскаго оберъ-провіантмейстера Ком., по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ, и назначеніи на его мѣсто Иванова, и приглашеніе прибыть въ канцелярію департамента къ 10 часамъ утра.

— Ну, что, довольны? спросилъ Иванова, при входѣ въ канцелярію, полковникъ Еропкинъ.

. — Еще бы не быть довольнымъ! отвѣчалъ Ивановъ, въ два то года не мало настрадался и наголодался.

— Такъ вотъ не угодно ли вамъ получить подорожную и прогоны на 6 лошадей съ пособіемъ 600 рублей.

— Этого мало.

— Какъ мало?

— Вѣдь я два съ лишнимъ года не получалъ содержанія, пробѣлся и задолжалъ, мнѣ не выѣхать.

Еропкинъ отправился къ Данзасу и, возвратясь, сказалъ:

— Генералъ-провіантмейстеръ приказалъ еще выдать вамъ 250 рублей изъ комнатныхъ суммъ.

— Этого мало, отвѣчалъ хладнокровно Ивановъ, не выѣду.

Еропкинъ опять пошелъ къ директору и, вернувшись отъ него, приказалъ позвать экзекутора.

— Есть у васъ остаточныя деньги отъ канцелярскихъ расходовъ, спросилъ онъ тотчасъ явившагося экзекутора.

— Есть немного.

— Сколько?

— 180 рублей.

— Принесите! теперь, надѣюсь, будетъ довольно? спросилъ онъ, краснѣя отъ гнѣва, Иванова.

Новый оберъ-провіантмейстеръ взялъ счеты и сталъ считать передъ нимъ. Вотъ столько то слѣдуетъ мнѣ за два рода и два

мѣсяца жалованья, столько то столовыхъ, столько то квартирныхъ, а вы дасте только 1030 рублей. Съ ними я не выѣду.

Еропкинъ третій разъ отправился къ начальству и, вылетѣвъ оттуда бомбой, потребовалъ смотрителя дома.

— Есть у васъ экономія отъ фуража курьерскихъ лошадей? спросилъ онъ смотрителя и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: подите принесите что у васъ есть.

Смотритель принесъ 125 рублей.

— Получите, сказалъ Еропкинъ Иванову, и поѣзжайте къ мѣсту новаго служенія, безотлагательно. Генералъ-провіантмейстеръ, чтобы не задерживать васъ, избавляетъ васъ отъ труда представляться его превосходительству при отъѣздѣ.

— Покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ Ивановъ, и, откланявшись, отправился.

Но событіе это, вѣроятно, сдѣлалось извѣстнымъ военному министру, такъ какъ вскорѣ послѣ того генералъ Данзасъ былъ назначенъ членомъ генералъ-аудиторіата, а полковникъ Еропкинъ отчисленъ отъ должности, съ зачисленіемъ состоять по арміи.

«Блудный Булавинъ».

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, у одного офицера казачьяго полка, квартировавшаго въ Виленской губерніи, жилъ въ услуженіи нѣкто Илькевичъ, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, средняго роста, плотный, хорошо сложенный и красивый собою. Откуда онъ родомъ, какого званія — никто не зналъ, но онъ выдавалъ себя за уроженца Донской области, дворянина, выѣхавшаго изъ края вслѣдствіе дурно сложившихся обстоятельствъ и вынужденнаго идти въ услуженіе за неимѣніемъ другого мѣста. Офицеръ былъ доволенъ своимъ драбантомъ, такъ какъ онъ исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и велъ себя хорошо. Онъ давалъ ему платье съ своего плеча, платилъ изрядное жалованье и разрѣшалъ въ свободное время погулять... Илькевичъ пользовался добротою офицера и позволялъ себѣ, выходя гулять, надѣвать шинель съ юнкерскими погонами.

Прошло нѣкоторое время, и казачій полкъ долженъ былъ возвратиться на Донъ, на льготу. Офицеръ хотѣлъ взять Илькевича

съ собою, но онъ ѣхать съ нимъ не пожелалъ и просилъ рекомендовать его на службу кому-нибудь изъ мѣстныхъ жителей.

Въ это время виленскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Потаповъ, бывшій наказный атаманъ войска донского. Онъ зналъ лично офицера, у котораго служилъ Илькевичъ. При представленіи ему предъ отъѣздомъ на Донъ офицера, сей послѣдній былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ, во время котораго онъ разсказалъ о затруднительномъ положеніи своего драбанта, передалъ генералу сочиненную имъ сказку о его донскомъ происхожденіи, успѣлъ заинтересовать сочувствовавшаго всѣмъ донцамъ старика, и просилъ дать своему протеже какую нибудь службу.

Генералъ Потаповъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ религіозный, добрый и покровительствовать своимъ любилъ. Онъ велѣлъ прислать къ нему этого, какъ онъ тогда выразился, «блуднаго Булавина», и Илькевичъ предсталъ предъ его грозныя очи на утро, въ своемъ юнкерскомъ мундирчикѣ.

Генералъ-губернаторъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, обласкалъ «блуднаго Булавина», говорилъ съ нимъ на «вы» и, въ концѣ концовъ, предложилъ ему поступить на службу въ виленскую полицію. Илькевичъ, конечно, принялъ это предложеніе съ радостію и по-польски «палъ до ногъ» и поцѣловалъ у генерала рукавъ мундира. Это такъ понравилось представителю власти, что онъ тотчасъ же написалъ полиціймейстеру, полковнику Ѳедорову, записку слѣдующаго содержанія: «прошу принять юнкера Илькевича въ свое распоряженіе», и вручилъ ее, для передачи по принадлежности, Илькевичу.

Нужно-ли говорить, какую сенсацію произвела эта записка въ полиціи. Полиціймейстеръ, старый служака изъ николаевцевъ, не зналъ, какое мѣсто предложить генералъ-губернаторскому протеже. Послѣ долгаго размышленія, онъ остановился на должности чиновника особыхъ порученій, и «блудный Булавинъ» занялъ эту должность, съ содержаніемъ 1.500 р. въ годъ.

Илькевичъ оказался чиновникомъ смѣтливымъ и распорядительнымъ. Не прошло и года, какъ его назначили частнымъ приставомъ одного изъ Виленскихъ участковъ. Тутъ онъ выказалъ удивительныя способности, въ особенности по розыску пропажъ и преступниковъ. Приказы по полиціи наполнялись изъявленіемъ ему благодарности начальства за его полезную и успѣшную дѣятельность. Но не въ одной только службѣ везло ему, финансы его на-

ходились уже въ блестящемъ состояніи, и, въ довершеніе благъ, онъ питалъ себя надеждой завестись своей семьей: одна изъ дочерей полиціймейстера была неравнодушна къ «молодому частному», объясненіе послѣдовало и былъ уже назначенъ день обрученія, но «моментъ выпалъ»—и счастье принесло несчастье...

Энергическій частный приставъ, принявъ въ прописку паспортъ какого-то еврея, замѣтилъ въ немъ что-то подозрительное, и вотъ, чтобы убѣдиться въ благонадежности лица, которому принадлежалъ паспортъ, онъ отправился вечеромъ къ нему на квартиру, въ сопровожденіи полицейскихъ и казаковъ.

Предположенія его увѣнчались успѣхомъ — онъ не только что арестовалъ нѣсколькихъ бѣглецовъ, занимавшихся фабрикаціей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, но успѣлъ захватить и самую фабрику.

О подвигѣ его заговорила Вильна, и генералъ-губернаторъ, по докладѣ ему объ этомъ полиціймейстера, приказалъ представить Илькевича къ наградѣ орденомъ.

Награда эта и погубила «блуднаго Булавина». Губернское правленіе потребовало формулярный списокъ и другія бумаги о происхожденіи и службѣ Илькевича, но бумагъ о немъ никакихъ въ полицейскомъ управленіи не было, кромѣ упомянутой выше записки генералъ-губернатора. Задумался Илькевичъ, и какъ ни вертѣлся — пришлось прибѣгнуть къ помощи письмоводителя. Въ интимной бесѣдѣ съ нимъ, онъ разсказалъ ему, что онъ не дворянинъ и не казакъ донской, а мѣщанинъ Минской губерніи, Ильчевскій; былъ отданъ въ рекруты и во время польскаго возстанія бѣжалъ. Слѣдовательно, какія же могли быть бумаги у дезертира? Письмоводитель, подумавъ, посовѣтовалъ Илькевичу бѣжать,—опять бѣжать, и онъ бѣжалъ, но бѣжалъ основательно, т. е. испросивъ себѣ увольненіе въ 28-дневный отпускъ для отысканія документовъ, и съ дороги прислалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку. Его уволили—и онъ какъ будто канулъ въ воду... ни слуху, ни духу о немъ послѣ въ Вильнѣ не было, но «блуднаго Булавина» вспоминаютъ и до нынѣ, такъ какъ исторія его впослѣдствіи сдѣлалась народнымъ достояніемъ.

Но кто поручится, что этотъ лихой проходимецъ не пристроился въ послѣдствіи еще гдѣ нибудь на службу?

Одинъ изъ «отцовъ-командировъ».

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ фельдъегерскій корпусъ справлялъ праздникъ угодника, покровителя учрежденія. Всѣ служащіе, какъ офицерскихъ, такъ и подъ-офицерскихъ чиновъ, по обычаю, декорировались и прибрались, т. е. надѣли новые мундиры, «кавалерію» и всю присвоенную имъ по положенію аммунпцію. Отслужили обѣдню и молебенъ, и весь корпусъ служащихъ направился въ залъ, гдѣ приготовленъ былъ въ складчину роскошный завтракъ. Старые, сѣдые служаки мѣшались съ молодыми товарищами и, разбиваясь на группы, вели оживленную бесѣду.

— Что-жъ это не ѣдетъ нашъ «отецъ-командиръ»? уже адмиральскій часъ наступилъ, пора бы и «праздничной» попробовать, говорилъ старый маіоръ, обращаясь къ группѣ товарищей.

— Нѣмецъ — всегда нѣмецъ, резонировалъ безусый прапорщикъ, а генералъ нѣмецъ — это доппель нѣмецъ... онъ не упуститъ случая, чтобы не дать почувствовать своего авторитета... Вотъ поди-те-жъ, почти часъ какъ весь корпусъ собрался, а его нѣтъ еще!...

— Подождите, господа, отозвался высокій съ лысиной капитанъ, можетъ быть онъ самъ поѣхалъ по начальству, и пріѣдетъ, какъ въ прошломъ году, съ какимъ нибудь почетнымъ гостемъ...

— Я думаю даже — ввернулъ свое слово молоденькій подъ-офицеръ-нѣмчикъ: — что нашъ досточтимый Карлъ Карловичъ привезетъ намъ напраздникъ какую нибудь милость, напримѣръ: нѣсколько сотенъ рубликовъ въ награду.

— Держи, братъ, карманъ, захохоталъ маіоръ, онъ о себѣ только думаетъ, какъ бы самому словить что нибудь, а о насъ заботится очень мало.

— Да оставьте вы о немъ говорить, братцы, воскликнулъ капитанъ, вы взгляните на закуску — какая прелесть! Татарва поганая приготовлять умѣетъ... на померанцовую посмотришь, такъ даже во рту сохнетъ!...

— А, Боже мой!... да чтоже это, господа, вы не обратите вниманія, вдругъ загорячился старшій офицеръ: закуска — какъ закуска, а доппель-кюммелю нѣтъ!... вѣдь нашъ «отецъ командиръ» ничего другого не пьетъ...

И всѣ засуетились, отыскали татарина-распорядителя и командировали его за кюммелемъ. Между тѣмъ со двора дали знать, что командиръ пріѣхалъ. Старшіе офицеры пошли встрѣчать,

младшіе поправляли свои усы и шевелюры и выравнивались въ шеренги по сторонамъ стола,

Чрезъ нѣсколько минутъ въ зало вошелъ приземистый, широкоплечій, полный генералъ; его мясистое, одутловатое, чисто выбритое лицо, заплывшее отъ жиру, сѣрые безжизненные глаза, коротко остриженные волосы и щетинообразные торчкомъ торчащіе усы, его вросшая въ плечи огромная голова, нахмуренно-сонливый видъ и постоянное конвульсивное подергиваніе верхней губы, его раскидистая воинственная походка, его напускная сановитость и ежеминутное взбрасываніе плечъ — производили при встрѣчѣ съ нимъ самое тяжелое, непріятное впечатленіе. Это былъ типъ выслужившаго солдата николаевскихъ временъ, уснащенный высокомѣріемъ и фанфаронствомъ современнаго прусскаго юнкера. Онъ вошелъ, какъ-то подпрыгивая, стремительно пробѣжалъ зало и, остановясь посединѣ ея, обвелъ глазами команду.

— Здравствуйте, проговорилъ медленно, поднимая плечи, генералъ.

— Здравія желаемъ, ваше пр—во! отвѣтила громко команда.

— А вы еще не пьяны? задалъ вопросъ, становясь въ позу, генералъ.

Отвѣта никакого не послѣдовало. Команда какъ будто оцѣпѣнѣла: такъ неожиданно поразилъ ее подобный вопросъ.

Генералъ между тѣмъ, потряхивая эполетами, эстетически наслаждался произведеннымъ имъ эффектомъ и, вскинувъ на носъ пенснэ, продолжалъ:

— А между вами есть подлецы!..

Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по рядамъ людей, собравшихся мирно отпраздновать день своего патрона. Но никто не сдѣлалъ ни одного возраженія, — такъ страшно и свирѣпо было красное, какъ свекла, лицо начальника. Они только переглядывались, какъ бы ища въ средѣ своей смѣльчака.

Генералъ, между тѣмъ, прошолся два раза взадъ и впередъ по комнатѣ, и молча щипалъ свой коротко остриженный щетинистый усъ. Онъ видимо что то обдумывалъ.

— Ваше пр—во, вдругъ окликнулъ его выступившій изъ рядовъ молодой человѣкъ, мы не знаемъ, о комъ вы изволите говорить, и если есть среди насъ такой человѣкъ, то намъ нужно знать его, и тогда мы обсудимъ, что съ нимъ нужно сдѣлать. Не будете ли такъ добры назвать намъ этого человѣка?

— А, милостивый государь!... вы смѣете предлагать мнѣ подобные вопросы!.. я не хочу называть именъ!.. но я сказалъ, и повторю еще разъ: между вами есть подлецы!.. для васъ должно быть довольно этого... узнать о комъ я говорю—ваше дѣло.

— Но позвольте, ваше пр—во, хоть какое нибудь указаніе... дайте какой нибудь ключъ... какъ же иначе узнать?..

— Вы очень хорошо знаете, о комъ я говорю, называть я никого не хочу, но долженъ сказать, что съ подлецами я служить не намѣренъ... слышите!.. я надѣюсь, что вы поймете, что вамъ нужно сдѣлать... А вы, молодой человѣкъ, обратился онъ къ говорившему, для нашей службы не годитесь.

Команда стояла какъ поражонная громомъ, и другого смѣльчака отвѣчать ему не нашлось.

— А есть у васъ кюммель? обратился генералъ къ стоявшему неподалеку офицеру, дайте мнѣ рюмку, я выпью.

— Сейчасъ принесутъ, ваше пр—во.

— Вотъ, видите ли, вы и праздника своего устроить какъ слѣдуетъ не могли!.. Впрочемъ, дайте мнѣ краснаго вина.

И генералъ выпилъ рюмку вина. Потомъ, обращаясь къ командѣ, сказалъ:

— Пейте и вы... но смотрите, чтобъ до пьяна не напиваться!.. Прощайте!

Его провожали съ поднятыми надъ его головой кулаками, но онъ шолъ не оглядываясь, и уѣхалъ, не отдавъ даже прощальнаго поклона.

Команда заговорила:

— Вотъ такъ хамъ!

— Вотъ такъ поздравилъ съ праздникомъ!

— Вотъ такъ милость привезъ!

— Онъ не хочетъ служить съ нами, такъ пусть убирается къ дьяволу.

— Эхъ, да бросьте, господа, обращается къ товарищамъ съ просьбой старый служака: утро вечера мудренѣе, завтра обсудимъ это дѣло, а нынче пить будемъ, и гулять будемъ, а смерть придетъ, умирать будемъ...

— Какое тутъ гулянье, когда рюмка водки становится въ горлѣ коломъ, ворчитъ капитанъ съ лысиною.

— А ты налей другую побольше, да и осади первую пониже, а потомъ налей третью еще побольше и осади вторую еще пониже, смотришь всѣ три и пройдутъ...

И товарищи выпили, но праздникъ былъ отравленъ: никто не зналъ, кого разумѣлъ командиръ, бросая имъ позорную кличку, и поэтому каждый торопился закусить и уйти скорѣй домой, проклиная въ душѣ ненавистнаго нѣмца, избравшаго день ихъ храмоваго праздника для ихъ оскорбленія и униженія.

На утро выяснилось, что никакихъ данныхъ къ сдѣланному командиромъ предположенію нѣтъ, и генералъ только могъ сказать въ свое оправданіе, что «онъ такъ думалъ».

Наши администраторы.

Въ ноябрѣ 1872 года, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ признали необходимымъ назначить экспедицію для покоренія Хивы. Въ видахъ обсужденія и разрѣшенія вытекавшихъ изъ того весьма сложныхъ вопросовъ организаціи и движенія экспедиціоннаго корпуса, были приглашены въ С.-Петербургъ нѣкоторые главные начальники округовъ, и въ томъ числѣ генералы Константинъ Петровичъ Фонъ-Кауфманъ и Александръ Львовичъ Потаповъ. Какъ извѣстно, лица эти не питали другъ къ другу личныхъ симпатій, и потому взгляды ихъ на дѣла оказывались почти всегда крайне противоположными, что, конечно, не могло не вліять на неудовлетворительное разрѣшеніе дѣлъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, они остановились: одинъ на Большой Морской, въ домѣ Козлова, другой на Малой Морской, въ домѣ князя Щербатова. Казалось бы, такъ близко и для личныхъ совѣщаній удобно, но не тутъ то было: по личнымъ взглядамъ на дѣло они оставались: одинъ въ Вильно другой въ Ташкентѣ. На одномъ изъ экстренныхъ засѣданій у военнаго министра, рѣшено было послать нѣсколько маршевыхъ батальоновъ въ Туркестанъ изъ войскъ виленскаго округа, но съ тѣмъ, чтобы въ батальоны эти не были назначаемы поляки. Рѣшеніе въ деталяхъ предоставлялось разработать по взаимному соглашенію командующихъ войсками Туркестанскаго и Виленскаго округовъ. Генералъ Фонъ-Кауфманъ изложилъ свои соображенія по сему предмету въ особомъ отзывѣ и послалъ ихъ на заключеніе генерала Потапова съ состоявшимъ при немъ для порученій чиновникомъ Петромъ Ивановичемъ Вигилянскимъ, съ тѣмъ, чтобы онъ попросилъ Александра Львовича дать это заключеніе безотлагательно, и, если возможно, то чрезъ него же.

Вигилянскій пріѣхалъ къ Потапову въ то время, когда онъ принималъ просителей. Представясь ему и заявивъ, что онъ присланъ генераломъ Фонъ-Кауфманомъ съ бумагами, получилъ отвѣтъ: «подождите»!

Окончился пріемъ, и Потаповъ ушолъ въ кабинетъ. Проходитъ часъ, и два, а Вигилянскаго къ нему не приглашаютъ. Тотъ проситъ адъютанта доложить о себѣ, предполагая, что генералъ забылъ о немъ, и получаетъ тотъ же отвѣтъ: «подождите»! Подождавъ еще нѣсколько времени, Вигилянскій опять проситъ адъютанта напомнить о немъ генералъ-губернатору. Выходитъ генералъ Потаповъ и спрашиваетъ: «что вамъ угодно»?

— Я присланъ къ вашему превосходительству генераломъ Кауфманомъ, отвѣчалъ Вигилянскій, представить вамъ вотъ это соображеніе по дѣлу о маршевыхъ батальонахъ, и просить вашего по нимъ заключенія, и если возможно, то теперь же.

— Мнѣ теперь некогда.

— Дѣло экстренное, ваше превосходительство, тѣмъ болѣе, что ваше заключеніе должно быть завтра же доложено военному министру.

— Вы можете устраивать съ вашимъ Кауфманомъ какіе хотите походы, отвѣчалъ сердито Потаповъ, но я для васъ не намѣренъ нарушать порядокъ своихъ занятій... Дайте сюда бумаги, отвѣтъ пришлю.

Но отвѣта до самаго выѣзда Константина Петровича въ Туркестанъ онъ такъ и не прислалъ; войска же въ походъ были назначены по распоряженію Главнаго Штаба.

Ретивый инспекторъ.

Въ 1877 году, во время Восточной войны, генералъ-маіору Устругову предписано было произвести инспекторскій смотръ конскому запасу дѣйствующей арміи, стоявшему тогда въ городѣ Александріи. Генералъ этотъ имѣлъ репутацію человѣка строгаго, ставившаго каждое лыко въ строку. Прибывъ въ Александрію, онъ на другой же день назначилъ смотръ. Вывели лошадей, вышли солдаты-конюхи, генералъ идетъ по рядамъ и опрашиваетъ.

— Сколько ты даешь въ день сѣна лошади? обращается онъ къ первому конюху.

— Двадцать фунтовъ, ваше превосходительство.

— А ты? переходитъ генералъ къ другому.

— Полпуда, ваше превосходительство.

— Это что за безпорядки! вскричалъ генералъ. Начальникъ запаса, пожалуйте сюда! обратился онъ къ полковнику Соломкѣ, что это такое у васъ творится: одинъ конюхъ даетъ лошади двадцать фунтовъ сѣна въ день, а другой—полпуда.

— Да вѣдь это одно и тоже, ваше превосходительство, отвѣчаетъ начальникъ запаса.

— Отчего же вы не научили людей отвѣчать начальству одно и тоже?.. а?..

И найдя тему, онъ началъ ее варьировать, то повышая, то понижая голосъ. Начальникъ запаса, приложивъ руку къ козырьку, стоялъ, тянулся и молчалъ. Видя, что его распекація произвела ожидаемое дѣйствіе, т. е. нагнала страхъ, генералъ смягчился, и произвелъ смотръ весьма снисходительно.

СУВОРОВЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

АЛЕКСАНДРЪ Васильевичъ Суворовъ—легендарный русскій герой. Имя его, какъ имя другого легендарнаго нашего героя—Петра Великаго, до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ, преданьяхъ и сказаньяхъ народа не только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ.

Онъ прослужилъ солдатомъ слишкомъ девять лѣтъ, постепенно прошелъ всѣ нижнія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта, и достигъ до самыхъ высшихъ степеней служебныхъ отличій, почета и уваженія. Его обширный умъ, геніальныя способности, любовь къ военному дѣлу и знаніе людей доставляли ему побѣды и надъ ветеранами Фридриха Великаго, и надъ безчисленными турецкими и татарскими ордами, и надъ кичливыми польскими хоругвями и надъ считавшимися непобѣдимыми французскими легіонами. Равнины Пруссіи, лѣса и болота Польши и Волыни, берега Дуная, Рымника и Прута, косы и отмѣли Тавриды, скалы Финляндіи, твердыни Измаила и Праги, поля Италіи, ледяные хребты и пропасти Альповъ видѣли у себя нашего полководца во главѣ предводимаго имъ воинства, и слава его, съ каждымъ новымъ подвигомъ, распространялась и росла.

При маломъ ростѣ, сухощавый, нѣсколько сгорбленный, имѣлъ онъ видъ дряхлый; на головѣ его, рано посѣдѣвшей, осталось лишь нѣсколько клоковъ бѣлыхъ волосъ, собранныхъ впереди локономъ; лицо было въ морщинахъ, но выраженіе лица оживлялось умнымъ проницательнымъ взглядомъ, маленькіе глаза его сверкали огнемъ энергіи; онъ сохранилъ до старости необычайную бодрость тѣлесную и душевную, бойко ѣздилъ верхомъ, шутя прыгалъ и бѣгалъ, въ по-

ходѣ не зналъ экипажа. Появленіе этого старика передъ войсками, нѣсколько словъ его, какая нибудь шутка, приводили солдатъ въ неизъяснимый восторгъ. Узнавъ солдатскій бытъ, во время своей продолжительной службы въ нижнемъ званіи, до самыхъ мелочей, онъ заботился о солдатѣ, входилъ въ его нужды, зорко слѣдилъ, чтобы все, слѣдуемое солдату по положенію, доходило до него полностію, а при случаѣ и баловалъ своихъ гренадеровъ, какъ дѣтей своихъ. Вотъ за что и любили его солдаты, не смотря на строгость и тягости тогдашней службы.

Не менѣе солдатъ его любили и крестьяне. Имѣя значительныя помѣстья [1]), онъ прилагалъ все заботы о поднятіи благосостоянія крестьянъ. Изъ собственноручныхъ его приказовъ и инструкцій управляющимъ видно, что онъ уничтожилъ въ своихъ вотчинахъ всякіе поборы съ крестьянъ натурою, т. е. холстами, птицею и пр., заботился о бѣдныхъ, о дѣтяхъ, о здоровьѣ крестьянъ и способахъ ихъ довольствія лѣсомъ и солью, уничтожилъ рекрутскую повинность въ натурѣ, приказавъ нанимать за своихъ крестьянъ охотниковъ на сторонѣ, для чего назначилъ съ своей стороны часть денегъ изъ слѣдуемыхъ ему оброковъ. Вся его дѣятельность по улучшенію крестьянскаго хозяйства, народному образованію и развитію въ крестьянахъ нравственности проникнута высокой гуманностью и обрисовываетъ его, какъ одного изъ передовыхъ людей своего вѣка.

«Въ толпѣ царедворцевъ—говоритъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ исторіографовъ:—въ совѣтѣ царей, на развалинахъ Измаила и Праги, на берегахъ Требіи, на льдахъ Санъ-Готарда, въ улусѣ нагайскомъ, на бивакѣ, въ сельскомъ уединеніи, Суворовъ вездѣ былъ самобытный, напзмѣнный, странный, великій»...

И этотъ великій Суворовъ не избѣжалъ жестокаго жребія: почти два года онъ находился въ немилости, въ опалѣ, въ ссылкѣ, подъ надзоромъ полиціи.

Причины немилости заключались въ слѣдующемъ.

Въ 1796 году, Императрица Екатерина II, вознамѣрившись послать русскія войска на помощь Австріи, поручила начальство надъ ними Суворову. Старикъ фельдмаршалъ, снѣдаемый честолюбіемъ,

---

[1]) Въ Московской губерніи, Владимірскомъ, Костромскомъ, Пензенскомъ и Новгородскомъ намѣстничествахъ, по свѣдѣніямъ за 1785 годъ, было у него 2626 душъ и въ Кобринскомъ имѣніи 7.000 душъ, дававшихъ дохода до 50 тыс. руб. въ годъ

рвался помѣряться силами съ геніальнымъ «мальчишкой», который, по его словамъ, «шагалъ широко», и котораго «унять было уже пора». Пользуясь довѣренностью императрицы, онъ былъ близокъ къ желанной цѣли, находясь во главѣ 80-ти тысячной арміи, формировавшейся тогда на границахъ Новороссійскаго края.

Восшествіе на престолъ императора Павла измѣнило иностранную нашу политику: готовая къ походу армія оставлена была на мѣстѣ. Повелѣніе это глубоко огорчило маститаго воина, онъ не переставалъ оплакивать кончину великой Екатерины, говоря всѣмъ: «безъ матушки царицы не видать бы мнѣ Кинбурга, Рымника, Измаила и Варшавы», и постоянно былъ не въ духѣ.

Преобразованія по военной части, принятыя тотчасъ по воцареніи Павла I и имѣвшія цѣлью видоизмѣнить всю внѣшность русскаго войска на манеръ прусскій, нашли, какъ извѣстно, въ фельдмаршалѣ Суворовѣ открытаго и неосторожнаго порицателя. Онъ говорилъ: «русскіе прусскихъ всегда бивали, что же тутъ перенять... я лучше прусскаго покойнаго короля, я, милостію Божіею, баталій не проигрывалъ... Солдаты не весслы, унылы, разводы скучны, шагъ уменьшаютъ въ $^3/_4$, и такъ на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ... Я пахарь въ Кобринѣ лучше нежели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ»... Получивъ въ войска палочки для образцовъ и мѣры солдатскихъ косъ и буклей, Суворовъ отозвался: «пудра не порохъ, букли не пушки, коса не тесакъ, я не нѣмецъ—природный русакъ» [1]).

Слова эти доходили до государя; нашлось не мало людей недоброжелательныхъ, которые обрадовались случаю погубить «упрямаго чудака»—и дѣйствовали не безъ успѣха.

Императоръ Павелъ разгнѣвался на то, что фельдмаршалъ медлилъ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ новыхъ его постановленій. Желая уничтожить существовавшія при генералахъ многочисленныя свиты, отвлекавшія множество офицеровъ изъ строя, государь опредѣлилъ число лицъ для штаба каждаго начальника, а всѣхъ излишнихъ затѣмъ повелѣлъ возвратить немедленно въ полки. Относительно производства офицеровъ, ихъ перемѣщеній, отпусковъ, увольненій, были изданы новыя правила. Вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено употреблять воинскихъ чиновъ на частныя работы, по домаш-

---

[1]) Письма и замѣтки Суворова, 2, 3, 12-го января 1797 года.

нимъ дѣламъ или въ курьерскія должности [1]). Между тѣмъ отъ Суворова былъ присланъ въ Петербургъ адъютантъ съ одними партикулярными письмами, уволенъ имъ въ отпускъ офицеръ безъ высочайшаго соизволенія и, наконецъ, присланъ офицеръ курьеромъ. Было ли это ослушаніемъ, или при тогдашнихъ путяхъ сообщенія Суворовъ не могъ получить своевременно сказанныхъ повелѣній — положительныхъ данныхъ не имѣется. Но при всемъ томъ нельзя отвергать послѣдняго, такъ какъ въ высочайшемъ рескриптѣ по поводу присылки курьеромъ капитана Мерлина сдѣлана оговорка слѣдующаго содержанія: «заключая по присланному отъ васъ донесенію, что вы не получили еще повелѣній нашихъ». Во всякомъ случаѣ престарѣлому фельдмаршалу было объявлено монаршее неудовольствіе. Выговоры объявлены въ высочайшихъ приказахъ 15-го и 23-го января 1797 года, а вслѣдъ за симъ, 27 января, фельдмаршалу повѣлено явиться въ Петербургъ и быть «безъ команды».

«Упрямый чудакъ» въ Петербургъ не поѣхалъ, но послалъ 3-го февраля прошеніе объ увольненіи въ отставку [2]). Изъ письма къ фельдмаршалу графа Ростопчина, отъ 14-го февраля, видно, что желаніе его было императоромъ предупреждено: Суворовъ отставленъ отъ службы 6-го февраля [3]).

Графъ Д. А. Милютинъ, въ статьѣ своей «Суворовъ», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, говоритъ: «вѣроятно, кромѣ сего прошенія (т. е. отъ 3-го февраля) было еще и другое, оставшееся неизвѣстнымъ, ибо въ высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 6-го февраля 1797 года, изображено такъ: «Фельдмаршалъ графъ Суворовъ отнесся къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, то ему дѣлать нечего; за подобный отзывъ отставляется отъ службы».

Вотъ все, что извѣстно по оффиціальнымъ документамъ о про-

---

[1]) Высочайшія повелѣнія, 20, 22 и 26-го ноября 1797 года (Полное Собр. Зак., т. XXIV). Рескрипты, 2, 14 и 23-го января 1797 года.

[2]) Въ прошеніи этомъ писалъ онъ: Мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Ваше Имп. Вел. всеподданнѣйше просить для исправленія ото-дня въ день ослабѣвающихъ моихъ силъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня въ мои здѣшнія Кобринскія деревни на сей текущій годъ.

[3]) Ростопчинъ писалъ: «Государь императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства, отъ 3-го февраля, соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы оставлены еще 6-го февраля».

ступкахъ великаго полководца, навлекшихъ на него царскую опалу и долговременную ссылку.

Между тѣмъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, за нимъ былъ грѣшокъ иного рода, простить который Павелъ, при вступленіи на престолъ, не могъ.

Н. И. Григоровичъ, въ статьѣ «Канцлеръ князь Безбородко», напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1877 года, привелъ нѣкоторыя доказательства въ пользу предположенія, что императрица Екатерина II оставила особый манифестъ въ родѣ духовнаго завѣщанія, подписанный важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ, о назначеніи наслѣдникомъ престола не Павла Петровича, а любимаго ея внука, Александра Павловича, и что документъ этотъ, по указанію Безбородки, сожженъ Павломъ въ день смерти матери. «Немилость къ первому, говоритъ Григоровичъ,—и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто бы именно вслѣдствіе этого».

О времени и мѣстѣ, откуда Суворовъ былъ отправленъ въ ссылку, біографы его повѣствуютъ различно.

М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова», говоритъ, что фельдмаршалъ, узнавъ о своемъ увольненіи, выѣхалъ въ Москву, гдѣ располагалъ основаться въ домикѣ, унаслѣдованномъ имъ послѣ родителя и находившемся на большой Никитской, въ приходѣ церкви Ѳеодора Студита. Но не тутъ то было. Частный приставъ, явясь къ отставному фельдмаршалу, объявилъ ему, что, по случаю приближающейся коронаціи императора Павла, имѣетъ повелѣніе лично проводить его до новгородскаго помѣстья.

— Сколько мнѣ назначено времени для приведенія въ порядокъ дѣлъ? спросилъ Суворовъ.

— 4 часа, отвѣчалъ приставъ.

— Слишкомъ много милости, продолжалъ фельдмаршалъ, для Суворова довольно одного часа.

Затѣмъ, велѣвъ отложить поданную къ крыльцу дорожную карету, бодрый старикъ потребовалъ экипажъ, «въ какомъ ѣздилъ ко двору Екатерины или въ армію», и частный приставъ, волей-неволей, долженъ былъ въ тряской кибиткѣ проскакать съ Суворовымъ болѣе 500 верстъ [1]).

---

[1]) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго, т. III, стр. 338—339.

Между тѣмъ графъ Д. А. Милютинъ, въ упомянутой выше статьѣ «Суворовъ», разсказываетъ, что отставленный отъ службы фельдмаршалъ, въ мартѣ 1797 года, переѣхалъ изъ Тульчина, гдѣ стояла его дивизія, въ свое Кобринское имѣніе, но 23-го апрѣля прибылъ туда изъ Петербурга нарочный съ высочайшимъ повелѣніемъ опальному отправиться на жительство въ Новгородское его имѣніе, село Кончанское. Съ этимъ посланнымъ Суворовъ и отправился въ путь по назначенію 25-го апрѣля.

Село Кончанское—родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши Новгородской губерніи, въ сѣверо-восточной части Боровичскаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ [1]). По описи Кончанскаго, произведенной въ 1784 году, значилось въ немъ: домъ господскій, двухъэтажный, ветхій, въ немъ имѣется 10 покоевъ; при немъ кухня, баня, погребъ, каретный сарай и конюшня. Господскій домъ былъ настолько ветхъ, что знаменитый изгнанникъ въ немъ жить не могъ, а занялъ простую крестьянскую избу, верстахъ въ 3—4 отъ Кончанскаго, близъ церкви, гдѣ и жилъ зимою, а лѣтомъ уходилъ на близъ лежащую гору Дубиху, и тамъ, среди старинныхъ дубовъ и вязовъ, уединялся въ простой 2-хъ-этажной избѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ, по одной въ каждомъ этажѣ [2]). Вблизи этой избы, на горѣ, подъ елями устроена была печка, гдѣ неизмѣнный слуга Суворова, Прохоръ, награжденный впослѣдствіи отъ австрійскаго императора за заботы о здоровьѣ фельдмаршала медалью, грѣлъ для него мѣдный чайникъ и приготовлялъ чай. За горой, въ нѣсколькихъ шагахъ, вырытъ былъ колодезь, оттуда доставляли Суворову холодную воду для частыхъ его ваннъ. Далѣе шли липовыя и березовыя аллеи насажденнаго имъ сада, и въ саду церковь — прибѣжище въ часы душевныхъ мукъ и скорби. Изба была меблиро-

---

[1]) Въ 1761 г., новгородскія вотчины, Сопинская и Кривинская, гдѣ находится село Кончанское, принадлежали императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣ ея смерти, они пожалованы гофмейстеринѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой, урожденной Скавронской, которая продала ихъ генералъ-поручику И. И. Шувалову, а сей послѣдній — В. И. Суворову, отцу фельдмаршала.

[2]) Дубиха, самая возвышенная мѣстность близъ села Кончанскаго, доселѣ хранитъ хижину отшельника, опоясанную балкономъ и окруженную старыми елями — свидѣтельницами занятій и думъ героя. Что же касается большаго дома, то онъ внукомъ фельдмаршала сломанъ и на мѣстѣ его выстроенъ другой изъ бревенъ, заготовленныхъ по приказу его великаго дѣда еще въ 1789 году.

вана просто: кровать, столъ и нѣсколько стульевъ изъ еловаго дерева, диванъ, портретъ Петра Великаго, бюстъ Екатерины II, нѣсколько портретовъ семейныхъ и книгъ. Вотъ та обстановка, среди которой проводилъ невольный отшельникъ все время своего заточенія.

Поселясь въ Кончанскомъ, Суворовъ, всегда вѣрный себѣ, не измѣнилъ прежняго образа жизни, не имѣлъ ни одного зеркала въ домѣ, спалъ на сѣнѣ, вставалъ въ 2 часа пополуночи, окачивался лѣтомъ и зимой водой со льдомъ, потомъ пилъ чай, причемъ заказывалъ повару обѣдъ въ 4—5 блюдъ, за который садился въ 8 часовъ утра и ѣлъ его не иначе, какъ въ четырехъ пяти маленькихъ горшечкахъ. Послѣ обѣда отдыхалъ, въ 4 часа снова пилъ чай и въ 10 часовъ ложился спать. Въ знойные дни фельдмаршалъ ходилъ съ открытой головой, по субботамъ считалъ долгомъ париться въ жарко натопленной банѣ. Досугъ свой побѣдитель Турціи и Польши наполнялъ тѣмъ, что устраивалъ свадьбы и присутствовалъ при вѣнчаніяхъ, примирялъ ссорившіяся семьи, участвовалъ въ крестьянскихъ заботахъ, игралъ съ деревенскими мальчишками въ бабки, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ съ дьячкомъ на клиросѣ и звонилъ въ колокола

Самъ онъ писалъ о себѣ къ своему племяннику, графу Д. И. Хвостову: «служу Богу небесному и вѣренъ Богу земному»... (отъ 27-го іюля 1797 г.), или: «войскъ здѣсь нѣтъ, обращеніе мое двѣ трети съ дворянами. Государскіе дни званы были разъ пять-шесть ихъ не торжествовать я считалъ за грѣхъ. Незваные по дружбѣ въ другіе праздники и дни были у меня къ службѣ божіей и одному обѣду, разъ до восьми человѣкъ, отъ трехъ до полдюжины. Самъ я былъ въ гостяхъ менѣе 10 разъ; прочее время провождалъ я въ глубокомъ уединеніи самъ-другъ, самъ-третей со священникомъ»... (отъ 18-го декабря 1797 г.).

Судя по изложенному выше, можно было бы думать, что опальному фельдмаршалу и въ ссылкѣ жилось хорошо: любимый и уважаемый сосѣдями, онъ водитъ съ ними хлѣбъ-соль; обладая большими помѣстьями и хорошимъ здоровьемъ, благоденствуетъ и заботится о благоденствіи другихъ; веселый, среди народа, какъ прежде, онъ шутитъ, смѣется и чудитъ. Но въ дѣйствительности положеніе престарѣлаго героя было крайне непріятно и тяжело. Онъ находился подъ полицейскимъ надзоромъ весьма строгимъ, въ особенности, когда былъ присланъ нарочно для этого особый чиновникъ

Николевъ [1]). Изъ документовъ, извлеченныхъ въ послѣднее время изъ архивовъ и переданныхъ въ мое распоряженіе редакціей «Историческаго Вѣстника», мы узнаемъ, что геніальный полководецъ, любимый сынъ побѣды, надежда и гордость отечества, третировался въ деревнѣ приставниками, какъ уголовный преступникъ. Обстоятельство это такъ его огорчило, что онъ особымъ письмомъ къ государю просилъ о дозволеніи удалиться въ Нилову Пустынь, чтобы тамъ окончить свои дни, но отвѣта не получилъ.

Первоначально надзоръ за Суворовымъ порученъ былъ боровичскому городничему, премьеръ-маіору Алексѣю Львовичу Вындомскому, который и долженъ былъ находиться безотлучно при Суворовѣ въ Кончанскомъ [2]), при чемъ ему было предписано наблюдать, чтобы Суворовъ никуда не отлучался и обо всемъ замѣченномъ доносить.

Изъ донесенія Вындомскаго, отъ 14-го іюля 1797 года, видно, что Суворовъ по переѣздѣ въ деревню недомогалъ, но нѣсколько подкрѣпился пріѣздомъ къ нему на нѣсколько недѣль дѣтей его, графини Наталыи Александровны Зубовой и графа Аркадія Александровича.

---

[1]) Поводомъ къ усиленію надзора за Суворовымъ, нужно думать, послужило слѣдующее обстоятельство. Однажды въ Кончанское прибылъ курьеръ съ рескриптомъ отъ императора, засталъ Суворова парящимся на полкѣ и немедленно былъ принятъ въ той же банѣ. Прочитавъ на конвертѣ надпись: «генералъ-фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому», Суворовъ хладнокровно возвратилъ конвертъ курьеру и сказалъ: «это не ко мнѣ: фельдмаршалъ при арміи, а я въ деревнѣ». Удивленный курьеръ напрасно старался увѣрить Суворова въ дѣйствительномъ назначеніи конверта и, порядочно пропотѣвъ въ банѣ, возвратился въ Петербургъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхалъ. Императоръ не обнаружилъ досады на эту продѣлку стараго героя и только велѣлъ усилить за нимъ надзоръ. (М. Д. Хмыровъ, въ статьѣ: «Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова»).

[2]) Доставленъ Суворовъ къ Кончанское коллежскимъ ассесоромъ Юріемъ Николевымъ, въ предписаніи которому было сказано: «по высочайшему повелѣнію ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣстопребываніе фельдмаршала Суворова, оттуда привесть его въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить городничему Вындомскому; въ случаѣ же надобности требовать помощи отъ всякаго начальства». (Рапортъ новгородскаго губернатора къ князю Куракину, отъ 17-го іюня 1797 г.).

21-го іюля Вындомскій донесъ: «г. фельдмаршалъ Суворовъ на сихъ дняхъ въ слабомъ здоровьѣ и весьма скучаетъ, что состоящій домъ въ селѣ его Кончанскомъ весьма ветхъ и не только въ зиму, но и осень пережить въ слабомъ его здоровьѣ вовсе нельзя и желаетъ переѣхать въ сорока пяти верстахъ состоящее свойственницы его Ольги Александровны Жеребцовой, село Ровное. Пріѣхавшаго въ свитѣ графини Натальи Александровны Зубовой маіора Сіона его сіятельство отправилъ въ польскія его деревни для полученія всѣхъ брилліантовыхъ вещей тамъ хранящихся у подполковника Корицкаго [1]), и какъ таковыхъ вещей по цѣнѣ можетъ быть слишкомъ на триста тысячъ рублей, то по привозѣ сюда имѣть ли мнѣ въ своемъ смотрѣніи и гдѣ хранить оные, ибо при жизни его сіятельства въ Кончанскѣ, какъ въ самомъ лѣсномъ и опасномъ мѣстѣ, крайне опасно. Прибывшіе сюда евреи требовали у меня позволенія видѣть его сіятельство и объясниться съ нимъ въ поставленномъ провіантѣ изъ польскихъ его сіятельства деревень въ Варшавскую провіантскую коммисію и имѣть разсчетъ, но я тѣхъ евреевъ допустить къ его сіятельству не осмѣлился».

По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія императора Павла, 31-го іюля 1797 года, послѣдовало повелѣніе: «дозволить графу Суворову переѣхать въ село Ровное и брилліантовыя вещи ему оставить при себѣ; но при томъ надлежащее наблюденіе имѣть какъ за образомъ его жизни, такъ равно и за поведеніемъ».

---

[1]) Н. Рыбкинъ, въ книгѣ «Генералиссимусъ Суворовъ, жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность», говоритъ, что переѣздъ Суворова въ село Кончанское, въ 1797 году, исполненъ былъ вдругъ, такъ что фельдмаршалъ, какъ слѣдуетъ, не могъ собраться въ дорогу и многихъ вещей съ собой изъ Кобрина не взялъ. У подполковника Корицкаго, по сообщенному Рыбкинымъ регистру, оставлены были слѣдующія вещи: эполетъ брилліантовый, жезлъ фельдмаршальскій, андреевскій крестъ и звѣзда, портретъ римскаго императора, брилліантовый бантъ къ шляпѣ, перо къ каскѣ, большая шпага и малая шпага, табакерка съ портретомъ Александра Македонскаго, табакерка съ вензелемъ ея величества, табакерка съ вензелемъ римскаго императора, табакерка съ гербомъ польской короны, крестъ шейный и звѣзда Александра Невскаго, тоже два креста 1-й степени, крестъ шейный св. Анны, тоже два креста 1-й степени, Чернаго Орла 1-й степени крестъ, Краснаго Орла 1-й степени два креста, крестъ св. Георгія 2-й степени, перстень золотой отъ ея величества безъ каменьевъ, трость камышевая съ золотымъ набалдашникомъ.

24-го іюля, Суворовъ, находя крайне неудобнымъ жить въ старомъ домѣ въ Кончанскомъ, выѣхалъ въ другую свою усадьбу, отстоявшую въ 45 верстахъ, въ с. Камсинѣ, гдѣ жилье считалось болѣе помѣстительнымъ, но мѣстность ему показалась хуже, нежели въ Кончанскомъ, и онъ возвратился въ послѣднее 26-го іюля.

Вындомскій, донося объ этомъ, присовокупилъ, что Суворовъ въ проѣздъ туда заѣзжалъ въ г-жѣ Мякинной. Вслѣдъ за тѣмъ (отъ 4-го августа) онъ увѣдомилъ, что, «графъ на сихъ дняхъ выѣзжалъ къ сосѣдкѣ въ семи верстахъ, Пелагеѣ Лупандиной, гдѣ отобѣдалъ и возвратился домой. Болѣе же ничего не замѣтилъ».

Между тѣмъ новгородскимъ губернаторомъ было получено 3-го августа высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Г. статскій дѣйствительный совѣтникъ Митусовъ! Имѣете смотрѣніе, что бы исключенный изъ службы маіоръ Антингъ, Грессеръ и ротмистръ князь Четвертинскій и подобные ему свиты Суворова [1]) не имѣли никакого сношенія и свѣдѣнія съ живущимъ въ Новгородской губерніи бывшимъ фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ [2]). Павелъ».

Губернаторъ, въ виду такого повелѣнія и донесенія Вындомскаго, обращается къ генералъ-прокурору князю Куракину съ вопросомъ: «можно ли графу ѣздить въ гости»? На что получается отвѣтъ отъ 17-го августа: «Его императорское величество высочайше повелѣть сонзволилъ: разъѣзды по гостямъ графу Суворову запретить».

12-го августа, городничій донесъ, что Суворовъ «ни съ кѣмъ изъ свиты его свиданія не имѣлъ, кромѣ маіора Сіона, отправленнаго въ Кобринъ за брилліантовыми вещами, а развѣ не случаются ли оные посредствомъ переписки живущей теперь у него дочери, которой писемъ онъ свидѣтельствовать не смѣетъ, а въ доказательство сего сомнительства» Вындомскій представилъ перехваченныя

---

[1]) Всѣ чины штаба Суворова, до 20 человѣкъ, при исключеніи фельдмаршала изъ службы, одновременно съ нимъ также были отставлены.

[2]) Вѣроятно, Императоръ Павелъ, называя Суворова бывшимъ фельдмаршаломъ, не считалъ его состоящимъ въ этомъ званіи, что и могло подать поводъ старому вонну, при пріемѣ въ банѣ посланнаго къ нему курьера съ конвертомъ на имя фельдмаршала, не принять этого конверта.

съ почты и распечатанныя имъ письма, посланныя камердинеромъ Суворова къ графу Зубову и графу Хвостову [1]).

Въ отвѣтъ на это Митусовъ предписалъ: перехватывать на почтѣ и доставлять къ нему всѣ письма какъ къ графу, такъ и къ его дочери и ко всѣмъ его людямъ. Когда же пріѣдетъ Сіонъ, то не дозволять ему имѣть свиданія съ Суворовымъ, а только допустить отдать бриллiантовыя вещи.

22-го августа, прибылъ въ Кончанское «одинъ изъ свиты Суворова», ротмистръ Павловскій, и просилъ Вындомскаго допустить его къ фельдмаршалу.

Городничій объявилъ, что безъ разрѣшенія губернатора допустить его къ графу не можетъ. При этомъ отобралъ у него находившіяся при немъ бумаги и, запечатывая ихъ, сказалъ, что за полученіемъ дозволенія ему придется ѣхать въ Новгородъ.

Павловскій догадался.

— Стало быть, я подъ присмотромъ? Не поѣду. Вы сего сдѣлать не можете.

Городничій предъявилъ ему высочайшее повелѣніе.

— Я не могу ѣхать, я боленъ, развѣ связать велите...

Городничій взялъ у него шпагу и въ сопровожденіи сержанта и караульнаго отправилъ Павловскаго къ губернатору, при донесеніи, въ которомъ назвалъ его бывшимъ секретаремъ и клевретомъ Суворова.

Митусовъ отправилъ Павловскаго и отобранныя у него бумаги въ Петербургъ [2]). На допросѣ въ Тайной экспедиціи Павловскій по-

---

[1]) Камердинеръ Прохоръ Ивановъ, отъ 11-го августа. писалъ первому, что съ графа взыскиваетъ казна 3.000 рублей по провіантскимъ разсчетамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и казна должна была графу по провіанту же до 12.000 рублей, второму: «графъ ни Бочевалъ, ни Корыоланъ, ни Нарбегъ. Алексѣй Львовичъ Вындомскій, здѣшній городничій, по Архарову приказанію, при его особѣ; судите же мучительство судьбы въ невинности его. Чѣмъ ему ѣхать въ Петербургъ, лучше бы отпустили въ чужія края. Еще извѣстно ли вамъ, присланы были отъ Николая Алексѣевича полковника Дьякова два жида прикащики продрядчика Эмина, якобы изъ Кобринскихъ деревень поставляли въ коммисію провіантъ, который нынѣ возвращается назадъ, и для полученія за оный просятъ отъ графа 20.500 рублей.

[2]) Донесеніе отъ 23-го августа, гдѣ, между прочимъ, Митусовъ писалъ: «такъ какъ многіе собираются ѣхать къ графу, то куда

казалъ: въ службу вступилъ въ 1792 г., кадетомъ, въ 1794 г. переименованъ въ поручики, и съ рекомендаціей отъ Михаила Васильевича Каховскаго къ гр. Суворову, прибылъ къ нему въ Петербургъ, въ 1796 г. съ графомъ пріѣхалъ въ Тульчинъ и произведенъ въ ротмистры Таврическаго конно-егерскаго полка. Когда графъ Суворовъ былъ уволенъ отъ службы, Павловскій поѣхалъ въ Кобринъ, гдѣ графъ подарилъ ему 50 душъ; вскорѣ потомъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ былъ арестованъ въ числѣ 18-ти офицеровъ совѣтникомъ Николевымъ и отвезенъ въ кіевскую крѣпость, черезъ два мѣсяца его вмѣстѣ съ другими освободили и уволили, съ позволеніемъ жить гдѣ кто пожелаетъ. Павловскій поѣхалъ въ пожалованную ему графомъ деревню, и по хозяйственнымъ дѣламъ имѣя надобность видѣть графа, поѣхалъ къ нему, гдѣ и былъ арестованъ и высланъ подъ карауломъ въ Петербургъ.

По докладѣ объ этомъ Императору Павлу, 28-го августа, послѣдовала резолюція: «Павловскаго выпустить, давъ ему помочь въ исправленіи его нуждъ по деревнямъ. Переписку графини Зубовой и ея людей не свидѣтельствовать. Сіону быть при графѣ Суворовѣ, яко воспитателю его сына, не возбранять, но другимъ никому къ графу пріѣздъ не дозволять».

25-го августа, городничій доносилъ: «Ничего не случилось, кромѣ разговора, состоящаго въ томъ, что графъ племянницу свою, которая пріѣхала изъ Петербурга съ его дочерью, дѣвицу Евпраксію Раевскую, выдастъ въ замужество за Боровицкаго помѣщика, капитанъ-лейтенанта Александра Румянцова, и даетъ въ приданое изъ своего имѣнія сто душъ, но съ тѣмъ, чтобы жить ему Румянцову, въ домѣ его сіятельства»; а отъ 1-го сентября повторилъ: «Суворовъ ожидаетъ разрѣшенія о дозволеніи будущему мужу его племянницы жить съ нимъ».

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія государя, 26-го сентября, послѣдовала резолюція: «Сватьба сія не должна быть запрещена, равномѣрно и пребываніе ихъ при графѣ».

Но полицейскій надзоръ или не вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ, или его признали нужнымъ усилить, только князь Куракинъ, собравъ справки о разныхъ сосѣдяхъ графа Суворова и избравъ

ихъ отправлять и откуда брать прогоны». Изъ этого можно заключить, что тюремщики Суворова смотрѣли на него, какъ на опаснаго заговорщика.

одного изъ нихъ, помѣщика, отставнаго коллежскаго совѣтника Феоктиста Афонасьевича Долгово-Сабурова, имѣвшаго въ 50-ти верстахъ отъ Боровичей 300 душъ крестьянъ, предложилъ ему имѣть секретный присмотръ за Суворовымъ. На это достойный помѣщикъ, письмомъ отъ 14-го августа, отвѣчалъ генералъ-прокурору, что по слабости здоровья, давнишнею чахоткою изнуреннаго, онъ не въ состояніи исполнить возложеннаго на него порученія, а что это правда— подтвердитъ и губернаторъ.

Императоръ Павелъ, по выслушаніи объ этомъ доклада, 4-го сентября, повелѣлъ: «Надзирать за графомъ Суворовымъ поручить г. Николеву, который за нимъ былъ отправленъ, предписывая ему надзираніе сіе чинить наѣздами».

Николева командировали въ Боровичи, куда онъ и прибылъ 22-го сентября.

Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1862 года, кн. IV напечатана «Секретная инструкція отправленному по Высочайшему повелѣнію въ Боровичи коллежскому ассессору Николеву для надзиранія за Суворовымъ» [1]). Но

---

[1]) Инструкція эта слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, опредѣляется генералъ-фельдмаршалъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій на житье въ деревняхъ его, состоящихъ въ Новгородской губерніи, въ Боровичскомъ уѣздѣ. На каковой конецъ, вслѣдствіе Его Императорскаго Величества соизволенія, и имѣете вы отправиться въ оный городъ Боровичи, и жить тамо для надзиранія объ образѣ его жизни, поведеніи и вообще всякаго рода поступкахъ, о коихъ увѣдомлять меня еженедѣльно, со всякою подробностью. Правила при семъ надзираніи предписываются вамъ слѣдующія: 1) Сколько возможно скрывать отъ него самого и его окружающихъ, что предметъ пребыванія вашего тамъ есть порученное вамъ надзираніе, а также не давать знать о томъ никому, отводя всякую догадку собственными своими дѣлами, имѣющимися якобы по судебнымъ мѣстамъ, или каковымъ-либо торговлямъ, или постороннимъ препорученіями. 2) Всемѣрно стараться вѣдать, отъ кого будетъ онъ имѣть посѣщенія, съ какимъ намѣреніемъ, въ чемъ онъ съ посѣщателями, или порознь, будетъ упражняться, какіе разговоры произнесены будутъ, и не произойдетъ ли каковыхъ-либо разсылокъ, отъ кого, куда, чрезъ кого, когда и зачѣмъ? Исключеннымъ же изъ службы майорамъ Антингу и Грессеру, ротмистру князю Четвертинскому и подобнымъ свиты графа Суворова спошеніе и свиданіе запрещается, кромѣ майора Сіона, при сынѣ его находящагося. 3) О письменномъ его самаго и находящихся при немъ производствѣ наблюдать наи-

инструкція эта Высочайше утверждена не была. Николевъ при отъѣздѣ просилъ инструкціи. Князь А. Б. Куракинъ поручилъ Александру Семеновичу Макарову «изготовить надлежащую инструкцію» и повелѣніе о командировкѣ Николева записать въ списокъ секретныхъ указовъ. Инструкція была поднесена на монаршее воззрѣніе 26-го сентября, при чемъ испрашивалось повелѣніе: оставаться ли

строжайше, въ чемъ оно состоять будетъ, черезъ кого именно и гдѣ, а особливо имѣть въ неусыпной бдительности переписку писемъ, въ домъ его присылаемыхъ, какими-бы-то путями не было. Для лучшаго въ семъ случаѣ успѣха предписано отъ начальства, съ одной стороны, почтмейстеру Боровичской почтовой конторы изъ дому его приносимыя и по почтѣ приходящія въ ту контору, въ домъ къ нему слѣдующія, письмы присылать, чрезъ городничаго, къ вамъ, а съ другой—тамошнему земскому исправнику, въ небытность вашу въ уѣздѣ, наблюдать и извѣщать васъ, чрезъ того же городничаго, какъ о письмахъ, съ нарочными присылаемыхъ и отсылаемыхъ, такъ и о посѣщеніяхъ и упражненіяхъ, для чего и нужно напередъ свидѣться вамъ съ исправникомъ лично и объясниться обо всемъ. Вы же, получая извѣстія, должны стараться достигнуть о томъ ближайшихъ свѣдѣній, и все доставлять ко мнѣ въ означенное объ увѣдомленіяхъ время. Изъ сего исключается переписка дочери его и ея приближенныхъ, которая, по Высочайшему повелѣнію, есть свободная. 4) Если же бы вы, противу всякаго чаянія и ожиданія, примѣтили и подлинно удостовѣрились хотя о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, ваше замѣчаніе заслуживающихъ, и подозрѣніе возбуждающихъ словахъ, дѣяніяхъ, перепискахъ, разсылкахъ и посторонніхъ пріѣздахъ, то, не теряя времени, присылать ко мнѣ увѣдомленіе съ нарочнымъ, или со штафетою, и объяснить тотъ случай, или приключеніе, съ такой подробностью и доводами, чтобы никакого уже тутъ не было сомнѣнія и затруднительности. 5) А дабы преподать вамъ и способъ къ самому точному сего предписанія исполненію, то поручено отъ меня боровичскому городничему дѣлать вамъ всевозможныя пособія тамъ, гдѣ вамъ настоять будетъ невозможность и препоны къ исправленію повелѣннаго. 6) Впрочемъ, будучи вы съ нѣкотораго времени ему самому знакомымъ, должны стараться всевозможнымъ образомъ сохранить къ нему должное почтеніе, и не подать ни малѣйшаго повода ни ему, ни приближеннымъ его, или домашнимъ людямъ, къ неудовольствію, но паче оказывать ласку и доброхотство. А потому, когда бы онъ, графъ Суворовъ, вознамѣрился куда-нибудь поѣхать въ гости, или на посѣщеніе кого-либо, то представлять ему учтивымъ образомъ что, по теперешнему положенію его, того дѣлать не можно; если же бы онъ оказалъ тутъ свое усиленіе, то объявить ему о семъ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, и потомъ отказать на отрѣзъ, и меня увѣдомить».

Вындомскому при Суворовѣ. Императоръ Павелъ повелѣть соизволилъ: «Боровичскому городничему остаться при его должности, а смотрѣніе за графомъ Суворовымъ имѣть коллежскому ассессору Николеву, которому особой инструкціи не давать, а предписать ему, чтобы онъ увѣдомлялъ о всѣхъ дѣйствіяхъ и упражненіяхъ графа Суворова».

22-го сентября, Вындомскій сдѣлалъ послѣднее донесеніе: «Вчера шляхтичъ Красовскій, управляющій имѣніями Суворова, привезъ брилліантовыя вещи и оброку 3.000 р. и отдалъ графу, и отправленъ обратно въ экономію. Графиня Зубова, графскій сынъ Суворовъ, дѣвица Раевская и маіора Сіона жена вчера отправились въ Петербургъ. Здоровье графа въ прежнемъ положеніи, но самъ графъ говоритъ, что слабъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Вындомскій представилъ присланное на имя графа Суворова письмо маіора Антинга изъ Петербурга.

Отъ того же 22-го сентября, сдѣлалъ свое первое донесеніе и Николевъ. Отрапортовавъ о пріѣздѣ своемъ въ Кончанское 20-го сентября и выѣздѣ дѣтей Суворова со свитою въ Петербургъ 21-го сентября, въ ночь, онъ описалъ образъ жизни и встрѣчу съ Суворовымъ слѣдующими словами: «Графа нашелъ въ возможномъ, по лѣтамъ его, здоровьѣ, ежедневныя его упражненія суть слѣдующія: встаетъ до свѣта часа за два, напившись чаю, обмывается холодной водою, по разсвѣтѣ ходитъ въ церковь къ заутренѣ и не выходя слушаетъ обѣдню, самъ поетъ и читаетъ; опять обмывается, обѣдаетъ въ 7 часовъ, ложится спать, обмывается, слушаетъ вечерню, умывается раза три и ложится спать. Скоромнаго не ѣстъ, во весь день бываетъ одинъ, и по большей части безъ рубашки, разговаривая съ своими людьми; одежда его въ будни канифасный камзолчикъ, одна нога въ сапогѣ, другая въ туфлѣ, въ высокоторжественные дни — фельдмаршалскій безъ шитья мундиръ и ордена, въ воскресные и праздничные дни — военная егерьская куртка и каска.

«По свиданіи со мною, встрѣтилъ меня печальнымъ видомъ, спрашивая: «откуда я пріѣхалъ»? Я сказалъ, что проѣздомъ въ Тихвинъ заѣхалъ, на что онъ мнѣ сказалъ: «я слышалъ, что ты пожалованъ чиномъ, правда и служба большая, все служилъ, выслужилъ... улыбаясь повторилъ: продолжай эдакъ поступать, еще наградятъ». Я въ отвѣтъ ему сказалъ, что исполнять волю монаршую первѣйшій долгъ всякаго вѣрноподданаго; онъ на сіе мнѣ отвѣ-

чалъ: «я бы сего не сдѣлалъ, а сказался бы больнымъ». Но какъ я ему сказалъ, что крайне удивляюсь, слыша отъ него такіе совѣты, то и замолчалъ, и я тотчасъ вышелъ вонъ. На другой день, даже до сегодня уже гораздо нашелъ его снисходительнѣе и ласковѣе, а по причинѣ графинина отъѣзда много плакалъ и сказывается больнымъ, признавая въ себѣ во многихъ членахъ припадки паралича, но ни мною, и никѣмъ здѣсь оные не видимы и не примѣчены. Шляхтичъ Красовскій сей день въ Кобринъ отправленъ, осмотрѣнъ и съ графомъ не видавшись».

Въ заключеніи Николевъ повѣствовалъ: «Позвольте, ваше сіятельство, объяснить невозможность въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣть за графомъ надлежащій присмотръ, поелику живетъ онъ одинъ въ избѣ, удаленной отъ селенія, подлѣ церкви, гдѣ приставнику помѣститься негдѣ, домъ же его такъ ветхъ, что осенью и зимой нельзя въ немъ жить, всечасно окруженъ бываетъ своими людьми, изъ коихъ самые ближайшіе: камердинеръ и два солдата отставныхъ, люди непокорливые и нетрезвые и имѣвъ въ повелѣніи своемъ тысячу душъ корелъ, изъ коихъ весьма малое число по-русски худо разумѣютъ, а посему почти возможности нѣтъ усмотрѣть, чтобъ онъ не могъ тайно отправить отъ себя кого съ письмами, или для другого чего, также и на оныя отвѣты получить, а по неимѣнію здѣсь никакой команды объ могущихъ случившихся каковыхъ происшествіяхъ донесеній доставлять не съ кѣмъ и не начѣмъ. А посему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство оказать милость въ разсужденіе вышеписанныхъ обстоятельствъ снабдить меня вашимъ повелѣніемъ, или для личнаго объясненія позволить мнѣ быть въ Петербургъ, дабы въ невыполненіи порученнаго мнѣ не отвѣтствовать».

Въ свою очередь, и Суворовъ, озабоченный пріѣздомъ Николева и опасаясь еще большихъ стѣсненій, 20-го же сентября, рѣшился обратиться къ императору Павлу съ слѣдующимъ письмомъ:

«Всемилостивый государь!

«Ваше императорское величество съ высокоторжественнымъ днемъ рожденія всеподданнѣйшій поздравляю.

«Сего числа пріѣхалъ ко мнѣ колежскій совѣтникъ Николевъ. Великій монархъ! Сжальтесь: умилосердитесь надъ бѣднымъ старикомъ. Простите ежели въ чемъ согрѣшилъ.

«Повергая себя къ освященнѣйшимъ стопамъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій.

Г. А. Суворовъ-Рымникскій».

«20-го сентября 1797 года
«Боровичскія деревни».

По докладѣ этого письма, 28-го сентября, императору Павлу, государь повелѣлъ «оставить безъ отвѣта».

10-го октября, князь Куракинъ докладывалъ государю о донесеніи Николева, но прямодушный Павелъ не согласился на предложенныя мѣры, повелѣвъ: «растолковать Николеву, что онъ опредѣляется къ графу Суворову для надзора за нимъ непримѣтнымъ образомъ, слѣдовательно, сіи намѣренія имъ смотрѣть г. Николева остановить». Вмѣстѣ съ тѣмъ докладывались присланныя губернаторомъ, полученныя съ почты письма на имя Суворова и камердинера его Прохора Иванова отъ Сіона о дѣлахъ вотчинныхъ. Велѣно: возвратить ихъ Суворову.

Такимъ образомъ, стремленія надсмотрщиковъ съузить до крайнихъ предѣловъ и безъ того тѣсный кругъ свободы опальнаго фельдмаршала были парализованы. Рвеніе ихъ смѣнилось полнѣйшей индиферентностью. Еженедѣльныя донесенія Николева приняли стереотипную форму: «графъ здоровъ, упражненія все тѣ же». Изрѣдка они иллюстрировались дополненіями: «графъ груститъ, не имѣя извѣстій отъ дочери», или: «получа отъ дочери письмо, крайне былъ обрадованъ».

Дни Суворова потекли спокойнѣе; уединенный отъ всего, что человѣку дорого и мило, онъ велъ жизнь отшельника; изба и церковь, и изрѣдка деревня, дворовые люди и крестьяне, корелы, языкъ которыхъ онъ сталъ изучать, замѣнили ему и дворъ, и общество, и свиту, и, наконецъ, обаяніе власти. Человѣкъ, по одному слову котораго шли въ огонь и умирали тысячи людей, теперь былъ одинъ, заброшенный въ лѣсную глушь Пріонежья, сосредоточенный въ самомъ себѣ, и только въ самомъ себѣ почерпавшій силы на дальнѣйшую борьбу съ несчастіемъ, которое не могло его сокрушить.

5-го октября, Суворовъ сильно ушибся, набѣжавъ ночью на лежавшую собаку, а въ декабрѣ у него болѣли ноги. Доктора не приглашали.

7-го октября, было получено съ почты на имя Суворова письмо изъ Пешта отъ барона Карачая, которымъ онъ просилъ увѣдомленія о здоровьѣ фельдмаршала. Письмо это представлено государю, и, по его повелѣнію, переписка съ Карачаемъ прекращена.

15-го ноября, въ избѣ, гдѣ жилъ Суворовъ, учинился пожаръ, отъ сдѣланнаго въ сѣняхъ очага, но скоро потушенъ. Избу поправили, и Суворовъ остался въ ней.

Въ образѣ жизни его перемѣнъ почти не было. Все, что Николевъ считалъ нужнымъ довести до свѣдѣнія правительства, заключалось въ слѣдующемъ: «теперь, ежедневно поутру и послѣ обѣда поетъ духовные концерты, въ праздники болѣе мундира не надѣваетъ, а бываетъ въ обыкновенномъ своемъ бѣломъ канифасномъ камзольчикѣ, съ орденомъ св. Анны на шеѣ». О характерѣ Суворова Николевъ сообщалъ: «графъ ежедневно становится сердитѣе и не проходитъ почти ни одного дня, чтобы кого изъ людей своихъ не побилъ, даже и въ самый день праздника Рождества Христова, за обѣдней, при всѣхъ дворецкому своему далъ пощечину. На меня (Николева), разсердился крайне за то, что я разговорился съ нимъ, ошибкою сказавъ ему «вы», а не «ваше сіятельство» [1]).

Сношенія его съ внѣшнимъ міромъ ограничились посылкою въ ноябрѣ дворецкаго въ Петербургъ. По докладу о семъ Государю, приказано «взять выправку: къ кому и зачѣмъ пріѣхалъ». Оказалось, что дворецкій пріѣзжалъ къ графу Зубову по дѣлу о взносѣ взыскиваемыхъ въ казну денегъ.

Попытался было Николевъ завести опять рѣчь о трудности надзора. «Здѣсь, доносилъ онъ, отъ 4-го октября, князю Куракину:— между его людьми идетъ слухъ, что онъ собирается уѣхать въ Петербургъ, а какъ я и прежде доносилъ вашему сіятельству, что графъ живетъ одинъ въ отдаленной отъ селенія избѣ, почему и не трудно ему сіе исполнить, равно и тайно кого съ письмами отправить, а посему всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня на сей случай вашимъ приказаніемъ, дабы мнѣ за сіе не отвѣтствовать. Отъ меня же бурмистру здѣшнему настрожайше подтверждено, чтобъ онъ какъ лошадей, такъ и людей, не сказавъ мнѣ, не давалъ». Но донесеніе это осталось безъ отвѣта.

---

[1]) Донесенія отъ 7-го октября, 10-го ноября, 28-го декабря 1797 года и 11-го января 1798 года.

Въ октябрѣ, пріѣзжалъ къ Суворову изъ Москвы гонецъ съ письмомъ отъ жены его, графини Варвары Ивановны, въ которомъ она просила объ уплатѣ за нее долга 22.000 руб. и назначеніи ей содержанія, такъ какъ она не имѣла болѣе возможности жить у брата своего, князя Прозоровскаго [1]). Извѣстно, что Суворовъ жилъ въ большихъ неладахъ съ женой и даже неоднократно возбуждалъ дѣло о разводѣ съ ней, обвиняя въ нарушеніи супружеской вѣрности, и потому гонецъ былъ отправленъ обратно съ словеснымъ отъ графа отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться». Письмо это представлено Никole-

---

[1]) Письмо это слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ. Крайность моя принудила безпокоить васъ моею просьбою; тридцать лѣтъ я ничѣмъ васъ не безпокоила, воспитывая нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ обязанъ къ родителямъ, надѣясь, что Богъ столь милосердъ, преклонитъ ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; вы, видя дѣтей, да и дѣтей вашихъ вспомните и несчастную ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсію, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22.000 рублей, объ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатить. Не имѣю дому, экипажу, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней всей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благодѣяніями и добродѣтелями. Но уже, милостивый государь мой, пора мнѣ его оставить отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ должной, хотя я и виду отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама каково долгъ имѣть на себѣ. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то братъ мой и продаетъ свой домъ, и такъ разсуди милостиво при дряхлости и старости, каково мнѣ прискорбно, не имѣвъ себѣ пристанища вѣрнаго и скитаться по чужимъ угламъ; войдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, снабдите всѣмъ вышеписаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня несчастную мать знать, какъ Богомъ узаконено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всемъ моемъ прошеніи, о чемъ я всепокорне прошу васъ, милостивый государь мой, остаюсь въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, всепокорная жена ваша графиня
«Варвара Суворова Рымникская.

«Октября 1-го дня
«1797 года.

вымъ князю Куракину, при докладѣ, что приказъ человѣку сказанъ черезъ графскаго камердинера, а человѣкъ графа не видалъ [1]).

По докладѣ объ этомъ государю, послѣдовало повелѣніе: «сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Графиня отвѣчала князю Куракину, что она не знаетъ куда подать прошеніе, что нужды ея состоятъ не въ одномъ долгѣ 22.000 р., но и въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благоденственно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8.000 рублей годоваго дохода. Императоръ Павелъ потребовалъ справку объ имѣніяхъ графа Суворова. По доставленіи графомъ Д. И. Хвостовымъ свѣдѣнія [2]), 26-го ноября высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе его жены.

Повелѣніе это сообщено Суворову Николевымъ 6-го января 1798 года, и онъ тотчасъ вручилъ ему, для отсылки къ графу Н. А. Зубову, записку слѣдующаго содержанія: «Г. колл. ассесоръ Ю. А. Николевъ, чрезъ князя Куракина, мнѣ высочайшую волю объявилъ, по силѣ сего графинѣ В. П. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей по 8,000 рублей, пріимите ваши мѣры съ Д. И. Хвостовымъ. Я вѣдаю, что г. В. много должна, мнѣ сіе постороннѣе».

Между тѣмъ политическія событія въ Европѣ шли своимъ чередомъ и день ото дня становились серьезнѣе. Французы, отторгнувъ у Австріи Нидерланды и Италію, присоединенныя по Кампо-Формійскому договору къ Франціи, проникли въ Германію и, не дожидаясь окончанія конгресса въ Раштадтѣ, наложили руку на Римъ и Швейцарію. Успѣхи эти заставили императора Павла склониться къ мысли о заключеніи союзовъ для борьбы съ Франціей. Пока развивалась и осуществлялась, въ формѣ договоровъ, задуман-

---

[1]) Донесеніе отъ 14-го октября.

[2]) По сему свѣдѣнію у Суворова находилось: имѣній родовыхъ 2080 душъ, пожалованныхъ 7000 душъ, всего 9080 душъ, оброку съ нихъ 50,000 рублей, каменный домъ въ Москвѣ стоитъ 12,000 р. Пожалованныхъ алмазныхъ вещей на 100,000 рублей. Долгу на графѣ Суворовѣ: въ Воспитательномъ Домѣ 10,000 рублей, графу Апраксину 2,000 рублей, князя Шаховскому 1,900 рублей, Обрѣзкову 3,300 рублей, всего 17,200 рублей. Графинѣ Суворовой выдавалось ежегодно по 3,000 рублей. Предпазначено въ подарокъ: графу Зубову 60,000 рублей, Арсеньевой—30,000 рублей.

ная идея, государь внезапно пожелалъ увидѣть непобѣдимаго дотолѣ вождя и пригласить его на службу.

12-го февраля 1798 года, генералъ-прокурору князю Куракину данъ указъ слѣдующаго содержанія: «Генералъ фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому всемилостивѣйше дозволяя пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе коллежскаго ассесора Николева въ Боровицкихъ деревняхъ не нужнымъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ».

14-го февраля, пріѣхалъ въ Кончанское флигель-адъютантъ, полковникъ князь Горчаковъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ Суворову быть въ Петербургѣ.

Престарѣлый фельдмаршалъ не только не обрадовался полученному отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостью и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ отправился въ путь на своихъ лошадяхъ и ѣхалъ не торопясь, какъ говорится, на долгихъ. Императоръ между тѣмъ нетерпѣливо ожидалъ съ нимъ свиданія и по нѣскольку разъ въ день присылалъ узнавать: не пріѣхалъ ли Суворовъ?

Принятый Павломъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ кабинетѣ, Суворовъ находился тамъ съ глазу на глазъ съ государемъ болѣе часа. Государь остался недоволенъ свиданіемъ, какъ оказалось впослѣдствіи изъ собственныхъ его словъ князю Горчакову. Онъ говорилъ Суворову о заслугахъ, которыя онъ можетъ оказать еще отечеству и ему, и наводилъ его на то, чтобы онъ попросился въ службу, а Суворовъ начинаетъ разсказывать про штурмъ Измаила. Государь слушаетъ и снова наводитъ рѣчь на свое, а Суворовъ разсуждаетъ о Прагѣ, или объ Очаковѣ. Приглашенный къ разводу, Суворовъ оказывалъ явное невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, то шутилъ надъ окружающими, и, наконецъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь посылаетъ князя Горчакова узнать: что значитъ все это? Суворовъ отвѣчаетъ: «инспекторомъ я былъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ, а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины, не спрашиваясь, тогда пожалуй пойду на службу. А не то лучше назадъ, въ деревню, я старъ и дряхлъ, хочу въ монахи»... Князь Горчаковъ не могъ доложить этихъ словъ государю и передалъ, что

Суворовъ былъ очень смущенъ въ присутствіи его величества и крайне сожалѣетъ о своемъ неловкости.

Проживъ въ Петербургѣ около трехъ недѣль, знаменитый полководецъ бывалъ у высочайшаго стола, бывалъ на разводахъ, но чудилъ попрежнему и въ службу не просился. Императоръ обращался за объясненіями къ князю Горчакову, тотъ ѣздилъ къ Суворову и привозилъ государю отвѣты своего собственнаго вымысла.

Наконецъ, однажды въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню, на отдыхъ, и государь съ видимымъ неудовольствіемъ отпустилъ его [1]).

«Упрямый чудакъ» вернулся въ свое негостепріимное Кончанское, гдѣ и жилъ до февраля 1799 года, когда, по настоянію англійскаго и австрійскаго дворовъ, императоръ Павелъ снова вызвалъ его въ Петербургъ и поставилъ во главѣ побѣдоносныхъ войскъ, предназначенныхъ «спасать народы и царей».

---

[1]) «Суворовъ», ст. гр. Д. А. Милютина «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, книга 6.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

и

ОБЕРЪ-ВАГЕНМЕЙСТЕРЪ СОЛОМКА.

ОКОНЧИВЪ борьбу съ Наполеономъ и умиротворивъ Европу, императоръ Александръ I возымѣлъ намѣреніе ближе ознакомиться съ внутренней жизнью, нуждами и потребностями своего народа, и съ этой цѣлью неоднократно предпринималъ путешествія по имперіи. Такимъ образомъ, въ 1817 году, совершилъ онъ поѣздку по центральной Россіи; въ 1819 году, въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, а оттуда въ Торнео и Финляндію; въ 1820 году, государь снова путешествовалъ по Россіи, и затѣмъ отправился въ Варшаву; въ 1822 году, обозрѣвалъ Псковскую и Витебскую губерніи и былъ въ Вильнѣ; въ 1824 году, посѣтилъ губерніи: Псковскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, проѣхалъ въ Пензу, обозрѣлъ Оренбургскій край, Екатеринбургъ, Вятку, Вологду и Новгородъ; въ 1825 году, навѣстилъ Ригу и Ревель, и незадолго передъ кончиной осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ землю войска Донскаго и Крымъ.

Въ путешествіяхъ государю сопутствовали постоянно: генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Виллié и полковникъ А. Д. Соломка, иногда—баронъ И. П. Дибичъ и другія лица.

Аѳанасій Даниловичъ Соломка поступилъ на службу въ главный штабъ его императорскаго величества въ 1815 году, а въ 1818 году былъ назначенъ на должность оберъ-вагенмейстера, и въ этомъ званіи

неизмѣнно сопровождалъ государя во всѣхъ его путешествіяхъ, какъ по Россіи, такъ и за границею. Это былъ честный, прямой и преданный слуга, находившійся постоянно при особѣ царя и готовый, по его мановенію, идти въ огонь и воду. Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ подобную преданность и, съ своей стороны, оказывалъ ему полное довѣріе и дружбу. Какъ близкому лицу, онъ поручалъ ему принимать подаваемыя на высочайшее имя прошенія, вести имъ подробный журналъ и лично докладывать по нимъ. Наиболѣе же рельефное значеніе пріобрѣтала служба Аѳанасія Даниловича во время путешествій государя.

Изстари путешествіе государя составляло эпоху для народа. Объявленное заблаговременно, оно дѣлалось извѣстнымъ въ отдаленныхъ уголкахъ назначенной къ обозрѣнію мѣстности и волновало ихъ. По всему пути, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь, собирались массы городскаго и сельскаго люда, въ особенности много стекалось народу въ мѣстѣ остановокъ царя для отдыха или дневокъ. Одни приходили взглянуть на батюшку царя, пожелать ему всякаго счастія и благословить на дальнѣйшій путь; другіе же шли повергнуть къ стопамъ монарха просьбу о защитѣ или помощи, повѣдать свои кручины и нужды.

Съ этими то кручинами и нуждами приходилось вѣдаться довѣренному оберъ-вагенмейстеру и немало было ему съ ними дѣла. Императоръ Александръ I придавалъ особенное значеніе личному обращенію къ нему подданныхъ съ прошеніями, вникалъ въ сущность ихъ и старался, по возможности, удовлетворять ихъ. Онъ желалъ, чтобы прошенія принимались вездѣ, во всякое время и отъ всѣхъ, безъ различія пола, возраста и состоянія. Если государственныя дѣла мѣшали ему заняться пріемомъ прошеній самому, то онъ поручалъ это Аѳанасію Даниловичу, приказавъ ему разъ навсегда: подаваемыя прошенія при пріемѣ прочитывать и, если окажется нужнымъ, то тутъ же, на мѣстѣ, и дополнять ихъ опросомъ и объясненіями просителей. Затѣмъ онъ долженъ былъ занести ихъ въ журналъ и непремѣнно въ тотъ же день повергнуть на монаршее воззрѣніе. По полученіи же резолюціи тотчасъ сдѣлать исполненіе. Замедленій государь не допускалъ. Онъ самъ занимался неустанно, прочитывая нужныя бумаги или доклады даже во время пути, въ коляскѣ. Резолюціи его по дѣламъ, завпсѣвшимъ отъ непосредственнаго монаршаго благоусмотрѣнія или милости, въ тотъ же день сообщались просителямъ. По дѣламъ же, требовавшимъ справокъ или

заключеній начальствующихъ лицъ и правительственныхъ учрежденій, писалось подлежащимъ властямъ, съ обязательствомъ доставить по нимъ исполнительное донесеніе въ наикратчайшій срокъ (обыкновенно двухнедѣльный или мѣсячный). За исполненіемъ этого государь наблюдалъ лично, просматривая въ журналѣ отмѣтки о времени исполненія предписаній, — и горе тому, кто осмѣлился бы стать между просителями и царемъ, хотя бы даже неумышленно. Нижеслѣдующій случай, происшедшій съ Аѳанасіемъ Даниловичемъ, во время путешествія государя по сѣверу Россіи, можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что малѣйшее уклоненіе отъ данныхъ царемъ инструкцій не проходило даромъ: виновный наказывался болѣе, чѣмъ строго.

Поѣздъ царскій обыкновенно слѣдовалъ такимъ порядкомъ. Впереди коляска государя, затѣмъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, далѣе коляски свиты, лейбъ-медика и другихъ лицъ. Ночью же впереди ѣхалъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, съ козакомъ Овчаровымъ на козлахъ, имѣвшимъ въ рукахъ особый освѣтительный аппаратъ, и за нимъ уже коляска государева и свитскіе экипажи.

Поѣздка на сѣверъ Россіи продолжалась съ 4-го іюля по 25-е августа. Въ Петрозаводскѣ, по росписанію, назначена была дневка. Прибыли туда въ сырую, ненастную погоду. Громадная толпа народа, въ надеждѣ увидѣть императора, не смотря на проливной дождь, стояла подъ окнами дома, гдѣ онъ остановился, и ждала его появленія. Пока государь переодѣвался, Аѳанасій Даниловичъ, по его порученію, приступилъ къ пріему отъ просителей прошеній. Мѣстныя власти, желая услужить царскому приближенному, распорядились подостлать ему подъ ноги нѣсколько досокъ, и хлопотунъ оберъ-вагенмейстеръ, стоя на нихъ, опрашивалъ просителей и заносилъ ихъ отвѣты въ памятную книжку. Государь, подойдя къ окну, замѣтилъ, что уполномоченное имъ для принятія прошеній лицо стоитъ на деревянномъ помостѣ, а окружающіе его просители вязнутъ въ грязи. Это ему не понравилось; онъ отошелъ отъ окна и въ волненіи прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, но никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ. Подойдя же черезъ нѣсколько минутъ снова къ окну, онъ увидѣлъ, что Аѳанасій Даниловичъ прекратилъ пріемъ прошеній, не обративъ вниманія на то, что невдалекѣ отъ него стоялъ какой-то не то больной, не то сильно взволнованный бѣднякъ, явно имѣвшій нужду въ помощи. Это окончательно прогнѣвило государя, и онъ приказалъ позвать къ себѣ своего довѣреннаго слугу.

— Скажите мнѣ, пожалуйста,—встрѣтилъ Александръ Павловичъ явившагося къ нему оберъ-вагенмейстера:—зачѣмъ я васъ вожу съ собою... [1]) какъ куклу, или для исполненія моихъ приказаній?

Полковникъ Соломка, не зная причины гнѣва государя, оторопѣлъ и ничего не могъ отвѣтить.

— Что вы,—горячился между тѣмъ государь:—принимая прошенія, оказываете свои личныя милости, или служите мнѣ и исполняете мою волю? Вы позволили себѣ потребовать подъ ноги подстилку, чтобы стоять съ удобствомъ и комфортомъ, а люди, пришедшіе ко мнѣ съ просьбами, должны вязнуть въ грязи! Вы такъ высоко себя поставили, что, вамъ кажется, иначе и быть не должно, тогда какъ вамъ небезъизвѣстно, что мое расположеніе одинаково ко всѣмъ, какъ къ людямъ, близко стоящимъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ, которые вонъ тамъ вязнутъ въ грязи. Вы знаете, что всѣ мои вѣрноподданные одинаково близки моему сердцу.

— Виноватъ, ваше императорское величество, что я позволилъ себѣ стать на доски,—отвѣчалъ, собравшись съ мыслями, Аѳанасій Даниловичъ: — но моего приказанія не было, чтобы устроить для меня какія либо удобства; это не что иное, какъ простая любезность со стороны здѣшнихъ властей.

— А что это за личность, стоявшая въ числѣ просителей, блѣдная, бѣдно одѣтая, съ большими, кудрявыми, черными волосами? Вы не могли не замѣтить ее; это, судя по наружности, навѣрно, одинъ изъ наиболѣе нуждающихся. Можете вы доложить мнѣ, кто это и въ чемъ заключается его просьба?

— Государь, этого человѣка я замѣтилъ, но кто онъ такой и въ чемъ заключается его просьба, я сказать не могу, такъ какъ онъ ко мнѣ не подходилъ и просьбъ никакихъ не заявлялъ.

— Да! вы стояли на подмосткахъ! Вамъ трудно было сойдти въ грязь къ нуждающимся, чтобы опросить ихъ и доложить мнѣ объ ихъ нуждахъ! — вѣдь такихъ, можетъ быть, много... Извольте сейчасъ-же отправиться, собрать самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ и немедленно донести мнѣ.

Но «человѣка этого» уже не было, онъ куда то улетучился, и Аѳанасій Даниловичъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ о немъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей. Оказалось, что это дѣйствительно

---

[1]) Лицамъ, на которыхъ государь гнѣвался, онъ говорилъ уже не «ты», а «вы».

несчастный человѣкъ. Жилъ онъ неподалеку отъ города, въ своей усадьбѣ, въ полномъ достаткѣ, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Но нѣсколько времени тому назадъ у него случился пожаръ, усадьба и все имущество сгорѣли. Но что всего ужаснѣе—во время пожара погибла его жена и трое дѣтей. Спасли только двухъ малолѣтковъ, которыхъ и пріютили у себя добрые люди. Утраты эти такъ подѣйствовали на несчастнаго, что онъ впалъ въ болѣзненное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, но помощи ни отъ кого принять не хотѣлъ. Подобныя свѣдѣнія ошеломили почтеннаго оберъ-вагенмейстера, и, пока онъ составлялъ всеподданнѣйшій докладъ о несчастномъ, государь присылалъ за нимъ три раза.

— Читайте! — сказалъ императоръ, когда Аѳанасій Даниловичъ представилъ ему докладъ.

— Не могу, государь, — отвѣчалъ трепещущій докладчикъ:—я такъ потрясенъ...

— Читайте!—повторилъ Александръ Павловичъ болѣе строго.

Бѣдный оберъ-вагенмейстеръ окончательно потерялся. У него дрожали руки и рябило въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что спазмы сдавили ему горло, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова.

— Читайте! я вамъ говорю! — возвысилъ между тѣмъ голосъ разгнѣванный монархъ, и въ словахъ его звучала нота раздраженія.

Запинаясь и съ разстановками, чуть слышно, едва-едва могъ прочитать Аѳанасій Даниловичъ царю докладъ о несчастномъ больномъ, сознавая себя въ десять разъ несчастнѣе его.

— Ну, что вы мнѣ на это скажете? — спросилъ его немного успокоившійся тѣмъ временемъ царь.

— Виноватъ, ваше императорское величество.

— Виноваты, а онъ-то чѣмъ виноватъ, что вы не исполняете моихъ приказаній! — внушительно возразилъ Александръ Павловичъ и, взявъ перо, положилъ на докладѣ резолюцію: «назначить доктора для попеченія о больномъ, дѣтей его помѣстить въ учебныя заведенія и содержать отца до выздоровленія, а дѣтей—до поступленія на службу на счетъ собственныхъ моихъ суммъ. На постройку же усадьбы и обзаведеніе — выдать изъ того же источника пособіе, въ размѣрѣ стоимости сгорѣвшаго имущества».

— А васъ я больше видѣть не могу,—присовокупилъ государь, отдавая Аѳанасію Даниловичу резолюцію свою для исполненія.

На другой день, когда императоръ садился въ экипажъ, полковникъ Соломка, по обязанности своего званія, подошелъ къ экипажу, чтобы помочь государю подняться на подножку; Александръ Павловичъ уклонился отъ услугъ своего опальнаго оберъ-вагенмейстера, замѣтивъ холодно: «вы помните, что я сказалъ вамъ вчера».

Аѳанасій Даниловичъ стушевался. Положеніе его при главной квартирѣ сдѣлалось ненормальнымъ. Онъ исполнялъ обязанности оберъ-вагенмейстера, но къ царю подходить не смѣлъ. Каждый день онъ ждалъ назначенія себѣ преемника, но преемника ему не назначали. Время шло, а обстоятельства не измѣнялись. Такъ близко къ царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ него! Сознаніе подобнаго, ничѣмъ необъяснимаго порядка не могло не вліять на впечатлительную натуру честнаго царскаго слуги. Онъ осунулся, похудѣлъ и постарѣлъ до неузнаваемости. Въ особенности гнела его мысль, что государь на него еще гнѣвается.—«Душа вся изныла за это время,—говорилъ потомъ Аѳанасій Даниловичъ:—но дѣлать нечего, нужно было терпѣть—и терпѣлъ».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но вотъ наступилъ постъ. Императоръ началъ говѣть. Съ нимъ вмѣстѣ говѣли и близкіе къ нему люди. Аѳанасій Даниловичъ тоже началъ говѣть, но, приходя въ церковь, становился въ алтарѣ и государю не показывался. Передъ исповѣдью Александръ Павловичъ послалъ своего камердинера позвать къ себѣ полковника Соломку и, по приходѣ его въ кабинетъ, государь, по обряду православной церкви, троекратно поклонился ему и просилъ у него прощенія.

— Ваше императорское величество, я также говѣю,—воскликнулъ, заливаясь слезами, опальный царскій слуга: — ради самого Господа, простите мнѣ мои вольныя и невольныя прегрѣшенія!—и упалъ царю въ ноги.

— Богъ тебя проститъ, Аѳанасій Даниловичъ,—сказалъ императоръ, поднявъ и поцѣловавъ его:— забудемъ прошлое! я знаю тебя, ты—вѣрный слуга мой, вотъ почему я тебя и не оттолкнулъ отъ себя. Я зналъ, что ты неумышленно сдѣлалъ это, и я, любя тебя, далъ тебѣ урокъ. Никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ жизни людьми, которыхъ мы не знаемъ. Но я радъ, что ты доставилъ мнѣ случай исполнить долгъ не только царя, но и христіанина Теперь все забыто! и ты опять мнѣ такъ же дорогъ, какъ и прежде. Ступай и исполняй свои обязанности, какъ ты исполнялъ ихъ всегда.

Послѣ принятія св. тайнъ государь принималъ поздравленія своихъ близкихъ и свиты. Послѣднимъ подошелъ поздравить его Аѳанасій Даниловичъ. Окружающіе, незнавъ о происшедшемъ наканунѣ примиреніи, смотрѣли съ любопытствомъ, какъ приметъ царь поздравленія своего опальнаго слуги. Удивленію ихъ не было границъ, когда Александръ Павловичъ съ улыбкою протянулъ ему руку, обнялъ и поцѣловалъ, говоря:—«Дважды поздравляю тебя Аѳанасій Даниловичъ, съ принятіемъ св. тайнъ и съ возвращеніемъ прежняго моего къ тебѣ расположенія! Смотри же, постарайся оправдать его!»

И преданный слуга оправдалъ его. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ состоялъ на службѣ при главной квартирѣ: сперва въ званіи оберъ, а потомъ генералъ-вагенмейстера, и умеръ, заслуживъ признательность и уваженіе трехъ императоровъ: Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича.

«Урокъ», данный ему Александромъ Павловичемъ, не пропалъ безслѣдно: онъ сталъ болѣе чутокъ къ горю и бѣдамъ ближняго, и не только старался помогать людямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами, но самъ розыскивалъ несчастныхъ и предстательствовалъ за нихъ передъ царемъ.

«Скифы».

Путешествія императора Александра I не могли не быть плодотворны для народа. Изъ дальнихъ уголковъ нашего обширнаго отечества рѣдкій изъ нуждающихся, и то въ крайнемъ случаѣ, шелъ въ Петербургъ просить у царя защиты или помощи. Но если «надежа-государь» пріѣзжалъ самъ и былъ вблизи отъ нихъ, они всѣ приходили къ нему съ своими слезными грамотками и челобитными. Пусть нѣкоторые изъ нихъ просили невозможнаго, но большинство получало отъ щедротъ царя то, зачѣмъ они никогда не дерзнули бы пойти въ далекій, безсердечный Питеръ.

На одной станціи, во время путешествія Александра I по восточнымъ губерніямъ Россіи, императоръ имѣлъ отдыхъ. Уставъ съ дороги, онъ прилегъ на диванъ и задремалъ. Оберъ-вагенмейстеръ Соломка занялся пріемомъ прошеній отъ просителей. Окончивъ пріемъ, онъ замѣтилъ, что не вдалекѣ отъ дома, занимаемаго

императоромъ, стоятъ два молодыхъ человѣка въ крестьянскихъ армякахъ, весьма подержанныхъ, и въ изношенныхъ лаптяхъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, за плечами—котомки. Предполагая, что юноши эти имѣютъ какую либо просьбу къ царю, онъ подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать: кто они и зачѣмъ тутъ находятся. Молодые люди, снявъ шапки и вѣжливо поклонившись Аѳанасію Даниловичу, отвѣчали, что они—старшіе сыновья сосланнаго императоромъ Павломъ въ Сибирь Василія Пассека—Леонидъ и Діомидъ Пассеки, узнавъ о проѣздѣ царя, пришли изъ Сибири пѣшкомъ просить помилованія и пощады своему старику-отцу и ждутъ случая подать просьбу государю лично.

— Отчего вы не подошли ко мнѣ, когда я принималъ прошенья отъ другихъ?—спросилъ Соломка.

— Намъ отецъ приказалъ подать прошеніе лично государю, и мы не смѣли преступить его волю, хотя и знали, что вы принимаете прошенія.

— Государь теперь отдыхаетъ, и потому подать ему прошенія теперь невозможно,—отвѣчалъ Аѳанасій Даниловичъ:—но если вы непремѣнно желаете подать ему прошеніе лично, то всего лучше было бы, если бы вы отправились на слѣдующую станцію; тамъ государь будетъ обѣдать и, по всей вѣроятности, приметъ ваше прошеніе.

— Но какъ мы отправимся, когда у насъ ни копѣйки нѣтъ денегъ? Мы и то уже нѣсколько дней пробиваемся по крестьянамъ.

Оберъ-вагенмейстеръ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, доставъ оттуда бѣлую ассигнацію, далъ имъ, сказавъ, чтобъ они отправлялись немедленно и были на слѣдующей станціи къ часу дня непремѣнно.

Черезъ нѣсколько времени Аѳанасій Даниловичъ увидѣлъ ихъ ѣдущими верхомъ на одной лошади и подозвалъ къ себѣ.

— Что это вы чудите, господа?—спрашиваетъ ихъ оберъ-вагенмейстеръ.

— Ни чуть ни чудимъ, отвѣчаютъ они, лошади всѣ забраны подъ царскій поѣздъ, и намъ едва-едва удалось раздобыться вотъ этой клячей у крестьянина, за которую мы и заплатили ему вашу бѣлую ассигнацію.

— Да вѣдь вы на ней, пожалуй, опоздаете.

— Что же дѣлать!.. пѣшкомъ идти и вовсе не успѣешь, а на лошади, все-таки, какъ-нибудь доберемся.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

На утро царскій поѣздъ обогналъ ихъ на дорогѣ. Государь на ихъ привѣтствіе отдалъ имъ поклонъ и внимательно осмотрѣлъ. На станціи, во время стола, Александръ Павловичъ замѣтилъ, что къ окнамъ столовой комнаты подходили нѣсколько разъ и робко заглядывали въ окна какіе-то крестьяне. Всмотрѣвшись въ нихъ, онъ обратился къ полковнику Соломкѣ и сказалъ:—«Да это, кажется, наши юные скиѳы, которые давеча утромъ гарцовали по дорогѣ на одной лошади... Выйди къ нимъ, Аѳанасій Даниловичъ, и спроси ихъ, что имъ нужно?»

Оберъ-вагенмейстеръ разсказалъ государю, кто они и какъ онъ распорядился доставить ихъ сюда.

— Дѣло!—сказалъ государь:—ну, поди, позови ихъ ко мнѣ!

Полковникъ Соломка ввелъ юношей. Они бросились къ ногамъ монарха, обняли ихъ руками и, не отнимая прильнувшихъ къ нимъ головъ, съ рыданіями вопили:—Милосердія, государь, милосердія!.. одного только милосердія, государь, къ безвинно пострадавшему старику и его несчастнымъ дѣтямъ!

Картина вышла поразительная. Александръ Павловичъ даже прослезился.

— Встаньте, встаньте!—говорилъ онъ имъ. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но мнѣ надо разобрать дѣло.

Юноши встали.

— Возвратитесь къ отцу, — продолжалъ растроганный царь:— и скажите ему, что я разсмотрю его дѣло самъ. Въ милостяхъ моихъ онъ сомнѣваться не можетъ... ну, а васъ за то, что вы такъ усердно исполнили отцовскую волю, я велю помѣстить въ учебныя заведенія; повидавшись съ отцомъ, пріѣзжайте въ Петербургъ,— и, обратившись къ Аѳонасью Даниловичу, добавилъ: выдать имъ прогоны на проѣздъ къ отцу и оттуда въ Петербургъ.

Въ тотъ же день полетѣлъ фельдъегерь съ запросомъ о старикѣ Пассекѣ и, по полученіи отвѣта и разсмотрѣніи дѣла, императоръ повелѣлъ возвратить ему дворянство, а также отобранное у него въ казну имѣніе и дозволить ему возвратиться въ Россію. Сыновей его, Леонида и Діомида, принять въ учебныя заведенія, куда окажутся способны, и воспитать на казенный счетъ. Дѣтей же, рожденныхъ въ Сибири, считать принадлежащими къ дворянскому сословію.

Въ сороковыхъ годахъ «юные скиѳы» пріѣзжали къ Аѳанасію

Даниловичу благодарить его за все сдѣланное для нихъ на станціи подъ Екатеринбургомъ; но это уже были не крестьянскіе парни, въ рваныхъ зипунахъ, а блестящіе представители тогдашняго молодаго поколѣнія: одинъ (Леонидъ) морякъ, капитанъ, а другой (Діомидъ) храбрецъ-генералъ, въ скорости затѣмъ такъ геройски погибшій на Кавказѣ.

Изумительныя цифры.

Императоръ Александръ I, отъѣзжая однажды для путешествія по Россіи, посѣтилъ Александро-Невскую лавру, поклонился мощамъ угодника Божія и зашолъ къ схимнику испросить на предстоявшій путь благословеніе. Бесѣда съ монахомъ царя была довольно продолжительна, онъ искалъ у него утѣшенія и надежды и, какъ казалось, не напрасно: царь вышелъ успокоенный и довольный. Провожая государя, схимникъ благословилъ его и сказалъ: «и посла мірови ангела кротости». Александръ Павловичъ, недоумѣвая, что значатъ слова эти, взглянулъ на него вопросительно. Схимникъ повторилъ сказанное имъ и вновь благословилъ царя. Царь уѣхалъ, но пожелалъ, чтобы монастырское начальство разъяснило ему значеніе словъ этихъ. Долго искали разгадки, но, наконецъ, нашли. Въ славянскомъ языкѣ цифръ нѣтъ, онѣ изображаются буквами. Обращая буквы сказаннаго схимникомъ изреченія въ цифры получается:

и	п - о - с - л - а	м - і - р - о - в - и	а - н -
8,	80, 70, 200, 30, 1,	40, 10, 100, 70, 2, 8,	1, 50,

г - е - л - а	к - р - о - т - о - с - т - и	—1777, т.-е.
3, 5, 30, 1,	20, 100, 70, 300, 70, 200, 300, 8	

годъ рожденія императора Александра Благословеннаго.

Замѣчательно также и нижеслѣдующее совпаденіе цифръ при сложеніи годовъ, мѣсяцевъ и чиселъ рожденія, вступленія и кончины Александра Павловича.

Онъ родился 1777 г. декабря 12, вступилъ на престолъ 1801 г. марта 12, скончался 1825 г. ноября 19 дня.

Если цифры эти поставить вертикально, то итогъ цифръ, получаемыхъ отъ сложенія годовъ, дастъ число лѣтъ жизни, а итогъ цифръ, получаемыхъ отъ сложенія мѣсяцевъ и чиселъ, дастъ число лѣтъ царствованія. Именно:

	годы	мѣсяцы	числа	исчисляя вертикально годы	мѣсяцы	числа.
Родился . . .	1777	декабря или 12-й	12	1 7 7 7	1 2	1 2
Вступилъ на престолъ . .	1801	марта или 3-й	12	1 8 0 1	3	1 2
Скончался . .	1825	ноября или 11-й	19	1 8 2 5	1 1	1 9
				48 число лѣтъ жизни	24 годы царствованія.	

Императоръ Николай I и генералъ Пенхержевскій.

Въ «Разсказахъ бабушки» А. Я. Бутковской, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1884 годъ, переданы нѣкоторыя черты изъ жизни императора Николая и, между прочимъ, сообщенъ разсказъ о выговорѣ, сдѣланномъ государемъ на маневрахъ генералу Пенхержевскому и послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ, когда генералъ оказался невиноватымъ, извиненіи.

Случай этотъ разсказанъ чрезвычайно отвлеченно, сжато и не полно, даже года, когда это случилось не указано. А такъ какъ подобная черта изъ жизни покойнаго государя вполнѣ обрисовываетъ его рыцарскій характеръ, то я и приведу о ней болѣе полный и достовѣрный разсказъ.

Это было въ августѣ 1836 года. На маневрахъ войскъ, собранныхъ при Красномъ селѣ, которыми распоряжался самъ государь,

генералу Пенхержевскому, командовавшему 2-ю легкою кавалерійскою дивизіей, было послано приказаніе, при взятіи штурмомъ двухъ деревень передъ Краснымъ селомъ, обскакавъ артиллерійскую батарею, сдѣлать кавалерійскую аттаку на противника. Но маневръ этотъ не удался: генералъ не исполнилъ его въ точности.

По окончаніи маневровъ, государь созвалъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ частей и, благодаря ихъ за успѣшныя дѣйствія, тутъ же при всѣхъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ сдѣлалъ выговоръ Пенхержевскому.

— Ты своего дѣла не знаешь! Тебѣ надо вернуться въ школу, закончилъ свою рѣчь разгнѣванный императоръ.

Трудно оправдываться передъ царемъ, но труднѣе вынести такой строгій выговоръ, въ особенности, когда не чувствуешь себя виновнымъ, и генералъ Пенхержевскій рѣшился отвѣтить государю, что онъ никакихъ уклоненій отъ данныхъ инструкцій не сдѣлалъ, и что аттаку произвелъ во всей точности, какъ его величеству угодно было приказать ему чрезъ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ.

Еще пуще разгнѣвался царь.

— Генералъ лжетъ! воскликнулъ онъ, обращаясь къ стоявшимъ вокругъ генераламъ.—Отъ меня такихъ приказаній отдано не было... А если вы, господа, и получите когда нибудь подобное... приказаніе, то, не дѣйствуя, пошлите съ моимъ адъютантомъ, который привезетъ вамъ его, своего адъютанта ко мнѣ, чтобы увѣриться, точно-ли я далъ такое распоряженіе.

Государь былъ разсержень до такой степени, что Пенхержевскому досталось такъ, какъ не доставалось еще ни одному прапорщику. Это чрезвычайно огорчило и самого Пенхержевскаго и старика генералъ-адъютанта Бистрома, командовавшаго войсками, за отсутствіемъ великаго князя Михаила Павловича, и знавшаго, что Пенхержевскій не виноватъ.

Вечеромъ на Дудергофѣ былъ «чаій».

Всѣ начальники находились въ сборѣ, но Бистромъ не пріѣхалъ. Государь крайне удивился, не видя «старика командира».

— А гдѣ же Карлъ Ивановичъ? спросилъ онъ дежурнаго генерала.

Тотъ отвѣчалъ императору, что генералъ не могъ пріѣхать по тому, что разстроенъ утреннимъ происшествіемъ.

— Что такое?.. Отчего? изумился Николай Павловичъ.

Дежурный генералъ замялся, видимо затрудняясь отвѣтить.

— Говори правду! возвышая голосъ нетерпѣливо сказалъ государь.

Въ это время изъ толпы окружавшихъ царя военачальниковъ выдѣлился любимый его флигель-адъютантъ князь Радзивиллъ, подошолъ къ государю и объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что онъ утромъ невѣрно передалъ генералу Пенхержевскому приказаніе его величества. Государь былъ скученъ цѣлый вечеръ.

На другой день, въ 9 часовъ утра, приказано было собраться всѣмъ генераламъ (въ томъ числѣ и Пенхержевскому) передъ палаткой Его Величества. Всѣ ждали новой грозы, и даже самые близкіе къ особѣ государя не знали чѣмъ она разразится, недоумѣніе и боязнь ясно выражались на ихъ лицахъ.

Но вотъ въ назначенный часъ, государь вышелъ изъ палатки и, поздоровавшись съ собравшимся генералитетомъ, обратился къ нему съ рѣчью.

— Господа, я сорокъ лѣтъ живу на свѣтѣ и до сихъ поръ не могу отучить себя отъ непростительной горячности. Труднѣе всего намъ владѣть собой, когда мы не въ спокойномъ духѣ. Генералъ Пенхержевскій,—обратился онъ къ стоявшему впереди генералу,—я радъ, что могу при всѣхъ генералахъ, въ присутствіи тѣхъ, которые были свидѣтелями вчерашней моей ссоры съ вами, просить у васъ прощенія... Я виноватъ... я былъ неосторожень, и потому прошу васъ, генералъ, простить меня и сказать при всѣхъ, что вы прощаете меня.

Генералъ Пенхержевскій бросился обнимать колѣна великодушнаго монарха; государь поднялъ и поцѣловалъ его. Присутствующіе были растроганы до того, что нѣкоторые прослезились.

Императоръ Николай I и пажи.

Императоръ Николай съ особенной заботливостью относился къ развитію въ средѣ войскъ образованія и при каждомъ удобномъ случаѣ провѣрялъ лично степень этого развитія. Хорошіе результаты его всегда радовали, напротивъ, при каждомъ признакѣ равнодушія или безпечности лицъ, коимъ ввѣрялось образованіе юношества онъ взыскивалъ строго.

Всѣ военно-учебныя заведенія, находящіяся въ С.-Петербургѣ, лѣтомъ 1852 года стояли лагеремъ въ Петергофѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ приказано было произвести воспитанниками практическую съемку различныхъ мѣстностей Петергофа. Руководителемъ работъ назначенъ

полковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ (впослѣдствіи военный министръ и графъ). Воспитанники раздѣлялись на партіи въ нѣсколько человѣкъ и получали приказаніе снять ту или другую мѣстность. Такимъ образомъ, снять мѣстность, гдѣ находится Монплезиръ, съ прилегающимъ къ нему садомъ, фонтаны и шахматную гору выпало на долю одной изъ партій пажескаго корпуса, состоявшей изъ пажей Сергѣя Соломки, Михаила Мирковича, Андреяна Мазараки и Дмитрія Норова, подъ наблюденіемъ инспектора классовъ корпуса, капитана Сухонина. Пажи вышли и, пользуясь отсутствіемъ капитана Сухонина, отправились въ кусты полежать, позавтракать и покурить, при астролябіи же остался одинъ Соломка. Вдругъ, какъ будто выросшій изъ земли, появился у Монплезира, прогуливавшійся въ саду императоръ Николай Павловичъ. Онъ былъ въ сюртукѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка и бѣлой фуражкѣ, впереди его бѣжала небольшая собачка. Подойдя къ Соломкѣ, снявшему фуражку и ставшему во фронтъ около астролябіи, онъ спросилъ его:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Произвожу съемку, ваше императорское величество.

— Покажи!

Соломка вынулъ планшетъ и, развернувъ тетрадь вычисленій, подалъ ихъ государю. Николай Павловичъ, посмотрѣвъ, началъ провѣрять знанія пажа, задавая ему вопросы: «съ чего онъ началъ? какія мѣры принялъ для измѣренія? какіе углы ставилъ? какіе румбы бралъ? какъ нужно дѣлать вычисленія съ помощію Нонніуса? какъ опредѣлить высоту предмета по астролябіи»?

Получивъ удовлетворительные отвѣты, государь, взявъ двумя пальцами руки за лицо пажа, спросилъ его:

— А какъ твоя фамилія?

— Соломка, ваше императорское величество.

— Сынъ Аѳанасія Даниловича?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Скажи твоему отцу, что я тобой доволенъ, ты отвѣчалъ мнѣ молодцомъ, видно, что занимался хорошо... Спасибо!

Проходя далѣе по нижнему саду, онъ встрѣтилъ партію юнкеровъ дворянскаго полка, шалившихъ на берегу пруда и бросавшихъ въ рыбу, появлявшуюся на поверхности воды, камнями.

— Зачѣмъ вы здѣсь и что тутъ дѣлаете? спросилъ ихъ царь.

— Присланы на съемку, ваше императорское величество, отвѣчали юнкера.

— Съемка состоитъ не въ распугиваніи рыбы въ пруду!—проговорилъ наставительно Николай Павловичъ,—когда васъ пускаютъ гулять, тогда гуляйте, а когда вы идете учиться и дѣло дѣлать, исполняйте что вамъ приказали. Дворяне и такъ ведете себя... я вами не доволенъ!

О замѣченномъ государь въ тотъ же день сообщилъ генералъ-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцеву, бывшему тогда начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, и на утро всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ, не исключая, конечно, и Дмитрія Алексѣевича Милютина.

Императрица Александра Ѳеодоровна и смолянки.

Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ чисто материнскою нѣжностію заботилась о дѣвицахъ, воспитывавшихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Замѣчательно добрая эта монархиня ежегодно лично присутствовала при выпускѣ воспитанницъ Смольнаго монастыря, но въ 1836 году, не имѣя возможности, по болѣзни, исполнить добровольно принятой на себя обязанности, она почтила дѣвицъ выпуска этого года слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что оно адресовано было не на имя начальницы заведенія, а самимъ дѣвицамъ.

«Я надѣялась видѣть васъ, мои дорогія дѣти, передъ выпускомъ, писала императрица, но здоровье мое не позволило мнѣ этого. Я должна избѣгать усталости и волненій, а ваше пѣніе, всегда столь гармоничное, меня бы сильно тронуло, напомнивъ мнѣ, что я вижу васъ въ послѣдній разъ, и мысль объ этомъ причинила бы мнѣ большое горе. Но не желая лишить васъ моего материнскаго благословенія, я посылаю его вамъ письменно. Прощайте, мои дорогія дѣти, молю Бога хранить васъ на вашемъ новомъ поприщѣ жизни. Сѣмена всѣхъ добродѣтелей посѣяны въ сердца ваши и отъ васъ самихъ теперь зависитъ развивать и разрабатывать ихъ. Ваше доброе поведеніе убѣждаетъ меня въ томъ, что вы никогда не забудете тѣхъ добрыхъ началъ, которыя вы получили въ дѣтствѣ. Воспоминанія о вашей молодости, проведенной вмѣстѣ, да послужитъ вамъ спутникомъ при всѣхъ невзгодахъ и неудачахъ, ожидающихъ васъ въ свѣтѣ, вамъ еще совершенно не извѣстномъ. Различныя положенія, которыя

каждая изъ васъ должна занять, даются не по уму и таланту, но только по скромности, по знаніямъ и женской добродѣтели. Не ищите же лишь случая блистать, но старайтесь исполнять строго ваши обязанности, и благословеніе Божіе будетъ надъ вами. Прощайте! прощайте! Молитвы мои да сопровождаютъ васъ». Подписано: «Александра», 3 марта 1836 года.

Письмо это вполнѣ обрисовываетъ характеръ и доброту души достойной супруги императора Николая Павловича и служитъ самымъ наглядным доказательствомъ тѣхъ материнскихъ отношеній, которыя существовали между русской царицей и дѣтьми ея подданныхъ.

Николай I въ 5 московской гимназіи.

Въ 1833 году, въ бытность свою въ Москвѣ, императоръ Николай I посѣтилъ 5-ю гимназію, нашелъ ее въ отличномъ состояніи и благодарилъ какъ директора Оленина, такъ и все прочее начальство ея. Въ особенности ему понравилось, что нѣсколько воспитанниковъ, обученные находившимся въ гимназіи сыномъ А. Х. Бенкендорфа, прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ и сдѣлали руками примѣрно ружейные пріемы «на плечо» и «на караулъ». Онъ подозвалъ къ себѣ командира этого дѣтскаго отряда и поцѣловалъ его. Для дальнѣйшихъ упражненій воспитанниковъ въ ружейныхъ пріемахъ, государь приказалъ доставить изъ кадетскаго корпуса деревянныя ружья, а лучшихъ — перевести въ новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, тогда только что устроивавшійся.

Затѣмъ, Николай Павловичъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, войдя въ зало, расположился посрединѣ и сталъ играть съ воспитанниками. Онъ разстегнулъ сюртукъ и, взявъ нѣсколько мальчиковъ въ распростертыя руки, началъ возиться съ ними; масса дѣтей бросилась къ нему—всякому хотѣлось хотя дотронуться до государя, и они принялись теребить его. Государь сѣлъ на полъ, бралъ дѣтей десятками и клалъ рядомъ съ собою. Воспитанники лѣзли на государя все болѣе и болѣе и, наконецъ, совсѣмъ повалили на полъ. Долго возился съ ними развеселившійся царь и, когда всталъ на ноги, у него не оказалось ни одной пуговицы на

сюртукѣ, — воспитанники ухитрились во время игры обрѣзать ихъ.

— Ахъ, мальчуганы!—засмѣялся государь:—что это вы надѣлали?

— Это на память о васъ, ваше императорское величество,— отвѣчали тѣснившіеся вокругъ его воспитанники.

— Но какъ же я теперь доѣду домой?

— Какъ нибудь доѣдете!.. завернитесь въ шинель,—весело смѣялись воспитанники, цѣлуя его руки.

— Ну, хорошо!—сказалъ, прощаясь, государь:— только смотрите, будьте молодцами, и я буду любить васъ.

— Постараемся, — кричали воспитанники ему вслѣдъ: — прощайте, ваше величество, не забывайте насъ!...

Декабристъ Тизенгаузенъ.

Во время политическихъ волненій въ Австріи, въ 1848—1849 годахъ, дежурный штабъ-офицеръ управленія кіевскаго генералъ-губернатора, маіоръ Михаилъ Дмитріевичъ Поздняковъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Бибикова, неоднократно былъ командируемъ по дѣламъ службы на австрійскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, городничій представилъ ему заарестованнаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ пенснэ, и ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языкѣ: «Король Лиръ» Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и, при допросѣ, назвался бродягой, непомнящимъ родства.

На всѣ просьбы маіора Поздняка открыть свое званіе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ, въ видѣ особой милости, отправить его въ Кіевъ, къ генералъ-губернатору, которому онъ откроетъ, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

И спросивъ разрѣшеніе, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ старика въ Кіевъ и представилъ генералъ-адъютанту Бибикову.

— Кте вы такой?—обратился къ старику съ вопросомъ генералъ-губернаторъ,

— Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не

отвѣчу на вашъ вопросъ въ присутствіи посторонняго лица,— отвѣчалъ старикъ, намекая на присутствіе при свиданіи Поздняка.

— У меня нѣтъ секретовъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера,—возразилъ гордо генералъ-адъютантъ Бибиковъ:—отвѣчайте на мой вопросъ!

— Я — Тизенгаузенъ.

— Какъ Тизенгаузенъ?!—воскликнулъ Дмитрій Гавриловичъ, отступая въ изумленіи:—декабристъ!?

— Да, декабристъ! Не вѣришь? — ощупай на затылкѣ шрамъ отъ раны, полученной въ 1812 году въ сраженіи, гдѣ и ты участвовалъ.

Бибиковъ коснулся рукой головы старика и, удостовѣрившись въ справедливости его словъ, обнялъ его и расцѣловалъ.

— Ѳома невѣрный! — сказалъ, покачавъ головой Тизенгаузенъ. Ну, что-жъ думаешь, — продолжалъ онъ: — отправляй въ тюрьму, закуй и бей кнутомъ, вѣдь я — бѣглый каторжникъ!

— Садись-ка лучше вотъ здѣсь, со мною, на диванъ, любезный другъ,—успокоивалъ старика Дмитрій Гавриловичъ: — и разскажи, какими судьбами ты очутился здѣсь?

— Соскучился!.. Тоска изгрызла сердце и душу изсушила... Вѣдь двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы уже тамъ... Пойми, терпѣнья не хватило... хотѣлось дѣтей увидѣть, а тамъ что будетъ!.. собрался и пошолъ... что было не спрашивай: хорошаго немного... вѣдь дочери мои, ты знаешь, при дворѣ, принять боялись... хотъ впдѣлъ я ихъ мелькомъ, невзначай... узналъ, что имъ нехудо, рукой махнулъ, ну, и пошолъ... и шолъ... куда-жъ идти какъ не къ тебѣ, товарищъ старый, родственникъ и другъ... Пріими и сдѣлай, что тебѣ Господь на умъ положитъ... въ руки твои отдаю судьбу мою —казни иль милуй, мнѣ все равно, вѣдь жить осталось недолго...

— Но что мнѣ съ тобою дѣлать, что, мнѣ съ тобою дѣлать, другъ, — повторялъ въ раздумьи Бибиковъ: — просить царя?... но, бѣжавъ изъ Сибири, ты совершилъ снова преступленье и снова подлежишь наказанію: кто знаетъ, какъ взглянетъ государь на это... тѣмъ болѣе, что онъ о васъ не хочетъ даже слышать. Лучше я думаю дождаться его пріѣзда сюда, здѣсь я лично могу просить его за тебя, а до того времени ты будешь жить у моего дежурнаго штабъ-офицера, ко мнѣ же приходи по вечерамъ. Только знай, что передъ самымъ пріѣздомъ сюда государя я долженъ буду посадить тебя въ крѣпость.

Тизенгаузенъ отъ всей души поблагодарилъ Бибикова, и старые друзья долго бесѣдовали, вспоминая о прошломъ, одинаково близкомъ обоимъ, о капризныхъ ударахъ судьбы, разъединившихъ ихъ такъ жестоко.

Спустя нѣсколько времени, императоръ Николай I прибылъ въ Кіевъ. Осмотрѣвъ войска и городъ, государь принялъ обѣдъ у генералъ-губернатора. Избравъ минуту, когда государь находился въ милостивомъ настроеніи духа, Бибиковъ разсказалъ ему о побѣгѣ и прибытіи въ Кіевъ Тизенгаузена, сталъ просить его о помилованіи старика.

— Развѣ ты не знаешь, что я запретилъ просить о помилованіи декабристовъ!—возразилъ гнѣвно монархъ.

— Государь,—сказалъ Бибиковъ:—я осмѣливаюсь просить васъ, вопреки прямаго вашего запрещенія, и прошу потому, что бѣглый декабристъ — мой родственникъ. Я обѣщалъ ему ваше помилованіе, и если онъ не достоинъ его, то накажите меня, злоупотребившаго вашимъ именемъ. Руку мою я потерялъ за царя и отечество и теперь преклоняю мою голову передъ вами, дѣлайте съ нею, что хотите... я виноватъ—велите снять ее, но я дѣйствовалъ вашимъ именемъ, зная, что вы и въ гнѣвѣ справедливы и милостивы...

— Нѣтъ, Дмитрій Гавриловичъ, такую голову не снимаютъ, а цѣлуютъ, — сказалъ государь и поцѣловалъ его. — Пусть будетъ по твоему; если ты обѣщалъ помилованіе моимъ именемъ, то пусть онъ и будетъ помилованъ! Завтра ты мнѣ покажешь его, гдѣ онъ у тебя?

— Въ крѣпости, государь.

— Ну, и прекрасно, въ крѣпости я и увижу его, — сказалъ развеселившійся царь: — а теперь пойдемъ къ хозяйкѣ.

На другой день, императоръ, осматривая крѣпость, подошелъ къ каземату гдѣ временно былъ помѣщенъ Тизенгаузенъ, взглянулъ на него въ отворенную дверь и, покачавъ головою, промолвилъ тихо: «несчастный!» Выходя же изъ каземата, спросилъ Бибикова: «а что, никто объ немъ не знаетъ здѣсь?»

— Никто не знаетъ, ваше величество, — отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ: — кромѣ меня и дежурнаго штабъ-офицера.

— Смотри же, чтобы и теперь никто не зналъ о немъ, — сказалъ вполголоса государь..

Бибиковъ молча поклонился.

По отъѣздѣ Николая Павловича, Тизенгаузенъ поселился въ

Кіевѣ и жилъ на средства Бибикова въ скромной квартиркѣ надъ Днѣпромъ, никому неизвѣстный, даже полиціи, которой было сообщено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени.

Освобожденіе же прочихъ декабристовъ послѣдовало уже по вступленіи на престолъ императора Александра II, именно въ 1856 году, во время его коронаціи.

Митрополитъ Филаретъ и ротмистръ Соломка.

Лѣтомъ 1856 года, Москва готовилась къ коронаціи. Гостей наѣхало со всѣхъ концовъ свѣта. Гвардія прибывала частями. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ съ дамами, 5-го іюля, въ день св. Сергія, поѣхали осмотрѣть Троицко-Сергіевскую лавру. Пожелавъ послѣ литургіи отслужить молебенъ, они обратились къ очередному іеромонаху. Лаврская братія по случаю праздника разрѣшила вино и елей, но очередной іеромонахъ оказался слабѣе другихъ и, обращаясь къ офицерамъ, требовалъ то покупки свѣчей, то покупки смолы св. Сергія. Ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, Соломка, не могъ стерпѣть подобнаго обращенія и обратился съ жалобою къ митрополиту Филарету. Тотъ выслушалъ его и сурово отвѣтилъ ему: «какой же ты христіанинъ, когда не можешь простить ближнему твоему... Ступай»!

Великій князь Михаилъ Павловичъ и отставной солдатъ.

Въ сороковыхъ годахъ, жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ Василій Григорьевичъ Жуковъ, производившій обширную торговлю табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ нему въ услуженіе или на работу. Онъ былъ городскимъ головой и содержалъ хоръ отличныхъ пѣсельниковъ, извѣстныхъ всему Петербургу. Прусскій король, посѣтившій Петербургъ, по случаю открытія Александровской колонны, и пожелавшій послушать пѣсельниковъ Жукова, пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе и подарилъ Жукову великолѣпную брилліантовую табакерку. Василій Григорьевичъ любилъ нашихъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ

себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ. Однажды, великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежавшаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на покой! — сказалъ ему великій князь весьма серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ,—отвѣчалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потеплѣе найдти; а? какъ ты мнѣ посовѣтуешь?—продолжалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество,—отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю:—у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

— Пожалуй, не приметъ?—засмѣялся великій князь.

— Какъ не принять!—ваше-то высочество! — отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ:—первѣющее мѣсто вамъ предоставитъ.

— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ! — смѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата: — придется, значитъ, поклониться Василію Григорьевичу, завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество,—отвѣчалъ невозмутимо серьезно старикъ.

— Конечно, конечно!—закончилъ великій князь разговоръ:—ужъ если служить, такъ опять вмѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ по выходѣ въ отставку Жуковымъ и находился у него на службѣ до самой смерти.

Императоръ Николай I и французы.

Въ 1836 году, императоръ Николай I пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго французскаго баталиста Ораса Верне, для написанія нѣсколькихъ картинъ изъ нашего военнаго быта. Съ нимъ

вмѣстѣ пріѣхалъ сотрудникъ «Gasette de France», Веймарсъ, нападавшій въ газетѣ постоянно на русскихъ, въ особенности за «тиранію поляковъ». Имъ показали лагерь; они были въ свитѣ государя на маневрахъ, видѣли знаменитый Петергофскій праздникъ и, наконецъ, были приглашены въ тѣсный, семейный кружокъ императорской фамиліи. Г. Веймарсъ увидѣлъ монарха въ кабинетѣ и въ кругу его семейства, которое онъ любилъ больше чѣмъ съ отческой нѣжностью. Когда Веймарсъ смотрѣлъ на дѣтскія игры маленькихъ великихъ князей съ своими сверстниками, между которыми было нѣсколько мальчиковъ изъ польскихъ фамилій, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «vous voyez bien que je ne mange pas les polonais» (вы видите, что я не ѣмъ поляковъ).

Кадеты въ Александріи.

Императоръ Николай очень любилъ молодежь, воспитывавшуюся въ кадетскихъ корпусахъ. Всегда и вездѣ онъ отличалъ кадетовъ и старался приблизить ихъ къ себѣ и своему семейству.

Въ 1843 году іюля 22-го, онъ праздновалъ день именинъ сестры своей, великой герцогини Саксенъ-Веймарнской, Маріи Павловны, въ Александріи, близъ Петергофа. На праздникъ приглашены были близкіе царю люди, тѣсный кружокъ друзей, дипломатическій корпусъ и избранные особы первыхъ классовъ.

Кадеты стояли лагеремъ подъ Петергофомъ. Государю угодно было пригласить ихъ на праздникъ. Гонецъ полетѣлъ, и чрезъ нѣсколько времени извѣстное число кадетовъ, въ большинствѣ случаевъ выпускные, появились въ саду Александріи.

— А! вотъ и дѣти,—сказалъ Николай Павловичъ и сошелъ къ нимъ съ террасы. Поздоровавшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: «знаютъ ли они какой нынче день»?

— Знаемъ, ваше императорское величество,—отвѣчали кадеты.

— Какой?

— День тезоименитства сестры вашего величества, великой герцогини Саксенъ-Веймарнской, Маріи Павловны, съ чѣмъ и имѣемъ счастіе поздравить,—отвѣчали кадеты.

— Благодарю васъ дѣти,—и государь поклонился.

— Васъ благодаримъ, государь, что вспомнили объ насъ, — закричали кадеты.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ стоялъ на эстрадѣ. Императоръ позвалъ его къ себѣ и, когда онъ подошелъ, сказалъ ему:—что же ты не поздороваешься съ кадетами?

Великій князь поздоровался, и на поздравленіе кадетовъ поклонился.

— Кланяйся ниже!—сказалъ ему государь:—твоимъ будущимъ слугамъ можешь поклониться въ поясъ.

И наслѣдникъ цесаревичъ поклонился въ поясъ.

Затѣмъ императоръ привелъ за руки двухъ младшихъ дочерей своихъ, великихъ княженъ, Ольгу Николаевну и Александру Николаевну, и приказалъ имъ поблагодарить кадетовъ за поздравленіе съ именинницей.

Великія княжны сдѣлали реверансъ.

— Развѣ такъ кланяются русскимъ дворянамъ,—сказалъ государь и, положивъ имъ руки на плечи, заставилъ ихъ поклониться до пояса.

Разрѣшивъ кадетамъ «вольно», императоръ вошелъ въ ихъ кружокъ и сталъ заставлять ихъ играть.—Берите примѣръ съ меня, смотрите, я упаду сейчасъ на землю,—и, сказавъ это, государь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ опрокинуться назадъ. Кадеты бросились къ нему, подхватили его на руки и съ крикомъ: ура! стали качать.

Послѣ троекратнаго поднятія, Николай Павловичъ сказалъ:—ну, дѣти, довольно! спасибо вамъ!

— Ради стараться!—и ура! снова огласило садъ.

Въ это время французскій посланникъ, сойдя съ эстрады, подошелъ къ государю и выразилъ ему свое безпокойство о томъ, что онъ чуть было не упалъ, еслибъ кадеты его не поддержали.

— Вы не знаете моихъ дворянъ; это вѣдь все дворяне,—отвѣчалъ съ гордостью государь: — они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома.

Великій князь Михаилъ Павловичъ въ новгородскихъ поселеніяхъ.

Въ сороковыхъ годахъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ежегодно весною или въ началѣ лѣта, пріѣзжалъ въ новгородскій округъ

пахатныхъ солдатъ для смотровъ расположенныхъ тамъ гвардейскихъ частей. Въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ, Его Высочество прибылъ въ мѣсто квартированія лейбъ-гвардіи Уланскаго полка довольно поздно и остановился для ночлега въ устроенномъ для пріѣзда высочайшихъ особъ домикѣ. Отходя ко сну, Михаилъ Павловичъ, запирая дверь на ключъ, повернулъ его такъ неловко, что сломалъ бородку ключа и остался въ спальнѣ запертымъ. На утро дали знать капитану Иванову, завѣдывавшему военнорабочими командами. Пока онъ явился со слесаремъ и выпилилъ изъ двери замокъ, прошло около часу и Великій Князь не могъ вовремя выѣхать къ собранному полку на смотръ. Когда дверь была открыта, онъ вышелъ къ собравшемуся въ залѣ начальству и гнѣвно сказалъ начальнику округа.

— Хороши у васъ замки!

— Замокъ былъ хорошій, ваше императорское высочество, отвѣчалъ начальникъ округа, но и хорошій замокъ можетъ сломаться.

— Да я васъ и не виню, разсмѣялся Великій Князь, но я желалъ бы знать, что съ нимъ сдѣлалъ бы Аракчеевъ — и онъ указалъ на Иванова, — если бы онъ его, какъ меня, посадилъ подъ арестъ на цѣлую ночь?

Борщовъ и медвѣженокъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, адъютантъ конно-піонернаго дивизіона, поручикъ Борщовъ, находясь на завтракѣ у одного изъ извѣстныхъ охотниковъ-магнатовъ, получилъ отъ него въ подарокъ только что привезеннаго съ охоты маленькаго медвѣженка, оставшагося послѣ убитой медвѣдицы. Возвращаясь домой въ собственныхъ саняхъ, онъ посадилъ медвѣжонка рядомъ съ собою и придерживалъ его рукой. На поворотѣ съ Невскаго на Владимірскую, его повстрѣчалъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

— Стой! закричалъ ему гнѣвно велпкій князь, что это такое?

— Мишка, медвѣжонокъ, ваше императорское высочество, отвѣчалъ выскочившій изъ саней и подбѣжавшій къ великому князю поручикъ.

— Мишка! медвѣжонокъ! передразнилъ его великій князь, это я вижу. Но для чего ты разъѣзжаешь съ нимъ? Что ты фокусникъ,

или содержатель звѣринца, что ли? Развѣ это прилично офицеру? на гауптвахту!

И бѣдный поручикъ съ медвѣжонкомъ очутился на гауптвахтѣ. На другой день великій князь приказалъ Борщова освободить. Но когда приказаніе было получено, на гауптвахтѣ возникъ вопросъ: что дѣлать съ медвѣжонкомъ — выпустить его или оставить, такъ какъ о немъ въ приказаніи ничего не говорилось. Кончилось тѣмъ, что офицера выпустили, а медвѣжонка оставили. Доложили великому князю, и онъ, погрозивъ пальцемъ, разсмѣялся: это все проказы Борщова. Отдать ему моего тёзку, съ тѣмъ, чтобы онъ о его житьѣ-бытьѣ мнѣ при случаѣ рапортовалъ.

И потомъ встрѣчая Борщова, великій князь нѣсколько разъ спрашивалъ его: «Ну, что, какъ поживаетъ мой тёзка»?

ОТВЕРЖЕНЦЫ И ОТЩЕПЕНЦЫ ОБЩЕСТВА.

Въ 1870 году наша литература обогатилась однимъ изъ замѣчательныхъ сочиненій по предмету изслѣдованія жизни русскаго народа, именно: сочиненіемъ С. В. Максимова «Сибирь и каторга», въ которомъ онъ описываетъ бытъ нашихъ ссыльныхъ—этихъ отверженцевъ и отщепенцевъ общества.

Имя г. Максимова давно уже пользуется извѣстностью талантливаго изслѣдователя жизни въ Архангельской губерніи и Пріамурскомъ краѣ. Первые его очерки Бѣломорья появились въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и обратили на себя общее вниманіе. Новизна предмета и добросовѣстное его изученіе, интересный подборъ фактовъ, своеобразность, бойкость и картинность мысли и языка зарекомендовали автора какъ личность талантливую, сильную интеллигентными средствами и дѣятельную, и сразу выдвинули его изъ толпы. Уяснивъ свое положеніе въ литературѣ, молодой писатель посвятилъ себя всецѣло изслѣдованію народной жизни. Такъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ «Русскомъ Словѣ» и другихъ изданіяхъ мы читаемъ его замѣтки и путевыя письма о только что присоединенномъ къ Россіи Пріамурскомъ краѣ [1]). Затѣмъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, на страницахъ «Вѣстника Европы» и «Отечественныхъ Записокъ» печатался длинный рядъ статей его о бытѣ ссыльныхъ, гдѣ затронутъ одинъ изъ тѣхъ «проклятыхъ» вопросовъ, которые составляютъ гангрену современнаго

---

[1]) Очерки Бѣломорскаго и Пріамурскаго краевъ вышли отдѣльными изданіями, подъ заглавіями: «Годъ на Сѣверѣ» и «На Востокѣ».

общества и принадлежать къ разряду не разрѣшенныхъ при настоящемъ соціальномъ и экономическомъ его положеніи, а именно: вопросъ о болѣе человѣчной карѣ отверженцевъ и отщепенцевъ общества. Эти послѣднія статьи значительно, впрочемъ, дополненныя авторомъ, и составили упомянутое нами выше трехтомное сочиненіе подъ названіемъ «Сибирь и Каторга».

Что такое каторга?... Это понятіе, которымъ опредѣляется кара за самыя важныя, самыя тяжкія преступленія, нѣчто продолжительное, безконечно-долгое, невыразимо-страшное, охватывающее душу ужасомъ и леденящее кровь у человѣка съ самыми крѣпкими выносящими нервами, говорятъ одни. Это — юридическій терминъ, подъ которымъ подразумѣваются усиленныя, наиболѣе тяжелыя работы, travaux forcés, говорятъ другіе. Это—адъ, по мнѣнію третьихъ... Но что это такое въ дѣйствительности—работа, пытка или нѣчто болѣе ужасное, и какіе вытекаютъ изъ того результаты—объ этомъ общество до послѣдняго времени интересовалось очень мало, такъ какъ все это касается только его отщепенцевъ и отверженцевъ... Но отщепенцы и отверженцы общества тоже люди, и мы позволяемъ себѣ коснуться значенія каторги и, вообще, вопроса: соотвѣтствуетъ ли самое существованіе ея современнымъ потребностямъ общества.

Ссылка въ Сибирь въ XVII вѣкѣ, когда обладаніе ею было окончательно закрѣплено, имѣла значеніе колонизаціи вновь пріобрѣтенной, богатой и обширной страны. За исключеніемъ ссыльныхъ за государственныя преступленія, по которымъ назначалось тюремное заключеніе, всѣ прочіе сажались на пашню [1]), и такимъ образомъ исторія ссылки въ Сибирь начинается исторіею поселеній. Извѣстный указъ Петра Великаго: «бить кнутомъ нещадно, и заорля въ щеку, ссылать на каторгу на вѣчное житье» открываетъ исторію каторги; но въ прошломъ вѣкѣ каторжныя работы, въ настоящемъ ихъ значеніи, были не въ Сибири, а въ Россіи. Азовъ былъ первымъ каторжнымъ мѣстомъ, затѣмъ каторга была образована въ Петербургѣ, въ Рогервикѣ (нынѣ Балтійскій портъ), въ Шлиссельбургѣ, въ Оренбургѣ, въ Ригѣ, въ Херсонѣ, словомъ — вездѣ, гдѣ были даровыя земляныя или другія крѣпостныя работы. Только въ концѣ XVIII вѣка, когда оказалась необходимость въ рабочихъ рукахъ на заводахъ и золотыхъ пріискахъ, пошли въ Сибирь по ука-

[1]) Указы 1669 и 1679 годовъ.

замъ: солдаты за побѣги, нищіе, бродяги, членовредители, а съ отмѣною смертной казни и всѣ преступники, освобожденные отъ смерти. Въ текущемъ столѣтіи Сибирь пріобрѣтаетъ значеніе главнаго ссыльнаго мѣста, и только въ 1867—1869 годахъ были произведены нѣкоторыя реформы въ системѣ тюремъ и ссылки. Каторжныя работы въ крѣпостяхъ уничтожены, и воинскіе чины, присуждаемые къ каторжнымъ работамъ, сконцентрированы въ двухъ пунктахъ: въ Усть-Каменогорскѣ и Тобольскѣ, а изъ числа лицъ гражданскаго вѣдомства повелѣно отправлять въ Восточную Сибирь, для обращенія на существующія тамъ каторжныя работы, только тѣхъ преступниковъ, которые содержатся въ тюрьмахъ Сибири и Зауральской части Пермской и Оренбургской губерній, а изъ Россіи—женщинъ и женатыхъ преступниковъ, за которыми послѣдуютъ семейства. Всѣхъ же прочихъ преступниковъ, присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ, предписано размѣщать въ особо учрежденныхъ для того центральныхъ тюрьмахъ: Новоборисоглѣбской и Новобѣлгородской (Харьковской губерніи), Симбирской, Виленской и другихъ.

«Вѣчно горькій міръ есть адъ», говоритъ Данте (Рай XVII, 121). «Какъ вещественная смерть уничтожаетъ наше земное существованіе, такъ смерть нравственная лишаетъ насъ яснаго сознанія свободнаго проявленія нашей воли, а потому нравственная смерть не много лучше самой смерти вещественной», поясняетъ ученый толкователь Данте—Штрекфусъ. Слѣдовательно, ссыльно-каторжные, какъ лишенные правъ свободнаго проявленія своей воли,—ничто иное, какъ нравственные мертвецы, а пребываніе ихъ въ каторгѣ, представляющее, конечно, горькій міръ, можетъ быть названо адомъ.

«Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдѣльнаго человѣка, такъ и въ соціальной наукѣ, которую можно назвать анатоміею общества», восклицаетъ Писаревъ въ одной изъ статей своихъ. Но для опредѣленія значенія каторги, трудно найти въ жизни вѣрное сравненіе, такъ какъ каторга по своей цѣли и назначенію—карать и карать отверженцевъ и отщепенцевъ общества, карать въ квадратѣ и кубѣ, карать сторицею, карать, наконецъ, безъ мѣры и конца,—можетъ быть сравнена только съ адомъ.

Адъ имѣетъ своихъ пѣснопѣвцевъ. Гомеръ, Виргилій, Данте сходили въ преисподнюю земли и обезсмертили ее въ своихъ поэтическихъ описаніяхъ. Сибирскіе рудники хотя также видѣли въ своихъ нѣдрахъ поэтовъ и писателей, но до С. В. Максимова воспѣты не

были. Въ нашей литературѣ нѣтъ ничего, на что можно было бы указать и сказать: вотъ наша преисподняя. «Мертвый домъ» Достоевскаго — частица каторги, это, дѣйствительно, мертвый домъ, преддверіе ада, и только...

Но передъ нами лежитъ разсказъ С. В. Максимова о посѣщеніи имъ одного изъ Нерчинскихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскаго). Вотъ какъ онъ описываетъ каторгу.

«Мы у подошвы горы, которая отлого взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ни чѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣже голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, тоже обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Разница одна: у нашей горы, позади насъ, и въ недалекомъ разстояніи, раскинулось, довольно большое селеніе со старыми гнилыми домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ.

«Селеніе это казенное и приписано къ руднику; въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

«Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обшитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную примкнутый къ горѣ у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натапливаемый домикъ; здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нея будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло какъ въ банѣ. Но, помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубой (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженой свѣчей, и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слышали такъ много страшнаго. Вотъ за этой-то новою дверью (и опять досчатою) — думалось намъ на тотъ разъ — тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько несчастныхъ и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За ней-то, за дверью этой, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные разсказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни,

безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда были готовы оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ; потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но непріятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаютъ. Отворилась дверь, — словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ; къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всей массой, всей громадой своей стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы — въ горѣ, подъ землей, словомъ — мы въ рудникѣ.

«Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прирудниковой свѣтлицы—передней во мракъ самаго подземелья, не позволяетъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять изо всего того, что творится передъ нами, сзади насъ, по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотой окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь намъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы на столько, что мы различаемъ досчатыя стѣны, мокрыя, сырыя, и такія же доски на верху, на потолкѣ. И когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы, что называется — оглядѣлись: предъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, показывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый, и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много саженъ, не одинъ десятокъ саженъ

и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

«— Что это значитъ?

«— Корридоръ (отвѣчаютъ намъ), — тунель этотъ называется штольней. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатыя заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

«Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непроглядиѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагу встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, и межлу ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый жолобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ каменныя глыбы; наверху, на потолкѣ, такіе же голые, неправильной формы, обитые камни: и тѣ, и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты, фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенья становятся еще тяжелѣе: каменныя груды начинаютъ давить насъ нравственно всей тягостью внѣшняго вида своего, и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

«— Это извѣстнякъ и глинистый сланецъ—подпороды; а вотъ и самая порода—наше богатство; изъ нея то мы добываемъ достославное серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорятъ, рѣдко оно и у васъ въ Россіи.

«Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше, начинаемъ примѣтно уставать, намъ становится не только жарко, но даже душно. Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщонную влагой атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обиліи сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) — одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ: духота эта едва выносима.

«— Отворите дверь! закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

«Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штольню и выхватила, и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь

стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквознаго вѣтра, становилось уже излишнею, и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно топлоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

«Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выходящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣшалъ ниразу лучъ сол-нечнаго свѣта, и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ сальныхъ свѣчей въ фонаряхъ рабочихъ.

«Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—таже штольня только поперечная, боковая, безъ выхода: боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ, а безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу, серебра стало меньше; и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право; другой—на лѣво.

«Каменныя груды съ боковъ и надъ ними, неукрѣпленныя искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора,—грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безспльныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и небезсознательно вздрагиваетъ, въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ, и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ эха и отголоска.

«— Что это такое?

«— Забой дѣлали! взрывъ произведенъ.

«Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, и снова ощущаемъ

запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ, или, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ, намъ объясняютъ:

«— Буравъ вертитъ въ землѣ скважину, и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ; порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по срединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолѣваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ — значитъ поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства, или потому, что они уже и сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

«— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать; жолобъ облегчитъ работы въ забояхъ; полъ облегчитъ перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

«— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыя мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

«— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ выимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ съумѣлъ хорошо распорядиться около нея. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадьѣ, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтой. Когда рабочій опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ; бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда предполагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудоразбдѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

«И вотъ, до насъ начинаютъ добираться лучи дневнаго свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подъ

крутой деревянной лѣстницей; мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ, съ широко-разставленными приступками, съ обязательно неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надсаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно-мрачный лихтлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы до дна той штольни, въ которой мы были, и освѣщается такой же широкой, какъ нижняя яма, трубой, составляющей ея продолженіе и выходящей на верхушку горы. Отдохнувши, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами — снова устаемъ до изнеможенія и съ радостію узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученіямъ близокъ. Узнаемъ здѣсь, что Зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодцемъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 саженъ, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтой-колодцемъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 саженъ, но что дѣлаютъ новую— «Надежду», которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

«Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій; весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко-морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны—эти застывшія морскія волны и еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ—штоленъ, лихтлоговъ и тяжелый полумракъ шахты.

«Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячью преступныхъ и непреступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья, и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой, опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, кото-

рымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ въ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ, и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ; но все серебро, накипѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. И сколько смертей, нежданныхъ, негаданныхъ, накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ, и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крѣпкимъ, большею частію непредвидѣннымъ несчастіемъ».

«Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго, пишетъ далѣе С. В. Максимовъ, не только потому, что она безплатная, обязательная, казенная, но и потому, что подвергается случайностямъ, недалека отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоропостижною смертію.

«Диркой бьетъ»—кладетъ на смерть и увѣчитъ рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротой и силой. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу эти буровыя скважины, и потому, что при спѣшныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

«Горой давитъ» рудниковаго рабочаго таже оплошность, тоже неумѣнье, а часто и невозможность спохватиться во время,—именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку молоткомъ своимъ подъ породу, и отломятся отъ нея плохо слипшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. Горой этой и увѣчитъ, и давитъ до смерти...

«Новичокъ арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно хвосты убирать. Хвостами называются тѣ пустые, ненужные пески, которые остаются на разрѣзѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унося пески, какъ вещество легчайшее, и не сладивъ съ крупинками золота — веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывнаго жолоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянь и дать мѣсто новой драгоцѣнности и потому хвостовая работа тяжела главнымъ обра-

зомъ тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не дастъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознаніе, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣже животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже безполезно истрачиваетъ физическія силы и безъ того значительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію—толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознаніе, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознаніе это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадямъ, животнымъ..

«Солеваренная каторга вся тяжела; тяжка она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по жолобьямъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ—солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Ссыльные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтыми въ казенную рвань; насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по жолобьямъ безпрерывно; платье на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, потомъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла трехъ людей, обязанныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г.; къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники,—стало легче: балансиръ маятника стали поталкивать отъ

себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ бесѣдкахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не щадятъ и не цѣнятъ, о человѣческомъ достоинствѣ ихъ не заботятся и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль, въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и спѣшныхъ работъ до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшонную и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры, воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ накоплялп такой дымъ, что рабочіе, для поправленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались; на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, и до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какого нибудь члена, на разъѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производитъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайней перемѣнѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерею аппетита, но еще большее число рабочихъ, неуспѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни уходитъ въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ Иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое Иркутское Усолье...

«На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется, значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печнаго жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуетъ съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получаетъ разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій—не вольнонаемный; по отношенію къ нему

нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ; возвышенной плаги онъ не потребуетъ, отъ тяжелой работы не откажется и не посмѣетъ заявить открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочій, старожилъ — сибирякъ крестьянинъ. Зимою, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на заторщиковъ, обязанныхъ чистить кваши, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобитъ ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже закуржавѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко накрывала послѣдняя рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми холодными трупами»...

А вотъ и очеркъ одной изъ тюремъ, гдѣ помѣщаются каторжные (Нижнекарійской). Снаружи казарма ветхая, рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полпнялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности. Внутренность казармы... Впрочемъ, мы предоставимъ разсказать это самому автору.

«Передъ нами отворилась дверь, говоритъ г. Максимовъ, и словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облила струя промерзлаго, спертаго гнилаго воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по-солдатски. Многіе были въ заплатанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ срединѣ которой въ два ряда положены были деревянныя нары; тѣ же нары обходили

кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держатъ людей для казенной надобности въ артели, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какіе лоскутья, рвань, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, неимѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопіющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастіе, которыя въ добавокъ еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышатъ отравой его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жестких нары на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ пальца на два (буквально) накипѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство,—и не замѣтило, а если и замѣтило — то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ всю ее до самаго потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворялись и форточки—и не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. И вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкой, охотно прибиваемъ ко всякому мѣсту, которое сквозитъ, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрунтовкѣ мѣстъ, которыя пробѣлѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилой, порченной кровью: вся сила,—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго [1])»...

Наконецъ, представимъ и портреты нѣкоторыхъ, выслужившихъ срокъ, ссыльнокаторжныхъ:

«— Иванушко, подико сюда! кричитъ приставъ промысла встрѣчному. Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапчонкѣ, съ всклокоченной рѣденькой бороденкой. Шея его была голая;

---

[1]) Лѣтомъ 1857 г. въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ с т а п у д о в ъ з о л о т а, когда всѣ ссыльные каторжные сгруппированы были здѣсь и размѣщены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человѣкъ умерло, да въ архивахъ осталось свидѣтельство мѣстнаго лекаря, гдѣ онъ писалъ, что причина тому больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ...

армячишко совсѣмъ слѣзъ съ плечъ, и даже рубаха подъ нимъ была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотрѣть. Иванушку всего подергивало, голова не твердо держалась на плечахъ; онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому. Лѣвое плечо ходуномъ ходитъ, и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить, а повидимому онъ не тяготится этой работой; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голы.

«— Гдѣ ты былъ? ласково спрашиваетъ его приставъ.

«— Снѣжку отгребалъ: покормили за то! отвѣчалъ Иванушко и брызгалъ. Голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ. Лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

«— А кто ты такой? продолжалъ разспрашивать приставъ.

«— Я—Божій человѣкъ! гнусливо растянулъ старичокъ.

«— Какъ прозываешься-то?

«— Поселенцемъ велятъ зваться.

«— Откуда ты родомъ?

«— Съ Вятки родомъ.

«— За что присланъ-то сюда?

«— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужь домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тятька съ маткой остались.

«— Да вѣдь ужь нельзя тебѣ возвращаться-то...

«— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушко указалъ рукой на тюрьму.

«— Надо, слышь, только бумагу этакую достать; безъ бумаги-де не пропустятъ и назадъ вернутъ. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Россію уйти, сколько прошу!.. (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

«— Всякій разъ обращается онъ ко мнѣ съ этой просьбой!— объяснилъ потомъ приставъ, когда оставилъ Иванушку.

«— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго, говорилъ тотъ же карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе, продолжаетъ г. Максимовъ, необыкновенно правильными чертами лица, въ глазахъ его еще было много жизни

и во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутуловости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда-нибудь въ сторону, въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили. Наконецъ, той робости, которая велитъ скидать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ)—въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава; но послѣдній настаивалъ на своемъ:

«— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

И самъ старикъ разсказывалъ потомъ:

«— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ямщикомъ убили.

«И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

«— А за что тебя на цѣпь посадили?—спрашивалъ приставъ.

«— Сами знаете, ваше благородіе!—отвѣчалъ старикъ: и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то время меня обманула, продолжаетъ г. Максимовъ, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея; но лицо старика при дальнѣйшихъ разспросахъ оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на тотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего: онъ все знаетъ. Или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ,—старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался, но повѣдалъ другое:

«— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

«И опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто въ свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать «умыкали бурку крутыя горки».

«— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы, и не нахвалюсь стара-

ніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко — говорилъ приставъ. У нашего начальника жила въ кормилицахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такой любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственною, подогрѣтою любовью замыть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія,—но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, безсонная, честная и нѣжная работница.

«Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшій на глаза, былъ именно изъ тѣхъ боязливыхъ и робкихъ, которые привыкли прятать свой взглядъ, привыкли быть замкнутыми и неоткровенными на любой изъ вызововъ вашихъ. Ссыльный этотъ писалъ, напр. стихи, и одно время исполнялъ даже обязанность полковаго пѣиты: написалъ по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Мокѣевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собой рекомендательныя письма. По письмамъ этимъ онъ оказался виновнымъ только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ въ тоже время и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребовъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ. Въ кабакѣ онъ попалъ на развеселыхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежемъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцъ, не давшій во время знать начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ, и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судей, Мо-

кѣевъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и родинѣ—и запилъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько не валили потомъ щебня въ болото: гати не сдѣлали, разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ преграды. На время (и только на время) пріостановилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда куда надо: Мокѣевъ полюбилъ вольную казачку, полюбился и ей—и женился, торговля опять пошла на ладъ; колеса на мельницѣ завертѣлись; мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ, и опять прорвало плотину. Суетилась жена, хлопотали сосѣди, суетились и хватали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокѣевъ человѣкомъ убитымъ и потерянным и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь; и жену любитъ и всѣми сосѣдями былъ бы любимъ за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокѣевъ теперь на все рукой махнулъ.

«— Ничего съ нимъ не подѣлаешь—говорила жена его: самый безпутный человѣкъ! пѣсни писать пуще прежняго началъ, станетъ тебѣ читать какую,—слезой прошибетъ. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ».

Маколэй въ одной изъ своихъ статей говоритъ: «Дантовская поэзія своею картинностью превосходитъ все что когда-нибудь было написано. Впечатлѣніе, производимое ею, напоминаетъ впечатлѣнія, которыя мы чувствуемъ, смотря на произведенія живописи или рѣзца». Если подъ сущностію поэзіи, какъ полагаетъ знаменитый ученый, историкъ и поэтъ Англіи, понимать только искусство употреблять слова въ такомъ видѣ, который производитъ съ помощію словъ то, что живописецъ производитъ съ помощію красокъ, то въ описаніи каторги С. В. Максимова нельзя не видѣть высоко-поэтическаго, художественнаго очерка. Это описаніе своей жизненностью, своей поражающею оригинальностью, своей безотрадной правдой превосходитъ даже мрачныя картины дантовскаго ада. Это не иллюзія, не миражъ, обманывающіе органъ зрѣнія, не театральныя сцены, увлекающія воображеніе; это—жизнь со всѣми ея страстями, жизнь безрадостная, безнадежная, свитая изъ зла и горести, ползущая, пресмыкаю-

щая какъ гадина и возбуждающая въ душѣ отвращеніе до nec plus ultra; это—ехидна ядовитая и безпощадная; это, наконецъ, сама Медуза, смертельно поражающая всю нервную систему, Медуза живая, во всемъ своемъ грозномъ величіи, съ вьющимися и шипящими горгонами на головѣ... Читая очеркъ Максимова, вы видите передъ собой и чуть не осязаете это чудовище, называемое каторгой, видите, какъ оно постепенно и безъ всякой пользы для дѣла и для самихъ ссыльно-каторжныхъ истязаетъ и истощаетъ до изнеможенія физическія ихъ силы, губитъ жизнь духа, развиваетъ и поддерживаетъ съ заботливостью, достойною лучшихъ цѣлей, заразительныя и неизлечимыя между ними болѣзни, дѣлаетъ людей идіотами, мономанами, существами дряхлыми и ни къ чему неспособными, живыми мертвецами и скелетами до времени—и ужасъ охватываетъ ваши члены, волосъ становится дыбомъ, оконечности коченѣютъ и языкъ невольно лепечетъ стихъ Данта:

«Почто нашъ грѣхъ караетъ насъ такъ строго?»..

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Максимовымъ, въ теченіе тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861 г.) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоего пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Въ этомъ числѣ сослано въ каторжныя работы 39,601 мужч. и 4330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,179 женщ. Цифра не маленькая, надъ которой нельзя не призадуматься.

Хотя учрежденіемъ внутри Россіи центральныхъ тюремъ для содержанія нѣкоторой части преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, и положенъ краеугольный камень основанія новой тюремной системы, но какъ старый порядокъ ссылки на каторгу въ Сибирь, такъ и вновь усвоенныя на западѣ системы тюремнаго заключенія, не удовлетворяютъ раціональнымъ потребностямъ современнаго, гуманнаго взгляда на содержаніе подъ стражею людей, признанныхъ судомъ преступными.

Существующія въ настоящемъ видѣ каторжныя работы—наслѣдіе добраго стараго времени, когда каторга считалась продолженіемъ нещаднаго битья кнутомъ и заорленія щекъ. Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обречена была прикрывать грѣхи Россіи. Она залита слезами, оглушена стонами и усѣяна костьми отверженцевъ и отщепенцевъ общества. Каторга по своему значенію даже не кара, не наказанье, не возмездіе, но нѣчто большее... Это—пытка, и пытка тѣмъ болѣе

страшная и мучительная, что она продолжается не день, не два, не три, но годы, десятки лѣтъ и даже безсрочно. Это—ничто иное, какъ безконечная нравственная встряска, дыба безъ отдыха, медленный огонекъ безъ предѣла и конца. Каторга противна не только человѣчеству, но даже самому принципу кары и возмездія. Окончательное уничтоженіе ея будетъ принято съ восторгомъ всѣми здравомыслящими людьми и займетъ, безъ сомнѣнія, видное мѣсто на страницахъ современной исторіи.

Но высказываясь за окончательное уничтоженіе традиціонныхъ каторжныхъ работъ, мы не можемъ не коснуться и новыхъ тюремныхъ системъ. За границей существуютъ двѣ системы заключенія: келейная и, такъ называемая, молчанія.

Въ началѣ настоящаго столѣтія, въ видахъ предупрежденія развитія преступленій, исправленія преступниковъ и устраненія рецидивизма, квакеры-филантропы изобрѣли келейную систему заключенія. Въ основаніе этой системы легла та мысль, что преступникъ, заключенный въ приличной, опрятной и чистой комнатѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ, и, слѣдовательно, изолированный отъ всякихъ вредныхъ вліяній со стороны другихъ преступниковъ, не можетъ не исправиться, такъ какъ вся его обстановка должна располагать его къ размышленіямъ и раскаянію. Но эта система оказалась хорошею только въ теоріи. Примѣненная первоначально въ Оборнской тюрьмѣ въ Америкѣ, она дала страшные результаты. Большая часть преступниковъ въ самое короткое время погибла. Одни впали въ идіотизмъ, другіе сошли съ ума, третьи умерли. Изъ числа всѣхъ заключенныхъ въ этой тюрьмѣ испытаніе вынесли только 26 человѣкъ. Тюремное начальство, боясь отвѣтственности за такіе неутѣшительные результаты, освободило всѣхъ заключенныхъ, вынесшихъ пробные эксперименты, но изъ числа освобожденныхъ 26 человѣкъ—14 въ самомъ непродолжительномъ времени вновь попали подъ судъ и были приговорены къ заключенію въ той же тюрьмѣ за повторенныя преступленія. Другія тюрьмы въ Америкѣ, гдѣ производились подобные опыты, дали почти такіе же результаты: въ Нью-Джерси, напр. десять человѣкъ умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Примѣненіе этой системы (съ допущеніемъ, впрочемъ, работъ), во Франціи повело къ болѣе худшимъ результатамъ—къ развитію между преступниками самоубійства. Въ одномъ 1866 году насчитывалось до 46 самоубійствъ, происшедшихъ, по преимуществу, въ кельяхъ. Вторая система (молчанія) выродилась изъ первой. Преступники находятся на

работахъ и на прогулкахъ вмѣстѣ, но имъ предписывается сохранять повсемѣстно безусловное молчаніе. Не смотря на то, что тюремнымъ начальствомъ были принимаемы всѣ зависящія отъ него мѣры къ развитію этой системы, она не пустила корни во Франціи: правительство вынуждено было заявить, что оно отказывается отъ этой системы. Система молчанія на сколько нелѣпа, на столько и чудовищна. Для того, чтобы правила молчанія были выполняемы во Франціи, въ 1864 году, 18713 преступниковъ перенесли въ тюрьмѣ 59841 наказаніе, въ томъ числѣ были 10604 случая заключенія въ карцеръ, и это одно наказаніе составило 94563 дня, т. е. почти по 10 дней карцера на каждаго преступника. Приведенныя нами статистическія данныя сами собою краснорѣчиво говорятъ о достоинствахъ системы молчанія и не требуютъ никакихъ коментарій.

Безъ сомнѣнія, тюрьмы, построенныя по новѣйшей системѣ, какъ здания для помѣщенія отверженцевъ и отщепенцевъ общества, наиболѣе соотвѣтствуютъ идеѣ гуманности, нежели тѣ постройки, которыя такъ характеристично и вѣрно описаны г. Максимовымъ, но какъ учрежденія, какъ системы для содержанія подъ стражею людей, признанныхъ судомъ преступными, они стоятъ на ряду съ нашими традиціонными каторжными работами въ Сибири, если еще не ниже ихъ. Какъ тѣ, такъ и другія—плоды долголѣтнихъ измышленій криминалистики, основанной исключительно на принципѣ возмездія и устрашенія, съ тою только разницею, что каторга изобрѣтена тогда, когда работалъ застѣнокъ, свирѣпствовалъ кнутъ и производились церемоніи торжественнаго и всенароднаго заорленія щекъ; а системы заключенія—келейная и молчанія—дѣло филантропіи XIX вѣка, который работу застѣнка, свистъ бича и клеймо щекъ воспроизводитъ въ другой болѣе изысканной формѣ, но безъ всякой пощады и снисхожденія, казнитъ съ соблюденіемъ приличій, но въ высшей степени мучительно и жестоко.

Намъ кажется, что прежде нежели остановиться окончательно на одной изъ системъ содержанія подъ стражею отверженцевъ и отщепенцевъ общества, нужно пересмотрѣть и согласить съ духомъ новаго уголовнаго судопроизводства и самое уложеніе о наказаніяхъ, вдунуть въ него, такъ сказать, душу безсмертную. Хотя современное уголовное право и усвоило нынѣ болѣе гуманный взглядъ на преступленія, нежели это было прежде, но основныя начала его ничѣмъ не отличаются отъ началъ уголовнаго права древнихъ народовъ. Это—сочетаніе принциповъ кары, возмездія, абстрактной спра-

ведливости и устрашенія. При такомъ характерѣ уголовныхъ кодексовъ вообще въ Европѣ караются одни преступленія, на источники же происхожденія преступленій, на тѣ неблагопріятныя условія нравственнаго, соціальнаго и экономическаго положенія человѣка, которыя имѣютъ подавляющее вліяніе на проявленіе его личной воли, не обращается никакого вниманія, вслѣдствіе чего и самыя средства къ излеченію общественныхъ болѣзней и язвъ найдены быть не могутъ. Нисходя въ глубь вѣковъ, мы видимъ, что первобытный человѣкъ, въ дѣлѣ расправы за обиды и оскорбленія, руководился только чувствомъ мести. Древніе греки считали месть наслажденіемъ боговъ. Первые законодатели народовъ узаконили месть: Моисей опредѣлилъ въ видѣ возмездія: душу за душу, око за око, зубъ за зубъ [1]). Солонъ предписалъ выкалывать оба глаза тому, кто выколетъ глазъ у криваго. Вотъ начало тѣхъ принциповъ, которыми руководствуется и до нынѣ уголовное право. Хотя съ развитіемъ человѣческихъ общинъ и государствъ, область уголовнаго права и отдѣляется отъ области права войны, регулируются правила и цѣлыя системы, казнь безъ различія запрещается, но основными принципами уголовнаго права, до нашихъ временъ остаются принципы возмездія, абстрактной справедливости и устрашенія. Народы руководятся этими принципами съ беззастѣнчивостью, доходящею до попранія понятій о существованіи самого уголовнаго права. Такъ, напримѣръ, римскія власти тиранятъ и казнятъ христіанъ. Монголы воздвигаютъ пирамиды изъ человѣческихъ головъ; турки толкутъ въ ступахъ и сажаютъ на колъ десятки тысячъ людей; святая инквизиція пытаетъ и сожигаетъ на кострѣ безчисленное количество жертвъ для примѣра; малороссіяне производятъ Уманьскую рѣзню; революція гильотинируетъ, а реставрація пропзводитъ бѣлый терроръ. Наконецъ, на нашихъ глазахъ представители комуны и Макъ-Магонъ, каждый въ свою очередь, совершаютъ кровавыя вакханаліи, и массы народа погибаютъ во имя принципа возмездія и устрашенія. Человѣческій разумъ не можетъ отрѣшиться отъ этой безчеловѣчной идеи. Въ Римѣ, во время императора Нерона, рабъ, мстя за обезчещенную жену, убилъ своего господина; судъ, чтобы навесть ужасъ на всѣхъ рабовъ, приговорилъ къ смерти, вмѣстѣ съ убійцею, четыреста другихъ рабовъ, живпихъ подъ одной съ нимъ кровлею. Катерина Медичи воспроизводитъ Варѳоломеевскую ночь. У насъ переходитъ въ легенду

---

[1]) Кн. Исход. XXI, 23.

судъ Шемякп. Никто—ни сумашедшій, ни идіотъ, не избавлялся отъ уголовнаго наказанія. Кредиторъ имѣлъ право продать своего должника въ кабалу, или вырѣзать изъ его тѣла нѣсколько кусковъ мяса. Смертная казнь опредѣлялась за такія преступленія, которыя нынѣ преслѣдуются слабо; напр., во Франціи: за покупку свинцу и пороху больше, чѣмъ нужно въ домѣ, за сопутствованіе ворамъ, за ввозъ табаку и ситцевъ посредствомъ контрабанды; въ Англіи: за воровство въ лавкѣ на 5 шиллинговъ, за воровство писемъ или за воровство на мануфактурахъ льна. И не только люди, но даже животныя и даже неодушевленные предметы несли уголовную отвѣтственность. Судьи присуждали: лошадь, если она убила человѣка—къ повѣшенію; свинью, если она пожрала ребенка—къ сожженію; дерево, если оно во время бури или вѣтра давило или убивало человѣка или животное—къ сожженію. Новѣйшіе ученые мыслители и философы идутъ по стопанъ криминалистовъ каменнаго, желѣзнаго и бронзоваго вѣковъ. Такъ, ученый Силвелла проводитъ идею, что смертная казнь должна существовать вслѣдствіе взаимнаго нравственнаго обязательства людей, на основаніи котораго всѣ нарушающіе законы справедливости соглашаются на самоуничтоженіе. Абеггъ защищаетъ смертную казнь во имя примиренія преступника съ небомъ. Жозефъ де-Местръ, Доназо Кортезъ, Луи Вельо и др. провозглашаютъ законы Ману. По ихъ мнѣнію, кровь очищаетъ и удобряетъ землю, топоръ палача и плаха составляютъ великіе акты справедливости, гильотина нужна для примѣра, для развитія нравственности и огражденія общества. Ученіе Канта проповѣдуетъ воздаяніе зломъ за зло—какъ идею, присущую человѣку, категорическій императивъ. Философія Гегеля признаетъ звеньями трахотоміи, трехчленнымъ діалектическимъ развитіемъ идеи: право, нарушеніе права—преступленіе; и отрицаніе преступленія и примиреніе съ правомъ—наказаніе. Англійскій криминалистъ Джемсъ Стифенсъ полагаетъ даже, что самое умопомѣшательство не должно служить поводомъ къ отклоненію вмѣненія.

Такимъ образомъ уголовное право подъ давленіемъ подобныхъ рутинныхъ взглядовъ переживало различные фазисы своего развитія,—и если, съ теченіемъ времени, гуманныя идеи и проникли въ уголовные кодексы Европы; если смертная казнь не назначается болѣе за кражу въ лавкѣ на 5 шиллинговъ или съ фабрики нѣсколькихъ фунтовъ льна, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и совсѣмъ отмѣнена; если наказаніе животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ уничто-

жено; если къ принципу абстрактной справедливости присоединился новый—исправленіе преступника посредствомъ работъ, то и за всѣмъ тѣмъ, уголовное право не могло не отстать отъ поступательнаго движенія современнаго общества на пути прогресса и цивилизаціи.

Безъ сомнѣнія, владычество грозной Немезиды рано или поздно должно кончиться, и современнымъ криминалистамъ предстоитъ великая задача—примирить гуманныя требованія современнаго общества съ суровыми тенденціями уголовнаго права,—изыскать мѣры, которыя могли бы вести не только къ изолированію лицъ, признаваемыхъ судомъ преступными, безъ обремененія ихъ участи и къ уничтоженію рецидивизма, но и къ уменьшенію числа преступленій въ народѣ, дѣйствуя преимущественно на причины преступленій, какъ корень всему существующему въ мірѣ злу.

Переходя къ устройству нашихъ центральныхъ тюремъ, нельзя не замѣтить, что мы привыкли все перенимать и во всемъ подражать западу, ловить, по знаменитому выраженію М. Н. Каткова, хвостики мыслей. Неужели и въ тюремномъ дѣлѣ мы должны также пересаживать на нашу почву то, что не привилось, не принялось на западѣ. Тюрьмы, не говоря уже о ихъ значеніи какъ учрежденій для содержанія преступниковъ, требуютъ много денегъ для ихъ возведенія и приспособленія. Это—игрушки дорогія. Постройка Мазаской тюрьмы въ Парижѣ обошлась въ 5 милліоновъ франковъ. Мы еще не такъ богаты, чтобы бросать милліоны рублей на одни эксперименты, бросать съ увѣренностью, что эксперименты эти ни къ чему, кромѣ траты денегъ, не поведутъ. Тюремъ у насъ, слава Богу, и безъ того довольно. Есть тюрьмы гражданскія, есть тюрьмы военныя, есть тюрьмы морскія; есть тюрьмы губернскія, уѣздныя и этапныя; есть тюрьмы центральныя, постоянныя и временныя; есть тюрьмы исправительныя, смирительныя и для неисправныхъ должниковъ; есть тюрьмы подслѣдственныя, пересыльныя и крѣпостныя... На недостатокъ тюремъ мы пожаловаться не можемъ, хотя, говоря откровенно, было бы ни сколько не хуже, если бы число тюремъ не увеличивалось, а уменьшалось. Мы думаемъ, что было бы вполнѣ раціонально, еслибъ вопросъ объ организаціи тюремъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію при посредствѣ людей свѣдущихъ; еслибъ подумали наконецъ и надъ тѣмъ, какъ бы освободиться совсѣмъ отъ тюремъ. Денре, въ изданномъ имъ въ 1868 года сочиненіи «De l'abolition de l'emprisonnement», говоритъ, что обходиться безъ тюремъ не только можно, но даже должно,

если исходною точкою пенальной системы признать не одно только желаніе общества, во чтобы то ни стало, и какъ бы то ни было, отдѣлываться отъ преступниковъ, но заботиться и о дѣйствительномъ ихъ исправленіи и о противодѣйствіи тѣмъ печальнымъ результатамъ современной криминалистики, которые главнѣйшимъ образомъ обусловливаютъ явленія рецидивизма въ преступленіяхъ. Знаменитый докторъ правъ рекомендуетъ трудъ внѣ тюрьмы, раціональную организацію исправительно-земледѣльческихъ колоній. Мы, съ своей стороны, укажемъ на организуемыя военнымъ министерствомъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ рабочія бригады, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ своей цѣли; укажемъ на работы арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства на курско-харьковской желѣзной дорогѣ въ 1868 году, гдѣ роты эти работали безъ конвоя, за круговымъ поручительствомъ, и побѣговъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, не было; укажемъ, наконецъ, на предложеніе бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, генерала Синельникова, сибирскимъ золотопромышленникамъ принимать для работъ на пріискахъ ссыльныхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, можетъ дать результаты болѣе блестящіе, нежели думаютъ приверженцы statu quo. Конечно, современнымъ криминалистамъ и спеціалистамъ тюремнаго дѣла необходимо поработать надъ этимъ вопросомъ, но работа эта должна удовлетворить самое громадное самолюбіе, такъ какъ она, въ случаѣ успѣха, открыла бы новую эпоху въ исторіи развитія человѣчества.

РЕЗОЛЮЦІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

ИМПЕРАТОРЪ Александръ II обращалъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ имперіи, любилъ военное дѣло и прилагалъ всевозможныя попеченія къ улучшенію быта какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ хорошо изучилъ организацію, числительный составъ и хозяйство войскъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ хронику полковъ, время ихъ основанія, въ какихъ войнахъ они участвовали, въ какихъ сраженіяхъ отличались и чѣмъ награждены. Онъ обладалъ отличной памятью и безошибочно перечислялъ: какія части войскъ имѣютъ георгіевскія знамена, владимірскія ленты, серебряныя трубы, петлицы, знаки за отличія. При прочтеніи докладовъ, онъ указывалъ иногда на такія частности дѣла, которыя ускользали отъ вниманія ихъ составителей-спеціалистовъ. Я могу привесть нѣсколько примѣровъ подобныхъ указаній, но въ настоящемъ случаѣ ограничусь пока однимъ, именно замѣчаніями государя на докладъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, отъ 23-го іюля 1857 года, о знаменахъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ.

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, какъ извѣстно, грамотностію не отличался. Нѣкоторыя его резолюціи сдѣлались общеизвѣстными, даже болѣе извѣстными, чѣмъ знаменитыя резолюціи графа Аракчеева. Напримѣръ, такія, буквально списанныя нами съ подлинниковъ, резолюціи: «Сумляваюсь чтопъ палковникъ И. объалванилъ сіэ дело кюлю» (сомнѣваюсь, чтобы полковникъ И. оболванилъ сіе дѣло къ іюлю), или: «Несъпасобныхъ многа хто пладитъ лэкаря, али чясъти, нада разъобратца» (неспособныхъ много, кто

плодить: лекаря, или части, надо разобраться), — могуть служить краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Въ его докладахъ государю, конечно, проходили и неясности, и неточности изложенія. Императоръ Александръ строго относился ко всѣмъ подобнымъ недомолвкамъ и дѣлалъ замѣчанія, несовсѣмъ лестныя для составителей такихъ докладовъ.

Послѣ Крымской войны гвардейскіе и гренадерскіе полки, имѣвшіе (съ резервными) по шести баталіоновъ, должны были состоять въ трехбаталіонномъ составѣ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ резервный). Возбудился вопросъ: какъ поступить со знаменами упраздняемыхъ баталіоновъ?

Генералъ Сухозанетъ излагалъ въ докладѣ: «Поставленіе знаменъ упраздняемыхъ вовсе третьихъ баталіоновъ полковъ лейбъ-гвардіи въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ нынѣ стоятъ знамена остающихся первыхъ и вторыхъ баталіоновъ тѣхъ же полковъ, было бы неудобно, потому что первыя знамена (т. е. третьихъ баталіоновъ) принадлежатъ частямъ, которыя не будутъ уже существовать». Государь противъ этого пункта написалъ: «Совершенный вздоръ, ибо третьи баталіоны не упраздняются, а только роспускаются на мирное время и переименовываются въ третьи резервные баталіоны по примѣру 4-хъ резервныхъ баталіоновъ, коихъ знамена стоятъ во дворцахъ».

Далѣе Сухозанетъ говорилъ: «Предполагаемая замѣна знаменъ первыхъ и вторыхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ, если оныя пришли въ ветхость, знаменами пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ въ полкахъ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ, Московскомъ, Гренадерскомъ и Литовскомъ, была бы излишнею, потому что означенные баталіоны всѣ получили новыя знамена». Государь отмѣтилъ: «Никогда объ этомъ и рѣчи не было».

Такимъ образомъ, весь докладъ оказывается испещреннымъ замѣтками: «они не упраздняются», «все это вздорныя разсужденія», «это одно справедливо» и проч. Наконецъ, самая резолюція его величества, помѣченная 26-го іюля 1857 года, гласила такъ: «Вздорный докладъ. Исполнить—какъ показано въ концѣ». Въ концѣ же доклада государемъ собственноручно начертано слѣдующее:

«Въ полкахъ лейбъ-гвардіи:
«Гатчинскомъ,
«Павловскомъ,
«Финляндскомъ,
«Волынскомъ,
«Гренадерскихъ:
«Императора Австрійскаго,
«Короля Фридриха Вильгельма III.

«Въ 1-ые и 2-ые и въ 3-ьи резервные баталіоны передать знамена, имѣвшіяся въ резервныхъ баталіонахъ сихъ полковъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ, съ перемѣною только скобъ.

«Старыя знамена гвардейскихъ полковъ перенести съ почестью въ полковыя церкви, гренадерскихъ полковъ знамена сдать въ С.-Петербургскій арсеналъ.

«Во всѣхъ прочихъ полкахъ гвардіи знамена бывшихъ резервныхъ баталіоновъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ перевести съ почестями изъ дворцовъ на храненіе въ полковыя церкви.

«Въ Гренадерскомъ корпусѣ знамена 3-хъ баталіоновъ, переименованныхъ въ 3-ьи резервные, сдать въ арсеналъ, гдѣ будетъ храниться оружіе для сихъ резервныхъ баталіоновъ. Прочихъ резервныхъ баталіоновъ, нынѣ вовсе упраздняемыхъ, сдать на храненіе въ С.-Петербургскій арсеналъ. 26-го іюля 1857 года».

По разумности и ясности изложенія, это—дѣйствительно царская резолюція.

Генералъ Клугинъ.

3-го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-маіоръ Клугинъ подалъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ $8^3/_4$ часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основаніи § 19

дисциплинарнаго устава, о причинѣ, по которой онъ не отдаетъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сіятельству».

Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: «По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это — генералъ служитъ въ Петербургѣ и не знаетъ моихъ дѣтей».

— Ваше величество, онъ близорукъ.

— А, тогда дѣло другаго рода,—засмѣялся государь:—тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

Генералъ Рамзай.

Генералъ-маіоръ баронъ Рамзай (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, командиръ гренадерскаго корпуса) во время командованія гренадерскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, чрезвычайно строго относился къ солдатамъ и жестоко наказывалъ ихъ во время ученій. Въ зимнее время полкъ учился въ манежѣ кадетскаго корпуса, куда приводили на ученье и кадетовъ. Однажды, во время совмѣстнаго ученья въ манежѣ какой-то роты полка и кадетовъ, когда баронъ Рамзай немилосердно бичевалъ солдатъ, въ манежъ пріѣхалъ директоръ кадетскаго корпуса, генералъ-маіоръ Бородинъ. Увидавъ истязанія солдатъ, онъ подозвалъ къ себѣ барона и передъ фронтомъ сказалъ ему: «ваше превосходительство, я предоставилъ въ ваше распоряженіе манежъ для обученія солдатъ, а не для варварскихъ экзекуцій надъ ними, вредно вліяющихъ на воображеніе моихъ кадетовъ. Не угодно ли вамъ ваши экзекуціи производить въ казармахъ, иначе я вамъ не могу предоставить пользоваться манежемъ».

Съ этого времени экзекуціи въ манежѣ болѣе не повторялись. Барону Рамзаю кадеты дали прозваніе «генералъ Крамсай», которое и сохранилось за нимъ на всю жизнь.

Графъ М. Ю. Віельгорскій.

6 апрѣля 1835 года, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій назначенъ шталмейстеромъ двора ея императорскаго высочества, великой княжны Маріи Николаевны, и вотъ по какому поводу. Въ великую субботу, у всенощной во дворцѣ, прикладываясь къ плащаницѣ, графъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозвавъ графа, сказалъ ему: «Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes», (любезный графъ, чтобы вы въ другой разъ не теряли башмаковъ, я даю вамъ сапоги).

Генералъ Бурмейстеръ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, кронштадтскимъ комендантомъ состоялъ генералъ-лейтенантъ Бурмейстеръ. Это былъ деликатный, добрый и любимый всѣми подчиненными начальникъ. Но у него была своя слабость—муштровать молодыхъ офицеровъ въ отношеніи знанія караульной службы, для чего онъ ихъ держалъ по цѣлымъ часамъ въ манежѣ, производя разводы и заставляя ихъ по нѣскольку разъ подходить къ нему съ рапортомъ.—«Не такъ, отставь», «рапортуйте снова», «вы салютовать не умѣете», «вотъ какъ надо!»—распекалъ ихъ генералъ и только послѣ нѣсколькихъ пріемовъ отпускалъ разводъ. Молодые моряки, выходившіе въ караулъ съ своими экипажами, зная слабость генерала, нарочно школьничали и выводили его изъ терпѣнія.

Какъ-то былъ назначенъ разводъ въ высочайшемъ присутствіи. Генералъ Бурмейстеръ, зная, что императоръ Николай I строго относился къ строевой службѣ, и будучи не увѣренъ въ знаніи флотскими экипажами караульной службы, началъ производить каждый день репетиціи разводу.

Лейтенантъ Лазаревъ-Станищевъ, бывшій въ образцовомъ полку и знавшій службу хорошо, былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода. Ему генералъ сталъ объяснять, какъ надо вести взводъ, что ему скомандовать, и закончилъ словами: «Когда вы доведете взводъ до конца манежа, поверните и остановите его противъ печки, по ва-

шему взводу будутъ строиться другіе взводы». Лазаревъ, какъ образцовый офицеръ, все это зналъ, но, желая подшутить надъ генераломъ, привелъ взводъ, остановилъ его и, не повертывая, направился къ генералу и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, вы изволили приказать остановить взводъ въ концѣ манежа?

— Да!

— Вы изволили приказать повернуть его?

— Да!

— Вы изволили приказать поставить его противъ печки?

— Да! ну, что-же?—и генералъ начиналъ видимо волноваться.

— Но я, ваше превосходительство, не знаю: остановить ли взводъ противъ самой заслонки печки, или же нѣсколько продвинувшись?

— А! какого это офицера вы назначили въ первый взводъ,— обратился комендантъ къ командиру экипажа: — онъ ничего не знаетъ. Смѣнить его сейчасъ же!

Лазареву это и было нужно; онъ ушелъ куда-то къ знакомымъ, и на репетиціи не участвовалъ. Когда же командиръ экипажа объяснилъ генералу шутку лейтенанта, онъ призвалъ его къ себѣ, извинился и сказалъ: «отчего вы не сказали мнѣ, что вы—«образцовый», тогда бы я васъ не муштровалъ».

Не смотря на то, что при императорѣ Николаѣ во всѣхъ сухопутныхъ войскахъ строго наблюдалось, чтобы стрижка волосъ какъ у офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ была короткая, моряки носили и височки, и алякоки, а нѣкоторые даже позволяли себѣ запускать и затылки. Въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ наиболѣе длинными волосами отличался мичманъ Выгодчиковъ. Генералъ Бурмейстеръ неоднократно замѣчалъ ему о неумѣстности ношенія длинныхъ волосъ, и мичманъ постоянно обѣщалъ остричься, но не стригся и являлся каждый разъ еще съ болѣе отросшими волосами. Комендантъ, выведенный изъ терпѣнія, однажды передъ разводомъ замѣтивъ ему о длинотѣ волосъ, предупредилъ его, что, если онъ осмѣлится явиться въ слѣдующій разъ съ такими же волосами, то онъ велитъ цирульнику остричь его передъ фронтомъ на барабанѣ. Всѣ знали, что Бурмейстеръ шутитъ не любитъ и, если что скажетъ, то исполнитъ. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда Выгодчиковъ явился па слѣдующій разводъ съ такими же длинными волосами. Бывшіе въ разводѣ офи-

церы ждали спектакля, и онъ состоялся, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Честь имѣю явиться!—рапортуетъ генералу мичманъ самымъ серьезнымъ образомъ.

— Вижу,—перебиваетъ его генералъ:—что вы «имѣете честь явиться», но въ какомъ видѣ? Третьяго дня я приказалъ вамъ остричься, а вы осмѣливаетесь явиться еще съ болѣе длинными волосами. Да я васъ не только остригу здѣсь сейчасъ, но еще на три дня на гауптвахту посажу.

— Я остригся, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ кротко мичманъ.

— Да какъ вы остриглись! Развѣ такъ стригутся?—горячился генералъ:—смотрите, у васъ волосы лежатъ на воротникѣ мундира.

— Короче нельзя остричься, ваше превосходительство,—отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ мичманъ.

— Какъ нельзя?—свирѣпѣетъ генералъ:—я вамъ сейчасъ докажу, что можно.

— Нельзя, ваше превосходительство,—повторяетъ болѣе оживленно мичманъ и, пародируя генерала, говоритъ:—я вамъ сейчасъ докажу, что нельзя.

Генералъ въ изумленіи отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди руки, принимаетъ грозную позу оскорбленнаго начальника.

Мичманъ, между тѣмъ, неторопливо вкладываетъ полусаблю въ ножны, растегиваетъ у кивера чешую и, снимая лѣвой рукой киверъ, въ то же мгновеніе правой сдернулъ съ головы парикъ. Изумленному взору генерала предсталъ совершенно голый черепъ, такъ какъ мичманъ не выстригъ, но выбрилъ себѣ голову бритвой.

— Короче остричься нельзя, ваше превосходительство,—проговорилъ почтительно мичманъ.—Что же касается парика, то я его надѣлъ, чтобы не простудить головы. Нынче большой морозъ!

Всѣ захохотали. Генералъ только развелъ руками.

— Всего я отъ васъ ждалъ,—проговорилъ онъ смѣясь:—но этого никакъ не ожидалъ. Идите, да смотрите, въ самомъ дѣлѣ не простудитесь!

Гвардейцы въ Калишѣ.

Въ августѣ 1835 года, происходили въ Калишѣ маневры, въ которыхъ участвовала гвардія. Конныя части отправились походнымъ порядкомъ, а пѣхотныя отвезли на корабляхъ. Тѣ и другія вступили въ одинъ день. Гвардейскіе офицеры, принадлежавшіе къ богатымъ фамиліямъ, заняли лучшую въ городѣ гостинницу, и завтраки, обѣды, угощенья, попойки и кутежи шли своимъ чередомъ каждодневно. О расходахъ не было рѣчи. Всякій думалъ только объ одномъ, чтобы не посрамить имени русскаго. Требованія вина и разныхъ гастрономическихъ деликатесовъ были такъ велики, что нѣмецъ, содержатель гостинницы, первоначально завелъ было счета для своихъ постояльцевъ и гостей, а потомъ сбился и махнувъ на все рукой, исполнялъ капризы своихъ посѣтителей, ничего не записывая.

Кончились маневры, назначенъ былъ день выступленія войскъ въ Россію, нѣмецъ загоревалъ: онъ не зналъ, съ кого сколько нужно было получить ему денегъ. Нѣкоторые офицеры, узнавъ о его сокрушеніяхъ, нарочно начали надъ нимъ подшучивать, говоря ему, что онъ ничего не получитъ, такъ какъ у него никакихъ доказательствъ о томъ, кто и что забралъ, не имѣется. Нѣмецъ заболѣлъ. Въ день выступленія войскъ, офицеры имѣли въ гостинницѣ послѣдній завтракъ, окончивъ который потребовали, чтобы хозяинъ подалъ имъ счетъ за все время нахожденія ихъ въ его гостинницѣ.

Выходитъ полубольной хозяинъ и объявляетъ, что онъ никакихъ счетовъ не велъ, а потому и не знаетъ, сколько ему слѣдуетъ получить съ нихъ.

— Ну, и прекрасно, Карлъ Ивановичъ,—смѣются офицеры:— вы поступили точно такъ же, какъ ваши отцы въ 1813 году, когда русскіе шли вмѣстѣ съ ними противъ французовъ. Они тогда съ русскихъ денегъ не брали. Очень вамъ благодарны за это! Но позвольте намъ съ вами по этому случаю чокнуться. Дайте шампанскаго.

Нѣмецъ, повѣсивъ голову, вышелъ и, спустя нѣсколько времени, вернулся съ большимъ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ виномъ. Офицеры окружили его, выпили за его здоровье и, поблагодаривъ его за особенное его довѣріе къ русскимъ, пожелали съ нимъ разсчитаться.—«Вы, Карлъ Ивановичъ, не знаете, сколько

съ насъ слѣдуетъ получить, а мы не знаемъ, сколько нужно вамъ заплатить. Позвольте же вамъ отдать, сколько мы можемъ».—И молодежь стала класть на подносъ, который держалъ трактирщикъ, золото: кто горсть, кто двѣ, кто три... Подносъ сталъ наполняться, вотъ онъ ужъ полонъ, трактирщикъ не можетъ держать его, становится на одно колѣно, а молодежь, а за ней и усачи-старики все бросаютъ и бросаютъ монету. Золото сыплется уже съ подноса на полъ, а офицеры все сыплютъ. Наконецъ, нѣмецъ не въ силахъ держать подноса, опускаетъ его на полъ, а самъ наклоняется надъ нимъ и плачетъ.

— Довольны ли вы, Карлъ Ивановичъ? — спрашиваютъ его офицеры. Но бѣдный нѣмецъ ничего не могъ отвѣтить и только шепталъ: «o mein Gott! o mein Gott! нашъ великій король и тотъ не имѣетъ столько золота!»

Нилусъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Москвѣ проживалъ извѣстный картежный игрокъ Нилусъ. Пріобрѣтя покупкою старинный домъ свѣтлѣйшаго князя Салтыкова на Мясницкой улицѣ, онъ поставилъ его на широкую ногу, завелъ тысячныхъ лошадей, англійскіе экипажи и грумовъ, давалъ роскошные завтраки, обѣды и вечера, стараясь привлечь на нихъ высшее общество, и вообще изощрялся дѣлать все то, чѣмъ можно было обратить на себя всеобщее вниманіе.

Однажды явился онъ къ митрополиту Филарету и, послѣ обычныхъ привѣтствій, попросилъ у него благословенія на отлитіе тысяче-пудоваго колокола для какого-то монастыря. Владыко посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ его:

— Что вы желаете: сдѣлать-ли доброе дѣло, или только позвонить?

— Конечно, сдѣлать доброе дѣло, отвѣчалъ развязно Нилусъ.

— Въ такомъ случаѣ, проговорилъ кротко, но внушительно святитель, лучше пожертвовать рублей тысячу бѣднымъ, нежели тратить десятки тысячъ на колоколъ: добро нужно дѣлать, какъ завѣщалъ Спаситель, чтобы шуйца не знала, что творитъ десная.

Нилусъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ архипастыря, и предоставилъ въ его распоряженіе для раздачи бѣднымъ тысячу рублей.

Москва, узнавъ объ этомъ, только покачала головой. Но когда пѣсня Нилуса была спѣта, графъ Закревскій потребовалъ его къ себѣ и сталъ упрекать его въ предосудительной картежной игрѣ, онъ хладнокровно отвѣчалъ:

— Ничего предосудительнаго въ моей игрѣ нѣтъ, я въ точности исполняю совѣтъ митрополита Филарета: моя шуйца не знаетъ, что творитъ десная.

Бодиско.

Лѣтомъ, 1852 года, проѣздомъ на Иматру, капитанъ Бодиско и чиновникъ Ивановъ посѣтили Выборгъ. День былъ праздничный, и они отправились осматривать городъ. Состоявшій при капитанѣ деньщикъ пошелъ въ костелъ. Во время служенія ксендзъ сдѣлалъ обычное возглашеніе: «Dominus vobiscum»! Деньщику показалось, что онъ спрашиваетъ: «дома ли Бодиско»? и во все горло гаркнулъ: «никакъ нѣтъ-съ, ушли по дѣлу». Конечно, его сейчасъ же удалили изъ костела, но капитанъ Бодиско долженъ былъ съѣздить къ ксендзу и коменданту, чтобы разъяснить дѣло.

Лазаревичъ.

Въ томъ же 1852 году, на похороны какого-то генерала, отправился одинъ изъ солидныхъ чиновниковъ военнаго министерства Лазаревичъ. Это былъ почтенный плѣшивый старикъ, дома и на службѣ онъ ходилъ безъ парика, а въ торжественныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать большой рыжій парикъ. Отправляясь на похороны, онъ облекся въ парадную форму и надѣлъ парикъ. Подъѣзжая къ лаврѣ, онъ снялъ передъ воротами трехъуголку и взявъ ее подъ мышку, помолился образу. Входя въ церковь Св. Духа, онъ снялъ парикъ и, перекрестясь, вошелъ, имѣя шляпу подъ мышкой, а парикъ въ лѣвой рукѣ.

— Надѣньте парикъ, замѣтилъ ему товарищъ Ивановъ, а то, смотрите, люди смѣются.

Лазаревичъ переконфузился, растерялся, и въ попыхахъ на-

дѣлъ на голову, вмѣсто парика, свою трехъугольную шляпу, и сталъ молиться. Это обратило всеобщее вниманіе и его попросили выйти изъ церкви. На утро ему сдѣланъ былъ начальствомъ выговоръ.

Статсъ-секретарь А. Д. Комовскій.

Въ числѣ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ двухъ царствованій, имѣвшихъ собственный свой обликъ, не тускнѣвшій даже при яркомъ блескѣ административныхъ свѣтилъ первой величины, занималъ видное мѣсто покойный сенаторъ и статсъ-секретарь Александръ Дмитріевичъ Комовскій [1]). Окончивъ курсъ въ лицеѣ, въ 1832 году, онъ поступилъ на службу въ канцелярію Государственнаго Совѣта. Потомъ былъ зачисленъ въ морское министерство. Во время крымской войны состоялъ при главнокомандующемъ князѣ Меньшиковѣ и, по своей близости къ нему, имѣлъ большую силу. По возвращеніи же въ Петербургъ, занялъ видный постъ по морскому вѣдомству, назначенъ статсъ-секретаремъ и сдѣланъ сенаторомъ.

Въ ранней молодости онъ вращался въ литературныхъ кружкахъ, имѣлъ въ нихъ связи и знакомства, поэтизировалъ, писалъ и печатался въ періодическихъ изданіяхъ того времени. Изъ числа стихотвореній его наиболѣе извѣстна: «Переписки старика со свѣтской дѣвушкой», вышедшая впослѣдствіи особымъ изданіемъ. Статьи его: «Подъ громомъ Крымской войны» печатались лѣтъ 10—15 тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а записки, относившіяся къ 1859—1862 годамъ, подъ названіемъ «Шумные годы», помѣщены въ журналѣ «Колосья» за 1884 годъ.

Это былъ человѣкъ высокаго образованія, наблюдательный и умный. Вращаясь въ лучшемъ обществѣ, онъ много видѣлъ, много слышалъ и много испыталъ. Вотъ что разсказывалъ онъ о жизни въ Петербургѣ и петербургскомъ обществѣ въ 1835 и 1836 годахъ.

Лѣтомъ 1835 года, въ Петербургѣ распространился слухъ, что извѣстный поэтъ, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ скончался. А. Д. Комовскій почтилъ эту утрату слѣдующимъ стихотвореніемъ:

---

[1]) Скончался въ 1864 году.

Окончивъ дни свои, цѣвецъ,
Ты въ лучшій міръ переселился,
И жизни праведной вѣнецъ
Тебѣ воздастъ благій Творецъ,
Кому усердно ты молился.

*
* *

Оплаканный своей семьею,
Землѣ холодной преданъ ты,
Но старца съ пылкою душою
И поэтически младою
Забуду-ли когда черты?

*
* *

Ты твердый памятникъ оставилъ,
Себя потомству закрѣпилъ,
Бывъ гражданиномъ честныхъ правилъ,
Ты музъ и Аполлона славилъ,
И слово русское любилъ.

*
* *

Почій же въ мирѣ и покоѣ!..
Теперь блаженъ ты!.. по кому,
Какого смертнаго уму
Постичь блаженство не земное!
Поэтъ, миръ праху твоему!

Стихи, конечно, вполнѣ достойны почившаго поэта. Но они, къ сожалѣнію, должны были остаться въ портфелѣ автора, такъ какъ графъ Хвостовъ вовсе не умиралъ. Это была чья-то злая шутка.

Вскорѣ послѣ того Комовскій встрѣтился съ графомъ Хвостовымъ на вечерѣ у извѣстнаго Александра Семеновича Шишкова и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Вы, графъ, скупы въ отношеніи: «Библіотеки для чтенія» обратился Комовскій къ графу Хвостову, мы давно уже не имѣли удовольствія видѣть въ ней ваше имя.

— Кто-жъ виноватъ, отвѣчалъ съ добродушной улыбкой почтеннѣйшій Дмитрій Ивановичъ, я имъ посылаю исправно, да они не печатаютъ... А развѣ вы тамъ что нибудь помѣщаете?

— Ничего, графъ, рѣшительно ничего.

— Въ какіе же журналы вы посылаете свои стихи?

— Я ихъ не пишу.

— Какъ не пишете!.. мнѣ говорили, что вы написали даже стихи на мою кончину...

— Да, графъ, написалъ, но стихи эти я никуда не посылалъ... и молодой человѣкъ, переконфузясь, не зналъ, что отвѣчать, не зналъ, какъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Пронзошла долгая пауза.

— Бываете-ли вы у Греча? заговорилъ графъ Хвостовъ, чтобы прервать молчаніе.

— Бываю, графъ, только рѣдко, потому что четверги его не всегда веселы.

— Пріѣзжайте ко мнѣ!.. у меня середы... и хотя на нихъ собирается не такое множество людей, какъ у Греча по четвергамъ, но не менѣе того все люди умные и лучшіе наши литераторы!.. Пріѣзжайте и сравните наши вечера!.. Кстати, я имѣю къ вамъ и просьбу... Давно я занимаюсь составленіемъ—не біографій нашихъ словесниковъ, non, c'est un nom qui demande trop d'etende—а такъ сказать «словаря любителей русской словесности».

— Но, позвольте, графъ, возразилъ Комовскій, послѣдній трудъ требуетъ еще бо́льшей обширности... Кто у насъ не любитель?..

— Желая, чтобы нѣкоторые добрые люди помогали мнѣ, отвѣчалъ Дмитрій Ивановичъ, я попрошу и васъ принести мнѣ двѣ статейки въ будущую среду. Напишите біографію вашу и вашего брата [1])... Вы вкратцѣ изложите о вашей молодости, о воспитаніи и вашей прикосновенности къ литературѣ—и будетъ прекрасно, и я вамъ буду очень благодаренъ.

Комовскій отвѣчалъ молчаливымъ наклоненіемъ головы и разговоръ прекратился. Но быть ему у Хвостова не пришлось, такъ какъ онъ вскорости заболѣлъ и дѣйствительно умеръ.

У Николая Ивановича Греча, какъ извѣстно, были, такъ называемые, «четверги». По словамъ Комовскаго, это было мѣсто личныхъ литературно-ученыхъ пререканій и критическихъ турнировъ, гдѣ пріѣзжіе пѣвцы и музыканты появлялись рекламироваться. Иногда дѣти хозяина и близкіе знакомые устраивали домашніе спектакли и исполняли легкія піески довольно удачно. Николай Ивановичъ старался казаться любезнымъ и остроумнымъ хозяиномъ и, дѣйствительно, шутки и beau mots его были иногда остроумны и забавны, но большинство остротъ его имѣли непозволительную вульгарность и тяжеловѣсность. Ѳ. В. Булгаринъ занималъ гостей болѣе разска-

---

[1]) Братъ его Василій Дмитріевичъ Комовскій редактировалъ тогда «Академическія вѣдомости».

зами о своей дерптской жизни, но той живости, веселости и ума, о которыхъ тогда кричали всѣ, въ его разговорахъ не проявлялось. Рѣчь его была неправильна и неблагозвучна, въ особенности ему не давались длинные періоды, на которыхъ онъ постоянно спотыкался, такъ что казалось даже страннымъ, какъ это человѣкъ, такъ прекрасно, плавно и гладко излагающій свои мысли на бумагѣ, въ обществѣ не умѣетъ говорить. «Инвалидный литераторъ», какъ называли въ шутку Воейкова, издававшаго «Литературныя прибавленія» къ «Русскому Инвалиду», производилъ своей внѣшностью и рѣчью самое непріятное впечатлѣніе. Этотъ неуклюжій, нахальный и грубый человѣкъ старался казаться авторитетнымъ, говорилъ отрывисто и рѣзко, такъ что рѣчь его напоминала собою рубку сѣчькою капусты. Вообще литературныя стычки и споры на «гречневыхъ четвергахъ», какъ называли четверги Греча его антагонисты, отличались особенной безцеремонностью и безалаберностью, переходили въ личности и кончались часто ссорами, хотя въ общей оживленности отказать имъ было нельзя: ихъ находили непріятными, но посѣщали.

Съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ Комовскій познакомился лѣтомъ 1836 года, встрѣтившись случайно въ купальнѣ. Они оба любили воду и купались ежедневно. Однажды Пушкинъ подошелъ къ Комовскому и, пожавъ ему руку, сказалъ: «благодарю васъ за письмо, очень радъ! очень радъ»!

— Какое письмо? Я не посылалъ къ вамъ письма, отвѣчалъ изумленный Александръ Дмитріевичъ, не зная о какомъ письмѣ говорилъ Пушкинъ.

— Полно, полно скрываться и скромничать, улыбался Пушкинъ, я по глазамъ вижу, что анонимъ разгаданъ. Это вы прислали мнѣ свои стихи: очень милы, очень милы...

— Послушайте, Александръ Сергѣевичъ, прервалъ его Комовскій, если-бы дѣйствительно письмо со стихами было отъ меня, то ваша похвала, ваше одобреніе заставили бы мое самолюбіе признаться, но я, какъ ни желаю нравиться вамъ своими сочиненіями, не смѣю взять на себя того, что не мое.

— Да кто же другой? Вѣдь вы пишете стихи?

— Пишу... И кто же, скажите, проведя шесть лѣтъ въ стѣнахъ лицея, имѣя предшественниками Пушкина, Дельвига и др., не соблазнится ихъ примѣрами?

— А вы изъ лицея?.. значитъ, мы съ вами вышли изъ-подъ

одной крыши! Дайте-же руку, теперь мы съ вами совершенно въ другихъ отношеніяхъ. Я и не зналъ, что вы лицейскій!.. Пожалуйте ко мнѣ, ко мнѣ на цѣлый вечеръ, да заберите-ко съ собой пукъ своихъ стиховъ, мы съ вами кое о чемъ потолкуемъ.

Комовскій далъ слово быть, но, по обстоятельствамъ, не могъ сдержать его, а по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ поэтъ скончался.

О графѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Віельгорскомъ Комовскій отзывался такъ: по свойствамъ души своей это былъ скорѣе поэтъ, нежели вельможа, но барское тщеславіе и великосвѣтская жизнь подавляли въ немъ художника. Онъ отличался свѣтской любезностью и обходительностью и въ сущности былъ добрый человѣкъ, съ нѣжною артистической душой и большими музыкальными способностями, но все это утопало въ морѣ своеобразнаго диллентантизма, и, потому, никакого серьезнаго слѣда по себѣ не оставило. Въ матеріальной его обстановкѣ постоянно царилъ лирическій безпорядокъ, а разсѣянность и забывчивость его причиняли ему не мало хлопотъ. Но все это, однако, не мѣшало ему принадлежать къ масонской ложѣ и быть даже ея секретаремъ. Александръ Дмитріевичъ, разбирая его библіотеку, нашелъ почти цѣлый шкапъ, наполненный сочиненіями масоновъ, сочиненіями о масонахъ или о масонскихъ сектахъ, а также много тетрадей, рукописей, патентовъ, аттестатовъ, рапортовъ и другихъ бумагъ, касавшихся участія графа въ дѣлахъ масонскихъ ложъ.

Назначеніе въ 1836 году государственнымъ секретаремъ барона М. А. Корфа произвело большую сенсацію въ высшихъ сферахъ. Старики не особенно радушно встрѣтили назначеніе имъ молодаго руководителя. Но любезность и предупредительность барона сглаживало понемногу первоначальное нерасположеніе и примирило его съ большею частію антагонистовъ. Будучи самъ лицеистомъ, онъ составилъ о лицеистахъ самое своеобразное понятіе. «Всѣ они—говорилъ онъ—или очень хороши, или очень худы, а средины у нихъ нѣтъ».

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Н. Н. Новосильцевъ, въ 1836 году, возведенъ въ графское достоинство. Никто не посмѣетъ отказать въ умѣ сему государственному мужу — отозвался о немъ Комовскій,— но кто не зналъ его какъ безнравственнаго человѣка. Кто не былъ свидѣтелемъ его явныхъ волокитствъ въ Лѣтнемъ саду и на другихъ публичныхъ гуляньяхъ. Имѣя домъ близъ Лѣтняго сада онъ, по обыкновенію, ежедневно гулялъ въ немъ, и большей частію—en grande société des dames. Убѣленный сѣдинами маститый

старецъ открыто соперничалъ съ молодыми повѣсами въ дѣлѣ волокитства. Конечно, подобныя ухаживанія не могли не волновать общественнаго мнѣнія, — отъ перваго государственнаго мужа требовали примѣровъ болѣе соотвѣтственнаго его положенію поведенія, но вспоминая, что лучшіе годы жизни онъ провелъ въ Царствѣ Польскомъ, прощали ему старческія увлеченія.

Наибольшей симпатіей публики пользовались молодые члены Государственнаго Совѣта, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій и графъ А. Ѳ. Орловъ. Первый, по словамъ Комовскаго, былъ въ душѣ истинно русскій, а въ наклонностяхъ — совершенный нѣмецъ, преданный Царю и усыновившему его отечеству, и старавшійся доказать свою преданность добросовѣстнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ на него обязанностей. Второй же—съ головы до ногъ русскій человѣкъ и вѣрный царскій слуга, котораго нѣмцы любили и цѣнили по достоинству. Баварскій король охарактеризовалъ его вполнѣ, назвавъ: «это — настоящій генералъ-адъютантъ Императора всероссійскаго».

Наибольшую же антипатію возбудилъ во всѣхъ слояхъ общества извѣстный членъ государственнаго совѣта князь Рѣпнинъ-Волконскій, который за корыстолюбіе и злоупотребленіе довѣріемъ монарха во время своего генералъ-губернаторствованія въ Малороссіи, отставленъ въ 1836 году отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Казнокрадство и тогда пускало глубокіе корни, но отъ царской кары не спасали ни чины, ни званія, ни положеніе, ни связи: императоръ Николай I воздавалъ каждому по дѣломъ его.

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская была крестной матерью Владиміра Дмитріевича. «Это — женщина феноменъ нашего вѣка», сказалъ про нее Гермогенъ, архимандритъ Московскаго Андроньевскаго монастыря. Дѣйствительно, въ жизни этой женщины и до сихъ поръ еще многое остается невыясненнымъ. Ея отношенія къ Фотію, архимандриту Юрьевскаго монастыря, ея слѣпая непостижимая покорность ему, ея вклады и приношенія на монастырскія нужды изумляли всѣхъ и, конечно, не мало толковъ, укоризнъ и подозрѣній возбуждало въ обществѣ ея загадочное поведеніе Комовскій часто посѣщалъ ее, изучалъ ея образъ жизни и сферу міровоззрѣній, и пришолъ къ убѣжденію, что эта женщина — жертва утрированной религіозности и благочестія. Онъ высоко цѣнилъ ея мужественный характеръ, неуступавшій никакому давленію со стороны приличій свѣта. Онъ говорилъ, что толпа не понимала ее, и

основывала свои сужденія о ея жизни на пошлыхъ слухахъ злорѣчивой молвы. Ея дружба, ея покорность, ея безусловное служеніе волѣ своего духовнаго вождя зиждились на основахъ вѣры и религіозныхъ убѣжденіяхъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ она воспитывалась въ страхѣ Божіемъ. Ея законоучитель и духовникъ, отецъ Иннокентій, посѣялъ въ ея юномъ воспріимчивомъ сердцѣ сѣмена чистаго христіанскаго ученія и заставилъ ее полюбить уставы церкви и православное богослуженіе. Онъ велъ ея духовное развитіе, полагая стимуломъ жизни подчиненіе всякой человѣческой воли волѣ высшаго авторитета, строгаго и безупречнаго. Молодая графиня прониклась къ нему уваженіемъ и любовью, и дорожила его поученіями. Умирая, отецъ Иннокентій завѣщалъ ей сохранить на вѣки чистоту души и кротость сердца. Примѣромъ же строгой и безупречной жизни поставилъ отца Фотія, бывшаго тогда еще законоучителемъ кадетскаго корпуса, но вскорѣ затѣмъ постригшагося въ монахи. Графиня дала обѣтъ исполнить данный ей ея первымъ наставникомъ и духовникомъ завѣтъ. Не зная Фотія лично, она, по разсказамъ Иннокентія о его жизни, прилѣпилась къ нему всей силой своей дѣвственной души и пожелала съ нимъ увидѣться. Уединившійся монахъ отвергъ сдѣланное ему предложеніе. Самолюбіе графини было затронуто, и она задалась цѣлію сломить упорство монаха. Послѣ долгихъ исканій и, какъ при содѣйствіи самаго митрополита, ей удалось, наконецъ, упасть къ ногамъ того, кого она давно уже считала своимъ духовнымъ вождемъ. Шли годы, но графиня осталась вѣрна разъ принятому рѣшенію: она отдала монаху свою душу и совѣсть, и гордилась тѣмъ, что служитъ ему. Съ мнѣніемъ свѣта было покончено разъ навсегда: служеніе Богу, при посредствѣ его служителя, и спасеніе души сдѣлалось цѣлію всей ея жизни, и отъ нея уже уклоненій никакихъ не допускалось.

Въ гостиной ея (она жила на Царицыномъ лугу, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ принцу Ольденбургскому), собирались представители высшаго петербургскаго общества, но желанными гостями были только лица духовныя, а изъ свѣтскихъ—отличавшіяся преданностью дѣлу благотворенія и религіи. Андрей Николаевичъ Муравьевъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ наиболѣе часто появлялись на ея обѣдахъ, «съ монахами».

Графъ В. Н. Панинъ, тогда еще молодой человѣкъ, производилъ странное впечатлѣніе своей наружностью. Его сухощавая фигура напоминала—какъ замѣтилъ Комовскій—длинную докладную записку,

нескладно написанную, неловко сфразированную, но, впрочемъ, весьма толковую. Онъ говорилъ съ разстановкой, обдуманно, умно, ни слова лишняго, ни слова пустого, все гладко, кругло и къ мѣсту. Держался онъ солидно и, не смотря на свои молодые годы, смотрѣлъ уже министромъ.

А. Н. Муравьевъ старался казаться скромнымъ и глубоко религіознымъ человѣкомъ. Всѣ его разговоры касались исключительно дѣлъ церкви, вѣры и благочестія, хотя подъ его религіозными сужденіями нельзя не замѣтить было порой большей дозы лицемѣрія и лукавства.

Но самымъ неподходящимъ гостемъ графини былъ, безъ сомнѣнія, молодой жандармскій офицеръ, числившійся при штабѣ адъютантомъ, Казаковъ, юноша лѣтъ 22—23-хъ, довольно высокаго роста, красивый и статный, съ личикомъ вербнаго херувима, завитыми въ кольчики усами и грудью колесомъ. Его шпоры были чрезвычайно звонки, сабля то и дѣло бренчала, талія затянута въ рюмочку, на головѣ, по модѣ, à la кокъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ графини и выдѣлывалъ вещи непозволительныя: являлся на обѣды въ сюртукѣ, когда старики были во фракахъ и мундирахъ, вмѣшивался въ разговоры солидныхъ людей и заставлялъ ихъ выслушивать разныя глупости, разсказывая то про балы во дворцѣ, то про заутрени и всенощныя съ приключеніями. Это былъ enfant terrible, но его невѣжество сносили и терпѣли изъ уваженія къ графинѣ, которая явно оказывала ему какое-то непонятное, исключительное снисхожденіе, извиняя его, какъ она называла, увлеченія молодостью лѣтъ.

Изъ лицъ духовныхъ большимъ авторитетомъ пользовался ректоръ Кіевской духовной академіи, архимандритъ Иннокентій, знаменитый богословъ, авторъ «Святой седьмицы» и впослѣдствіи архипастырь Таврическій и Новороссійскій. Бесѣда его заставляла смолкать даже Казакова. Но онъ говорилъ такъ тихо, что за другимъ концомъ стола не всегда возможно было слѣдить за его рѣчью. Росту онъ былъ небольшого и немного сутуловатъ, лицо имѣлъ полное, глаза выразительные, горѣвшіе внутреннимъ огнемъ. Рѣчь его начиналась протяжнымъ звукомъ, какой обыкновенно слышенъ въ классахъ, когда спрашиваютъ ученика, была плавна, внушительна и образна, но въ голосѣ его было что-то непріятное, — онъ говорилъ въ носъ и дѣлалъ удареніе на буквѣ *е*. Знанія свои онъ выказывалъ охотно и любилъ, чтобы его въ обществѣ слушали вни-

мательно. Большей частью онъ говорилъ одинъ, изрѣдка прерываемый вопросами графа А. Ѳ. Орлова, который, къ стыду всѣхъ генералъ-адъютантовъ, не зналъ, что въ Кіевѣ есть Софійскій соборъ.

— Впрочемъ, почему и знать ему,—сказалъ, узнавъ объ этомъ графъ М. М. Сперанскій,—разводовъ тамъ не дѣлаютъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЭМИГРАЦІЯ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА

ВЪ 1874 ГОДУ.

КРЫМЪ,—эта драгоцѣнная жемчужина въ коронѣ царей русскихъ, какъ называла его императрица Екатерина II,—обезлюдѣлъ, вслѣдствіе неоднократнаго выселенія изъ него татаръ въ Турцію. Въ 1871 году, ему грозила опасность потерять и остальное свое татарское населеніе, если-бы правительство принятіемъ нужныхъ мѣръ не предотвратило ея.

Бывшій новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Коцебу, 30-го ноября 1873 г., писалъ военному министру: «При недавнемъ объясненіи нашемъ въ Ливадіи, по случаю возникшаго между крымскими татарами стремленія къ переселенію за границу, въ виду ожидаемаго изданія закона о всеобщей воинской повинности, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ заявилъ мысль свою, что, въ видахъ успокоенія крымскихъ татаръ и облегченія для нихъ воинской повинности. полезно было-бы привлекаемыхъ на службу татаръ назначать въ отдѣльный отрядъ, не распредѣляя новобранцевъ по различнымъ частямъ войскъ. Ваше высокопревосходительство изволили отвѣтить на это, что, при множествѣ у насъ инородческихъ группъ, вводить объясненную мѣру въ законъ неудобно, но что она можетъ быть приведена въ дѣйствіе административнымъ порядкомъ. Вполнѣ сознавая и съ своей стороны неудобство введенія въ законъ объясненной мѣры, я считаю

обязанностію сообщить лишь вашему высокопревосходительству, что принятіе ея было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію возбужденнаго между крымскими татарами брожепія. Сколько можно судить по собраннымъ мною въ послѣднее время свѣдѣніямъ, они не страшатся воинской повинности, а опасаются лишь того, чтобы новобранцы ихъ не разсѣевались по разнымъ мѣстамъ, такъ какъ иначе они стѣснены были бы въ исполненіи духовныхъ требъ и вообще правилъ ихъ вѣры. Посему, и пользуясь тѣмъ, что крымскіе татары съ малолѣтства пріобыкаютъ къ верховой ѣздѣ, я полагалъ бы возможнымъ: изъ призывныхъ на службу крымскихъ татаръ образовывать особые эскадроны при полкахъ, входящихъ въ раіонъ 7-го корпуса, или назначать ихъ группами въ эскадроны тѣхъ же полковъ. Татаръ мужескаго пола въ Крыму считается нынѣ всего около 60,000 душъ, и процентъ новобранцевъ изъ этого населенія будетъ столь не великъ, что исполненіе объясненной мѣры едва-ли представитъ какія-либо затрудненія. Назначеніе же ихъ именно въ конницу совершенно совпадало бы съ собственнымъ желаніемъ татаръ. Засимъ, если приведенное предположеніе будетъ окончательно одобрено, то я полагалъ бы полезнымъ, вслѣдъ за изданіемъ устава о всеобщей воинской повинности, объявить крымскимъ татарамъ о принятой относительно ихъ мѣрѣ. Можно надѣяться, что это успокоитъ все татарское въ Крыму населеніе, предупредивъ ложные толки и слухи, которымъ отчасти слѣдуетъ приписать возникшее среди его въ послѣднее время движеніе».

Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи тоже графъ) Милютинъ, прочитавъ это сообщеніе, отозвался: «Надобно заблаговременно сообразить, какимъ образомъ осуществить это предположеніе. Для этого необходимо прежде всего имѣть въ виду точную цифру ожидаемаго ежегоднаго контингента съ крымскихъ татаръ». Такимъ образомъ дѣло отложили въ долгій ящикъ, и оно затянулось до весны.

Между тѣмъ, 1-го января 1874 года, послѣдовалъ указъ о введеніи всеобщей воинской повинности, а вслѣдъ затѣмъ, съ начала весны, въ средѣ крымскихъ татаръ началось движеніе. Въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщалось, что у береговъ Крыма появились турецкіе фелуки, что съ нихъ спустили лодки, на которыхъ турки плаваютъ вдоль береговъ и, подъ видомъ охоты на дельфиновъ, охотятся попрежнему на татаръ, попрежнему смущаютъ ихъ разными небылицами и, смутивъ, перевозятъ ихъ на фелуки, которыя и отвозятъ ихъ въ Турцію. Втеченіе двухъ мѣся-

цевъ съ южнаго берега вышло до 300 человѣкъ, изъ которыхъ нѣторые ушли съ женами и дѣтьми.

Необходимо припомнить прежнія переселенія татаръ въ Турцію. En masse татары эмигрировали изъ Крыма въ 1785—1788 годахъ, въ 1812 году и въ 1860—1863 годахъ. Первое переселеніе обусловливалось волей на то князя Потемкина. Вышло изъ Крыма, по словамъ бывшаго крымскаго судьи Сумарокова, до 300.000 татаръ и ногайцевъ. Второе состоялось на основаніи Бухарестскаго мирнаго трактата, согласно которому Россія обязалась не препятствовать къ переходу въ области Порты Оттоманской буджакскихъ и эдисанскихъ татаръ. Ушло, по офиціальнымъ источникамъ, 3,199 человѣкъ. Третье имѣло много причинъ: одни, въ томъ числѣ и оффиціальныя донесенія, объясняли его поведеніемъ татаръ во время крымской кампаніи, когда они не только сочувствовали союзникамъ, но и помогали имъ; другіе—религіознымъ ихъ фанатизмомъ; третьи—подстрекательствомъ турецкихъ эмиссаровъ. Сами же бѣжавшіе объясняли его обезземеленіемъ ихъ, притѣсненіями и обремененіемъ налоговъ. Не вдаваясь въ изысканіе причинъ послѣдняго переселенія, такъ какъ это выдвинуло бы насъ изъ границъ предпринятой статьи, мы скажемъ только, что въ 1860—1863 годахъ выселилось изъ Крыма, по оффиціальнымъ источникамъ, 192,360 человѣкъ. Это было какое-то повальное бѣгство. Эмигрировали цѣлыя семьи, поколѣнія и даже орды. Шли всѣ: мужчины, женщины и дѣти, работники и старики. Пустѣли сотни ауловъ и деревень. Имущество продавалось за безцѣнокъ или бросалось задаромъ. Народъ бѣжалъ, не зная куда, не зная зачѣмъ, не зная, что ждетъ его въ чужомъ краю, не зная даже, нужно ли кому-нибудь изъ нихъ это бѣгство, но, всетаки, бѣжалъ. Не пріостанови правительство выдачу паспортовъ, Крымъ обезлюдѣлъ бы совершенно: изъ всего татарскаго населенія въ Крыму осталось менѣе 100,000 человѣкъ.

Вотъ почему, когда въ 1874 году среди татаръ началось движеніе, и канцелярію таврическаго губернатора стали заваливать прошеніями о выдачѣ заграничныхъ паспортовъ, правительство взглянуло на эмиграцію татаръ совершенно иначе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Военный министръ, 16-го марта 1874 года, писалъ начальнику главнаго штаба: «Государь Императоръ, получивъ извѣстіе, что крымскіе татары, встревоженные новымъ указомъ о воинской повинности, опять намѣреваются покинуть Крымъ, изволилъ признать нужнымъ,

для успокоенія этого населенія, командировать въ Крымъ генералъ-адъютанта князя Воронцова [1]), который и отправляется завтра же. Князю Воронцову, между прочимъ, прпказано повторить татарамъ отъ Высочайшаго имени то, что уже было имъ объявлено и въ прошломъ году, т. е., что они будутъ отбывать воинскую службу не въ разныхъ полкахъ и частяхъ арміи, но будутъ составлять особую часть, на подобіе того, какъ былъ въ прежнее время лейбъ-гвардіи крымско-татарскій эскадронъ. Часть эта въ мирное время будетъ расположена, по возможности, или въ самомъ Крыму, или вообще въ Новороссійскомъ краѣ».

17-го марта, генералъ-адъютантъ Милютинъ представилъ Государю Императору Александру Николаевичу записку слѣдующаго содержанія: «По случаю командировки генералъ-адъютанта князя Воронцова въ Крымъ, полагалось бы нынѣ же оффиціально объявить, на какихъ главныхъ основаніяхъ Вашему Императорскому Величеству угодно установить для крымскихъ татаръ отбываніе на будущее время воинской повинности. Если Ваше Величество соизволите одобрить представляемый при семъ проектъ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ, то копіи съ него будутъ вручены сегодня же князю Воронцову, съ тѣмъ, чтобы одну изъ нихъ онъ могъ немедленно по прибытіи въ Крымъ передать таврическому губернатору».

Въ проектѣ отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ было изложено: «Въ Высочайшемъ указѣ 1-го января сего года правительствующему сенату о введеніи всеобщей воинской повинности, хотя и не сдѣлано исключенія для крымскихъ татаръ собственно по отбыванію этой повинности, но въ отношеніи самаго порядка ея выполненія постоянно имѣлось въ виду установить для нихъ такія облегченія, которыя соотвѣтствовали бы ихъ образу жизни и понятіямъ, о чемъ Государю Императору, въ бытность Его Величества въ Ливадіи, благоугодно было лично объявить представителямъ татарскаго населенія Крыма. Въ настоящее время составляется особое по этому предмету положепіе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

---

[1]) Князя Семена Михайловича, сына фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова, бывшаго въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и сдѣлавшаго такъ много для развитія благосостоянія крымскихъ татаръ.

крымскіе татары будутъ поступать на службу въ особыя части, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ, и на первое время предлагается образовать отдѣльный эскадронъ въ предѣлахъ Крымскаго полуострова, съ тѣмъ, чтобы они имѣли полную возможность исполнять всѣ правила ихъ вѣры и сохранить образъ жизни, соотвѣтственный ихъ религіознымъ требованіямъ. При этомъ имѣется въ виду даже форму обмундированія эскадрона примѣнить къ національной ихъ одеждѣ. Съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія, имѣю честь сообщить о семъ вашему высокопревосходительству для объявленія татарскому населенію Крымскаго полуострова».

Государь соизволилъ одобрить. На запискѣ собственною его величества рукою начертано: «Очень хорошо».

Татарское населеніе Крыма, по своему происхожденію, образу жизни, характеру и языку, раздѣляется на двѣ категоріи, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, а именно: на татаръ-степняковъ и татаръ-горцевъ. Первые—прямые потомки монголовъ, вторые происходятъ преимущественно отъ генуэзцевъ и грековъ, принявшихъ мусульманскую религію во времена владычества въ Крыму татаръ. Степняки населяютъ уѣзды Перекопскій и Евпаторійскій и плоскости уѣздовъ Симферопольскаго и Ѳеодосійскаго; горцы же занимаютъ весь Ялтинскій уѣздъ и горныя части уѣздовъ Симферопольскаго и Ѳеодосійскаго. Занятія степняковъ состоятъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Горцы занимаются, большею частью, садоводствомъ, огородничествомъ, табаководствомъ и винодѣліемъ. Послѣдніе, какъ всѣ вообще ренегаты, отличаются большимъ фанатизмомъ, нежели степняки, и нелюбимы послѣдними, которые зовутъ ихъ «татами» (сокращенно отъ слова «муртатъ», что значитъ: ренегатъ). Поэтому всѣ выселенія татаръ изъ Крыма не были общи. Эмиграція 1860—1863 годовъ коснулась въ наиболѣе значительной степени татаръ-степняковъ, а переселеніе 1874 года задумано и развилось преимущественно среди татаръ горцевъ.

17-го марта, князь Семенъ Михайловичъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Объѣзжая горные уѣзды Таврической губерніи, онъ посѣтилъ всѣ наиболѣе значительныя татарскія общества, входилъ съ народомъ въ объясненія, выслушивалъ ихъ жалобы, обнадежилъ царскимъ словомъ—и остановилъ переселеніе.

Вотъ что доносилъ государю, по возвращеніи въ Петербургъ, князь Воронцовъ 14-го апрѣля 1874 года.

«Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть

мнѣ: изслѣдовать на мѣстѣ о причинахъ, вызвавшихъ стремленіе крымскихъ татаръ къ выселенію изъ предѣловъ Россіи, собрать свѣдѣнія о томъ, въ чьи руки, на какихъ условіяхъ и за какія цѣны продаютъ татары принадлежащія имъ земли и составить предположеніе о тѣхъ способахъ, какими было бы всего удобнѣе, не прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, остановить означенное стремленіе и удержать необходимое для края населеніе.

«Во исполненіе такого высочайшаго вашего величества повелѣнія, посѣтивъ населенные татарами Симферопольскій, Ѳеодосійскій, Ялтинскій и Евпаторійскій уѣзды Таврической губерніи, имѣю счастіе донести вашему императорскому величеству, что волненіе между татарскимъ населеніемъ произошло, главнѣйшимъ образомъ, вслѣдствіе изданія новаго закона, подчиняющаго татаръ отбыванію воинской повинности, отъ которой до сего времени они были свободны.

«Къ этой новой повинности татары отнеслись тѣмъ болѣе несочувственно, что у нихъ составилось убѣжденіе въ чрезмѣрной ея обременительности; такъ, напримѣръ, татары полагали, что всѣ 20-тилѣтніе будутъ ежегодно поголовно забираемы въ солдаты, что, кромѣ того, все мужское населеніе до 40-лѣтняго возраста будетъ обязано нести службу и т. п. Причина такого ложнаго пониманія устава о воинской повинности заключалась въ томъ, что уставъ, написанный на чуждомъ для нихъ языкѣ, не былъ своевременно растолкованъ имъ надлежащимъ образомъ административными властями, вслѣдствіе чего толкованіе устава попало въ руки полуграмотныхъ писарей и разныхъ мелкихъ ходатаевъ, видѣвшихъ въ этомъ случаѣ возможность поживы и дѣйствительно извлекшихъ изъ населенія болѣе 10,000 рублей за написаніе просьбъ о выселеніи. (Противъ этого пункта государь императоръ положилъ резолюцію: «желательно обнаружить этихъ лицъ»). Съ другой стороны, необъясненіе татарамъ вмѣстѣ съ обнародованіемъ устава о воинской повинности предположенной относительно ихъ мѣры, состоящей въ томъ, что они будутъ назначаемы въ отдѣльныя части, поселило у татаръ мысль, что призванные изъ нихъ на службу будутъ разсѣяны по разнымъ полкамъ и лишатся возможности исполнять свои религіозные обряды.

«Такимъ образомъ возникшее между татарами стремленіе къ выселенію было, такъ сказать, естественнымъ послѣдствіемъ совокупности изложенныхъ причинъ, неблагопріятно подѣйствовавшихъ на

умы населенія; какихъ либо внѣшнихъ подстрекательствъ къ выселенію мною не замѣчено.

«Но, независимо этой главной причины, существуютъ еще издавна нѣкоторыя побочныя, которыя въ значительной степени поддерживали у татаръ разъ возникшее намѣреніе оставить предѣлы Россіи. Все татарское населеніе Крыма можно раздѣлить: на степныхъ татаръ, населяющихъ сѣверные уѣзды губерніи, горныхъ судакскихъ и южнобережскихъ. Степные татары, въ значительномъ большинствѣ, не имѣютъ собственныхъ земель. Они живутъ десятинщиками на земляхъ помѣщичьихъ и казенныхъ, отдаваемыхъ въ аренду, и терпятъ большія притѣсненія, въ особенности отъ арендаторовъ казенныхъ земель. Экономическое положеніе этихъ татаръ крайне дурно, а пятилѣтній неурожай и падежъ скота привелъ ихъ въ самое бѣдственное положеніе, такъ что выселеніе изъ предѣловъ Россіи представлялось ихъ воображенію дѣломъ, могущимъ только улучшить ихъ положеніе. Горные татары, проживающіе въ окрестностяхъ Судака, болѣе обезпечены въ средствахъ къ жизни, но, населяя горныя ущелья и не имѣя, по отсутствію путей сообщенія, сношеній съ другими народностями, они представляются народомъ совершенно невѣжественнымъ и полудикимъ, въ которомъ сильно развитъ религіозный фанатизмъ. Намѣреніе выселиться они объясняютъ внушеніемъ, ниспосланнымъ имъ свыше, и никакихъ другихъ мотивовъ къ переселенію не высказываютъ. Что касается татаръ южнобережскихъ, то они пользуются большимъ благосостояніемъ, гораздо развитѣе остальныхъ татаръ, почти всѣ знаютъ русскій языкъ, и между ними были волости, какъ, напримѣръ, Байдарская, изъ которой ни одинъ татаринъ не подавалъ прошенія о дозволеніи выселиться.

«До моего пріѣзда въ Крымъ прошеній о выселеніи было подано губернатору около двухъ тысячъ и во всѣхъ почти прошеніяхъ употреблялась стереотипная фраза: «если со стороны закона нѣтъ къ этому препятствій». Причемъ указывалось на дозволеніе, данное въ 1861 году татарамъ, выселяться изъ предѣловъ Россіи. Если бы съ самаго начала прошенія были возвращаемы съ отказомъ въ выдачѣ паспортовъ, какъ это неоднократно совѣтовалъ таврическій муфтій, то это значительно бы ослабило начавшееся волненіе. Невозвращеніе же прошеній поселило у татаръ убѣжденіе въ законности просьбъ и надежду на удовлетвореніе оныхъ, что вынуждало и другихъ просить о томъ же, дабы не отстать отъ своихъ едино-

вѣрцевъ. Хотя губернаторъ, предъ моимъ пріѣздомъ, и предложилъ циркулярно полицейскимъ управленіямъ объявить по городамъ и волостямъ, что прошенія о выселеніи будутъ оставлены безъ послѣдствій, но татары этого не поняли, объясняя, что если прошенія не возвращены, то, значитъ, надежда на полученіе паспортовъ не потеряна.

«Съ моимъ пріѣздомъ въ Крымъ, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, о чемъ татары, къ сожалѣнію, узнали лишь частнымъ путемъ, дальнѣйшая подача прошеній о выселеніи хотя прекратилась, но, тѣмъ не менѣе, я вездѣ встрѣчалъ въ населеніи безпокойство, недоумѣніе, страхъ и рѣшимость настойчиво продолжать домогательство о дозволеніи выселяться за границу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагали даже, что правительство само желаетъ ухода ихъ на подобіе 1861 года.

«Переданный мною, по высочайшему вашего величества повелѣнію, привѣтъ татарскому населенію и увѣреніе въ неизмѣнной къ нему благосклонности вашей, наравнѣ съ остальными подданными вашего величества, а также всемилостивѣйше дарованныя вами облегченія татарамъ по отбыванію воинской повинности, гарантирующія свободу ихъ религіозныхъ вѣрованій, видимо обрадовали и успокоили народъ, вездѣ возносившій теплыя молитвы о здравіи и долгоденствіи вашего величества.

«Сдѣланныя мною затѣмъ разъясненія сущности новаго устава о воинской повинности и необременительности ея для населенія, а также указанія на обязанности всѣхъ вѣрноподданныхъ по отношенію къ престолу и отечеству и на всѣ невыгодныя для благосостоянія татаръ послѣдствія отъ переселенія, окончательно разсѣяли безпокоившія ихъ опасенія и примирили татаръ, исключая населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ, съ необходимостью отбыванія воинской повинности.

«Смѣю думать, что такое примиреніе совершенно искренно и чистосердечно, такъ какъ желаніе подчиниться новой воинской повинности почти вездѣ, а особенно въ городахъ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, главныхъ центрахъ волненія, было изъявлено населеніемъ добровольно, послѣ долгихъ размышленій и колебаній и безъ малѣйшаго съ моей стороны давленія. (Противъ этого пункта государь изволилъ отмѣтить: «Дай Богъ»!).

«Составленные обществами благодарственные приговоры имѣю счастіе повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

«Поданныя татарами прошенія о дозволеніи выселенія, по моему

распоряженію, возвращены просителямъ на руки, и каждый, получившій обратно свою просьбу, видимо былъ доволенъ такимъ исходомъ дѣла. Вездѣ татарское населеніе принялось за обыкновенныя свои занятія и обработку полей, садовъ и виноградниковъ, такъ что волненіе между татарами можно считать оконченнымъ и населеніе успокоившимся.

«Что касается татаръ, населяющихъ Ѳеодосійскій уѣздъ и нѣкоторыя смежныя съ нимъ горныя деревни, принадлежащія къ Алуштинской волости, Ялтинскаго уѣзда, какъ-то: Туакъ, Искутъ и др., то хотя они остались при прежнемъ своемъ намѣреніи домогаться выселенія, но едва ли они думаютъ теперь объ этомъ серьезно. Съ одной стороны, примѣръ остальнаго татарскаго населенія, особенно городовъ Бахчисарая и Карасубазара, произвелъ на нихъ, какъ я убѣдился, довольно сильное впечатлѣніе, а, съ другой стороны, возвращеніе прошеній о выселеніи показало имъ безполезность ихъ домогательствъ. Подобно прочимъ татарамъ, они также принялись за свои обыкновенныя занятія, и нѣтъ сомнѣнія, что волненіе между ними само собой утихнетъ, если они будутъ оставлены въ покоѣ и дѣло объ ихъ стремленіи къ выселенію будетъ предано забвенію. (Тутъ государь изволилъ написать: «Оно, къ сожалѣнію, не согласуется съ послѣдне-полученными свѣдѣніями).

«Зная довольно близко татарское населеніе, его характеръ и привычки, смѣю выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ мою увѣренность, что служба въ кавалеріи, и при томъ въ особомъ эскадронѣ, весьма полюбится татарамъ, и они съ удовольствіемъ будутъ поступать въ войска, въ особенности, когда на практикѣ убѣдятся въ необременительности этой повинности. Въ настоящемъ случаѣ важны тѣ способы, какими будетъ вводиться между татарами новая повинность; чѣмъ гуманнѣе и примѣнительнѣе къ ихъ нравамъ и обычаямъ будутъ эти способы, тѣмъ прочнѣе и скорѣе привьется къ татарамъ любовь къ военной службѣ. Сообразно дарованнымъ татарамъ облегченіямъ, казалось бы необходимымъ, для сформированія отдѣльнаго эскадрона изъ татаръ, составить для татарскаго населенія Крыма особые отъ прочаго народонаселенія призывные списки; командованіе же будущимъ эскадрономъ было бы полезно поручить русскому офицеру, не изъ татарскихъ мурзъ, о чемъ всѣ безъ исключенія волости и города просили меня ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ, какъ объ особой для нихъ милости. (Государь положилъ резолюцію: «Это довольно любо-

пытный фактъ, который имѣть въ виду при назначеніи»).

«Слухи о томъ, что татары распродаютъ свои земли, оказались неосновательными, никто изъ татаръ продажъ не совершалъ.

«Для вящаго успокоенія татарскаго населенія Крыма и для того, чтобы привязать его болѣе прочными узами къ своей родинѣ и предотвратить въ будущемъ возможность волненій, подобныхъ настоящему, считаю долгомъ повергнуть на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества воззрѣніе нижеслѣдующія предложенія:

«1) Степнымъ татарамъ отвести изъ казенныхъ земель надѣлы, если не даромъ, то за умѣренную плату съ разсрочкою платежей на продолжительное время. Въ случаѣ неимѣнія въ достаточномъ количествѣ казенныхъ земель для полевыхъ надѣловъ, дать имъ, по крайней мѣрѣ, землю для ихъ усадебной осѣдлости. (Резолюція государя: «Передать для соображенія министру государственныхъ имуществъ»).

«2) Горныя поселенія возлѣ Судака соединить шоссейными дорогами съ Алуштою, Ѳеодосіею и Карасубазаромъ. Означенная мѣстность, изобилующая самыми давними въ краѣ виноградниками, производитъ большое количество вина, и удобныя пути сообщенія, поднявъ ея благосостояніе, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ содѣйствовать смягченію нравовъ горныхъ жителей посредствомъ сближенія ихъ съ другими болѣе цивилизованными народностями. Устройство указанныхъ путей было предположено и частію началось приводиться въ исполненіе еще бывшимъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ, но, за выбытіемъ его изъ края, дальнѣйшія работы оставлены, а произведенныя заброшены. (Резолюція государя: «Сообразить, какъ сіе исполнить»).

«3) Ускорить окончаніемъ спорныхъ дѣлъ о лѣсныхъ дачахъ, отобранныхъ казною отъ южнобережскихъ татаръ въ 1838 году, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, противъ каковаго завладѣнія казною энергически протестовалъ бывшій генералъ-губернаторъ князь Воронцовъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«4) Подвергнуть справедливому разсмотрѣнію жалобы татаръ на завладѣніе казною принадлежащими имъ землями и домами, а также удовлетворить, если не встрѣтится особыхъ препятствій, ходатайства нѣкоторыхъ обществъ о разрѣшеніи выкупить у казны отдаваемыя въ аренду земли для устраненія разныхъ притѣсненій,

испытываемыхъ татарами отъ арендаторовъ. По этому предмету мнѣ подано нѣсколько просьбъ, которыхъ я не счелъ себя вправѣ не принять при настоящихъ обстоятельствахъ. (Резолюція государя: «Тоже»).

«5) Отмѣнить существующія стѣсненія въ выдачѣ татарамъ паспортовъ для путешествія въ Мекку и подчинить татарское населеніе въ отношеніи полученія разнаго рода паспортовъ общимъ законамъ, наравнѣ со всѣми русскими подданными. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Кромѣ сего, во многихъ мѣстностяхъ Крыма татары заявили мнѣ словесныя жалобы по поводу возбужденнаго бывшимъ губернаторомъ генераломъ Жуковскимъ вопроса о вакуфахъ, который сильно тревожитъ и волнуетъ какъ населеніе, такъ и магометанское духовенство. Вакуфныя земли и капиталы составились втеченіе многихъ лѣтъ изъ пожертвованій по завѣщаніямъ на содержаніе мечетей и духовенства. Населеніе проситъ объ оставленіи этихъ имуществъ и распоряженія оными по прежнему въ веденіи обществъ. Удовлетвореніе такого ходатайства, въ существѣ своемъ справедливаго, оказало бы благотворное вліяніе на настроеніе умовъ татарскаго населенія. (Резолюція государя: «Тоже»).

«Взаключеніе считаю долгомъ упомянуть, что во всѣхъ посѣщенныхъ мною уѣздахъ Таврической губерніи были распространены слухи о томъ, что на праздникъ Воскресенія Христова татары собираются рѣзать христіанъ. При всей очевидной нелѣпости такихъ слуховъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго основанія и истекавшихъ изъ сомнительныхъ источниковъ, мѣстное начальство, къ сожалѣнію принимало по этому поводу нѣкоторые мѣры и заводило переписку, что крайне обидѣло и огорчило татарское населеніе. Оно горячо просило меня снять съ него незаслуженное пятно и оправдать его предъ лицомъ вашего императорскаго величества. Я обѣщалъ это, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлился отъ августѣйшаго вашего имени высказать татарамъ, что вы—первый государь Россіи, счастливящій Крымъ своимъ присутствіемъ, что вамъ извѣстна преданность татарскаго народа и что зная честные убѣжденія и правила татаръ, ваше величество ни на минуту не повѣрите подобной возведенной на нихъ клеветѣ». (Противъ сего пункта государь написалъ: «Нѣтъ»).

Независимо частныхъ резолюцій, на лицевой сторонѣ доклада императоръ Александръ II собственноручно начерталъ: «Сообщить

военному министру то, что касается военной части».

Генералъ-адъютантъ Милютинъ, получивъ высочайшее повелѣніе. 18-го апрѣля представилъ государю слѣдующія главныя основанія отбыванія татарами воинской повинности.

Общая числительность крымскихъ татаръ простирается до 60,000 душъ мужескаго пола. Съ этого числа, при наборѣ пяти съ половиною человѣкъ съ тысячи, будетъ причитаться 330 рекрутъ ежегодно, вслѣдствіи чего, при шестилѣтнемъ срокѣ службы, число крымскихъ татаръ въ войскахъ достигло бы, за исключеніемъ $^{0}/_{0}$ убыли, до 1,900 человѣкъ. Помѣщая весь контингентъ въ особыя части, пришлось бы сформировать особые три кавалерійскіе полка. Но, такъ какъ въ подобномъ увеличеніи кавалеріи въ мирное время надобности не предстоитъ, тѣмъ болѣе, что мѣра эта потребовала бы новаго расхода до 500,000 р. въ годъ, то и полагалось бы: 1) изъ общаго числа новобранцевъ изъ крымскихъ татаръ ежегодно назначать до 150 человѣкъ, желающихъ служить въ конницѣ на собственномъ конѣ, въ составъ особаго крымскаго эскадрона, нарочно для того формируемаго. 2) Новобранцевъ этихъ содержать въ эскадронѣ до десяти мѣсяцевъ, т. е. съ января по 1-е ноября, отпуская ихъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ лошадьми по домамъ. Въ послѣдующіе затѣмъ два года собирать ихъ при эскадронѣ на три лѣтнихъ мѣсяца для занятій. 3) Прослужившихъ такимъ образомъ три года зачислять на остальныя 12 лѣтъ въ запасъ, призывая ихъ втеченіе этого времени, два или три раза для занятій при эскадронѣ на срокъ до четырехъ недѣль. 4) Остальныхъ затѣмъ татарскихъ новобранцевъ назначать на службу въ ближайшіе полевые полки на общемъ основаніи. 5) Новобранцы, поступающіе въ крымскій эскадронъ, обязаны являться на собственномъ конѣ и съ собственнымъ сѣдломъ и прочимъ конскимъ уборомъ, но обмундированіе и оружіе имъ выдается отъ казны.

Предположенія эти высочайше одобрены и къ осени 1874 года крымскій эскадронъ учрежденъ. Но подобная мѣра, какъ она ни была гуманна и соотвѣтственна обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, не могла удовлетворить вполнѣ татарскаго населенія. Были довольны люди зажиточные, которые могли являться на службу съ своимъ конемъ и конской сбруей. Но бѣдные, подлежавшіе отправленію въ войска на общемъ основаніи, конечно, не сочувствовали ей, и глухое броженіе среди татаръ не прекращалось.

Правда, общее выселеніе татаръ изъ Крыма усиліями князя Воронцова было остановлено, но одиночный уходъ молодыхъ татаръ, опасавшихся поступленія въ службу, и побѣги усилились. Въ одномъ оффиціальномъ донесеніи говорилось: «Бѣгство татаръ совершается въ Гурзуфѣ, Севастополѣ, Евпаторіи и Судакѣ. Пробираются они по ночамъ, въ одиночку или по нѣсколько человѣкъ, и турецкіе баркасы, плавающіе около нашихъ береговъ для ловли дельфиновъ, принимаютъ ихъ и перевозятъ въ Турцію».

Осенью 1874 года, находясь въ Крыму, я былъ въ Гурзуфѣ. Это—татарская деревня, на южномъ берегу Крыма, въ 11-ти верстахъ отъ Ялты и 30-ти отъ Алушты, амфитеатръ скалъ, утесовъ и громадныхъ камней, оторванныхъ вулканическимъ изверженіемъ отъ хребта Яйлы и разбросанныхъ на большомъ пространствѣ до самаго моря, съ прилѣпившимися къ нимъ татарскими домиками и хижинами. Вотъ выдается въ море и склоняется надъ его волнами высокій конческій утесъ, на которомъ еще видны слѣды старинной крѣпости, обломки стѣнъ и лѣстницы. Вотъ тихая гурзуфская бухта, закрытая отвѣсной скалой Аю-Дага, у подошвы которой тихо плещутся волны и баюкаютъ, какъ въ колыбели, пріютившіяся въ бухтѣ рыбацкія лодочки съ садками серебристой кефали. Вотъ семья скатившихся въ море, еще во время вулканическаго изверженія, каменныхъ пиколъ-пирамидъ, возвышающихся надъ безпредѣльной водной равниной до 170 футовъ. Вотъ само беззаботное и игривое какъ дитя, сѣро-синее какъ дымъ, безбрежное Черное море, спокойно катящее свои исполинскіе валы, подъ яркимъ горячимъ лучомъ полуденнаго солнца, и мѣрнымъ, ровнымъ прибоемъ разстилающее ихъ по берегу, и вотъ вдали на этихъ волнахъ качаются два-три морскихъ судна... Это—турецкія фелуки, охотящіяся въ нашихъ водахъ на дельфиновъ, а при случаѣ забирающія и татаръ.

Я видѣлъ, что фелуки эти появлялись, большей частью, на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Порой на нихъ какъ будто появлялись условные знаки: днемъ рѣялъ какой-то странный флагъ, ночью выкидывался фонарь съ разноцвѣтными огнями. Въ отвѣтъ на эти сигналы на плоскихъ крышахъ, двухъ-трехъ домовъ, какъ говорили, служившихъ притонами для бѣглецовъ, раскидывались простыни, на высотахъ горъ зажигались небольшіе костры, въ прибрежныхъ ущельяхъ скалъ раздавались выстрѣлы или протяжный дикій крикъ. Раза два мнѣ приходилось встрѣтить идущихъ съ горъ чабановъ,

защитыхъ въ свои бараньи куртки, съ ножами у пояса и кожаными футлярчиками съ молитвами изъ корана на перевязи черезъ плечо, въ буйволовыхъ сандаліяхъ и остроконечныхъ надвинутыхъ на брови бараньихъ шапкахъ, раза два мнѣ приходилось встрѣтить собравшуюся въ дорогу сельскую молодежь, въ сопровожденіи родственниковъ, женщинъ и дѣтей. Съ тѣми и другими шелъ извѣстный ходжа. Я спрашивалъ, кто это? Мнѣ говорили, что это люди, уходящіе на заработки. Между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказывалось, это были бѣглецы, молодежь, уходившая въ Турцію, чтобы не служить въ русскихъ войскахъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, втеченіе 1874 года (съ 1-го января по 1-е ноября) бѣжало татаръ: изъ Ялтинскаго уѣзда—мужчинъ 193, женщинъ и дѣтей 32, изъ Симферопольскаго—мужчинъ 78, изъ Ѳеодосійскаго—мужчинъ 80, Перекопскаго—мужчинъ 9 и Евпаторійскаго—мужчинъ 61, женщина 1, всего 474 человѣка. Бѣглецы были преимущественно призывнаго возраста (21 года)

Съ началомъ призыва, перваго призыва въ 1874 году, мнѣ пришлось быть въ ялтинскомъ и симферопольскомъ воинскихъ присутствіяхъ при вынутіи жеребья на пріемъ въ службу татаръ. Они являлись въ присутствія безъ понужденій, зорко, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило въ присутствіяхъ. Подлежавшіе призыву вынимали жеребій или сами лично, или черезъ старшковъ и волостное начальство, безо всякаго стѣсненія и боязни, за исключеніемъ горныхъ чабановъ, которые со страхомъ и недовѣріемъ подходили къ столу присутствія, понуривъ голову и смотря на всѣхъ изъ-подлобья. При раздѣваніи татаръ для освидѣтельствованія и пріема, нѣкоторые изъ нихъ стѣснялись раздѣваться вслѣдствіе прирожденнаго чувства стыдливости, но выказанное ими при этомъ замѣшательство, кромѣ одного случая, въ сопротивленіе властямъ не переходило. Но, за всѣмъ тѣмъ, общій результатъ перваго пріема новобранцевъ изъ татаръ въ 1874 году нельзя назвать благопріятнымъ. Принято на службу во всѣхъ присутствіяхъ Таврической губерніи 203 молодыхъ татарина, не явившихся же къ освидѣтельствованію, по вынутымъ младшимъ нумерамъ, было 130 человѣкъ, т. е. болѣе 68 процентовъ общаго числа поступившихъ на службу. Неявившіеся къ призыву замѣнены другими не были.

Въ 1875 году, уходъ татаръ продолжался, хотя и не въ такихъ, какъ прежде, значительныхъ размѣрахъ. Это вызвало новую коман-

дировку. На этотъ разъ въ Крымъ былъ отправленъ директоръ департамента полиціи исполнительной, тайный совѣтникъ Косаговскій, которому было поручено, независимо отъ мѣръ, необходимыхъ для усиленія надзора за крымскими берегами, найти средства успокоить татарское населеніе. Г. Косаговскій, по возвращеніи въ Петербургъ, могъ предложить только мѣры, которыя слѣдовало бы принять много и много лѣтъ назадъ, а именно: а) постараться привлечь на свою сторону мусульманское духовенство, т. е. не трогать до времени вопросъ о вакуфныхъ имѣніяхъ; б) порѣшить какъ можно скорѣе вопросъ объ отобранныхъ у татаръ земляхъ; в) постановить, что татары, живущіе на помѣщичьихъ земляхъ, могутъ быть удаляемы не иначе, какъ при существованіи письменныхъ условій; г) издать сборникъ на татарскомъ языкѣ, который ознакомилъ бы татаръ съ ихъ правами и обязанностями и д) устроить пути сообщенія въ горной части Крыма и по берегу моря отъ Судака до Алушты.

Предложенныя г. Косаговскимъ мѣры оказались буквальнымъ повтореніемъ того, о чемъ ходатайствовалъ князь С. М. Воронцовъ.

Предложеніе г. Косаговскаго передано было на обсужденіе особо учрежденной для того комиссіи, которая полагала, прежде чѣмъ будутъ приняты какія либо другія мѣры, на первый разъ: 1) даровать помилованіе бѣжавшимъ въ Турцію татарамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые бѣжали, уклоняясь отъ воинской повинности, или совершили, помимо побѣга, другое какое нибудь уголовное преступленіе; 2) отмѣнить сборъ на содержаніе крымско-татарскаго эскадрона; 3) воспретить иностраннымъ судамъ производить рыбный и звѣриный промыслы въ чертѣ нашихъ территоріальныхъ водъ и не дозволять имъ приставать къ крымскимъ берегамъ для жиротопленія и рыболовнаго промысла и 4) учрежденіе крейсеровъ и усиленіе береговой таможенной стражи.

Съ пріѣздомъ государя императора Александра Николаевича въ Крымъ въ 1876 году, именно 30-го августа, крымскимъ татарамъ объявлена монаршая милость о прощеніи тѣхъ бѣжавшихъ въ Турцію татаръ, которые возвратились на родину ко дню объявленія этой милости. Приведеніе же въ исполненіе прочихъ мѣръ, какъ требующихъ болѣе продолжительныхъ соображеній, отложено.

Затѣмъ наступила восточная война. Татары, сознавая долгъ присяги, прекратили эмиграцію, и теперь число побѣговъ совершенно ничтожно. Но накопленныя съ годами жалобы и домогательства до сихъ поръ все еще остаются не разрѣшенными.

ТРИ ВСТРѢЧИ.

I.

Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ.

ПУШКИНЪ, какъ извѣстно, совершилъ въ 1829 году путешествіе въ Арзерумъ, гдѣ находились тогда войска кавказскаго корпуса подъ предводительствомъ графа Паскевича. Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно нечаянно Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и описалъ эту встрѣчу въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Арзерумъ».

Дневникъ этотъ появился въ первой книжкѣ «Современника» за 1836 годъ, съ большими измѣненіями, такъ, напримѣръ, страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ и нѣкоторыя другія мѣста были выпущены изъ дневника, по указанію императора Николая Павловича, прочитывавшаго, какъ извѣстно, всѣ сочиненія поэта прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Съ измѣненіями дневникъ вошелъ и въ «Собраніе сочиненій А. С. Пушкина».

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя исключенныя мѣста возстановлены [1]), но страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ до настоящаго времени еще не включена; даже въ послѣднемъ изданіи, вышедшемъ подъ редакціей П. А. Ефремова, ея нѣтъ.

---

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, т. V, стр. 260, 262, 263, 264.

Такъ какъ все, что ни вышло изъ-подъ пера безсмертнаго поэта, имѣетъ для публики большое значеніе, то мы и возстанавливаемъ эту такъ долго лежавшую подъ спудомъ страничку, подлинность которой несомнѣнна. Копія съ нея снята въ 1835 году поэтомъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его помарками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до насъ.

Вотъ какъ описалъ Пушкинъ свою встрѣчу съ А. А. Бестужевымъ.

«Я кочевалъ съ утеса на утесъ, ободряя то шпорами въ бока, то гладя по шеѣ моего борзаго горца. Привыкшій ко всѣмъ ужасамъ кавказскихъ картинъ, конь мой, прядая ушьми и осторожно переступая съ ноги на ногу, морщилъ свои огненныя ноздри. Я завидѣлъ вдали всадника въ чудной одеждѣ, онъ летѣлъ и, казалось издали, падалъ со скалы на скалу. Мы поровнялись—то былъ Бестужевъ! Цѣлованья, обниманья, безотвѣтные вопросы и отвѣты не на вопросы были слѣдствіемъ этой неожиданной и пріятной для насъ обоихъ встрѣчи. Мы еще—и въ сотый разъ обнялись, и пошли дѣльные другъ другу вопросы. Бестужевъ разсказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Я его слушалъ, читая половину его жизни въ этихъ слезахъ, которыя нежданно оросили его огненныя очи. Я понялъ, каково его существованіе, я понялъ, что жизнь ему не дороже полушки. Онъ говорилъ мнѣ, что давно уже ищетъ возможности кончить со славой и честью свое опятненное плаваніе по океану жизни.—«Я жажду вѣтровъ,—говорилъ онъ:—я жажду бурь, гдѣ бы могъ явить себя спасителемъ существъ, счастливыхъ болѣе, чѣмъ я... О, если бъ эта рука когда нибудь могла покрыться кровью враговъ отечества и смыть печать заблудшагося сердца, я съ радостью, съ благословеніемъ тому, кто мнѣ послалъ бы этотъ случай, принесъ на жертву самого себя, а что мнѣ жизнь теперь»!. Онъ не кончилъ еще разсказа, я не успѣлъ еще стряхнуть слезу ребячества, несносно щекотившую мнѣ глазъ,—какъ всадникъ мой исчезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пять прыжковъ конь вынесъ меня на остріе скалы; внизу, въ ужасной глубинѣ, шумитъ рѣка—и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулся стремглавъ въ чернѣющую бездну, я испугался, а онъ, шалунъ Бестужевъ, онъ махаетъ шапкой и кричитъ:—«не

бойся, Пушкинъ, я не умеръ... я живъ еще, къ несчастью моему... но вотъ, мой другъ, какъ дорого цѣню ея жизнь!».

Кто не узнаетъ въ этой сценѣ пера Пушкина характера Бестужева!..

II.

Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ.

Знаменитый романистъ и даровитый представитель такъ называемой «либеральной критики», не смотря на общность многихъ интересовъ, ихъ сближавшихъ, лично не симпатизировали другъ другу и видѣлись только однажды. Самое свиданіе ихъ, отъ котораго Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ ожидалъ такъ много хорошаго, не только не сблизило ихъ, но, къ величайшему огорченію обоихъ, окончательно разъединило и разсорило на всю жизнь. Вотъ какъ это случилось, по разсказу очевидца встрѣчи, Петра Павловича Суворова, пользовавшагося расположеніемъ обоихъ антагонистовъ.

Въ зиму 1865 года, Тургеневъ достигъ зенита своей извѣстности и славы: романъ «Отцы и дѣти» вышелъ въ свѣтъ и произвелъ въ публикѣ сенсацію. Все заговорило о немъ. Не было ни одного журнала, который не посвятилъ бы его разбору нѣсколькихъ печатныхъ листовъ. Лучшая рецензія, по широтѣ взгляда и глубинѣ анализа, принадлежала перу Д. И. Писарева, напечатавшаго ее въ журналѣ «Русское Слово» (послѣ «Дѣло»). Авторъ романа не могъ не согласиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ, разбирая романъ, талантливый критикъ, и въ разговорѣ съ однимъ изъ видныхъ нашихъ литераторовъ отнесся къ этимъ выводамъ сочувственно, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ Дмитріемъ Ивановичемъ лично. Между тѣмъ, тогдашній редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, давно хотѣлъ завербовать Ивана Сергѣевича въ число своихъ сотрудниковъ, и теперь, услышавъ о сдѣланномъ имъ отзывѣ о рецензіи Писарева и желаніи познакомиться съ нимъ, поручилъ Петру Павловичу Суворову написать къ Тургеневу письмо: не пожелаетъ ли онъ помѣстить въ «Русскомъ Словѣ» приготовляемый имъ въ то время къ печати новый романъ («Дымъ»), причемъ, конечно, на похвалы

и обѣщанія не скупились. Но знаменитый романистъ не пошелъ на заброшенную ему удочку: въ самыхъ вѣжливыхъ и деликатныхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ еще хорошенько ознакомиться съ журналомъ, редактируемымъ Благосвѣтловымъ, но современемъ, когда хорошенько узнаетъ изданіе, не прочь помѣстить въ немъ одно или нѣсколько своихъ произведеній. На этомъ остановились первыя попытки къ сближенію, но редакція «Русскаго Слова» сочла письмо Ивана Сергѣевича за нѣчто для него обязательное.

Прошла зима. Въ февралѣ 1866 года, Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Боткина на Караванной. Въ городѣ распространился слухъ, что онъ привезъ съ собою новый романъ, что онъ прочелъ уже нѣсколько отрывковъ изъ него въ интимномъ кружкѣ друзей и что всѣ слышавшіе его чтеніе восторгаются романомъ. Редакція «Русскаго Слова» встрепенулась, и П. П. Суворовъ получилъ отъ нея порученіе посѣтить Тургенева, страдавшаго тогда подагрой. На утро онъ сидѣлъ уже въ кабинетѣ больнаго романиста, принятый имъ весьма предупредительно и радушно. Завязался разговоръ объ идеалахъ общественнаго развитія, и Иванъ Сергѣевичъ высказалъ о Писаревѣ самое лестное мнѣніе.

— Въ то время,—говорилъ онъ, между прочимъ:—когда вся критика обрушилась на меня и бичевала нещадно моихъ злополучныхъ «Отцовъ и дѣтей», Дмитрій Ивановичъ одинъ отнесся къ нимъ совершенно безпристрастно. Какъ критикъ, онъ вполнѣ добросовѣстно обрисовалъ характеры выведенныхъ въ романѣ лицъ и чрезвычайно остроумно и мѣтко опредѣлилъ ихъ значеніе съ точки зрѣнія современнаго общественнаго развитія. Скажу болѣе: онъ съумѣлъ оттѣнить и выдвинуть на первый планъ такія черты въ нихъ, которыя я, когда писалъ романъ, сознавалъ какъ бы отвлечено и смутно, и только, прочитавъ его резензію, онѣ стали для меня опредѣленны и ясны... Не смотря на то, что онъ еще очень молодъ и не чуждъ увлеченій, я его уважаю и буду очень радъ, если мнѣ представится случай познакомиться съ нимъ лично.

— Это не такъ трудно,—отозвался Суворовъ:—если позволите, я привезу его къ вамъ, и вы съ нимъ навѣрно сойдетесь: вашъ строгій рецензентъ—чрезвычайно симпатичная личность и, что всего важнѣе, убѣжденный честный человѣкъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—улыбнулся Иванъ Сергѣевичъ, и, подумавъ немного, прибавилъ:—итакъ, рѣшено, вы привезете его ко мнѣ!..

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчалъ Петръ Павловичъ, вставая со стула, чтобы откланяться:—только скажите, когда вы можете принять насъ?

— О, это все равно, когда хотите!—сказалъ Тургеневъ, пожимая Суворову руку:—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Вечеромъ того же дня, не смотря на отнѣкиванья и явное нежеланіе ѣхать, какъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ, на поклонъ къ отцу «Отцовъ и дѣтей», Суворовъ повезъ его къ Тургеневу. Войдя въ кабинетъ, они нашли Ивана Сергѣевича сидящимъ въ креслѣ у письменнаго стола; больная нога его была вытянута и лежала на другомъ креслѣ. На столѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, такъ что въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Въ рукѣ у него находилась рукопись, по всей вѣроятности, привезеннаго имъ романа: онъ читалъ ее, вокругъ сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей—нашъ извѣстный военный историкъ, генералъ Богдановичъ, и два-три литератора.

При входѣ Писарева и Суворова въ кабинетъ, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ чтеніе, положилъ рукопись на столъ и очень любезно поздоровался съ пришедшими. Послѣ обычныхъ привѣтствій и рукопожатій, гости взяли стулья, сѣли и начался разговоръ. Вращавшійся всю жизнь въ лучшемъ обществѣ, изучивши до тонкости свѣтскіе пріемы, Тургеневъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ заявилъ Дмитрію Ивановичу, что онъ давно искалъ случая обмѣняться съ нимъ мыслями, что признаетъ въ немъ большой критическій талантъ и глубоко его уважаетъ, уважаетъ за то, что онъ безпристрастно и съ такимъ художественнымъ пониманіемъ относится ко всѣмъ выдающимся явленіямъ художественнаго творчества.

Произошла маленькая пауза. Писаревъ сидѣлъ и молчалъ.

Потомъ, вдругъ, съ свойственной ему живостью, повернувшись на стулѣ въ полоборота, онъ спросилъ Тургенева:

— Правда ли, Иванъ Сергѣевичъ, я слышалъ, мнѣ вотъ говорилъ Петръ Павловичъ (и онъ указалъ на Суворова), что вы привезли новый романъ?—и если правда, то нельзя ли мнѣ ознакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ напечатанъ?.. Кстати,

гдѣ вы думаете его печатать?.. Вы, кажется, обѣщали одно изъ вашихъ произведеній дать «Русскому Слову?».

— Да,—замялся какъ будто въ отвѣтѣ Тургеневъ:—современемъ я исполню мое обѣщаніе... но этотъ романъ я еще изъ-за границы отослалъ въ Москву, Михаилу Никифоровичу Каткову, и теперь вотъ жду отъ него отвѣта.

— Какъ!—вскричалъ Писаревъ и какъ ужаленный вскочилъ со стула:—вы!.. вы—нашъ лучшій писатель, доступный современному движенію молодого поколѣнія и имъ за то чтимый!.. вы—человѣкъ независимый, имѣющій громадное состояніе, работающій не для заработка, вы отдаете свой романъ Каткову!.. Для чего?.. съ какой цѣлью? Что общаго между вами и этимъ!.. (тутъ слѣдовало нѣсколько жесткихъ эпитетовъ по адресу Михаила Никифоровича). Или вамъ деньги нужны?.. За деньги вы готовы идти на сдѣлку съ совѣстью?.. Кто же вы послѣ того?.. Что я долженъ о васъ думать!.. И какъ вы могли, какъ вы рѣшились, послѣ этого, приглашать меня къ себѣ?.. Нѣтъ, я нетолько не радъ случаю, который свелъ меня съ вами, но кляну ту минуту, когда я первый разъ подумалъ объ этотъ!.. Кто же вы такой? кто? говорите?.. Петръ Павловичъ,—обратился онъ въ сильномъ раздраженіи къ Суворову:—гдѣ мы находимся?.. Куда вы меня привезли?..

Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій все это время въ креслѣ прямо, подавшись нѣсколько впередъ, сконфуженный горячими упреками Писарева, не могъ отвѣтить ему ни слова, лицо его было блѣдно, по мѣрѣ того, какъ ажитація Дмитрія Ивановича увеличивалась и рѣчь его становилась злѣй и безпощаднѣй, онъ блѣднѣлъ все больше и больше и вдругъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью взведенныхъ на него обвиненій, откинулся всѣмъ тѣломъ на спинку кресла; спинка не выдержала, откололась и отлетѣла прочь, и Иванъ Сергѣевичъ рухнулъ съ больной ногой, чрезъ голову, на полъ.

Произошла суматоха. Одни бросились подымать Ивана Сергѣевича, другіе обратились къ Писареву съ упреками, поставляя ему на видъ всю неумѣстность его горячности, и просили его удалиться. Дмитрій Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, взялъ фуражку и уѣхалъ домой.

Спустя нѣсколько времени, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Дымъ». Писаревъ написалъ рецензію, въ которой не только раскритиковалъ новое произведеніе знаменитаго художника-романиста, но и самаго его низвелъ на сте-

пень человѣка, который не знаетъ, что творитъ. Рецензія эта была отдана Г. Е. Благосвѣтлову, одобрена, набрана и прочитана въ корректурѣ. Она представляла собою статью болѣе пяти печатныхъ листовъ и, поэтому, въ одномъ нумерѣ журнала появиться не могла. Ее раздѣлили на двѣ половины, и первая приготовлялась уже къ выпуску. Вдругъ, утромъ рано, за нѣсколько дней до выхода книжки, влетаетъ въ редакцію разстроенный и блѣдный Писаревъ. Поздоровавшись съ редакторомъ и сотрудниками, онъ обратился къ Благосвѣтлому съ просьбой возвратить ему рукопись его статьи и всѣ корректуры.

— На что она вамъ?—спрашиваетъ его изумленный редакторъ.

— Я не желаю ее печатать.

— Да вы съ ума сошли!.. Что съ вами?

— Вотъ посмотрите, что онъ написалъ мнѣ!—и Писаревъ подалъ Благосвѣтлову письмо Тургенева.

Въ письмѣ этомъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ Дмитрію Ивановичу, что онъ очень сожалѣетъ о томъ, что, по болѣзни, ему не удалось, при личномъ свиданіи съ нимъ въ февралѣ, объясниться и тѣмъ избѣжать оставшихся неразъясненными недоразумѣній. Воздавъ таланту критика всевозможныя куренія, онъ обращался къ нему съ просьбой не печатать написанной имъ рецензіи на его новый романъ, прежде чѣмъ онъ не сообщитъ этой рецензіи ему для прочтенія. Причемъ обѣщался дать всѣ нужныя разъясненія.

— Ну, что я буду дѣлать, когда онъ такъ пишетъ!—воскликалъ, горячась, Дмитрій Ивановичъ!—я не могу напечатать моей рецензіи... я не такой... и онъ схватилъ письмо Тургенева, изорвалъ его въ мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Потомъ свернулъ въ трубку рукопись рецензіи и корректуры ея, распрощался съ сотрудниками и ушелъ.

Но, взявъ рецензію изъ редакціи, Писаревъ не послалъ ее Тургеневу, какъ послѣдній просилъ его. Онъ послалъ ему только письмо, въ которомъ писалъ, что онъ всего ждалъ отъ него, но только ужъ никакъ не просьбы о непечатаніи критики на его романъ. Убѣжденія свои и взгляды,—писалъ онъ,—вы могли измѣнить, и я, порицая ваши идеалы, могъ бы уважать васъ какъ человѣка. Но теперь, послѣ вашей просьбы, я васъ не уважаю и уважать не могу. Вы пережили себя, вы одряхлѣли, вы не понимаете стремленій молодаго поколѣнія. Вы идете, сами не зная куда. Вы похожи на человѣка, который самъ добровольно садится въ

муравейникъ, и поэтому... (слѣдовалъ выводъ, весьма нелестный для Ивана Сергѣевича).

Этимъ, казалось бы, и должны были окончиться пререканія Тургенева съ пылкимъ критикомъ, такъ какъ разрывъ между ними состоялся полный и всякія личныя отношенія прекратились. И дѣйствительно, почти три года пререканій не было. Но вотъ, въ 1869 году, умираетъ Д. И. Писаревъ—и Тургеневъ поспѣшилъ откликнуться. При жизни Дмитрія Ивановича онъ не обмолвился о немъ ни однимъ печатнымъ словомъ, но едва глаза талантливаго его антагониста смежились, Иванъ Сергѣевичъ пожелалъ свести счеты съ нимъ и воздалъ ему, съ свойственнымъ ему талантомъ, сторицею. Въ воспоминаніяхъ своихъ о В. Г. Бѣлинскомъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ смерти Писарева, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», онъ посвятилъ одну—двѣ странички и своему безпощадному рецензенту, вспомнилъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ 1866 году и заклеймилъ его позорной кличкой главы петербургскихъ нигилистовъ; по его словамъ, выходило, что Писаревъ—человѣкъ безпокойный, бездушный, и только...

Кто же изъ нихъ правъ?

Встрѣча А. Ѳ. Писемскаго съ «самоуправцами».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, проѣзжая чрезъ Москву, я остановился въ ней на нѣсколько дней и поспѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми изъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ. Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я заѣхалъ и къ Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому. Встрѣча давно не видавшихся людей обыкновенна: восклицанья, цѣлованья и разспросы. Поздоровавшись какъ принято, перебросившись замѣчаніями о перемѣнахъ, найденныхъ другъ въ другѣ, поговоривши о дѣлахъ, интересовавшихъ насъ обоихъ, справившись о знакомыхъ и друзьяхъ, мы перешли, по обыкновенію, къ новостямъ.

— Что новаго въ Москвѣ?—спрашиваю я Писемскаго.

— Ничего!.. все постарому!.. такъ же пьемъ, такъ же ѣдимъ и такъ же спимъ,—отвѣчалъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ.

— Но вѣдь что нибудь дѣлаетъ же Москва?

— Дѣлаетъ—какъ не дѣлать!..— отвѣчалъ съ добродушной

улыбкой Писемскій!—нѣсколько времени тому назадъ исколотили твоего покорнѣйшаго слугу.

— Какъ такъ! за что?

— Ни за что, ни про что, а такъ здорово живешь.

— Нельзя же человѣка бить за «здорово живешь».

— Въ Москвѣ можно!.. въ Москвѣ все можно!...

— Да какъ же такъ?—объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Возвращаюсь я однажды домой вечеркомъ, въ сумерки не совсѣмъ поздно, но было уже темно, взошелъ на дворъ и иду сторонкой къ крыльцу. Вдругъ, откуда ни возьмись, какъ будто выросли изъ-подъ земли, наскакиваютъ нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, въ рубахахъ, фартукахъ и картузахъ, въ родѣ биржевыхъ рабочихъ, бросаются на меня, накидываютъ полы моей хламиды мнѣ на голову, такъ что я кричать уже никакъ не могъ, валятъ меня на землю и накладываютъ мнѣ подъ бока, по шеѣ и по зубамъ. Бьютъ и приговариваютъ:—«Не пиши, пакостникъ, про хорошихъ людей мерзостей!.. не клепли!.. не порочь!.. житья отъ тебя никому не стало, перелаялъ ты всѣхъ здѣсь, песъ цѣпной!.. Что, чувствуешь ли, какъ это хорошо!.. Чувствуешь?.. а? не будешь больше? говори!.. да говори же, Николай Ивановъ! не то еще прибавимъ, да такъ, что не скоро и забудешь!»...—«Да я не Николай Ивановъ,—взмолился я подъ кулаками:—я—Алексѣй Ѳеофилактовъ, что вы дѣлаете со мной, душегубы!»—«И впрямь, это не тотъ!»—отозвался одинъ изъ нихъ, вглядываясь мнѣ въ лицо:—«это самъ хозяинъ дома! простите, сударь, мы васъ приняли за Пастухова [1]). Намъ хозяева велѣли потрепать Николая Иваныча, ошибка, сударь, вышла, ужъ вы простите, Бога ради!».—И мужики бросились бѣжать. Конечно, я ихъ не преслѣдовалъ, а поторопился убраться домой да растереться перцовкой, чтобы синяковъ не было... Такимъ-то родомъ вотъ въ чужомъ пиру похмѣлье и принимаешь... Что, хороши наши московскіе порядки?

Я пожалѣлъ отъ души «честнѣйшаго и славнѣйшаго Ѳеофилактыча», какъ звали Писемскаго въ шутку москвичи, и разразился страшной филиппикой по поводу «самоуправства» и «же-

---

[1]) Извѣстный газетный репортеръ того времени, не дававшій покою москвичамъ; въ настоящее время издаетъ газету «Московскій Листокъ».

стокости нашихъ нравовъ»... Смотрю—Писемскій откинулся въ креслѣ и заливается громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты радъ?—спрашиваю я его въ недоумѣніи.

— А ты и повѣрилъ моей встрѣчѣ съ «самоуправцами»... Это я тебѣ разсказалъ легенду о самоуправцахъ нашей прессы... Набрасываются они изъ-за угла и бьютъ встрѣчнаго и поперечнаго, не разбирая даже тотъ ли это, кого имъ нужно.

— Ну, это дѣло другаго рода, къ этому бока наши привычны,— засмѣялся и я въ свою очередь.

«Встрѣча съ самоуправцами»—послѣдній разсказъ, который я слышалъ отъ А. Ѳ. Писемскаго.

М. И. ГЛИНКА У ГРАФА ВІЕЛЬГОРСКАГО.

ГРАФЪ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель, музыкантъ и виртуозъ. Онъ игралъ роль мецената и своимъ вліяніемъ въ обществѣ и связями при дворѣ могъ сдѣлать многое. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если художники, артисты и музыканты тѣснились вокругъ него и искали его покровительства. М. И. Глинка не избѣгъ общей участи. Окончивъ первую свою оперу «Иванъ Сусанинъ» (переименованную потомъ въ «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года, онъ явился къ Михаилу Юрьевичу и просилъ его ходатайства о постановкѣ пьесы на сценѣ Большаго театра. Графъ обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе и просилъ его заѣхать къ нему чрезъ нѣсколько времени.

Живой, нервный Глинка неособенно остался доволенъ пріемомъ графа. Но слава его, какъ композитора, еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположеніемъ вельможи. 10-го марта, въ залахъ графа Віельгорскаго состоялась первая репетиція оперы. Оркестръ былъ хотя и неполный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные пѣвчіе, тріо и дуэты пропѣли артисты. Дирижировалъ оркестромъ самъ Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполненіе увертюры вышло неудачно. Пришлось съиграть второй разъ. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бѣгалъ, билъ тактъ и морщился. Его разгорѣвшееся лицо и блестѣвшіе глаза выдавали внутреннее волненіе. Но когда пьеса была окончена и залъ огласился дружными рукоплеска-

ніями, онъ просіялъ: всеобщія поздравленія, одобренія и рукопожатія побѣдили неувѣренность и недовольство, композиторъ развеселился и благодарилъ отъ души всѣхъ посѣтителей.

— Это chef d'oeuvres!—говорилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ. Послѣ «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинять оперы. Кто посмѣетъ поставить на судъ публики свое сочиненіе, когда она избалована «Нѣмою изъ Портичи» и «Дьяволомъ». Опера же Глинки замѣчательна своею оригинальностью. Отъ начала до конца она носитъ на себѣ характеръ исключительно русско-польскій. А это не бездѣлица! Притомъ финалъ и послѣдній романсъ написаны геніально. Я увѣренъ, что это сочиненіе будетъ имѣть несравненно болѣе успѣха въ чужихъ краяхъ, нежели у насъ. Мы еще далеки отъ того, чтобы восхищаться своей оригинальностью. Мы согласимся скорѣе признать это стариною, нежели мастерскимъ произведеніемъ великаго таланта.

Съ этого времени Глинка сталъ чаще посѣщать графа Віельгорскаго. Сидя однажды въ его кабинетѣ, въ ожиданіи возвращенія домой графа, онъ вступилъ въ разговоръ съ работавшимъ у графа какимъ-то живописцемъ и высказалъ слѣдущее: «Я всегда завидую живописцу. Я вижу, какъ постепенно наслаждается онъ своимъ произведеніемъ, и какъ прочно это наслажденіе. При одинаковомъ расположеніи души, оно всегда одинаково, между тѣмъ какъ наслажденіе отъ музыки даруется не всегда, и для того, чтобы вкусить его, должно имѣть много терпѣнія, пока не услышишь всего цѣлаго. Часто отдѣльныя части ничего не носятъ на себѣ необыкновеннаго, а все цѣлое представляетъ удивительный даръ, отличное произведеніе. Въ живописи же, напротивъ, душа каждымъ штрихомъ восхищается, и этотъ штрихъ вѣченъ, непзмѣненъ, а въ музыкѣ все зависитъ отъ исполненія».

Въ другой разъ онъ говорилъ: «Я не вѣрилъ бы въ будущее блаженство, еслибъ не видѣлъ на землѣ этихъ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и ваянія; они суть представители грядущаго счастія. Человѣкъ, приходя отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавливаемся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему, — есть точка истиннаго счастія. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только бо-

лѣе продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ восторгъ на одно мгновеніе—тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Въ концѣ года, опера Глинки, благодаря хлопотамъ и предстательству графа Віельгорскаго, была поставлена на сцену. Нужно ли говорить, что она произвела фуроръ. Михаилъ Юрьевичъ отозвался о ней слѣдующими словами: «Глинка совершенно изучилъ и постигъ духъ нашей гармоніи. Въ его мотивахъ вы найдете все русское и ни одной русской пѣсни, которую бы вамъ когда нибудь случалось слышать. Вы будете много узнавать, вамъ покажется, что всѣ пассажи его оперы суть мѣста вамъ знакомыя, а перебирите въ памяти вашей всѣ русскія пѣсни, вы ни одной не найдете, которая бы пѣлась на голосъ арій Глинки. О томъ, какъ хороши и удачны хоры польскіе, — и говорить нечего. Мазурочный кадансъ этихъ хоровъ есть самая счастливая мысль, которую немастеръ своего дѣла могъ бы довесть до тривіальности. Что же касается тріо и послѣдняго дуэта, это то,—повторю,—chef d'oeuvres Глинки».

Впослѣдствіи, Глинка, въ пріятельскомъ кружкѣ, называлъ графа М. Ю. Віельгорскаго «своимъ Іоанномъ Крестителемъ».

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗНАКОМСТВА.

ГОДЪ 1865.

I.

Первыя литературныя работы.—Переписка съ Н. А. Некрасовымъ и Д. Д. Минаевымъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Поѣздка въ Лѣсной.—Встрѣча съ А. П. Швабе и Ѳ. С. Харламовымъ.—Д. Д. Минаевъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ моя дѣятельность началась въ 1863 году. Служа еще въ нижнемъ званіи въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ, я помѣстилъ въ «Военномъ Сборникѣ» статью объ обезпеченіи нижнихъ чиновъ въ отставкѣ и въ солдатскихъ журнальчикахъ—нѣсколько стихотвореній изъ солдатскаго быта. Дѣятельность эта продолжалась и въ 1864 году, по производствѣ меня въ офицеры. Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ [1])

---

[1]) Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ — извѣстный талантливый и остроумный поэтъ-сатирикъ скончался въ г. Самарѣ 10 іюля 1889 года и до сихъ поръ еще не оцѣненъ, по достоинству, нашей партійной критикой, съ которой у покойнаго были свои счеты.

Почти двадцать пять лѣтъ я былъ знакомъ съ нимъ, бывалъ у него, принималъ у себя, водилъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, дружилъ и ссорился, вновь сходился и расходился, жилъ одно лѣто вмѣстѣ съ нимъ на дачѣ, и встрѣчался съ нимъ на послѣднихъ дняхъ передъ отъѣздомъ его на родину. При такихъ условіяхъ, я имѣлъ возможность видѣть его жизнь и его работу, каторжную работу для наполненія бездонной бочки Данаидъ житейскихъ по-

замѣтилъ одно изъ моихъ стихотвореній и въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ онъ велъ фельетонъ подъ псевдонимомъ «Темнаго человѣка», поставилъ его въ примѣръ поэту М. П. Розенгейму, писавшему, какъ извѣстно, тягучіе и вязкіе стихи. Я написалъ ему благодарственное

требностей, имѣлъ возможность узнать его характеръ, личныя достоинства, способности, средства и, наконецъ, увлеченія и слабости, и, поэтому, смѣю думать, что на мнѣ лежитъ обязанность сообщить для будущаго его біографа нѣкоторыя характерныя черты изъ его жизни.

Сынъ даровитаго отца, тоже извѣстнаго въ свое время поэта, автора «Волжскихъ думъ» и переводчика «Слова о полку Игоревѣ», Дмитрія Иваповича Минаева, Дмитрій Дмитріевичъ принадлежалъ къ числу дворянъ помѣщиковъ Симбирской губерніи. Родился онъ 21 октября 1835 года, получилъ воспитаніе въ домѣ отца, который предназначалъ его къ военной службѣ и въ 1850 году помѣстилъ въ бывшій Дворянскій полкъ. Молодой юнкеръ учился хорошо, но ни какъ не могъ освоиться со строгой военной дисциплиной. Не чувствуя въ себѣ призванія, какъ онъ выражался самъ, къ созданію себѣ карьеры посредствомъ обращенія живой человѣческой личности въ картоннаго манекена на проволокахъ, онъ окончилъ курсъ въ 1852 году и вышелъ изъ полка для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ XIV класса. Отецъ его былъ очень не доволенъ подобнымъ самовольнымъ поступкомъ сына, но поправить сдѣланнаго было невозможно и огорченный родитель, послѣ нѣсколькихъ чувствительныхъ домашнихъ внушеній, долженъ былъ, скрѣпя сердце, помѣстить молодого упрямца на службу въ Симбирскую казенную палату. Гражданская служба тоже не удовлетворяла кипучую натуру поэта. Послѣ Севастопольской войны, Россія встрепенулась, ее охватила жажда реформъ и свободы, молодое поколѣніе горячо сочувствовало подобнымъ стремленіямъ и, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что Дмитрія Дмитріевича потянула разгоравшаяся ширь столичной жизни, онъ оставилъ службу въ провинціи и перешелъ въ Петербургъ, гдѣ и причислился къ земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ. Служба его, однако, продолжалась недолго. Онъ предался литературѣ—и вышелъ въ отставку. Въ 1858 году онъ дебютировалъ въ нѣкоторыхъ мелкихъ Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1860 году издалъ подъ псевдонимомъ Д. Свіяжскаго «В. Г. Бѣлинскій», первый опытъ біографіи знаменитаго критика, съ 1861 года дѣлается сотрудникомъ «Современника» и «Русскаго слова», потомъ «Искры», «Дѣла», «Отечественныхъ Записокъ», «Вѣстника Европы» и многихъ другихъ ежемѣсячниковъ и еженедѣльниковъ либеральнаго направленія. По своей талантливости и трудолюбію — это былъ русскій Бальзакъ, писавшій безъ перерыва слишкомъ тридцать лѣтъ. Онъ писалъ все и обо всемъ съ такой легкостью и плодовитостью, что самые ожесточенные враги его должны были признать за нимъ

письмо, а Николаю Алексѣевичу Некрасову посвятилъ «Солдатскую думку», посланную ему при слѣдующемъ посланіи:

Тебѣ посвящаю, пѣвецъ,
Тяжолую думу солдата,
Быть можетъ, хоть ты, пакопецъ,
Признать пожелаешь въ немъ брата.

Ты отдалъ всю жизнь мужику;
Солдатское горе похуже:
Нельзя ли помочь бѣдняку
Въ его певещественной «п у ж ѣ»?..

Что нужно ему—ты поймешь,
Что сдѣлаешь—будетъ все ладно,
Одно уже то, что прочтешь
О горѣ его ты—отрадно...

несомнѣнный талантъ. Преобладающимъ элементомъ его разносторонняго таланта была прирожденная способность схватывать моментально юмористическую сторону извѣстнаго лица, типа, характера или событія и факта и передавать схваченное впечатлѣніе въ остроумной, сильной и оригинальной формѣ сатирическаго или шутливаго стихотворенія. Поэтому главнѣйшею его спеціальностію былъ фельэтонъ. Въ ряду талантливѣйшихъ фельэтонистовъ того времени, какими были А. С. Суворинъ, Л. К. Панютинъ, И. Ф. Василевскій и др., онъ занималъ одно изъ выдающихся мѣстъ, которое, за смертію его, и по настоящее время не замѣщено и, можетъ быть, еще долго будетъ вакантнымъ. Его легкій остроумный фельетонный жанръ многимъ не нравился, потому что задѣвалъ и осмѣивалъ часто личные недостатки, стремленія или увлеченія извѣстныхъ дѣятелей, но это было нужно для того времени, когда никакой иной узды для рыцарей и джентльмэновъ-дѣльцовъ тогдашняго времени не было, и они сами, со скрежетомъ зубовъ, порой сознавали мѣткость и правдивость «Минаевской», какъ они презрительно выражались, «сатиры». Съ теченіемъ же времени, когда всѣ эти господа улягутся въ сырой землѣ, отзывамъ и вообще «бичу его» будетъ сдѣлана надлежащая оцѣнка. Покойный сатирикъ весьма удачно писалъ литературныя пародіи на великія произведенія лучшихъ нашихъ поэтовъ, какъ, напр., на «Евгенія Онѣгина» А. С. Пушкина и «Демона» М. Ю. Лермонтова. Ни до него, ни послѣ него, въ нашей отечественной литературѣ, мы ничего подобнаго не знаемъ. Онъ владѣлъ необыкновенной бойкостью, ловкостью и легкостью стиха и законченностью рифмы, отличавшеюся особенной, ему только одному свойственною, виртуозностью. Какъ великосвѣтская красавица, знающая цѣну своей очаровательной

Николай Алексѣевичъ отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ солдатскаго быта, но ознакомится и что нибудь напишетъ. И, дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени появилась его «Орина, мать солдатская». Минаевъ же прислалъ мнѣ оттискъ статьи своей съ отзывомъ о стихахъ моихъ и надписью на немъ:

«Поэтъ-солдатъ, снимай скорѣе ранецъ,
Въ цейхгаузъ сдай патроны и ружье,—
И въ главный штабъ поэтовъ, повобранецъ,
Спѣши къ намъ въ Питеръ, на житье».

улыбкѣ, поэтъ-юмористъ зналъ цѣну звонкости и закругленности рифмы и доводилъ ее, какъ онъ самъ выражался, «до трехсаженности». Но независимо этого легкаго спеціально-фельэтоннаго творчества, ему не чужда была также и область серьезной лирики. Онъ переводилъ Ювенала, Байрона, Шелли, Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Барбье, Гейне и многихъ другихъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ поэтовъ. Его упрекали, что онъ переводитъ, не зная языковъ, съ которыхъ переводитъ. Но это не вполнѣ вѣрно. Онъ не зналъ языковъ въ совершенствѣ, для бонтонной рѣчи и изящныхъ великосвѣтскихъ козери, но изучилъ ихъ, какъ многіе наши литераторы, начиная съ Н. А. Полеваго и кончая А. Н. Островскимъ и С. А. Юрьевымъ, книжно, т. е. значеніе словъ, управленіе и смыслъ рѣчи, и руководился этимъ при переводѣ классиковъ или англійскихъ поэтовъ, французскій же и нѣмецкій языки зналъ какъ разговорные. Всѣ его переводы, не говоря уже о необыкновенной легкости и гладкости стихотворной формы, отличаются строгимъ литературнымъ вкусомъ, въ особенности при замѣнѣ не переводимыхъ латинизмовъ, галлицизмовъ и британизмовъ соотвѣтственными русскими словами. У него никто не можетъ указать на такія наивности перевода, какими блещутъ современные переводчики, какъ, напримѣръ, П. П. Гнѣдичъ, при переводѣ «Гамлета», маленькій кинжалъ преобразилъ въ сапожницкое «шило». Единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ можетъ быть переводъ «Божественной Комедіи» Данте, сдѣланный съ подстрочнаго перевода, но и онъ, какъ всѣ прочіе Минаевскіе переводы иностранныхъ поэтовъ, чрезвычайно изященъ и легокъ и оставляетъ далеко за собою быть можетъ болѣе близкіе къ подлиннику, но тяжеловѣсные и прозаичные переводы прочихъ нашихъ переводчиковъ, вродѣ Мина и другихъ. Переводами этими, однако, не исчерпывается серьезная литературная дѣятельность поэта-сатирика. Онъ написалъ также нѣсколько піесъ: «Либералъ», «Спѣтая пѣсня», «Не въ бровь, а въ глазъ», «Разоренное гнѣздо». На сколько онѣ удовлетворяли литературному вкусу — можно судить потому, что одна изъ нихъ была увѣнчана Академіей наукъ Уваровскою пре-

Въ маѣ 1865 года, по усмиреніи польскаго возстанія, я взялъ отпускъ и въ іюнѣ явился въ Петербургъ. Покончивъ съ служебными порученіями и дѣловыми визитами, я толкнулся къ Н. А. Некрасову, но его въ городѣ не оказалось, онъ жилъ лѣто въ деревнѣ. Минаевъ-же переѣхалъ на дачу, но куда—никто не зналъ. Въ адресномъ столѣ онъ значился отмѣченнымъ за городъ. Въ редакціи «Русскаго Слова» сказали, что адреса онъ еще не присылалъ, а въ редакціи «Искры» отвѣтили, что онъ живетъ въ Лѣсномъ, но гдѣ именно—не знаютъ. Приходилось ждать до перваго редакціоннаго дня, когда сотрудники собирались. Но желаніе поскорѣе познакомиться съ поэтомъ превозмогло и въ первый же праздничный день, облекшись въ парадную форму и накинувъ на плечи пальто, утромъ я отправился въ Лѣсной, съ предвзятой мыслію—обойти весь Лѣсной, но найти. Пришлось ѣхать въ пресловутомъ «Щапинскомъ ковчегѣ», ходившемъ тогда отъ Гостинаго

міей. Онъ писалъ много, работалъ усидчиво и съ любовью къ труду. Его не пугалъ никакой трудъ, и чѣмъ онъ былъ больше и серьезнѣй, тѣмъ легче онъ справлялся съ нимъ, принимался за него съ удвоенной энергіи и не оставлялъ, пока не одолѣвалъ той части, которая была нужна къ извѣстному времени. Особенный успѣхъ въ работѣ ему давало то, что онъ писалъ почти безъ помарокъ, такъ что у него не оставалось даже черновыхъ. Изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ Дмитрій Дмитріевичъ былъ самый плодовитый. Если собрать все имъ написанное, то однихъ стиховъ, мнѣ кажется, наберется болѣе двадцати томовъ. Такого количества стиховъ нѣтъ даже у Виктора Гюго, прожившаго 80-ть лѣтъ и считавшагося феноменомъ по стихотворной плодовитости. Въ 1883 году друзья и почитатели таланта отпраздновали 25-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности поэта-сатирика. Съ этого времени, по обстоятельствамъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, и по приключившейся болѣзни, дѣятельность его значительно ограничилась, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга для леченія на югъ, а не задолго передъ кончиной ему удалось исполнить свое давнишнее желаніе — перебраться на родину, въ Симбирскъ, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и угасъ въ такомъ возрастѣ (ему было всего 54 года), когда отчизна могла ожидать отъ него болѣе крупнаго, серьезно-обдуманнаго и вполнѣ интереснаго творчества. Онъ умеръ почти одинокимъ, семья его оставалась въ Петербургѣ, и похороненъ, по его собственному желанію, выраженному еще задолго передъ смертію, на оставленномъ и давно заброшенномъ Симбирскомъ кладбищѣ «у Сошествія», на самомъ берегу любимой имъ Волги, рядомъ съ могилою отца, поэта Д. И. Минаева.

двора, день стоялъ жаркій, народу., по случаю праздничнаго дня, набилось болѣе положеннаго, такъ что четверка худыхъ заморенныхъ клячъ съ трудомъ дотащила насъ въ Лѣсной къ полудню. Измученный и весь въ поту я обошелъ пол-Лѣснаго, исходилъ весь Англійскій проспектъ, Старопарголовскую дорогу, Объѣздную и съ десятокъ другихъ улицъ и переулковъ, заходилъ въ каждую дачу, разспрашивалъ дворниковъ, городовыхъ, разносчиковъ,—и никто не могъ указать мнѣ, гдѣ живетъ поэтъ Минаевъ. Прошло часа два, я уже отчаявался въ успѣхѣ моихъ поисковъ, какъ вдругъ случайно спрося въ одной мясной лавкѣ, хозяинъ ея не только что сообщилъ мнѣ адресъ его дачи, но и послалъ мальчика проводить меня къ нему ближайшей дорогой. «Эврика»! воскликнулъ я и отправился съ провожатымъ. Мы прошли два-три переулка, и на дворѣ во флигелѣ одной изъ угловыхъ дачъ я обрѣлъ жилище поэта. Не безъ тревоги и волненья я поднялся на крылечко дачки и освѣдомился у вышедшей прислуги: «дома ли баринъ»?

— Дома-то дома, да еще спитъ, отвѣчала бойкая горничная, оглядывая меня съ головы до ногъ.

— А скоро ли встанетъ?

— Не знаю.

Для человѣка, привыкшаго вставать въ четыре часа утра, казалось страннымъ, что люди могутъ спать до двухъ и болѣе часовъ дня. Я оглянулся, посмотрѣлъ вокругъ и, увидѣвъ на дворѣ у палисадника, скамейку, сказалъ горничной: «хорошо, я подожду, когда баринъ встанетъ!» сошолъ съ крылечка, сбросилъ пальто, снялъ кепи и расположился на скамейкѣ.

Не прошло пяти минутъ, изъ дачки вышелъ и подошелъ ко мнѣ довольно высокій, худощавый и блѣдный молодой человѣкъ, въ потертой пиджачной парѣ, надѣтой на рубаху (какъ оказалось потомъ Вороновъ, авторъ «Московскихъ норъ и трущобъ», жившій тогда, какъ и нѣкоторые другіе впослѣдствіи, у Минаева «изъ милости на кухнѣ»). Не поклонившись, и смотря куда-то въ сторону, онъ спросилъ меня, какъ будто мимоходомъ: «зачѣмъ мнѣ нуженъ Дмитрій Дмитріевичъ»?

Я посмотрѣлъ на него, и, отвернувшись въ сторону, отвѣчалъ: «это дѣло мое».

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется долго ждать, онъ не скоро встанетъ.

— Ну, что дѣлать, подожду.

Юноша повернулся и исчезъ.

Я вынулъ недочитанный дорогою нумеръ «Голоса» и принялся читать. Окна, выходившія на дворъ, были открыты. Тамъ и здѣсь мелькали мужскія и женскія головы, съ крыльцъ сбѣгала и пробѣгала прислуга, на дворѣ въ пескѣ играли дѣти, слышались ихъ возгласы, крики и смѣхъ, съ улицы входили и выкрикивали свой товаръ разносчики. Вотъ пронесъ воду дворникъ, вотъ пробѣжала горничная съ ворохомъ накрахмаленныхъ юбокъ, пріѣхалъ на лошади мясникъ, пришелъ шарманщикъ и затянулъ безконечную «Травіату», за угломъ завыла собака. Я сидѣлъ, закрывшись листомъ газеты, и посматривалъ внимательно вокругъ. Не прошло пяти минутъ, на крылечко Минаевской дачки вышла молодая, съ сильно напудреннымъ лицомъ, щеголеватая дама, въ бѣломъ распашномъ капотѣ и бѣлокурыми, распущенными по плечамъ волосами,

— Кого вы ждете? обратилась она ко мнѣ съ вопросомъ.

Я подошелъ къ крыльцу, вѣжливо поклонился, назвалъ свою фамилію и сказалъ, что я пріѣзжій изъ провинціи, нахожусь въ Петербургѣ временно и желалъ бы видѣть Дмитрія Дмитріевича.

— На что вамъ нужно его видѣть? задала она мнѣ второй вопросъ.

— По одному литературному дѣлу, отвѣчалъ я уклончиво.

— Но его нельзя видѣть, заговорила она горячо и торопливо, онъ еще спитъ... Онъ всю ночь работалъ до утра и встанетъ нескоро... Я — его жена и говорю это вамъ, чтобы вы не тратили напрасно времени на ожиданіе.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, мнѣ не остается ничего болѣе какъ уйти, сказалъ я ей, откланиваясь, и попросилъ ее передать Дмитрію Дмитріевичу мое почтеніе и визитную карточку, съ тѣмъ, что не найдетъ ли онъ возможнымъ увѣдомить меня: когда я могу его видѣть?

Потерпѣвъ неудачу, я вышелъ за ворота въ самомъ дурномъ расположеніи духа и не зналъ что дѣлать. Солнце пекло невыносимо. Меня мучила жажда и чувствовался аппетитъ, такъ какъ я съ утра ничего не ѣлъ. Къ счастію, въ Лѣсномъ паркѣ, подъ сѣнію вѣковыхъ деревъ, оказался ресторанъ Тиханова (впослѣдствіи сгорѣвшій), и я направился туда.

Въ паркѣ гуляло много дачниковъ. Вокругъ ресторана, на галлереѣ и за столиками, сидѣло нѣсколько семействъ. Вокругъ бѣгали и рѣзвились дѣти. Я прошелъ на галлерею ресторана и присѣлъ къ

одному изъ столиковъ, за которымъ сидѣлъ и пилъ пиво весьма почтенный господинъ. Я освѣдомился: не обезпокою ли его? На что онъ отвѣтилъ, что считаетъ за большое удовольствіе, такъ какъ онъ пріѣхалъ изъ города въ Лѣсной къ знакомымъ и, не заставъ ихъ дома, не знаетъ что дѣлать. Я разсмѣялся и заявилъ, что нахожусь въ такомъ же положеніи. Мы представились другъ другу: господинъ этотъ оказался академикомъ Швабе, извѣстнымъ придворнымъ портретистомъ лошадей, собакъ и другихъ животныхъ. Время близилось къ тремъ часамъ и я велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Швабе разсказалъ, что онъ живетъ въ городѣ, но каждый праздникъ, а иногда и въ будни ѣздитъ въ окрестности и проводитъ время въ тѣсномъ кружкѣ знакомыхъ. Въ особенности, по своей простотѣ, его привлекаетъ Кушелевка на Невкѣ, гдѣ его знакомый Кене содержитъ «Тиволи», и устраиваетъ тамъ крестьянскія скачки, борьбу и бѣгъ въ мѣшкахъ, на призы. Графъ Кушелевъ, которому принадлежитъ Тиволи и вообще вся окрестность, носящая названіе Кушелевки, поощряетъ эту мысль и назначилъ въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній большую скачку, на которую записалось уже до 20 ѣздоковъ, а на бѣгъ въ мѣшкахъ—12 мальчиковъ и дѣвочекъ. На это зрѣлище, узнавъ, что я пріѣзжій, Швабе, какъ любитель подобныхъ увеселеній, и пригласилъ меня. Я поблагодарилъ его и обѣщалъ пріѣхать. Въ это время къ столику подошелъ и, поздоровавшись съ Швабе, подсѣлъ съ противоположной стороны весьма симпатичный молодой человѣкъ, котораго мой собесѣдникъ назвалъ художникомъ Харламовымъ. Слово-за-слово мы разговорились. Я разсказалъ ему о моей неудачной попыткѣ увидѣться съ Минаевымъ и пожаловался на ненормальную жизнь поэта, просыпающаго самую лучшую часть дня—утро.

— Не можетъ быть, чтобы онъ спалъ до третьяго часа, разсмѣялся Харламовъ, это штуки его жены, которая терпѣть не можетъ, когда къ нему приходятъ гости. Да вотъ онъ—легокъ на поминѣ! И Харламовъ показалъ глазами на вышедшаго изъ-за угла поэта.

Я быстро повернулъ голову по сдѣланному указанію. На лѣсенку нашей галлереи поднимался съ палкою и простынею на рукѣ высокій, стройный и красивый молодой человѣкъ, съ длинными, вьющимися чуть не по плечамъ волосами, небольшой русой бородой и улыбающимся, симпатичнымъ, румянымъ, мясистымъ лицомъ. Онъ былъ въ легкой лѣтней коломянковой парѣ, широкополой соломен-

ной шляпѣ и золотыхъ, сильно подтянутыхъ къ глазамъ, очкахъ. Походка его была непринужденна и легка, взглядъ присталенъ и серьезенъ. Онъ вглядывался въ лица сидѣвшихъ вокругъ ресторана и на галлереѣ дачниковъ и съ нѣкоторыми раскланялся. Проходя мимо нашего стола, онъ остановился, пожалъ руку Харламову и посмотрѣлъ на меня въ упоръ. Я привсталъ и назвалъ свою фамилію.

— Такъ это вы у меня дежурили нынче на дворѣ, разсмѣялся Минаевъ, пожимая мнѣ руку, жена перепугалась и говоритъ, что приходилъ какой-то полицейскій!... Наплу я ее разувѣрилъ.

Харламовъ пододвинулъ ему стулъ и онъ присѣлъ. Я разсказалъ ему, какъ я его разыскивалъ въ Петербургѣ и потомъ въ Лѣсномъ, и какъ найдя его, хотѣлъ, не смотря на весь комизмъ моего положенія, добиться свиданія съ нимъ.

— Ничего, отозвался онъ, сейчасъ видна военная настойчивость, это мнѣ нравится, я самъ военный, воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а вышелъ статскимъ.

Между тѣмъ Харламовъ распорядился по части благородныхъ напитковъ—принесли вино. Къ Швабе подошли какіе-то «нѣмецкіе человѣки» и увели его съ собой. Мы остались втроемъ и стали бесѣдовать самымъ непринужденнымъ манеромъ. На радости свиданія, по обыкновенію, выпили, а спустя полчаса «поэтъ-солдатъ» и «подпрапорщикъ-поэтъ», по-военному чокнулись, поцаловались и выпили «на ты». Вспоминая утреннее мое дежурство, Дмитрій Дмитріевичъ, все еще находившійся подъ вліяніемъ сдѣланной женою неловкости, сказалъ мнѣ:

Ну, не сердись, поэтъ-солдатъ,
Я извиняюсь за жену,
Но въ этомъ я не виноватъ,—
Я нахожуся самъ въ плѣну....
Межъ нами—преклони свой слухъ!—
Моя жена—мой злой евнухъ...

— Ну, вотъ и экспромтъ! браво! браво! задвигался шумно Харламовъ, по этому случаю я предлагаю выпить.

Выпили. Разговоръ оживился. Къ Минаеву подошли еще два-три знакомыхъ и присѣли къ столу. Заговорили о музыкѣ гренадерскаго полка, игравшей въ Лѣсномъ, объ оркестрѣ Рейнбольдта, о тирольцахъ Райнера и акробатахъ Томсонѣ и Шуманѣ, восхищав-

шихъ Лѣсную публику. Кто-то разсказалъ анекдотъ о тогдашнемъ петербургскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Суворовѣ. Наконецъ, когда разговорный матеріалъ сталъ изсякать, Харламовъ обратился къ Минаеву съ просьбою сказать экспромтикъ на злобу дня. Минаевъ посмотрѣлъ на него, улыбнулся, пыхнулъ раза два папиросой и сказалъ:

Пріятный, говорятъ, вамъ данъ судьбой,
Харламовъ, постъ:
Должны вы будете намъ выстроить второй
Харламовъ мостъ.

— А вотъ не угадали, засмѣялся художникъ, напротивъ, я думаю о соборѣ.

Минаевъ откинулъ голову и, ядовито улыбнувшись, отвѣчалъ:

Пусть такъ! Я не вступаю съ вами въ споръ,
Вопросъ такъ простъ:
Вѣдь строить выгоднѣй большой соборъ,
Чѣмъ малый мостъ.

Харламовъ насупился. Минаевъ всталъ, потрепалъ его по плечу, и наставительно замѣтилъ:

— Ну, какъ не стыдно сердиться! Вѣдь это къ вамъ не относится: я сказалъ вообще о строителяхъ. И обратясь ко мнѣ, спросилъ: ну, а ты, поэтъ-солдатъ, что думаешь строить?

— Ничего, отвѣчалъ я, не подумавъ, солдаты ничего не строятъ.

— Неправда! проговорилъ, смотря мнѣ въ глаза, Минаевъ, и солдаты кое-что строятъ. И, пыхнувъ раза два папиросой, добавилъ:

Солдаты строятъ фронтъ и цѣпи,
Каре, колонны, кучки,
Мундиры, ранцы, шапки, кепи,
Портянки и онучки!

Всѣ захохотали.

— Откуда вы это знаете, Дмитрій Дмитріевичъ? вопросилъ его одинъ изъ присѣвшихъ къ нашему столу знакомыхъ его, вы въ солдатахъ не служили.

— Да, я хотя и не солдатъ, отвѣчалъ Минаевъ, усаживаясь поглубже въ кресло, стоявшее въ концѣ стола, но я штыкъ-юнкеръ

русскаго слова (намекая этимъ на свою принадлежность и къ литературѣ, и къ Благосвѣтловскому журналу «Русское Слово»), и потому обязанъ знать всѣ солдатскіе обиходы.

Но не успѣлъ онъ кончить этой фразы, какъ изъ-за угла ресторана показалась его супруга, пришедшая въ сопровожденіи Воронова.

— А я за тобой пришла, Митя, проговорила она, подойдя къ галлереѣ, пойдемъ домой, пора обѣдать!

— Ступай, я прійду, отвѣтилъ небрежно, но нерѣшительно поэтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила его настойчиво супруга, пойдемъ!.. а то ты засидишься и кушанье перестоится.

Минаевъ вскочилъ какъ ужаленный скорпіономъ, развелъ руками и, кивнувъ на жену головою, быстро проговорилъ: «рекомендую: любящая супруга!.. безъ мужа не можетъ обѣдать»...

Компанія смолкла и смотрѣла съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ то на поэта, то на его «любящую супругу», которая стояла молча, опустивъ голову, и чертила узоры на пескѣ зонтикомъ. Минаевъ выпилъ залпомъ стаканъ вина, отступилъ шагъ назадъ, успленно пыхнулъ нѣсколько разъ папиросой и живо проговорилъ:

Отъ любви подобной да избавитъ Богъ!
День и ночь супруга глазъ съ меня не сводитъ,
Шага не пускаетъ сдѣлать за порогъ,
Даже... всюду, всюду, вслѣдъ за мною ходитъ.

Компанія сосредоточенно молчала. Но Минаевъ взглянувъ на жену, продолжавшую выводить на пескѣ узоры, какъ будто сконфузился, и быстро повернувшись, сталъ собираться домой. Надѣвъ шляпу и взявъ простыню и палку, онъ сказалъ; пожимая намъ руки, «а впрочемъ, прощайте, господа, обѣдать дѣйствительно нужно». Затѣмъ онъ быстро сбѣжалъ съ лѣсенки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ, какъ бы одумавшись, вернулся на галлерею и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «По праздникамъ я всегда дома, прошу безъ церемоній, обѣдать или гулять, жена будетъ рада». Я не успѣлъ поблагодарить его, какъ изъ-за балюстрады галлереи раздался снова голосъ жены Минаева: «пойдемъ же, Митя»! и поэтъ тороплиго сошолъ съ лѣсенки и, въ сопровожденіи своей супруги и ея атташе, исчезъ за угломъ ресторана.

II.

Визитъ Минаеву. — Знакомство съ Н. С. Курочкинымъ. — Бесѣда. — Экзаменъ.—Обѣдъ и чтеніе.—Вечерній чай и возвращеніе домой.

Спустя недѣли двѣ, въ какой то праздничный день, я повторилъ визитъ въ «лѣсныя палестины».

— Дома? спрашиваю, поднявшись на знакомое крылечко, у служанки.

— Дома-съ, пожалуйте, былъ отвѣтъ. И меня провели въ кабинетъ Дмитрія Дмитріевича.

Это была большая съ двумя выходившими на дворъ окнами комната, заставленная всевозможной мебелью и заваленная бумагами, книгами и газетами. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ письменный столъ и бокомъ къ нему придвинутое кресло, на которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, въ русской выпущенной поверхъ брюкъ и подпоясанной пояскомъ рубашкѣ и туфляхъ. Онъ только что возвратился изъ купальни, пилъ чай и пробѣгалъ новыя газеты. У противоположной стѣны стоялъ диванъ, на которомъ, облокотясь на подушку, полулежалъ, накрывшись простынею, человѣкъ съ большею лысиною, мясистымъ краснымъ лицомъ, маленькими, живыми, зорко смотрѣвшими глазками и черной съ просѣдью курчавой бородой, а прямо стоялъ передданный съ двумя креслами столъ, уставленный чайнымъ приборомъ и закусками. Тамъ и сямъ по стульямъ лежало платье, на полу валялись сапоги, туфли, калоши, разныя домашнія принадлежности, дѣтскія игрушки, прочитанныя газеты, и бумаги, бумаги безъ конца.

— А, поэтъ-солдатъ! опривѣтствовалъ меня, поднявшись съ кресла и сдѣлавъ шагъ впередъ, поэтъ сатирикъ, ну, вотъ и отлично, что пріѣхалъ! паинька-мальчикъ! а я уже вспоминалъ о тебѣ и думалъ самъ заѣхать за тобою, говорилъ онъ мнѣ, сердечно пожимая руку, садись пожалуйста! не хочешь-ли чаю?

Я поблагодарилъ его, сказавъ, что въ такой жаркій день и безъ чаю жарко.

— А я такъ весь день пью чай, въ особенности когда работаю, сказалъ Дмитрій Дмитріевичъ, усаживаясь въ кресло.

— Не врите, Минаевъ, раздался голосъ съ дивана, полдня вы спите, а полдня болтаетесь.

— А, я и забылъ васъ познакомить, воскликнулъ весело Ми-

наевъ и схвативъ меня за руку, подвелъ къ дивану. Эта туша — мой кумъ, Николай Степанычъ Курочкинъ, поэтъ и чернокнижникъ!

Я поклонился и мы пожали другъ другу руки.

— Позвольте! я еще не кончилъ представленія, засмѣялся Минаевъ, это книгоморъ и людоморъ, питается однѣми книгами, кромѣ, конечно, всякихъ гастрономическихъ пищевыхъ деликатесовъ, до которыхъ онъ также большой охотникъ, и морить людей, но не лѣкарствами морить, а ядомъ своихъ стиховъ морить людей со смѣху.

Курочкинъ молчалъ и только—улыбался.

— Впрочемъ, я должень сказать откровенно, продолжалъ Минаевъ, человѣкъ хорошій, я его люблю, даже болѣе, чѣмъ люблю, уважаю. Онъ для меня—авторитетъ во всѣхъ мелочахъ жизни, не исключая даже самыхъ важныхъ, именно домашнихъ. И онъ сталъ на одно колѣно, сдернулъ съ Курочкина простыню, (Курочкинъ лежалъ совершенно голый, даже безъ бѣлья) и, перекрестясь, съ возгласомъ: «отче, Николае, моли Бога о насъ»! поцѣловалъ его въ животъ.

— Ну, а это—вставъ и накрывъ опять Курочкина простынею, онъ проговорилъ ему:—Мартьяновъ, поэтъ-солдатъ, ты его уже знаешь!

— Опять скажу: не врите, Минаевъ, перебилъ его съ добродушной улыбкой Николай Степановичъ, я вовсе не знаю поэта Мартьянова, первый разъ въ жизни вижу его. Г. Мартьяновъ, обратился онъ ко мнѣ, позвольте и мнѣ, какъ Дмитрію, обращаться съ вами короче, и называть васъ поэтъ-солдатъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— Ну, такъ вотъ что, поэтъ-солдатъ, прежде всего мнѣ было бы пріятно узнать вашу біографію: не потрудитесь-ли вы ознакомить меня съ нею?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Минаевъ усѣлся за газеты, а я, прохаживаясь по кабинету изъ одного угла въ другой, сталъ разсказывать эпопею своей жизни. Курочкинъ ворочался, кашлялъ, но молчалъ. Минаевъ сдѣлалъ два-три восклицанія, перебившіе разсказъ.

— Молчите, Минаевъ, провозгласилъ наставительно Николай Степановичъ, не вамъ разсказываютъ, мнѣ! Иначе, мы должны будемъ уйти въ вашъ гинекей.

— Отче, Николае, моли Бога о насъ! запѣлъ Минаевъ.

— Молчите, Минаевъ, повторяю вамъ! окрикнулъ Курочкинъ, и

Минаевъ умолкъ. Продолжайте, поэтъ Мартьяновъ, обратился онъ ко мнѣ. И я снова сталъ ходить по комнатѣ и разсказывать.

Прослушавъ разсказъ до поступленія моего въ военную службу, Николай Степановичъ остановилъ меня.

— Хорошо-съ! сказалъ онъ. Но знакомы-ли вы съ русскою литературой? Знаете-ли вы Пушкина?

Не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, я остановился передъ нимъ и прочелъ наизусть нѣсколько строфъ изъ «Евгенія Онѣгина».

— Хорошо. А Лермонтова знаете?

Я прочиталъ «Бородино» и «Новоселье».

— О Некрасовѣ имѣете понятіе?

Я прочиталъ «Огородника» и «Зеленый шумъ», и разсказалъ, что я ему посвятилъ «Думку солдатскую».

— Вепе! отозвался Николай Степановичъ. А что вы знаете изъ другихъ поэтовъ.

Я сталъ читать «Ватерло» Бенедиктова.

— Хорошо-съ, перервалъ меня Курочкинъ, дальше, но читайте только по одной строфѣ изъ каждаго поэта.

Я прочиталъ строфу «Клермонтскаго собора» Майкова, «Отойди отъ меня, сатана» Мея, «Двухъ гренадеръ» въ переводѣ В. С. Курочкина и «Какъ яблочко румянъ» его же.

— Optime! произнесъ одобрительно Николай Степановичъ. Да это у насъ, въ Петербургѣ, немногіе поэты знаютъ.

— Я хотя знаю, вмѣшался Минаевъ, но прочитать—не прочитаю.

— Но вы, Минаевъ, извѣстно, съострилъ добродушно «Отче Николае», пишете много, а читаете мало и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: ну-съ, поэтъ Мартьяновъ, теперь прочитайте намъ что-нибудь изъ своихъ произведеній.

— Извините, Николай Степановичъ, отвѣчалъ я, разводя руками, своего-то я ничего не читаю.

— Это отчего?

— Право, не знаю отчего, только когда начинаю читать — путаюсь.

— Это не резонъ, надо постараться выучить двѣ-три вещи наизусть, васъ здѣсь будутъ просить читать, тѣмъ болѣе, что вы читаете стихи не дурно.

— Ну, что присталъ, кумъ, вмѣшался опять Минаевъ, я тоже не могу своего читать, забываю.

— Вы, Минаевъ, себя съ нимъ не ровняйте, вы — извѣстный

лѣнтяй, отчеканилъ, добродушно улыбаясь, Курочкинъ. А онъ можетъ выучить.

Въ эту минуту отворила дверь кабинета супруга Дмитрія Дмитріевича и хотѣла войти.

— Не ходи! замахалъ руками Минаевъ, кумъ лежитъ въ костюмѣ прародителя и, какъ змій, искушаетъ поэта-солдата.

— Идите обѣдать! разсмѣялась она и притворила дверь.

— Минаевъ подалъ Курочкину бѣлье, туфли, и, при пѣніи стихиръ, облекъ его въ старый клѣтчатый пальмерстонъ. Перешли въ столовую, Минаевъ официально представилъ меня своей супругѣ Екатеринѣ Александровнѣ, и засимъ стали садиться за столъ.

Хозяйка помѣстилась въ верхнемъ концѣ стола, по правую ея руку сѣлъ кумъ, по лѣвую адъютантъ Вороновъ. Меня Минаевъ посадилъ рядомъ съ собою на другомъ концѣ стола.

Передъ нами стоялъ графинчикъ водки, передъ кумомъ нѣсколько бутылокъ разнаго вина, посрединѣ стола красовались вестфальская ветчина, сливочное масло, сыръ рокфоръ, анчоусы, икра и селедка. Хозяйка налила марсалы куму, мы же съ Минаевымъ выпили водки.

— Воронъ, хочешь водки? окрикнулъ адъютанта Минаевъ.

— Ахъ, Митя, развѣ ты не знаешь, что ему нельзя, взглянула строго Екатерина Александровна на мужа, я лучше ему налью вина.

— Воронъ къ ворону летитъ, воронъ ворону кричитъ, продекламировалъ Дмитрій Дмитріевичъ, прожевывая кусокъ селедки, и потянулся къ графину, чтобы налить себѣ и мнѣ еще по рюмкѣ водки.

— Митя, укоризненно обратилась Екатерина Александровна къ мужу, вѣдь тебѣ тоже нельзя пить больше, ты знаешь, докторъ не позволяетъ, не правда-ли, кумъ, вѣдь ему вредно? Пусть нашъ новый другъ, пьетъ, сколько угодно, а ты, Дмитрій, пожалѣй себя.

— Я и то себя жалѣю, матушка, отвѣчалъ Минаевъ, взявшись за рюмку, а потому и хочу выпить. И мы выпили съ нимъ по третьей.

Курочкинъ, между тѣмъ, выпилъ вина, смаковалъ и хвалилъ закуски.

— Гдѣ это вы берете такую чудную икру, обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Это я беру, перебилъ его Минаевъ, а не она, спроси меня, если дѣйствительно хочешь знать гдѣ продается икра? Да перешли-ка сюда ветчину и рокфоръ, мы съ поэтомъ-солдатомъ еще по одной выпьемъ.

— Тебѣ нельзя, Митя, много пить, я уже сказала, загорячилась Екатерина Александровна и, обратясь къ Курочкину, авторитетно добавила, повторите это ему, кумъ, какъ докторъ.

— Поэтъ Минаевъ, сдѣлавъ серьезную мину, сказалъ кумъ, вы не должны пить, если вамъ запрещаетъ ваша супруга: иначе я буду вынужденъ обрушить на васъ всѣ громы и проклятія Ватикана.

— Кто говоритъ, что я не слушаю, что говоритъ мнѣ жена, возвысилъ голосъ поэтъ-сатирикъ, я всегда слушаю... Она говоритъ, что мнѣ вредно много пить, и я много пить не стану, а эту рюмку выпью. Поэтъ-солдатъ, ты тоже выпьешь. И мы чокнулись и выпили.

— Уберите водку со стола, обратилась Екатерина Александровна къ прислугѣ. Водки и закуски были сняты и на столѣ появилась ботвинья съ лососиной и супъ съ кореньями и пирожками. Хозяйка сдѣлала опросъ: кому чего? Курочкинъ взялъ супъ, прочіе всѣ вотировали за ботвинью, и такъ какъ аппетиты у всѣхъ были хорошіе, то тарелки опустѣли моментально. Сдѣлали повтореніе и вторыя тарелки опустѣли.

— Не съѣсть ли намъ, супу, поэтъ-солдатъ, предложилъ Дмитрій Дмитріевичъ. Ты только попробуй. Какіе пирожки печетъ у меня жена — языкъ проглотишь. Но это, я долженъ сказать тебѣ по секрету, она приготовляетъ, когда у насъ обѣдаетъ вотъ этотъ гурманъ, чревоугодникъ, и онъ указалъ глазами на Курочкина, а въ прочіе дни она готовитъ очень ординарный обѣдъ.

— Не правда, не правда, обидѣлась Екатерина Александровна, у насъ всегда обѣдъ хорошій, только онъ ничего не понимаетъ въ кушаньяхъ, ужасно тупой гастрономъ!

Намъ подали супъ съ пирожками и я попробовалъ: пирожки дѣйствительно во рту таяли, и супъ прентаньеръ былъ очень вкусенъ. Я высказалъ это — и Екатерина Александровна была очень довольна.

Подали чиненую рѣпу и спаржу съ сабайономъ. Вкусы опять раздѣлились, но мы съ Минаевымъ опять ѣли то и другое. Минаевъ поперхнулся и потребовалъ вина. Подали мадеру и портвейнъ. Выпили. Подали молодую дичь съ салатомъ. Мнѣнія раздѣлились на счетъ салата. Курочкинъ прочиталъ чуть не цѣлую лекцію о салатѣ: когда, къ чему и какой салатъ надо подавать. Салатъ-кресс, латукъ и цикорій, подали поводъ къ нѣкоторымъ возраженіямъ со стороны хозяйки.

Дмитрій Дмитріевичъ разрѣшилъ ихъ споръ слѣдующимъ экспромтомъ:

Эхъ, кумъ, оставь свои, пожалуйста, салаты,
Попроще пищу поищи,
Вѣдь мы съ тобой литературные солдаты,
И нужны намъ лишь борщъ да щи!

— Не согласенъ! возразилъ Николай Степановичъ. И простую пищу можно совершенствовать правильнымъ сочетаніемъ входящихъ въ нее злаковъ и добавленіемъ въ нее нѣкоторыхъ пряностей, дающихъ злакамъ лучшій вкусъ.

— Ну, замолола мельница! махнулъ рукой Минаевъ, теперь уже не остановишь.

— Вотъ, поэтъ Минаевъ, засуетился Курочкинъ, вы всегда такъ рѣшаете всѣ стоящіе внѣ вашей компетенціи вопросы... Шарахнулъ обухомъ по лбу—и конецъ!.. А слыхали ли вы анекдотъ, какъ поваръ приготовилъ перчатки подъ соусомъ?.. Хотите я вамъ сдѣлаю нѣчто подобное.

— Никто не отвергаетъ, кумъ, улыбнулся Дмитрій Дмитріевичъ, твоихъ кулинарныхъ талантовъ. Но ты мнѣ скажи откровенно: былъ ли ты доволенъ хоть однимъ обѣдомъ въ теченіе всей твоей жизни? А ты ѣдалъ всякіе тонкіе претонкіе деликатесы.

— Ну, какъ сказать, затруднился отвѣтить Николай Степановичъ.

— А мы, вотъ, продолжалъ поражать его поэтъ-сатирикъ, ѣдимъ что придется—и довольны! Вотъ въ чемъ разница, кумъ, по существу въ жизни гурмановъ и негурмановъ. А что теперь, я думаю, можно и закурить? обратился онъ къ женѣ.

— Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь, разрѣшила любезно хозяйка, курите. Я сама курю.

Вороновъ сходилъ въ кабинетъ, принесъ спгары и папиросы и зажегъ спичку, заструился легкій синій дымокъ: Курочкинъ закурилъ сигару, прочіе папиросы. Одинъ я сидѣлъ безъ курева.

— А ты, что же, поэтъ-солдатъ, не куришь? обратился ко мнѣ Минаевъ, или тютюну нѣтъ?..

— Я совсѣмъ не курю, отвѣчалъ я.

— Совсѣмъ не куришь? что же ты старовѣръ что ли?

— Да, въ этомъ отношеніи старовѣръ, отвѣчалъ я, по принципу, хотя многіе старовѣры теперь уже курятъ.

Подали вафли съ вареньемъ и земляннику «Викторію» со сливками. Минаевъ съ Курочкинымъ взяли вафли и налили себѣ по стакану краснаго вина. Прочіе ѣли ягоды. Хозяйка предложила наливки, но наливки никто не пожелалъ.

— Поэтъ Мартьяновъ, обратился ко мнѣ Курочкинъ, обѣдъ кончается, прочтите намъ что нибудь изъ вашихъ стихотвореній.

— Николай Степановичъ, я уже сказалъ вамъ, отвѣчалъ я конфузливо, что ничего не помню.

— Не можетъ быть, настаивалъ онъ, вы такъ много знаете наизусть другихъ поэтовъ.

— Я привезъ съ собою тетрадь стихотвореній, чтобы напечатать книжку, сдѣлалъ я послѣднюю попытку уклониться отъ чтенія, если позволите, я привезу ее, и прочитаю вамъ не одно, — десять стихотвореній.

— Все это прекрасно, мы объ этомъ потолкуемъ послѣ, а теперь прочитайте намъ что нибудь, приставалъ Курочкинъ неотступно.

— Что нибудь!.. Хорошо, извольте... Я вамъ прочту, но только самую малюсенькую вещичку.

— Ну, что жъ, прочитайте малюсенькую, и за то спасибо скажемъ, улыбнулся самодовольно Курочкинъ.

— Встань, поэтъ-солдатъ, тронулъ меня за руку Минаевъ, и прочти съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой...

Я всталъ и прочелъ: «Жизнь солдатская».

Плацъ-парады, да ученья
Служба, караулъ,
Маршировка, захожденья,
Строгій артикулъ,
Лагерь, каша, стирка, сказка,
Вытяжка и фронтъ,
Чтенье азбукъ, пѣсня, пляска,
Обуви ремонтъ,
Отъ носка и до походки—
Выправка съ утра,
Розги, палки, чарка водки—
И ура, ура!..

— Браво, браво! поэтъ-солдатъ, захлопалъ Дмитрій Дмитріевичъ, тутъ есть мысль и форма, подражательная, но форма.

— «И ура, ура!», смѣялся добродушно Курочкинъ, это— очень

недурно... Благодарю васъ, поэтъ Мартьяновъ, теперь вотъ мы поговоримъ пожалуй и о вашей тетради.

— Господа, кто хочетъ чаю, кто кофе, перебила хозяйка, и гдѣ вы будете пить: здѣсь, или въ кабинетѣ?

— Конечно, въ кабинетѣ, сказалъ, вставая, хозяинъ, да лучше бы подогрѣть и подать туда самоварчикъ. Воронъ, распорядись-ко!

— Митя, съ этихъ поръ самоваръ — къ чему это! Вѣдь ты ляжешь отдохнуть, протестовала хозяйка.

— Ничего, я его прикрою тогда, а теперь пока посидимъ. Ты, кумъ, ночуешь у насъ.

— Нѣтъ, я поѣду домой, благо жара спала.

И мы, поблагодаривъ хозяйку, перекочевали въ кабинетъ. Екатерина Александровна отправилась въ дѣтскую.

Вороновъ схлопоталъ самоваръ. За чаемъ Курочкинъ завелъ рѣчь о моей тетради и, съ общаго согласія, порѣшили устроить чтеніе. Я заявилъ, что скоро будетъ день моего рожденія и что мнѣ было бы пріятно провести его вмѣстѣ съ ними, гдѣ нибудь пообѣдать, а послѣ обѣда заняться тетрадью.

— Хорошо, сказалъ Минаевъ, въ первый редакціонный день «Искры», я познакомлю тебя съ Васпліемъ Степановичемъ Курочкинымъ, и тогда мы рѣшимъ, гдѣ и когда устроить обѣдъ и чтеніе.

«Кумъ» нашелъ это вполнѣ основательнымъ и прибавилъ, что можетъ быть поэтъ Мартьяновъ захочетъ пригласить къ обѣду и еще кого-нибудь изъ сотрудниковъ «Искры».

— Почему и не такъ? отозвался я весело, но это будетъ зависѣть, конечно, отъ вашихъ указаній, господа.

— Ну, тамъ увидимъ, рѣшилъ Минаевъ, и мы, т.-е. я и Курочкинъ, напившись чаю, стали собираться по домамъ. Сказали хозяйкѣ, пришла Екатерина Александровна, мы попрощались съ ней и отправились. Минаевъ, какъ ни просила его жена остаться дома, увязался проводить кума, который жилъ тогда гдѣ-то въ деревнѣ за Лѣснымъ, и уѣхалъ съ нимъ.

Садясь въ нанятую у чухонца каравашку, Дмитрій Дмитріевичъ предлагалъ и мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ ними, говоря:

Поэтъ-солдатъ, поѣдемъ вмѣстѣ къ куму,
И тамъ, вдали отъ городского шуму,
Подъ сельскимъ кровомъ ночку проведемъ:
У кума есть вино, коньякъ и ромъ!

Но я поблагодарилъ его отъ души и вернулся въ городъ.

III.

Хлопоты въ цензурѣ. — Д. Д. Минаевъ и редакція «Искры». — В. С. Курочкинъ. — М. М. Стопановскій. — В. П. Буренинъ. — Студенты. — Н. С. Курочкинъ.—П. И. Пашино.—П. И. Вейнбергъ.—Важный господинъ.—Аудіенція кончена.

Прошло недѣли двѣ слишкомъ, Минаевъ не показывался, я уже думалъ, что онъ забылъ обо мнѣ, о моей тетради и предположенномъ чтеніи, и, конечно, не могъ не волноваться. Между тѣмъ одинъ мой пріятель Порфирій Аспгкритовичъ Климовъ, служившій при статсъ-секретарѣ Бутковѣ, предложилъ мнѣ издать книжку моихъ стихотвореній на свой счетъ. Я согласился на это охотно, такъ какъ мнѣ нельзя было долго заспживаться въ Петербургѣ, отдалъ тетрадь переписать и представилъ ее въ цензуру. Это было какъ разъ въ послѣдніе мѣсяцы существованія прежней предварительной Николаевской цензуры, сосредоточенной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и имѣвшей, кромѣ того, чуть не отъ каждаго вѣдомства особенныхъ спеціальныхъ цензоровъ. Моя тетрадь поступила на просмотръ цензора общей цензуры г. Веселаго и военнаго цензора генерала Штюрмера, и, конечно, подверглась двойственному бичеванію: то, что пропускалъ одинъ цензоръ, вымарывалъ другой, и наоборотъ. Такимъ образомъ вся рукопись оказалась испещренной красными крестами и только двѣ - три пьесы остались нетронутыми. Понятно, меня это очень огорчило и, вотъ, когда я сидѣлъ надъ тетрадью и думалъ: печатать ли это бѣдное искалѣченное дѣтище, или же отложить до будущаго года, когда войдетъ въ силу только что утвержденный тогда новый цензурный уставъ, въ передней раздался звонокъ—и предо мной предсталъ Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ну, вотъ и я, воскликнулъ онъ, здороваясь весело и добродушно, ты, чай, поэтъ-солдатъ, меня бранилъ уже, что я до сихъ поръ не былъ у тебя.

— Бранить—не бранилъ, Дмитрій Дмитріевичъ, но подивиться—подивился.

— Будь философомъ, другъ, на все смотри въ оба и ничему не удивляйся. Иначе всю жизнь придется истратить на одно удивленіе.

Увидавъ мою тетрадь, испещренную красными крестами онъ спросилъ меня: а это что такое?

Я разсказалъ ему исторію похожденія тетради и пожаловался на цензуру. Онъ усмѣхнулся и съ пафосомъ продекламировалъ:

На нашу мудрую цензуру
Напрасно сердишься ты сдуру:
Между товарищей, какъ воинъ,
Ты отличаешься стихами,
И награжденія достоинъ
За то цензурными крестами.

Бросивъ на стулъ бывшее у него на рукѣ пальто, шляпу и палку, Минаевъ сѣлъ за столъ, и сталъ перелистывать тетрадь. Откинувъ нѣсколько страницъ, онъ покачалъ головою и продекламировалъ нараспѣвъ.

Въ неправославьи цензоровъ
Неупрекнешь, конечно, ты.
Надъ массой бусурманскихъ строфъ
У нихъ поставлены кресты.

— Вы, какъ поэтъ, должны были бы посочувствовать искалѣченной музѣ, «кастрированному вдохновенію», отвѣтилъ я ему, обидѣвшись его веселостью, а вы смѣетесь.

Онъ бросилъ тетрадь, прошелся раза два взадъ и впередъ по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу и съ нѣкоторою пріостановкою, отчеканилъ:

Подъ этимъ небомъ, вѣчно сѣрымъ,
Съ мигренью вѣчной въ головѣ,
Межъ халуемъ и камергеромъ
Жить могутъ только на Невѣ:
Банкиръ, чиновникъ, пролетарій,
Дуракъ, паяцъ, но не поэтъ,—
Въ тѣни казармъ и канцелярій
Для вдохновенья мѣста нѣтъ...

А злиться на все и вся—глупо, братъ, добавилъ онъ наставительно, лучше смѣйся; смѣхъ по крайней мѣрѣ парализуетъ чувство досады.

— Все это хорошо въ теоріи, замѣтилъ я, продолжая досадовать, не всякій можетъ смѣяться.

— Да и къ чему ты задумалъ теперь печатать, резонировалъ поэтъ-сатирикъ, подожди до новаго года, выйдутъ новыя правила, и тогда напечатаешь безъ предварительной цензуры.

— Хорошо вамъ, свободнымъ людямъ, говорить: подожди! возразилъ я ему обидчиво, я первый разъ освободился на четыре мѣсяца, пройдутъ они и я долженъ вернуться въ полкъ, и когда опять буду въ отпуску — Богъ знаетъ. Поэтому поневолѣ приходится печатать, а если отложить, то придется можетъ быть отложить не до будущаго года, а на нѣсколько лѣтъ.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь, отвѣтилъ на это Минаевъ, закуривая папиросу, а теперь, если хочешь познакомиться съ Васильемъ Курочкинымъ, поѣдемъ, нынче мы его можемъ видѣть въ редакціи.

— Поѣдемъ! воскликнулъ я, обрадовавшись, и сталъ одѣваться. Сборы были, конечно, недолги, такъ что минутъ черезъ десять мы появились въ редакціи «Искры», помѣщавшейся тогда на Невскомъ, близъ Владимірской улицы. Въ первой, довольно большой, но не богато меблированной комнатѣ, выходившей окнами на Невской, нашли Василія Степановича Курочкина, горячо бесѣдовавшаго съ какимъ-то высокимъ, желтымъ и худымъ, господиномъ, съ небольшой бородкой и бурсацкими манерами, одѣтымъ въ недорогую пиджачную пару и выростковые нечищенные сапоги.

— Поэтъ-солдатъ! редакторъ «Искры»! представилъ насъ другъ другу Дмитрій Дмитріевичъ и отошелъ въ сторону съ господиномъ, бесѣдовавшимъ до этого съ Курочкинымъ.

— Я слышалъ о васъ, мнѣ говорилъ братъ Николай, опривѣтствовалъ меня Василій Степановичъ, радушно пожимая руку, я очень радъ познакомиться съ вами. Долго ли вы пробудете здѣсь!

— Я ѣду въ Москву, но до отъѣзда, думаю недѣли двѣ-три, а можетъ быть и мѣсяцъ пробыть здѣсь.

— Ну, и отлично. Сегодня у меня редакціонный день и я занятъ пріемомъ. Если можете подождать, подождите конца пріема, тогда мы съ вами кой о чемъ потолкуемъ.

— Я пріѣхалъ съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, и если онъ не уйдетъ, то и я останусь. Въ противномъ случаѣ мы зайдемъ послѣ.

— Такъ переговорите съ нимъ, а я пока займусь дѣлами и Василій Степановичъ вышелъ въ другую комнату съ желтымъ господиномъ.

Я передалъ Минаеву разговоръ съ Курочкинымъ и спросилъ его: скоро онъ окончитъ дѣла свои?

— А вотъ увидимъ, отвѣчалъ онъ уклончиво, мнѣ нужно побесѣдовать съ редакторомъ. Подожди, все равно тебѣ спѣшить некуда!

— Кто этотъ господинъ, который бесѣдовалъ съ тобой?

— Это... это... это... братецъ... какъ будто затрудняясь отвѣтить, растягивалъ слова Минаевъ:

Стопановскій Михаилъ,
Пишетъ на «затычку»
И «беззубый крокодилъ»
Здѣсь имѣетъ кличку.

Вошелъ молодой человѣкъ средняго роста, съ небольшой рыжеватой бородкой и зоркими проницательными глазами, въ очкахъ, одѣтый весьма щеголевато.

— А! любезный Монументовъ, встрѣтилъ его въ пріемной Василій Степановичъ, и пожимая руку съ особенной любезностью, спросилъ его, много вы сорудили монументовъ?

— Не угодно-ли взглянуть, отвѣчалъ молодой человѣкъ, улыбаясь, и подалъ нѣсколько листковъ бумаги.

Мы съ Минаевымъ стояли у окна, я спросилъ его: кто это? Дмитрій Дмитріевичъ усиленно пыхнулъ раза три папиросой, поправилъ очки и, наклонясь ко мнѣ, отвѣтилъ тихо:

Пѣсельникъ нашъ и плясунъ Монументовъ,
Викторъ Петровичъ, извѣстный,
Въ шапкѣ фригійской канканъ для студентовъ
Пляшетъ у насъ онъ прелестно.

Курочкинъ, между тѣмъ, пробѣжавъ листки, посмотрѣлъ внимательно на автора и сказалъ: хорошо, но мало! А еще ничего нѣтъ у васъ, Монументовъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ какъ-то застѣнчиво молодой человѣкъ.

— Лѣниться стали?.. или жара мѣшаетъ?.. вы бы брали примѣръ съ Минаева: онъ, кажется, и во время землетрясенія можетъ стихи скандировать.

Минаевъ подошелъ къ нимъ и подтянулъ меня. Поздоровавшись съ молодымъ человѣкомъ, онъ назвалъ его Буренинымъ, и познакомилъ его со мною. Викторъ Петровичъ внимательно посмотрѣлъ

на меня, и подарив нѣсколькими общепринятыми вѣжливыми фразами, оговорился недосугомъ и сталъ прощаться.

Два-три слова, два-три рукопажатія—и онъ улетучился.

Курочкинъ опять занялся бесѣдой со Стопановскимъ. Изъ пріемной между тѣмъ появилось нѣсколько студентовъ и стриженныхъ дѣвицъ съ книжками и въ очкахъ, они окружили редактора и стали тормошить его различными вопросами, на которые Василій Степановичъ отвѣчалъ любезно, но съ лаконизмомъ дельфійскаго оракула.

Явился Николай Степановичъ Курочкинъ. Подойдя ко мнѣ онъ сказалъ вполголоса: о вашемъ приглашеніи я поговорю съ братомъ, и какъ мы рѣшимъ—я вамъ сообщу, и затѣмъ вмѣшался въ кучку молодежи.

Минаевъ подвелъ ко мнѣ Стопановскаго и познакомилъ его со мною. При этомъ многозначительно подмигнувъ, онъ сказаль, что Михаилъ Михаиловичъ состоитъ хроникеромъ и публицистомъ «Искры», а такъ какъ въ этихъ отдѣлахъ высказывается professions de foi редакціи, то по поводу различныхъ случаевъ провинціальной жизни у него съ редакторомъ всегда возникаютъ дебаты. Вотъ и теперь они не могутъ придти къ соглашенію по одному, весьма серьезному вопросу. Слово за слово, мы разговорились, Стопановскій оказался человѣкомъ очень серьезнымъ и дѣльнымъ, такъ что разговоръ нашъ кончился обмѣномъ визитныхъ карточекъ и обѣщаньемъ повидаться.

Между тѣмъ въ редакцію пришло еще нѣсколько посѣтителей, двѣ дѣвицы и три медика. Дебаты еще болѣе оживились. Ораторствовалъ Николай Степановичъ на тему о воспитаніи дѣтей. Минаевъ подходилъ, округлялъ рѣчь «кума» крылатыми афоризмами и тенденціозными бомо, (тогда писатели заискивали въ молодежи) и отходилъ прочь.

Явился какой-то солидный господинъ и прослѣдовалъ съ редакторомъ во внутренніе аппартаменты. Молодежь отлынула. Въ пріемной показался черный, съ большой лысиной, серьезный и строгій на видъ господинъ среднихъ лѣтъ, въ сюртукѣ и перчаткахъ. Увидя Николая Степановича, онъ подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ громко.

— Кто это? спросилъ я Минаева. Онъ взялъ меня подъ руку, отвелъ къ окну и сказалъ:

Это—«Гейне изъ Тамбова»,
Вейнбергъ Пьеръ,

Безъ ключа всѣхъ музъ изъ Шклова—
Камергеръ.

Я разсмѣялся. Дмитрій Дмитріевичъ потянулъ меня и представилъ Вейнбергу. Онъ покровительственно удостоилъ меня пожатія руки, освѣдомился о моей службѣ, положеніи и знакомствахъ въ Петербургѣ. Затѣмъ занялся своимъ дѣломъ, повидался съ редакторомъ и скоро ушелъ.

Минутъ пять спустя, вошли два господина, прилично одѣтые и обратились къ Николаю Степановичу съ жалобой, что въ «Искрѣ» ихъ пропечатали. Начались объясненія. Вышелъ редакторъ и порѣшилъ споръ двумя словами: обижаетесь—жалуйтесь!

Затѣмъ вбѣжалъ или, лучше сказать, спѣшно подковылялъ къ намъ не то въ чуйкѣ, не то въ длинномъ пальто, хромой, чернобородый въ золотыхъ очкахъ и съ толстой палкою въ рукѣ, весьма подвижный и юркій мужчина среднихъ лѣтъ. Онъ подлетѣлъ прямо къ Минаеву и началъ трясти его за руку. Дмитрій Дмитріевичъ посмотрѣлъ на него свысока и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

Рекомендую! Петръ Иванычъ Пашино!
Пришелъ изъ Персіи недавно съ посошкомъ,
И травитъ въ «Голосѣ»—тамъ такъ заведено,—
Въ статейкахъ здравый смыслъ персидскимъ порошкомъ.

— Да полно вамъ, Дмитрій Дмитріевичъ, залебезилъ вокругъ него мужчина, вы все прохаживаетесь на мой счетъ.

Минаевъ, между тѣмъ, улыбнулся своей змѣиной улыбкой и громко на всю редакцію провозгласилъ.

Вся пресса стала такъ безвкусна,
Что въ ней есть мѣсто Пашино:
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно.

Всѣ засмѣялись. Стопановскій подошелъ къ намъ, взялъ Пашино подъ руку и отвелъ въ сторону. Ко мнѣ подошелъ Николай Степановичъ и заявилъ, что, братъ, т. е. Василій Степановичъ, извиняется, что не можетъ нынче побесѣдовать со мною, такъ какъ у него сидитъ одинъ важный чиновникъ, съ которымъ онъ долженъ сейчасъ уѣхать по дѣлу. Впрочемъ, я уже сказалъ вамъ, добавилъ

отъ себя «кумъ», что увѣдомлю васъ, какъ мы рѣшимъ, значитъ поѣзжайте домой и ждите. Я поблагодарилъ его и сталъ со всѣми прощаться. Минаеву нужно было взять у Курочкина денегъ, и онъ остался въ редакціи, сказавъ, что зайдетъ ко мнѣ, если останется въ городѣ. Я вышелъ изъ редакціи съ Стопановскимъ, который спускаясь съ лѣстницы, отозвался о Минаевѣ такъ: «да, онъ очень уменъ и талантливъ, но какъ папенькинъ сынокъ, незнающій цѣны полученному имъ богатству, тратитъ оное непроизводительно и глупо».

Вечеромъ, однакожъ, Минаевъ у меня не былъ. Получивъ отъ Курочкина деньги, онъ, по обыкновенію, завихрился, завѣялся въ городѣ и только на третій день возвратился домой, гдѣ своей благовѣрной супругой и былъ наказанъ домашнимъ арестомъ.

III.

Обѣдъ у Донона. — Н. С. Курочкинъ. — М. М. Стопановскій. — Н. И. Кроль.—А. П. Швабе.—П. А. Климовъ. — П. И. Пашино. — Д. Д. Минаевъ.—В. С. Курочкинъ.—Бесѣда, рѣчи и экспромты.

Задуманный мною обѣдъ, послѣ котораго должно было произойти чтеніе моей тетради стиховъ, подъ разными предлогами затягивалось, и только благодаря настойчивости и усиліямъ Николая Степановича Курочкина, онъ состоялся въ концѣ іюля у Донона. Столъ былъ накрытъ, по числу сдѣланныхъ приглашеній, на 12 персонъ, но обѣдали только 9-ть, трое изъ числа приглашенныхъ къ обѣду литераторовъ не пожаловали. Денегъ я не жалѣлъ, тѣмъ болѣе, что хозяиномъ-распорядителемъ по моей просьбѣ согласился быть «отче Николае», который, желая поддержать со славою званіе гастронома, прекрасно составилъ меню обѣда и провелъ его замѣчательно искусно.

«Чертогъ сіялъ», какъ говорилось въ одной старинной новеллѣ, когда стали собираться гости. Первымъ пріѣхалъ распорядитель Николай Степановичъ Курочкинъ и занялся сооруженіемъ главнѣйшей и наиболѣе важнѣйшей части обѣда, а именно «фундаментальной», по его выраженію, закуски, а затѣмъ обратилъ вниманіе на декоративную обстановку обѣденнаго стола. За нимъ скромно подошелъ Михаилъ Михаиловичъ Стопановскій, пока мы здоровались и обмѣнивались обычными привѣтствіями, подкатилъ Дмитрій Дмитріевичъ

Минаевъ и шумно прошолъ въ столовую. Онъ осмотрѣлъ приготовленную закуску и поцѣловалъ кума «въ лысину». «Твое истинное призваніе, кумъ, засмѣялся онъ, быть метрдотелемъ, а не литераторомъ. Я бы тебѣ совѣтовалъ открыть ресторанъ, гдѣ ты можешь добиться бо̀льшей славы, чѣмъ въ нашей сакраментальной прессѣ».

— Оставьте, пожалуйста, поэтъ Минаевъ, меня въ покоѣ, оборвалъ его Курочкинъ, вы видите, что я занятъ важными соображеніями, какъ бы накормить васъ получше... и переведя свой взглядъ на меня, спросилъ: скажите мнѣ поэтъ, Мартьяновъ, что такое слава? вотъ кумъ сейчасъ упомянулъ о славѣ.

— Что слава? Яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца, отвѣчалъ я авторитетно.

— Да-съ, это сказалъ А. С. Пушкинъ, пыталъ меня Николай Степановичъ, но по вашему что такое слава?

— Вы что же хотите, Николай Степановичъ, отозвался я съ нѣкоторой тревогой, чтобы я говорилъ такіе же экспромты, какъ Дмитрій Дмитріевичъ, но я долженъ васъ предупредить, что вы жестоко ошибаетесь, я вообще экспромтовъ не говорю.

— Ну, подумайте и скажите что-нибудь, не отставалъ отъ меня «кумъ». Минаевъ, дымившій въ это время усиленно папиросой, подошолъ ко мнѣ и, хлопнувъ меня по плечу, сказалъ: ну, что-жъ ты задумался, не робѣй!

Скажи, поэтъ-солдатъ,
Что слава... ну, хоть—кладъ,
Полковницкій окладъ,
Иль интендантскій складъ,
И что поэтъ-солдатъ
Подобной славѣ—радъ.

— Ну, вотъ, обратился я къ Курочкину, Дмитрій Дмитріевичъ былъ такъ любезенъ, что отвѣтилъ вамъ за меня.

— Нѣтъ, не отвиливайте, поэтъ Мартьяновъ, настаивалъ Курочкинъ, неугодно ли вамъ сказать намъ свое что-нибудь.

— Да говори же, приставалъ и Минаевъ, ну, говори за мной...

— Отстаньте, Дмитрій Дмитріевичъ, я обратился къ нему съ досадой и, подумавъ немного, сказалъ:

Что слава? Это—фиміамъ,
Благоуханный, нѣжный, сладкій,
Людьми преподносимый вамъ,
Поэтъ-сатирикъ галкій.

— Браво! захлопалъ въ ладони Курочкинъ, что, кумъ, нарѣзался?...

— Молодецъ, поэтъ-солдатъ, раскатился громкимъ смѣхомъ Минаевъ, благодарю, не ожидалъ!.. да ты не безъ зубовъ, волкъ армейскій!

Въ это время вошли одинъ за другимъ поэтъ Николай Ивановичъ Кроль и академикъ Александръ Петровичъ Швабе. Не успѣли мы обмѣняться рукопожатіями, подковылялъ Петръ Ивановичъ Пашино. За нимъ пріѣхалъ мой старый другъ-пріятель, статскій совѣтникъ Порфирій Ассигкритовичъ Климовъ, будущій издатель моихъ стиховъ, и, наконецъ, часамъ къ 6-ти пожаловалъ и Василій Степановичъ Курочкинъ.

— Вы знаете, Петръ Косьмичъ, обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, братъ мой, надѣюсь, говорилъ вамъ, на какихъ условіяхъ я согласился быть на вашемъ обѣдѣ. Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю: вы и всѣ участвующіе должны провести со мною вечеръ у Излера. Кутежъ, конечно, на мой счетъ. Редакторъ «Искры» желаетъ достойнымъ образомъ отплатить вамъ за ваше радушное гостепріимство.

— Я подчиняюсь вашему условію, отвѣчалъ я съ поклономъ, но присутствующіе пусть отвѣтятъ за себя.

Два-три голоса поддержали мой отвѣтъ, и почтенное собраніе перешло въ столовую.

— Что же, не всѣ еще собрались? спросилъ Василій Степановичъ своего брата, и, посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: а вѣдь пора, ѣсть хочется, не приступить ли намъ, господа, къ дѣлу; вѣдь, семеро одного не ждутъ, а больше одного мы пожалуй и недождемся.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать, провозгласилъ авторитетно Минаевъ, мы можемъ пока выпить водки, а тамъ увидимъ.

— Я ничего не имѣю противъ, улыбнулся распорядитель обѣда, и гости столпились у стола съ закусками.

Нѣсколько минутъ продолжалось абсолютное молчаніе. Только наливали, чокались рюмками, выпивали, набирали себѣ на тарелочки кому что нравилось изъ закусокъ и прожевывали.

Поэтъ Кроль, наливая себѣ вторую рюмку рябиновки, воскликнулъ:

Люблю въ іюльскую жару
Я при рябиновкѣ икру,
А осенью при водкѣ
Съ меня довольно и селедки.

Минаевъ не выдержалъ, и быстро повернувшись къ говорившему, перебилъ его:

Мы больше знаемъ, Кроль, ты пьешь зимою водку,
Закусываешь кислымъ огурцомъ,
Веспой же безъ закуски водку плещешь въ глотку.
И обтираешь губы языкомъ...

Кроль опрокинулъ залпомъ налитую рюмку рябиновки, погладилъ бороду, какъ-то ухарски порснулъ и, вонзившись въ противника воспаленными очами, бойко проговорилъ:

Я могъ бы вамъ отвѣтить хорошо, Минаевъ,
Но это непріятно было-бъ для хозяевъ,
А потому, понять извольте, умолкаю,
Попробовать Алляшъ предпочитаю.

Дмитрій Дмитріевичъ вспыхнулъ, уголки рта его задергались и онъ готовъ былъ обрушиться всей силой своего сарказма на потянувшагося къ Алляшу поэта, но «отче Николае» бодрствовалъ: онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «оставь, кумъ, ты можешь состяться съ Кролемъ послѣ, а теперь сдѣлай-ка вотъ честь бѣлой померанцевой, прелесть, а не водка».

И Минаевъ потянулся къ бѣлой померанцевой. По предложенію П. А. Климова, всѣ выпили померанцевой въ круговую и, не закусывая, повторили кому чѣмъ нравилось. Потянулись къ свѣжей икрѣ, истребили, потребовали еще тарелку икры, и по этому поводу выпили еще по рюмкѣ джину.

— Недурно! возгласилъ Н. П. Кроль. Такой закуски не пробовалъ и самъ Некрасовъ въ своемъ англійскомъ клубѣ. Тамъ иногда тоже подаютъ со всячинкой.

— Не забудьте, поэтъ Кроль, отозвался на это «отче Николае», что мы находимся у Донона, и что сегодняшнимъ обѣдомъ распоряжается вашъ покорнѣйшій слуга.

— А ты бы, братъ, велѣлъ давать обѣдать, перебилъ его Василій Степановичъ. Ужь если начали ѣсть—такъ будемъ ѣсть!

— Садитесь, господа, за столъ, сейчасъ подаютъ кушанье! захлопоталъ вокругъ стола Николай Степановичъ. Поэтъ Мартьяновъ, вы, какъ амфитріонъ, займите мѣсто во главѣ стола, а я сяду у

противоположнаго конца; господа гости, садитесь тамъ, гдѣ кому угодно.

Рядомъ со мною, съ правой стороны, сѣлъ В. С. Курочкинъ, съ лѣвой П. А. Климовъ. Минаевъ помѣстился рядомъ съ кумомъ съ правой стороны, а съ лѣвой сѣлъ А. П. Швабе, прочіе гости заняли три стула противъ середины стола справа, такъ что рядомъ съ В. С. Курочкинымъ помѣстился Н. И. Кроль, и рядомъ съ Минаевымъ—М. М. Стопановскій, между сими же послѣдними, противъ самой, центральной вазы съ цвѣтами, сѣлъ П. И. Пашино. Стоявшіе же противъ ихъ на лѣвой сторонѣ стола три куверта остались незанятыми. Рукопись моя была положена Н. С. Курочкинымъ возлѣ центральной вазы съ цвѣтами. Компанія садилась шумно. Стопановскій предложилъ снять сюртуки—и предложеніе было принято, всѣ повскакали съ мѣстъ и поспѣшили сбросить съ себя верхнее платье. Я да П. И. Пашино остались только въ сюртукахъ. Послѣдній взялъ мою рукопись и сталъ переворачивать листы. Увидѣвъ цензурныя помарки, онъ вскочилъ со стула и бросился къ В. С. Курочкину.

— Смотрите, Василій Степановичъ, завопилъ онъ, что матушка цензура-то надѣлала съ рукописью Петра Косьмича. Что ни страница, то крестъ или нѣсколько помарокъ!

— Явленіе обыкновенное, мы это видимъ каждый день, отозвался редакторъ «Искры» равнодушно.

— Да вѣдь это — кровь писателя, пролитая во имя какого-то непонятнаго жертвоприношенія Молоху, замѣтилъ я усаживавшемуся на мѣсто редактору. Неужли это не возбуждаетъ въ васъ сочувствія.

— Сочувствіе тутъ не поможетъ, отвѣчалъ внушительно Василій Степановичъ, цензора дѣлаютъ свое дѣло, за которое они получаютъ жалованье, награды и пенсіи... Они исполняютъ то, что имъ велятъ, иначе цензоръ можетъ потерять мѣсто, т.-е. лишиться куска хлѣба.

Минаевъ придвинулся ближе къ столу и, возведя очи къ потолку, громко возгласилъ:

О, всемогущій Іегова!
Ты далъ намъ множество даровъ,
Уничтожая ихъ сурово:
Далъ людямъ мысль при дарѣ слова
И вмѣстѣ съ этимъ—цензоровъ...

Н. П. Кроль не пожелалъ отстать отъ своего антагониста и, погладя бороду и порснувъ по привычкѣ, продекламировалъ:

Еще неопытна, юна
У насъ литература,
А потому ей и нужна,
Какъ нянюшка, цензура.

— Вамъ, Николай Ивановичъ, вѣроятно мало приходится имѣть дѣло съ этой нянюшкой, отозвался Стопановскій, что вы берете ее подъ свое покровительство, а намъ вотъ она гдѣ сидитъ. И онъ показалъ рукой на свой затылокъ.

Минаевъ, между тѣмъ, принявъ отъ лакея тарелку супу, взялъ ножикъ и, стукнувъ имъ два-три раза по тарелкѣ, какъ бы приглашая прислушать, между двумя ложками супу, сказалъ:

Тамъ надъ статьями совершаютъ
Вдвойнѣ цивическій обрядъ:
Ихъ, какъ евреевъ, обрѣзаютъ
И, какъ католиковъ, крестятъ.

— Поэтъ Минаевъ, окрикнулъ на него «отче Николае», вы здѣсь не предсѣдатель, и потому не имѣете права стучать ножомъ о тарелку, перебивать разговоръ и говорить что вамъ вздумается. Это право принадлежитъ мнѣ, какъ спикеру, т. е. распорядителю нынѣшняго обѣда. Примите это къ свѣдѣнію. Да и къ чему всѣ эти разсужденія о цензурѣ, неужели у насъ нѣтъ другого, болѣе живаго предмета для разговора.

— У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, ни къ кому не обращая рѣчи, вздохнулъ Стопановскій.

— А ты бы, кумъ, лучше сдѣлалъ, засмѣялся Минаевъ, если бы, вмѣсто нотаціи, угостилъ насъ виномъ.

Николай Степановичъ мигнулъ старшему офиціанту, и лакеи наполнили наши рюмки виномъ.

Замѣчаніе Николая Степановича не прошло безслѣдно: начались кружковые разговоры. Первый началъ А. П. Швабе. Онъ сталъ разсказывать своему сосѣду П. И. Пашино, какъ отлично устраиваетъ его пріятель въ Тиволи крестьянскія скачки и бѣгъ въ мѣшкахъ. Въ послѣднее воскресенье, онъ заявилъ съ увлеченіемъ, пер-

вый призъ, часы, на скачкахъ взялъ крестьянскій мальчикъ Степановъ, 15 лѣтъ, а на бѣгахъ въ мѣшкахъ—дѣвочка 13 лѣтъ.

— Я былъ на скачкахъ, вмѣшался въ разговоръ Н. И. Кроль, съ графомъ Кушелевымъ, у котораго я съ Благосвѣтловымъ и нѣкоторыми сотрудниками «Русскаго Слова» тогда обѣдалъ. Графъ подарилъ мальчику Степанову сто рублей.

Н. С. Курочкинъ съ Стопановскимъ вели бесѣду о вышедшихъ пятыхъ книжкахъ «Современника» и «Русскаго Слова», гдѣ были помѣщены въ первой: «Трудное время» Слѣпцова и 5 пѣсенъ «Донъ-Жуана» въ переводѣ Минаева, а во второй: «Разрушеніе эстетики» Писарева. Изрѣдка вставлялъ свое слово Минаевъ, но разговоръ литературный какъ-то не клеился, такъ что переходъ отъ него къ ацтекамъ Массимо и Бартоло, этимъ маленькимъ принцамъ оливковаго цвѣта съ черными вьющимися волосами и бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, открытымъ въ храмѣ города Иксимая въ Средней Америкѣ и привезенныхъ къ намъ, какъ рѣдкость, мнѣ показался вполнѣ естественнымъ.

П. П. Пашино пытался было втянуть В. С. Курочкина и П. А. Климова въ политику, онъ заговаривалъ и о пріѣздѣ Абдель-Кадера въ Парижъ, и о побѣдахъ Хуареса въ Мексикѣ, и о министерствѣ О'Доннеля въ Испаніи, и о воззваніи Пальмерстона къ избирателямъ, но получая отъ нихъ въ отвѣтъ только краткія реплики, вродѣ: «да, да» или «о, конечно, конечно», долженъ былъ сойти на почву Шато-де-Флера, гдѣ отличались въ канканѣ, полькѣ Шотишъ, Фрискѣ и Лисбонкѣ, наши доморощенные Шикары—Ивановъ и Фокинъ съ Лаурой Блаватской и королевой Помаре. Разговоръ на эту тему скоро обобщился, и Н. И. Кроль явился неистощимымъ разсказчикомъ самыхъ пикантныхъ новостей. Всѣ смѣялись, и только В. С. Курочкинъ велъ вполголоса серьезный разговоръ съ П. А. Климовымъ объ ожидавшемся тогда новомъ положеніи о свободной печати.

— Вѣрите ли, горячо ратовалъ редакторъ «Искры» мы ждемъ-недождемся тѣхъ дней, когда мы будемъ имѣть возможность говорить что мы думаемъ открыто и прямо.

— Не увлекайтесь, Василій Степановичъ, охлаждалъ его П. А. Климовъ, вѣдь цензура не упраздняется, она будетъ существовать какъ и теперь. Абсолютной свободы слова вы не получите, и если не будете чувствовать предварительной цензуры, то узнаете карательную, а это стоитъ одно другого.

— Ну, что вы говорите, вставилъ свое замѣчаніе Н. П. Кроль, вся Европа отринула предварительную цензуру и печать вполнѣ свободна при карательной.

— Не смѣю спорить, возразилъ П. А. Климовъ, вамъ, можетъ быть, лучше извѣстно. Но я думаю, что все будетъ зависѣть отъ людей, которымъ дѣла печати будутъ ввѣрены.

— Ну, вотъ видишь, Николай Ивановичъ, замѣтилъ, въ свою очередь, Василій Степановичъ, ты вѣчно носишься съ Европою и, вмѣсто того, чтобы выслушать, что будетъ говорить компетентное лицо,—вѣдь Порфирій Ассигкритовичъ причисленъ къ канцеляріи Совѣта и знаетъ больше, чѣмъ мы съ тобой,—ты вступаешь въ безполезные дебаты. И онъ началъ разспрашивать П. А. Климова объ условіяхъ, при которыхъ должна быть введена реформа по дѣламъ печати.

Поданное тюрбо обратило всеобщее вниманіе. Одни восторгались самой рыбой, другіе соусомъ. Одинъ М. М. Стопановскій находилъ, что наша русская рыба несравненно вкуснѣе и удивлялся нашему глупому пристрастію ко всему иностранному. Ему оппонировалъ «отче Николае», сославшись въ данномъ случаѣ на авторитетъ Н. А. Некрасова, котораго вкусъ и гастрономическія познанія высоко цѣнилъ Михаилъ Михайловичъ. Тюрбо смѣнилъ страсбургскій паштетъ, приготовленный по какому-то особому способу. Паштетъ смѣнили артишоки.

— Э, эхъ, артишоки! какъ-то съежившись, замѣтилъ недовольно Н. П. Кроль, ужасно я ихъ не люблю, въ нихъ ѣсть нечего. Когда я обѣдаю у графа Кушелева (сестра его была за графомъ), мнѣ вмѣсто артишоковъ всегда подаютъ спаржу съ сабайономъ.

— Хотите спаржи, Николай Ивановичъ, спросилъ его обязательно Николай Степановичъ Курочкинъ, есть спаржа. Послушайте, обратился онъ къ лакею, подайте спаржи.

Минаевъ не выдержалъ и ѣдко замѣтилъ:

Кроль не любитъ артишоки:
Нечего вишь кушать!
Это только экивоки,
Нужно ли ихъ слушать?

Кроль насупился, погладилъ раза два-три свою бороду и нервно отозвался:

Не остриte, Дмитрій Дмитричь!
Я, вѣдь, тожъ могу васъ выстричь.

— Ну, гдѣ тебѣ меня выстричь! вспылилъ поэтъ-сатирикъ и, повернувшись въ сторону Кроля, хотѣлъ-было пустить въ дѣло всю свою тяжелую артиллерію, но былъ остановленъ спикеромъ обѣда.

— Поэтъ Минаевъ, сказалъ онъ ему серьезнымъ тономъ, блюдо элоквенціи назначено у насъ послѣднимъ, не нарушайте, пожалуйста, программы.

— Ну, такъ дайте хоть вина, горячился Дмитрій Дмитріевичъ, мнѣ нужно залить жажду возмездія.

Лакеи подали вино и наполнили стаканы.

Между тѣмъ П. И. Пашино разсказывалъ А. П. Швабе и М. М. Стопановскому, что артишоки первый разъ появились на столѣ персидскаго шаха и оттуда уже проникли въ Европу.

— Виноватъ, что я перебью васъ, любезный оріенталистъ, вмѣшался въ его разсказъ Н. С. Курочкинъ. Это было какъ разъ наоборотъ, и онъ прочиталъ почти цѣлую лекцію объ открытіи артишоковъ и ихъ появленіи въ Европѣ.

— Послѣ артишоковъ не худо бы покурить! возбудилъ вопросъ М. М. Стопановскій.

— Это зависитъ отъ собранія, улыбнулся спикеръ и, постучавъ ножомъ о тарелку, громко спросилъ: господа, ставлю на ваше разрѣшеніе вопросъ: можно ли начать курить? ударъ ножомъ по тарелкѣ означаетъ согласіе.

Послышался ударъ, два, три и до пяти.

— Вопросъ разрѣшенъ за, проговорилъ Николай Степановичъ и приказалъ подать сигары и папиросы.

На столѣ появились пулярдки съ трюфелями и жареные перепела. Различные салаты сопровождали ихъ.

— Да вы насъ и въ самомъ дѣлѣ угощаете по-царски, Петръ Косьмичъ, обратился ко мнѣ покраснѣвшій отъ избытка чувствъ Василій Степановичъ, смотрите, это вамъ даромъ не пройдетъ!

Я отвѣчалъ, что устройствомъ такого прекраснаго обѣда мы обязаны никому иному, какъ только Николаю Степановичу, которому, конечно, и принадлежитъ вся честь и хвала за это. Что же касается меня, то я тутъ не причемъ.

— Мы понимаемъ это все, Петръ Косьмичъ, обратился еще любезнѣе ко мнѣ Василій Степановичъ, но я вамъ повторяю, что это вамъ даромъ не пройдетъ!

Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ только поклониться.

— Въ немъ есть одно несомнѣнное достоинство, сказалъ, указавъ на меня глазами, П. А. Климовъ, онъ скроменъ, какъ дѣвушка, но это́ хорошо въ провинціи, тамъ оно цѣнится, а у насъ, въ Петербургѣ ничего не стоитъ, и многими считается однимъ изъ крупныхъ недостатковъ. Мужчина долженъ быть орелъ!

— Орлы шпрются въ поднебесьи, возразилъ я Климову, а мы влачимъ жизнь на землѣ, значитъ всякому свой удѣлъ. Да и не всѣмъ же быть орлами. Иначе жизнь была бы слишкомъ однообразной и сами же орлы признали бы ее небесной карой...

— Недурно сказано, молодецъ Петръ Косьмичъ, одобрительно кивнулъ головой Василій Степановичъ, шампанскаго! Братъ, вели давать шампанское, кивнулъ онъ головой Николаю Степановичу.

И шампанское запѣнилось.

— Господа, сказалъ я, вставъ со стула и поднимая свой бокалъ, позвольте провозгласить первый тостъ за здравіе вождя русскаго народа, освободителя двадцати милліоновъ крестьянъ, уничтожившаго тѣлесное наказаніе, дающаго новый судъ и свободу нашей матери печати! Ура!

— Ура! ура! ура! повторили троекратно всѣ эти вольномыслящіе люди и крайніе либералы писатели, и повторили сочувственно и громогласно. Вино выпили одушевленно и шумно.

Второй тостъ провозгласилъ П. А. Климовъ: за царицу, наслѣдника и всю августѣйшую царскую семью.

Тоже громогласное ура! покрыло и этотъ тостъ. Бокалы моментально опустѣли.

— Дураки! Подали наперстки! воззрился, покачнувшись, Н. И. Кроль. Мы у графа Кушелева пьемъ здравицы стаканами.

— Подать стаканы! скомандовалъ Николай Степановичъ и искрометная влага закипѣла въ стаканахъ. В. С. Курочкинъ всталъ, чокнулся со мною и сказалъ:

Позвольте, Петръ Косьмичъ,
Сказать, хотя не спичъ,
Но пару словъ въ честь вашу:
За вашу доброту,
Радушье, простоту,
Я выпью эту чашу!

И, возгласивъ, «Вивать!» онъ опрокинулъ стаканъ на лобъ.

Подошелъ Минаевъ. Поцѣловавъ меня, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и говоря:

Будь здоровъ, поэтъ-солдатъ,
Будь здоровъ, поэтъ Мартьяновъ,
За тебя я выпить радъ
Не одинъ, а сто стакановъ!

Каждый стихъ запивалъ нѣсколькими глотками шампанскаго. Поднялся и подступилъ ко мнѣ, пошатываясь, Н. И. Кроль. Долго онъ смотрѣлъ на меня, гладя бороду и порская по обыкновенію. Онъ поднималъ стаканъ и опускалъ, видимо собираясь съ мыслями. И только, когда Минаевъ крикнулъ ему съ другого конца стола: «смѣлѣе, Кроль!» онъ чокнулся со мною и, опершись на спинку стула, проговорилъ:

Поэты—братья всѣ, и вы
Гордиться можете не кровью, (и онъ указалъ стаканомъ на лежавшую на столѣ мою рукопись)
Но здѣсь, на берегахъ Невы,
Пріобрѣтенною любовью.
Вы видите, мы цѣнимъ васъ,
И, забывая про цензуру
Мы рады съ вами пить не квасъ,
Вино, и не стаканъ—рогъ-туру!

Ура! и онъ разомъ опорожнилъ свой стаканъ.

Поднялся и Николай Степановичъ. Онъ неторопливо подошелъ ко мнѣ, откашлялся и, добродушно улыбаясь, сказалъ:

Поэтъ Мартьяновъ, свой стаканъ
Я подниму безъ тоста,
Сошлися мы изъ разныхъ странъ,
И выпить можемъ просто.
Вы—человѣкъ хорошій, съ тѣмъ
Я долженъ согласиться,
Но не хочу кричать, зачѣмъ?
Безъ крику можно обойтиться.
А выпить вмѣстѣ я готовъ,
И, чокнуся пожалуй,
И тихо молвлю: будь здоровъ,
Поэтъ съ тетрадью алой!

И онъ взялъ у меня мой стаканъ, прихлебнулъ и подалъ мнѣ свой прихлебнуть и поцаловалъ меня. Подошли П. И. Пашино, М. М. Стопановскій и А. П. Швабе, всѣ они разомъ чокнулись со мною, сказали, что присоединяются къ выраженному Николаемъ Степановичемъ пожеланію мнѣ здоровья и процвѣтанія «съ тетрадью алой»!

Послѣднимъ подошелъ П. А. Климовъ. Онъ цвѣтистымъ дѣловымъ языкомъ произнесъ цѣлый спичъ. Сказалъ, что я одинъ изъ первыхъ служакъ Николаевскаго режима, откликнувшійся въ пѣсняхъ на новое вѣяніе времени и обратившій вниманіе на печальную долю солдата. Сказалъ, что это составляетъ большую заслугу по отношенію милліоновъ людей, служившихъ и служащихъ подъ ружьемъ. Сказалъ, что именно это обстоятельство, а отнюдь не самыя пѣсни, которыя, къ слову сказать, довольно слабы, послужило къ такому блистательному пріему, которымъ почтили меня представители лучшихъ органовъ печати. Сказалъ, что если я посвящу свой талантъ на дальнѣйшее служеніе провозглашенной идеѣ, то благосклонность сказанныхъ представителей будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло, пояснилъ онъ, и если онъ будетъ дѣлать его добросовѣстно, то можетъ быть увѣренъ, что общество рано или поздно оцѣнитъ его трудъ и воздастъ за него сторицею. «Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, закончилъ онъ, что сегодняшній праздникъ посвященія поэта-солдата въ литераторы составитъ эпоху въ его жизни, и что онъ до глубокой старости будетъ вспоминать съ живѣйшей признательностью имена предсѣдящихъ здѣсь лицъ, встрѣтившихъ его у дверей храма святой правды и добра и обѣщающихъ ему при дальнѣйшемъ прохожденіи пути служенія музамъ, свое высокое покровительство».

Когда онъ, окончивъ рѣчь, чокнулся со мной и поцѣловался, собраніе громкими аплодисментами выразило свое сочувствіе сказанному и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, пожимали ему руку и благодарили за выраженныя имъ мысли.

— Запомните, поэтъ Мартьяновъ, обратился ко мнѣ Николай Степановичъ, слова, сказанныя Порфиріемъ Ассигкритовичемъ. Это гласила сама истина, и если вамъ будетъ когда-нибудь трудно, невыносимо тяжело или обидно въ жизни—ищите въ нихъ утѣшенія и поддержки. Это мой завѣтъ вамъ.

Я всталъ, и отвѣтилъ, на сдѣланныя мнѣ овація, слѣдующими куплетами:

Я счàстливъ, господа, нигдѣ и никогда
Я не былъ счàстливъ такъ, какъ на брегахъ Невы:
Солдата приняли въ свой кругъ вы безъ стыда,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Вы приняли его, какъ истинные братья...
Внявъ зову—голосу рокочущей молвы,
Открыли вы ему сочувственно объятья,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Съ нимъ раздѣливъ хлѣбъ-соль простую не спѣсиво,
Узоры дружества вы дали для канвы
Работъ исторіи, и дали не чванливо,—
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Въ немъ пробудили вы мечты и упованья,
Дремавшія со дня ухода изъ Москвы,
Любви и братскихъ узъ вы дали обѣщанья,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Но чѣмъ отвѣтитъ онъ на это вамъ?... словами?
Пустыми фразами? склоненьемъ головы?
О, нѣтъ!.. какъ человѣкъ, отвѣтитъ онъ слезами
Вамъ—витязи печати, прессы львы!..

* * *

И я, дѣйствительно, прослезился, двѣ-три слезы скатились по щекамъ и упали на бѣлый жилетъ; послышались тихіе: «браво, браво»! я поклонился и продолжалъ:

И вотъ онъ плачетъ... да!.. Вы зрите эти слезы...
Росинки—то на стебляхъ счастія травы...
Волшебныя ему вы возвратили грезы,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

Крики «браво»! усилились, застучали ножи о тарелки, затопотали ноги подъ столомъ... Я вновь поклонился и продолжалъ:

И мнѣ не стыдно плакать здѣсь... пусть я—солдатъ,
Но кровь во мнѣ кипитъ и чувства не мертвы,
Отъ счастья плачу я, вѣдь я теперь—вашъ братъ,
Вашъ—витязи печати, прессы львы!

* * *

И вотъ, какъ братъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ,
Пріемлю смѣлость я—отвергнете ли вы?—
За васъ поднять стаканъ съ напиткомъ этимъ славнымъ,
О, витязи печати, прессы львы!

* * *

Да ниспошлютъ вамъ боги всѣ утѣхи жизни,
Амура-шалуна всѣ стрѣлы съ тетивы;
И да взнесете вы высоко стягъ отчизны,
Вы—витязи печати, прессы львы!

* * *

И я поднялъ высоко надъ головой свой стаканъ съ виномъ, и крикнулъ: «Ура! За васъ пью, витязи печати, прессы львы!»

Раздались неистовыя рукоплесканія, крики «браво»! стукъ и лязгъ ножей и топотъ ногъ. И я обошелъ сидѣвшихъ вокругъ стола, съ каждымъ чокнулся и поцѣловался, провозгласилъ еще разъ «ура! за васъ пью, витязи!»... выпилъ свой стаканъ разомъ и, бросивъ его въ каминъ, разбилъ въ дребезги.

— На воздухъ! закричалъ Василій Степановичъ. Обѣдъ кончился, а пить кофе будемъ тамъ. И онъ указалъ рукой на сосѣднее зало. Задвигались стулья, всѣ встали и шумной толпой перекочевали въ другую комнату. Подали кофе и десертъ. Начали смаковать ликеры и коньякъ.

В. С. Курочкинъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «скоро девять! пора, господа, и къ Излеру».

— А чтеніе «тетради алой» развѣ не состоится? воскликнулъ П. И. Пашино. Вѣдь, оно было назначено послѣ обѣда.

— Кто же виноватъ, что за обѣдомъ просидѣли такъ долго! возразилъ редакторъ «Искры», если мы начнемъ чтеніе, то не поѣдемъ къ Излеру, а я уже распорядился, чтобы Иванъ Ивановичъ приготовилъ что нужно.

— Но позвольте, Василій Степановичъ, лепеталъ коснѣющимъ языкомъ Н. И. Кроль. Мы хотимъ познакомиться съ произведеніями музы поэта Мартьянова.

— Мы познакомились уже съ произведеніями музы поэта Мартьянова за обѣдомъ, настаивалъ упрямо Курочкинъ, онъ прочиталъ намъ прекрасное стихотвореніе, а кому этого недостаточно, конечно, можетъ остаться здѣсь. Но я ѣду, кто со мною?

Николай Степановичъ сказалъ, что онъ поѣдетъ. «И я поѣду»! отозвался Минаевъ. «И я поѣду»! присовокупилъ и я, помня данное

обѣщаніе. П. А. Климовъ извинился, что не можетъ ѣхать потому, что онъ долженъ быть вечеромъ въ какомъ-то засѣданіи. А прочіе предпочли остаться у Донона.

— Мы вотъ съ П. И. Пашино и А. П. Швабе лучше разыграемъ пульку преферанса, отбоярился отъ поѣздки М. М. Стопановскій.

— А я... будировалъ, пошатываясь, Н. П. Кроль:

Буду я читать
«Алую тетрадь»,
Буду пить вино,
Благо есть оно...

— Въ такомъ случаѣ, господа, обратился къ нимъ Николай Степановичъ, вы можете пировать за счетъ нашего амфитріона. Чай, кофе, вино, ликеры, коньякъ къ вашимъ услугамъ, кушайте на доброе здоровье, а мы поѣдемъ на острова.

И затѣмъ, попрощавшись, мы вчетверомъ: два брата Курочкины, Минаевъ и я, оставили ресторанъ Донона.

IV.

Вечеръ у Излера.—Поѣздка.—Экспромпты.—Встрѣча и бесѣды.—Въ театрѣ.—Въ саду.—Въ кабинетѣ.—Наталья Романовна и—кутежъ кувыркомъ, кувыркомъ полетѣлъ!

Мы вышли на Невскій и на биржѣ въ Конюшенной Василій Степановичъ нанялъ четвероместную карету. Онъ уже занесъ было ногу, чтобы сѣсть въ нее, но вдругъ, какъ будто что-то припомнилъ, остановился, подошелъ къ содержателю экипажей и приказалъ ему дать другую такую же карету, съ тѣмъ, чтобы она ѣхала вслѣдъ за нами, не отставая ни на шагъ. Когда же мы усѣлись въ первую карету и поѣхали, Николай Степановичъ спросилъ брата:

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ тебѣ понадобилась вторая карета?

— Какъ зачѣмъ? съ неудовольствіемъ отозвался Василій Степановичъ, закрывшій глаза и начинавшій дремать, а вдругъ сломается ось или колесо, на чемъ же мы поѣдемъ!

— Ты все дурачишься, отозвался брезгливо Николай Степановичъ, вѣдь это — напрасная трата денегъ, сломается ось или колесо—есть извощики.

— А если я хочу ѣхать въ каретѣ—кому какое дѣло? вспылилъ редакторъ «Искры», да я уже и не юноша, чтобы мнѣ дѣлать наставленія, я хочу — я и плачу, и вмѣшательствъ въ мои распоряженія никакихъ не допускаю.

И онъ закрылъ глаза и погрузился въ дрему. Минаевъ между тѣмъ знакомилъ меня съ топографіею Петербурга. Проѣзжая мимо Инженернаго замка, онъ разсказалъ мнѣ его исторію, а поровнявшись съ Лѣтнимъ садомъ, указалъ мѣсто, гдѣ любилъ отдыхать А. С. Пушкинъ и сообщилъ анекдотъ, какъ одинъ англійскій лордъ, въ прошломъ столѣтіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для того только, чтобы взглянуть на рѣшетку сада, которая считалась тогда чуть ли не восьмымъ чудомъ свѣта. На Троицкомъ мосту онъ припомнилъ, какъ чернь, въ холерную эпидемію 1831 года, сбросила съ моста въ Неву и утопила въ ней съ каретой и лошадьми доктора Мудрова. Проѣзжая мимо крѣпости, онъ разразился экспромтомъ:

Здѣсь погребаются великіе цари,
Здѣсь золотыя дѣлаютъ монеты,
На шпицъ Телушкинъ лазилъ—эка высь, смотри!
И подъ Неву спускаются поэты.

— Какъ подъ Неву? спросилъ я въ изумленіи Минаева.

— Да такъ!.. есть, говорятъ, сказаніе, что подъ Невой устроены казематы.

— Не лучше ль, кумъ, вмѣшался въ разговоръ Николай Степановичъ, сказать такъ:

Здѣсь ходитъ и стоитъ, и возлежитъ—
Кто не сидитъ,
И не стоитъ, не ходитъ, не лежитъ—
Тотъ, кто сидитъ.

Двигаясь по Каменноостровскому шоссе, Минаевъ указалъ мнѣ рукой на Александровскій лицей и промолвилъ:

Вотъ зданье славное, оно приготовляло
Намъ Пушкина и князя Горчакова,

И Тяпкинъ-Ляпкиныхъ родъ цѣлый воспитало
Отъ Блудова до Салтыкова.

Проѣхавъ Карповку, и, поровнявшись съ дачей Громова, онъ весело продолжалъ:

А здѣсь живетъ извѣстный нашъ милліонеръ,
Лѣсникъ Илья Федулычъ Громовъ,
Раскольничій устроилъ скитъ, какъ старовѣръ
И чтитъ лишь женщинъ—безъ дипломовъ.

Когда съ Каменноостровскаго моста открылась панорама роскошныхъ дачъ, тонувшихъ въ зелени по берегамъ Невки, Николай Степановичъ улыбнулся и, обратясь къ Дмитрію Дмитріевичу, сказалъ:

— Ну, что же, поэтъ Минаевъ, вы пріумолкли? кажется теперь вы могли бы подарить насъ эффектнымъ экспромтомъ.

Минаевъ закурилъ папиросу и, бросивъ взглядъ на открывшійся предъ нами чудный пейзажъ, повернулся ко мнѣ и съ усмѣшкой продекламировалъ:

Да, здѣсь привольно и свободно,
Воздушно, водно, зе́лено,
Здѣсь знатно,—только не народно,
Здѣсь бѣднымъ жить не ве́лѣно.

На Строгоновскомъ мосту Василія Степановича разбудили.

— Пріѣхали! сказалъ ему Минаевъ, дергая за руку.

— Куда? Зачѣмъ пріѣхали? протиралъ глаза редакторъ «Искры».

— Къ Излеру.

— А! Къ Излеру!.. Хорошо!.. Помню... Мартьяновъ тутъ?

— Да, вотъ онъ сидитъ.

— Ну, и отлично. Всѣ вмѣстѣ, значитъ, и войдемъ!

У подъѣзда воксала Минеральныхъ водъ карета остановилась, обѣ дверцы ея разомъ растворились и мы молодцовато вылѣзли. Въ вестибюлѣ толпилась публика, дамы, прислуга, жандармы, полиція. Василій Степановичъ приказалъ позвать самого Излера. Явился Иванъ Ивановичъ и съ самыми подобострастными поклонами привѣтствовалъ редактора «Искры», раскланялся съ нами, сказалъ нѣсколько любезностей и повелъ насъ въ садъ.

— Иванъ Ивановичъ, вы получили мои распоряженія? вопросилъ его Василій Степановичъ на ходу.

— Какъ-же-съ! получилъ и все исполнилъ. Ложа въ театрѣ оставлена и кабинетъ приготовленъ, извивался, какъ змѣй, содержатель Минеральныхъ водъ.

— Большой кабинетъ приготовили?

— Какъ-же-съ! какъ приказали, большой.

— И все, что нужно, приготовили?

— Все, все, пожалуйте!

— Нѣтъ, прежде всего мы пойдемъ въ театръ, или, какъ вы называете, въ концертное зало, и посмотримъ немножко. Что у васъ идетъ сегодня?

— «Фаустъ» съ m-me Amélie въ роли Маргариты, m-me Деккеръ-Шенкъ въ роли Марты, m-me Дюбуше въ роли Зибеля и m-r Дюбуше—въ роли Фауста.

И Иванъ Ивановичъ проводилъ насъ до ложи. Мы вошли и усѣлись шумно. На сценѣ Фаустъ предлагалъ Маргаритѣ руку—проводить прелестную дѣвицу, а Маргарита отвѣчала, что она не дѣвица—мастерица, и что сама знаетъ хорошо дорогу въ Шато-де Флеръ. Въ ложахъ и партерѣ наше появленіе было замѣчено. Львицы французской колоніи наводили на насъ лорнеты и перешептывались. Въ партерѣ кто-то сострилъ: «Смотрите, «Искра» появилась! не затѣмъ ли, чтобы воспламенить Фауста?» Мы недолго сидѣли въ театрѣ; едва дуэтъ кончился, Минаевъ заявилъ, что тутъ душно и пить хочется, Василій Степановичъ сказалъ, что ожидать конца акта не стоитъ. Поэтому всѣ поднялись и вышли. У театра встрѣтилъ насъ Иванъ Ивановичъ и проводилъ до кабинета. Это была просторная въ нѣсколько оконъ комната, довольно высокая и свѣтлая, но, не смотря на открытыя окна, въ ней ощущалась тяжелая винная атмосфера. Обстановка ея ничѣмъ не отличалась отъ ресторанной обстановки кабинетовъ, съ ихъ мебелью, зеркалами, миѳологическими картинами, тяжелыми портьерами и тамъ и сямъ натыканными бра и жирандолями. Но было нѣчто въ ней, чего въ обыкновенной кабинетной обстановкѣ не вездѣ можно встрѣтить: это—пиршественный столъ, эффектно убранный вазами, канделябрами и цвѣтами. Отличительною особенностью его было то, что, вмѣсто стульевъ, вокругъ его стояли приготовленные для возлеганія четыре мягкихъ съ подушками софы и два оттомана. На нѣсколькихъ маленькихъ столикахъ у стѣны красовалось нѣсколько корзинъ съ зеленью и

пахучими цвѣтами, на подзеркальникахъ лежали вѣнки изъ розъ, лавровые и дубовые (гражданскіе) вѣнки, а у стѣны, между роялино и арфой, помѣщавшейся въ самомъ углу, висѣли римскія пурпурныя тоги, греческіе хитоны, черныя испанскія мантелетки и другіе костюмы.

— Хорошо! сказалъ, окинувъ быстрымъ взоромъ кабинетъ, Василій Степановичъ, только насъ четверо, а ложъ приготовлено шесть, а впрочемъ оставьте, кто гдѣ хочетъ, тамъ и возляжетъ.

— Не прикажете ли освѣтить? освѣдомился почтительно Иванъ Ивановичъ.

— О, нѣтъ, теперь не нужно. Мы пока посумерничаемъ, а тамъ послѣ увидимъ. Прикажите намъ подать Бордо, рейнвейну Іоганнисбергъ и венгерскаго, но лучшаго, какое у васъ есть. Шампанскаго мы пили такъ много, что у меня какая-то изгарь во рту образовалась. Велите подать также сельтерской, но не теплой.

— И коньяку, добавилъ Минаевъ, усиленно курившій все это время папиросы.

— Но только, я васъ долженъ предупредить Иванъ Ивановичъ, потрепалъ его по плечу редакторъ «Искры», это угощаю я, и ни съ кого другого, что бы они тамъ ни требовали, ни за что ни копѣйки не получать! Счетъ прислать мнѣ завтра въ контору, поняли?..

— Помилуйте, дорогой Василій Степановичъ, развѣ я смѣю противорѣчить вашимъ приказаніямъ, изгибался содержатель Минеральныхъ водъ, считаю за честь сдѣлать все, какъ вы пожелаете.

— Ну съ, это все хорошо. А на счетъ французской колоніи какъ? Я хочу нынче дебютировать въ канканчикѣ, побѣдоносно улыбался Василій Степановичъ.

— Кончатъ пьесу — и это будетъ, я вамъ порекомендую лучшихъ танцорокъ изъ хора.

— Валите же! махнулъ рукой представитель «Искры», и Иванъ Ивановичъ исчезъ.

Николай Степановичъ между тѣмъ, подъ вліяніемъ, вѣроятно, столкновенія съ братомъ изъ-за кареты, все время упорно молчалъ, смотря вмѣстѣ со мною въ окно на проходившую мимо публику, выкурилъ папиросу и, усѣвшись за рояль, сталъ напгрывать какую-то меланхолическую пастораль.

Василій Степановичъ подошелъ ко мнѣ, обхватилъ за талію и дружески сказалъ:

— Вы слышали, Петръ Косьмичъ, у насъ будутъ дамы, но васъ это стѣснять не должно: вы можете себѣ выбрать какая вамъ понравится изъ публики, конечно, не изъ буржуазныхъ, и укажите мнѣ, а я постараюсь о томъ, чтобы она была здѣсь.

— Благодарю васъ, Василій Степановичъ, но до сихъ поръ я еще не вижу такой дамы.

— Никто васъ не торопитъ, разсмѣялся Василій Степановичъ, смотрите внимательнѣе и, можетъ быть, какая-нибудь и приглянется. Не забудьте только нашего условія, что всѣ расходы здѣсь я принимаю на себя, всѣ, понимаете! Поэтому, пожалуйста, не стѣсняйтесь, была бы только дама по сердцу.

Подали вино, коньякъ и сельтерскую.

— Полно тебѣ, братъ, домового-то хоронить, воскликнулъ Василій Степановичъ, обращаясь къ Николаю Степановичу, пріѣхали повеселиться—надо веселиться. Лучше бы ты сдѣлалъ, еслибъ занялся хозяйствомъ.

— А ты что же не скажешь, отозвался Николай Степановичъ, я думалъ, что ты самъ будешь за хозяйку.

— Ну, гдѣ намъ, простакамъ, воеводствовать! фанфаронилъ редакторъ «Искры», иди и распорядись, а то у насъ что-то не клеится.

Дѣйствительно, какъ только подошелъ Николай Степановичъ къ столу, компанія оживилась. Первымъ дѣломъ освѣжились сельтерской, потомъ выпили коньяку, затѣмъ приступили къ Бордо и все это прикрыли опять-таки коньякомъ. Минаевъ предложилъ пройтись, подышать свѣжимъ воздухомъ, и мы втроемъ, Дмитрій Дмитріевичъ, Василій Степановичъ и я, вышли, а Николай Степановичъ остался хозяйствовать. Онъ приказалъ принести двѣ головы сахару, нѣсколько бутылокъ рому, разныхъ специй и металлическій тазъ съ приборомъ для приготовленія «гусарской жженки», снялъ сюртукъ и занялся дѣломъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ по саду, мои спутники встрѣтили много знакомыхъ и начался обмѣнъ мыслей. Главнымъ предметомъ разговора было только-что состоявшееся разрѣшеніе курить табакъ на улицахъ, площадяхъ и другихъ мѣстахъ въ столицахъ и провинціи. Мѣра эта не обошлась, конечно, безъ злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ шутниковъ и подала поводъ къ ихъ арестованію. Послышались голоса о необходимости протеста, но Василій Степановичъ умѣлъ обратить все это въ шутку, попросивъ протестан-

товъ доставить свои жалобы въ «Искру», и мы отправились далѣе. У поворота къ пруду, намъ встрѣтилась высокая, красивая и стройная молодая женщина съ золотистыми волосами, въ большой модной шляпѣ, охотничьемъ костюмѣ и небольшимъ хлыстикомъ въ рукѣ. Она шла съ гвардейскимъ кирасиромъ, несшимъ на рукѣ ея кружевную накидку и похлопывала хлыстикомъ.

— Василій Степановичъ, обратился я къ Курочкину съ вопросомъ: не знаете ли вы, кто эта дама?

— Это извѣстная представительница французской колоніи. Она состоитъ подъ покровительствомъ Мезенцева и заѣзжаетъ сюда съ пуанта, чтобы убить какъ-нибудь вечеръ повеселѣе.

— А нельзя ее пригласить къ намъ?

— Это надо спросить Ивана Ивановича. Пойдемте въ кабинетъ. Братъ Николай, по всей вѣроятности, уже ждетъ насъ съ своей «гусарской жженкой». Оттуда пошлемъ и за Излеромъ.

Но Иванъ Ивановичъ уже сторожилъ насъ. Едва онъ завидѣлъ, что мы возвращаемся, стремптельно подбѣжалъ и сообщилъ Василію Степановичу вполголоса, что онъ распорядился, чтобы послѣ спектакля, въ кабинетъ къ намъ явились для пляски четыре танцорки со сцены въ костюмахъ.

— А для васъ костюмы, по желанію, прибавилъ онъ таинственно, приготовлены въ кабинетѣ.

— Спасибо, вамъ, любезнѣйшій, Иванъ Ивановичъ, за это, улыбнулся самодовольно серьезный редакторъ «Искры», но это еще не все!.. Сейчасъ прошла съ кирасиромъ «фаммъ де Мезенцевъ», нельзя ли ее пригласить къ намъ. Скажите, четыре поэта считаютъ за особенное удовольствіе познакомиться съ нею.

— Василій Степановичъ, воскликнулъ изумленный содержатель Минеральныхъ водъ, вы задаете мнѣ такую задачу, что я, право, не знаю, что и отвѣтить вамъ. И онъ комически развелъ руками.

— Будьте смѣлѣе, Иванъ Ивановичъ! поддержалъ предложеніе Курочкина Минаевъ:

Четыре поэта—четыре царя
Въ нашъ вѣкъ собираются рѣдко:
Война ихъ сбираетъ, иль мира заря,
Кутежъ, да въ Баденѣ рулетка.

— Слышите, Иванъ Ивановичъ! захохоталъ Курочкинъ, передайте это француженкѣ.

— Конечно, это для нее должно быть очень лестно, отвѣчалъ, изгибаясь и пожимаясь, предупредительный администраторъ «Минерашекъ», но этимъ однимъ мы едва ли достигнемъ цѣли. Здѣсь одно можетъ помочь намъ, Василій Степановичъ, это—злато, презрѣнное злато, будь оно проклято, фиглярничалъ Излеръ.

— Ну, что же! Я ассигную вамъ, Иванъ Ивановичъ, на это 500 франковъ. Орудуйте, любезнѣйшій, хохоталъ въ веселомъ настроеніи Курочкинъ, зовите ее на одну только кадриль съ нами.

Иванъ Ивановичъ согнулся въ три погибели, попятился и исчезъ.

— А прійдетъ—не уйдетъ! Не такъ ли, Петръ Косьмичъ? подмигнулъ Василій Степановичъ вслѣдъ уходившему Излеру.

— Конечно, попадетъ птичка въ клѣтку—не вылетитъ...

Разговаривая и шутя, мы вернулись въ кабинетъ. Николай Степановичъ сдѣлалъ всѣ надлежащія къ пиру приготовленія. Двѣ линіи софы онъ велѣлъ вынести и простору вокругъ стола стало болѣе. Оставшіеся оттоманы и софы, а также и полъ вокругъ стола, были застланы зеленью и цвѣтами—атмосфера получилась свѣжѣе и ароматичнѣе. Окна закрыли и тяжелыя портьеры спустили—образовался таинственный полумракъ. Посреди стола, на металлическомъ подножіи, въ серебряномъ тазу пылала «Гусарская жженка». Ароматъ варимаго напитка щекоталъ обоняніе. Синее пламя фантастически взвиваясь надъ тазомъ, ласкало зрѣніе, и манило и дразнило возбужденные прогулкой аппетиты неуклонно. Самъ Николай Степановичъ, облачившись въ хитонъ и пурпурную тогу, съ вѣнкомъ изъ розъ на плѣшивой головѣ, возсѣдалъ на одной изъ софъ и куря кальянъ, присматривалъ за варкой, помѣшивалъ ее и удобрялъ прибавкой разныхъ специй, съ какимъ-то таинственнымъ шопотомъ.

— А вотъ и мы! воскликнулъ Василій Степановичъ, входя весело въ кабинетъ, кажется, не заставили себя ждать.

«Варись, варись, зелье, на бѣду людей,
Будь чужимъ отравой, своихъ не губи»!

запѣлъ Минаевъ изъ «Аскольдовой могилы», бросился на одинъ изъ близъ стоявшихъ оттомановъ и растянулся на немъ.

Николай Степановичъ нахмурился и началъ было: «господа, по церемоніалу...» но вбѣжавшій впопыхахъ Иванъ Ивановичъ прервалъ въ самомъ началѣ его филиппику.

— Василій Степановичъ, воскликнулъ онъ въ ужасѣ, бѣда! Супруга ваша, Наталья Романовна, пріѣхала и ищетъ васъ...

Если бы внезапно грянулъ громъ и оглушилъ кого-нибудь изъ насъ, мы были бы менѣе поражены, чѣмъ подобнымъ извѣстіемъ [2]).

— Разбойница!.. Зарѣзала!... только и могъ выговорить растерявшійся Василій Степановичъ, и схватился обѣими руками за голову.

— Наталка! воскликнулъ Николай Степановичъ въ ужасѣ. И зачѣмъ только эта баба притащилась?

— Вотъ ты и поди-жъ! опустилъ безпомощно руки редакторъ «Искры» и заметался по комнатѣ. Гдѣ она? обратился онъ къ Ивану Ивановичу.

— Ей сказали, что вы въ театрѣ и она пошла туда.

— Задержите ее, пожалуйста, тамъ, а мы уѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто, проговорилъ онъ скороговоркой Излеру, провожая его изъ кабинета и, обратясь къ намъ, скомандовалъ: ну, ѣдемте, что ли?

— Куда же поѣдемъ? вопросилъ нерѣшительно Николай Степановичъ.

— Хоть къ чорту, только вонъ отсюда... суетился Василій Степановичъ, отыскивая свои вещи.

«Притащилася» «Наталка»!
«Вотъ ты и поди-жъ»!
Лѣзетъ на скандалъ, нахалка,—
Какъ моя Катишь...

---

[2]) Необходимо пояснить, что редакторъ «Искры» былъ человѣкъ строгихъ правилъ, твердый и рѣшительный. Его положительность и неуклонность въ принятыхъ рѣшеніяхъ была извѣстна. Но во всемъ, касавшемся лично его и семейныхъ дѣлъ, онъ находился подъ вліяніемъ этой простой и необразованной женщины. Во всѣхъ его домашнихъ столкновеніяхъ съ нею, ей стоило только пахмуриться, возвысить голосъ, прикрикнуть,—и бѣдный Василій Степановичъ, по мѣткому его выраженію «старался устраниться», стушевывался, умолкалъ или уходилъ прочь. Наталья Романовна знала это очень хорошо и, при каждомъ удобномъ случаѣ, пользовалась этимъ, пуская въ ходъ всѣ женскія уловки и, конечно, достигала желанной цѣли. Въ данномъ случаѣ она, узнавъ отъ разсыльнаго редакціи, что Василій Степановичъ задумалъ устроить у Излера вечеръ, бросилась и, подъ видомъ болѣзни ребенка, увлекла его домой.

балагурилъ Минаевъ, переваливаясь съ боку на бокъ на оттоманѣ.

Дверь въ кабинетъ распахнулась и показавшійся въ ней Иванъ Ивановичъ спѣшно проговорилъ:

— Василій Степановичъ, Наталья Романовна сюда идетъ! въ театрѣ ей сказали, что вы здѣсь.

— Бога ради, отведите ее куда-нибудь въ другое мѣсто, пока мы уѣдемъ, въ другой кабинетъ, что-ли, ну, заприте, наконецъ, суетился сконфуженный редакторъ; ѣдемте же, скорѣе! понукалъ онъ насъ.

— Да куда ѣхать? отозвался неохотно Николай Степановичъ, здѣсь все готово.

— Убрать все! крикнулъ лакеямъ Василій Степановичъ, схватилъ шляпу и ринулся къ двери. Кто со мною? Выходите.

Я одѣлся и вышелъ за нимъ, въ вестибюлѣ догналъ насъ Николай Степановичъ и Минаевъ. Пока мы стояли и дожидались каретъ, за которыми былъ посланъ артельщикъ, изъ сада выбѣжалъ Излеръ, а за нимъ вылетѣла, вся раскраснѣвшаяся, какъ піонъ, Наталья Романовна.

— Ты уѣзжаешь? подбѣжала она къ Васплью Степановичу, а я тебя ищу.

— Зачѣмъ?

— Дома неладно.

— Что такое?

— Мальчику худо.

— Не могла ты развѣ кого-нибудь послать: пріѣхала сама, конфузился и путался въ словахъ, Василій Степановичъ. Что съ нимъ?

— Я не знаю. Поѣдемъ домой. Увидишь.

И она повисла у него на рукѣ. Василій Степановичъ, видя, что спасенія нѣтъ, сѣлъ съ нею въ карету и приказалъ ѣхать домой. Прощаясь съ нами, онъ только пожалъ плечами и сдѣлалъ выразительный знакъ, а брату шутливо напомнилъ:

— Ну, вотъ, Николай, вторая-то карета и пригодилась. А то тебѣ пришлось бы трястись на извощикѣ.

Вечеръ былъ сорванъ. Минаевъ, по отъѣздѣ четы Курочкиныхъ, предложилъ возвратиться къ «жженкѣ», и настаивалъ на принятіи своего предложенія, скандируя такой экспромтъ:

Испугалися Наталки,—
И бросаемъ жженку!..

Я скорѣе бы взялъ въ палки
Эту вѣдьму—женку...

— Но ты пойми,—протестовалъ Николай Степановичъ:—что наше самолюбіе, наше личное достоинство не могутъ допустить этого. Ты слышалъ, что братъ Василій велѣлъ все убрать, т. е. другими словами, отдалъ все лакеямъ. Не можемъ же мы потребовать отъ лакеевъ отданныхъ имъ напитковъ. Но если ты хочешь непремѣнно жженки, то надо сварить свою и заплатить за нее: вѣдь мы — пойми ты это!—не можемъ пить на счетъ брата, когда онъ кредита намъ у Излера не открылъ.

— Ну, тогда поѣдемъ домой, махнулъ рукой Дмитрій Дмитріевичъ, и мы, послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ, разъѣхались. Минаевъ и Курочкинъ въ запасной каретѣ отправились въ Лѣсныя палестины, а я вернулся на пароходѣ домой.

Но поэтъ-сатирикъ, садясь въ карету и пожимая мнѣ на прощанье руку, продолжалъ волноваться:

Какъ мы глупы! какъ мы жалки!..
Испугалися Наталки!..
И въ угоду вздорной жонкѣ
Отказалися отъ жженки...

V.

Визиты М. М. Стопановскаго и Н. И. Кроля. — Редакція «Военнаго Сборника». —П. М. Григорьевъ.—Генералъ П. К. Меньковъ.—Свиданіе съ В. А. Соколовскимъ и А. А. Якимовичемъ.—Посѣщеніе В. С. Курочкина.—Отъѣздъ въ Москву.

Дня черезъ два меня посѣтили М. М. Стопановскій и Н. И. Кроль. Первымъ пришелъ Михаилъ Михаиловичъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ сообщилъ мнѣ, что Василій Степановичъ очень огорченъ исходомъ задуманнаго имъ вечера, но иначе поступить онъ не могъ, такъ какъ ему угрожало непріятное столкновеніе, которое могло окончиться публичнымъ скандаломъ, чего онъ, и какъ человѣкъ, и какъ общественный дѣятель, вообще старается избѣгать.

Я, конечно, отвѣчалъ, что не имѣю никакихъ претензій, и если сожалѣю, то объ одномъ,—что почтенный редакторъ «Искры» истратилъ такъ много денегъ и не получилъ никакого удовольствія.

— Что касается расходовъ, отвѣчалъ Михаилъ Михайловичъ, то это пустяки, это ему ничего не значитъ.

— А что такое случилось съ его мальчикомъ?

— Да тоже ничего. Наталья Романовна, зная его любовь къ ребенку, нарочно сказала ему о нездоровьи мальчика, чтобы увезти его домой. Иначе, вѣдь, онъ и не поѣхалъ бы. Отношенія его къ этой женщинѣ весьма странны, то онъ къ ней ластится, то онъ готовъ бѣжать отъ нея на край свѣта. И Михаилъ Михайловичъ разсказалъ мнѣ нѣсколько выдающихся случаевъ изъ интимной жизни Курочкина. Кстати, Петръ Косьмичъ, обратился ко мнѣ Стопановскій съ улыбкою, я имѣю къ вамъ порученіе. Василій Степановичъ желалъ бы, чтобы инцидентъ съ его вечеромъ остался между нами. Съ Излеромъ онъ покончилъ уже.

— Увѣрьте, пожалуйста, Василія Степановича, отвѣчалъ я на это, что онъ можетъ положиться на меня вполнѣ: я буду нѣмъ, какъ рыба.

За симъ разговоръ коснулся вечерняго кутежа у Донона. Стопановскій сказалъ, что они послѣ обѣда сидѣли недолго, прошлись по ликерамъ и сыграли только одну пульку преферанса.

— Кто выигралъ?

— Швабе выигралъ 9 р. 40 к., а я и Пашино проиграли.

— А Кроль что дѣлалъ?

— Кроль пилъ и чудилъ. Это—циникъ, но циникъ умный и забавный. Съ нимъ провести вечеръ можно не скучая, въ особенности, когда онъ не хандритъ. Часовъ въ 11 мы уѣхали, а онъ остался: встрѣтилъ знакомыхъ и съ ними захороводился въ ресторанѣ. Да вотъ онъ и самъ жалуетъ собственной своей персоной.

Дѣйствительно, Николай Ивановичъ, во фракѣ и полурасстегнутомъ жилетѣ, со сбившимся на сторону галстухомъ и книгой подъ мышкою, румяный и веселый, предсталъ передо мною и, улыбаясь и поглаживая бороду, заговорилъ съ пафосомъ опереточнаго героя:

— Ну, вотъ и мы отыскали васъ, Петръ Косьмичъ, честь имѣю представиться: поэтъ Кроль! Прошу любить и жаловать! И онъ, схвативъ меня за руку, началъ сильно трясти ее. Обратясь къ Стопановскому, онъ комически раскланялся и задалъ ему во-

просъ: а, Михаилъ Михайловичъ, и вы здѣсь? Какъ поживаете? Какъ ваши куры и курочки обрѣтаются?

— Что имъ дѣлается! почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, раскатился громкимъ смѣхомъ Стопановскій, несутся по обыкновенію. А вотъ пѣтушки—дѣло другое...

— Не люблю я вашихъ пѣтуховъ, оборвалъ горячо Кроль и, порснувъ въ бороду, началъ скандировать на распѣвъ:

Что у васъ за пѣтухи?
Ха, ха, ха! да хи, хи, хи!
Вейнбергъ Петръ? или Минаевъ—
Шалопай изъ шалопаевъ?
Иль Буренинъ вертопрахъ?
Ахъ, какой, скажите, страхъ!..

— Ну, все таки, Николай Ивановичъ, продолжалъ Стопановскій, вы, кажется, послабѣе будете, наши заклюютъ навѣрное.

— Не боюсь я вашихъ пѣтуховъ! отчеканилъ Кроль надменно, и знаете ли что?

Я отъ рожденія не трусъ,
И ничего я не боюсь:
Ни бури, ни напасти,
Ни Буренина пасти...

— Да вы замѣтьте! и онъ захохоталъ: рифма то какая! отъ перваго слога до послѣдняго! ну, гдѣ же вашимъ пѣтухамъ такъ кукарекать?

Мы засмѣялись. Стопановскій всталъ и сталъ откланиваться. Пожимая намъ руки, онъ спросилъ Кроля:

— Ну, что же, Николай Ивановичъ, пѣтушкамъ то нашимъ поклониться отъ васъ?

— Курочкамъ поклонитесь, а пѣтухамъ передайте, что я сказалъ.

Проводивъ Стопановскаго, Кроль далъ волю языку:

— Тоже дѣятель!.. серьезнымъ хочетъ быть!.. порскалъ Николай Ивановичъ, размахивая руками, и гдѣ же?.. въ «Искрѣ»!.. И онъ раскатился громкимъ смѣхомъ. А посмотришь со стороны: что это такое? Сосудъ скудельный, и сосудъ пустой, звѣнящій подъ ударомъ щелчка, надутый пузырь, набитый сухимъ горохомъ,

если его поднимутъ и тряхнутъ—загремитъ! а бросятъ въ уголъ—ни гугу! Вотъ они, дѣятели то эти какіе! Не такъ ли, Петръ Косьмичъ?

— Я такъ мало знаю Михаила Михайловича, отвѣчалъ я, что, право, затрудняюсь отвѣчать вамъ что нибудь, да впрочемъ это и не особенно интересно.

— Вы правы, совершенно не интересно, поторопился согласиться со мною Кроль, и зашагалъ по комнатѣ.

— Что это у васъ за книга, Николай Ивановичъ, спросилъ я своего собесѣдника, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Это послѣдняя книжка «Современника», только что вышла, вотъ я и забралъ ее, что бы прочитать.

— Есть что нибудь въ ней особо выдающееся?

— Какъ же не быть! Вотъ хоть бы «Волненье въ мутной водѣ» Антоновича, или «Жизнь Шупова», романъ Михайлова.

— Скажите, пожалуйста, Николай Ивановичъ, какъ вы находите романъ Михайлова?

— Жестокъ и терпкъ... Вообще мнѣ стиль и манера новыхъ писателей не особенно нравится. Читаю, и не увлекаюсь. Это что то вродѣ кавказскаго кахетинскаго вина. Попробуешь — жестко и терпко, десны сводитъ, языкъ вяжетъ, а вопьешься—ничего себѣ, тянешь и похваливаешь, потому что въ голову ударяетъ такъ же, какъ и хересъ и портвейнъ. Но предложи вамъ кахетинскаго и портвейну, вы потянетесь къ портвейну, и вы будете правы, потому что лоза и культура не тѣ. Тоже самое и въ беллетристикѣ нашей: читаешь и Михайлова, когда ничего другаго нѣтъ, а поднесутъ что нибудь по пріятнѣе — бросишь это и потянешься къ болѣе пріятному. Законы удовлетворенія жажды вездѣ и во всемъ—одни и тѣже.

Мнѣ показалось забавнымъ сдѣланное Кролемъ сравненіе беллетристики съ виномъ и я разсмѣялся.

— Ну, вотъ, видите, Петръ Косьмичъ, потиралъ отъ удовольствія руки Николай Ивановичъ, вы согласны со мною. Тогда я вамъ скажу больше. Разговоръ о литературѣ возбуждаетъ охоту къ чтенію, разговоръ о винѣ возбуждаетъ желаніе выпить. Какъ вы думаете: не отправиться ли намъ къ Палкину позавтракать?

— Прекрасная мысль, Николай Ивановичъ, но я, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ: я долженъ сейчасъ отправиться въ редакцію «Военнаго Сборника», гдѣ я еще не былъ.

— Представиться генералу Менькову, этому китайскому бонзѣ! Я его знаю, я съ нимъ встрѣчался у графа Кушелева. Чтожъ, идите куда призываетъ васъ долгъ, а я пойду завтракать. Впрочемъ, знаете что? продолжалъ Кроль, подумавъ, бросьте вы этого Менькова и пойдемте завтракать. А позавтракаемъ, поѣдемъ къ графу Кушелеву, я васъ познакомлю съ нимъ: хотите?

— Покорнѣйше васъ благодарю за любезное приглашеніе, улыбнулся я въ отвѣтъ на это, но мнѣ кажется, что одного моего согласія тутъ недостаточно: нужно предварительно спросить графа: желаетъ ли онъ со мною познакомиться?

— Это все вздоръ! Если я привезу, онъ будетъ очень радъ. Вѣдь, у него собирается вся наша выдающаяся литературная молодежь. Чудесное, я вамъ скажу, зрѣлище! Аристократъ и писатели! Да гдѣ вы увидите что либо подобное? И онъ сталъ въ позу и продекламировалъ:

«Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень!..»

— Ну, рѣшайтесь, что ли, и поѣдемъ! заключилъ онъ, кладя мнѣ на плечо руку.

— Теперь никакъ не могу, Николай Ивановичъ, отвѣчалъ я твердо, на дняхъ я уѣзжаю недѣли на двѣ, на три, въ Москву и мнѣ у генерала Менькова нужно быть до отъѣзда. По возвращеніи же изъ Москвы, я съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю визитъ графу Кушелеву, если вы, конечно, испросите на то его разрѣшеніе.

— Экой вы какой несговорчивый! Ну, да что съ вами дѣлать, поѣзжайте куда хотите, а я пойду къ Палкину. Прощайте.

И онъ, приведя передъ зеркаломъ въ порядокъ свой костюмъ, взялъ шляпу, величественно раскланялся со мною и удалился.

Проводивъ Кроля, я поѣхалъ въ редакцію «Военнаго Сборника». Тамъ меня встрѣтилъ секретарь редакціи Николай Михайловичъ Григорьевъ. Узнавъ отъ меня, что я нахожусь въ Петербургѣ проѣздомъ и желаю представиться главному редактору, онъ тотчасъ же доложилъ ему и я былъ введенъ въ кабинетъ генерала Менькова.

Петръ Кононовичъ сидѣлъ въ креслѣ у окна и читалъ газету. При моемъ появленіи, онъ привсталъ, подалъ руку и весьма лю-

безно пригласилъ меня сѣсть. Генералъ-лейтенантъ Меньковъ былъ весьма полный, довольно живой и словоохотливый человѣкъ. Онъ разспросилъ меня о моей службѣ, положеніи и средствахъ, отозвался одобрительно о моихъ статьяхъ и спросилъ меня: намѣренъ ли я продолжать литературную дѣятельность?

— Мы не отъ себя зависимъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я ему искренно, личное мое желаніе, конечно, продолжать эту дѣятельность, но начальство у насъ, въ арміи, не особенно покровительствуетъ пишущимъ офицерамъ. Мнѣ уже дано было подъ рукою знать, что было бы лучше, если бы я занялся исключительно службой.

— Въ такомъ случаѣ переходите на службу въ Петербургъ. Хотите, я переговорю о васъ съ графомъ Гейденомъ: онъ можетъ быть согласится прикомандировать васъ къ Главному штабу.

— О, если бы это было возможно, я былъ бы очень благодаренъ вашему превосходительству.

— Я переговорю при первомъ же свиданіи съ графомъ, и сообщу вамъ о результатѣ, а вы оставьте въ редакціи свой адресъ.

— Здѣшній мой адресъ я оставлю, но я на дняхъ уѣзжаю для свиданія съ родными, въ Москву, гдѣ я думаю пробыть недѣли двѣ-три, по возвращеніи же въ Петербургъ, я буду имѣть честь быть у вашего превосходительства.

— Хорошо. Побывайте у меня по пріѣздѣ изъ Москвы. Если во время вашего отсутствія я успѣю сдѣлать что-нибудь въ вашу пользу, то вамъ тогда незачѣмъ будетъ и возвращаться въ полкъ. А пока прощайте.

И онъ отпустилъ меня, весьма радушно пожавъ руку.

Разговоръ этотъ натолкнулъ меня на мысль хлопотать о прикомандированіи къ Главному штабу. Въ то время въ штабѣ этомъ состоялъ на службѣ весьма расположенный ко мнѣ человѣкъ, маіоръ Валеріанъ Осиповичъ Соколовскій, который прежде служилъ въ штабѣ 1 пѣхотной дивизіи старшимъ адъютантомъ и хорошо зналъ меня. Я отправился къ нему, передалъ ему разговоръ съ Петромъ Кононовичемъ и просилъ его принять участіе въ дѣлѣ прикомандированія меня къ штабу. Онъ выслушалъ мою просьбу сочувственно и тутъ же представилъ меня исправлявшему тогда должность начальника отдѣленія, полковнику (нынѣ генералъ и членъ военнаго совѣта) Александру Алексѣевичу Якимовичу, который, разспросивъ меня о причинѣ, почему я желаю получить мѣсто въ Петербургѣ,

принялъ во мнѣ участіе и обѣщалъ оказать съ своей стороны надлежащее содѣйствіе.

Заручившись подобнымъ согласіемъ, я уѣхалъ домой съ нѣкоторыми уже надеждами и сталъ собираться къ поѣздкѣ въ Москву.

На утро я сдѣлалъ прощальный визитъ Василію Степановичу Курочкину. Онъ принялъ меня любезно, но крайне сдержанно. Его видимо безпокоила неудача несостоявшагося вечера, и онъ стѣснялся неисполненіемъ даннаго тогда обѣщанія. Узнавъ, что я уѣзжаю въ Москву, онъ нѣсколько оживился, пригласилъ меня къ своему домашнему завтраку и познакомилъ меня съ Натальей Романовной. За рюмкой вина онъ воздалъ ей должную хвалу за ея хозяйственную распорядительность и заботы о семьѣ, а главное, за неустанную попечительность о его домашнемъ покоѣ и здоровьѣ мальчика. Затѣмъ разговоръ перешелъ на «алую тетрадь».

— Что же вы печатать ее думаете? спросилъ меня Василій Степановичъ.

— Самъ лично я не рѣшился бы на это, отвѣчалъ я, но Порфирій Ассигкритовичъ Климовъ взялся издать ее на свой счетъ, и я передалъ ее въ его непосредственное распоряженіе, такъ что онъ отдалъ ее уже въ печать и книжка ко дню моего возврата изъ Москвы должна быть готова.

Когда рѣчь зашла о солидности и устойчивости «Искры», Василій Степановичъ отозвался самоувѣренно: «Искра»—камень-адамантъ, и врата адовы не одолѣютъ ее».

— Не думайте, распространялся онъ на эту тему, что я работаю только съ постоянными сотрудниками: Минаевымъ, Буренинымъ, Вейнбергомъ, Стопановскимъ и другими. Каждый новый день даетъ мнѣ новыхъ сотрудниковъ, предлагающихъ мнѣ услуги изъ всѣхъ уголковъ нашего необъятнаго отечества. Нѣтъ той почты, чтобы я не получилъ 20—30 писемъ отъ разныхъ корреспондентовъ съ матеріалами для «Искры». Правда, все это—сырье, его нужно переработывать. Но, вѣдь, мы только начинаемъ еще наше поступательное движеніе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ особенности, если намъ дадутъ полную свободу печати, мы оперимся. У «Искры» будутъ сотни сотрудниковъ, не кропуновъ, а людей ума, знанія и таланта, людей, преданныхъ дѣлу и способныхъ одушевить нашу теперешнюю мертвую подцензурную сатиру. Журналъ поднимется на довлѣющую ему высоту и я надѣюсь, что онъ—этотъ бѣдный мой журналъ, современемъ будетъ лежать на столѣ у каждаго образо-

ваннаго человѣка и къ голосу его будутъ прислушиваться не одни только простые смертные, но и люди съ вѣсомъ и положеніемъ въ государствѣ. Вотъ тогда-то мы съ вами, Петръ Косьмичъ, развернемся во всю и сдѣласмъ не одно дѣло доброе...

— Дай Богъ! дай Богъ! лепеталъ я, увлекаемый такими широкими задачами почтеннаго Василія Степановича [3]).

— А знаете ли, почему я такъ расположенъ къ вамъ, Петръ Косьмичъ? спрашивалъ меня гостепріимный хозяинъ. Очень просто. Я самъ началъ писать, будучи юнымъ офицеромъ и по личному опыту знаю, какъ тяжело нашему брату, субалтернъ-офицеру, пробивать себѣ дорогу. Поэтому, я поставилъ себѣ задачей помогать коллегамъ по жребію судьбы чѣмъ могу—словомъ, дѣломъ или совѣтомъ. Въ этомъ отношеніи вы можете всегда разсчитывать на меня.

Поблагодаривъ его отъ души, я разсказалъ ему, что мнѣ удалось заручиться нѣкоторыми шансами на причисленіе къ Главному штабу, и что я, если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году, переселюсь на жительство въ Петербургъ.

— Ну, вотъ и отлично, одобрилъ Василій Степановичъ, значитъ, мы будемъ съ вами жить въ сосѣдствѣ, не забывайте же «Искры», помните, что у васъ тутъ есть друзья.

---

[3]) Конечно, все это осталось въ области прекрасныхъ мечтаній и суетныхъ надеждъ. «Искра», какъ извѣстно, въ скорости зачахла, и, не смотря на всѣ усилія ея властителя, должна была прекратить свое существованіе. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ тяжеломъ событіи въ жизни Василія Степановича, тѣмъ болѣе, что въ своемъ мѣстѣ я сообщу о немъ извѣстные мнѣ факты. Но при всемъ томъ, мнѣ кажется вполнѣ умѣстнымъ, именно здѣсь указать на тотъ фактъ, что «Искра» прекратилась не потому, что—какъ заявилъ г. Чуйко въ «Очеркахъ современной русской поэзіи»,—прошла пора обличеній и обличительная литература пріѣлась публикѣ, но вслѣдствіе того, что издатель «Искры» жилъ выше своихъ средствъ, къ чему его вынуждали многія обстоятельства, а главное—постоянныя столкновенія его съ Натальей Романовной, которую онъ ненавидѣлъ и презиралъ, но терпѣлъ ради ребенка, и отъ которой онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, убѣгалъ и бросался въ водоворотъ столичныхъ развлеченій, стоящихъ, какъ извѣстно, большихъ денегъ. Я думаю даже, что «Искра», будь у ней не 5—10000, а 30—40000 подписчиковъ—и тогда не могла бы долго существовать при главенствѣ В. С. Курочкина, такъ какъ увеличеніе средствъ послужило бы только къ увеличенію его случайныхъ тратъ, а результаты, въ концѣ концовъ, получились бы одни и тѣже.

Выйдя отъ Курочкина, я поѣхалъ проститься съ Минаевымъ въ Лѣсной, но не засталъ его дома. Екатерина Александровна приняла меня въ сильномъ нервномъ раздраженіи.

— Дмитрій Дмитріевичъ, жаловалась она мнѣ на мужа съ неудовольствіемъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ вами, сталъ чаще отлучаться изъ дому: ѣздитъ на какіе-то обѣды, ходитъ по какимъ-то дѣламъ; пожалуйста, не увлекайте его.

— Я завтра уѣзжаю въ Москву, успокоивалъ я волновавшуюся супругу Дмитрія Дмитріевича, и тогда, вашъ супругъ, по всей вѣроятности, будетъ болѣе расположенъ къ своимъ пенатамъ.

— Вы, вотъ, смѣетесь, а мнѣ горе съ нимъ, продолжала хандрить Екатерина Александровна, если бы вы только знали, что я выношу отъ него, вы пожалѣли бы меня. Чего, чего я только не дѣлаю, чтобы успокоить его бурную натуру, но ничто не помогаетъ. Это не человѣкъ, а какой-то Везувій. Сегодня онъ какъ будто остылъ и молчитъ, а на утро кратеръ снова открывается и мечетъ лаву, камни и пламень. Что мнѣ дѣлать? научите.

— Отойдите въ сторону и полюбуйтесь изверженіемъ вашего вулкана издали.

— Ну, вотъ, вы опять смѣетесь!

— Регулировать изверженія вулкановъ еще способовъ не найдено, а потому, Екатерина Александровна, мнѣ кажется, всего благоразумнѣе было бы предоставить вашему Везувію полную свободу слѣдовать законамъ его огненной натуры.

— Ну, такъ я и знала, вы тоже, какъ и всѣ, за него!

Къ Николаю Степановичу я не ѣздилъ, но написалъ и послалъ письмо съ приглашеніемъ пріѣхать проводить меня. Однако, онъ не пріѣхалъ, такъ что провожали меня только М. М. Стопановскій и П. А. Климовъ. Въ Николаевскомъ вокзалѣ мы роспили, по обычаю, «отвальную», пожали другъ другу крѣпко руки, и я сѣлъ въ вагонъ.

— Не забывайте въ Москвѣ «Искры», откланивался Михаилъ Михаиловичъ.

— Можетъ ли Москва интересоваться искрой, замѣтилъ шутя Порфирій Ассигкритовичъ, когда у ней изъ головы не выходитъ пожаръ двѣнадцатаго года.

— Какъ же не интересоваться искрой, разсмѣялся Стопановскій, провожая по платформѣ тронувшійся поѣздъ, когда и самый пожаръ двѣнадцатаго года былъ ничто иное, какъ послѣдствіе искры.

VI.

Возвращеніе въ Петербургъ. — Хлопоты о прикомандированіи и неудача.—Выходъ въ свѣтъ книжки моихъ стихотвореній.—Обѣдъ и литературное чтеніе.— Знакомство съ Н. А. Некрасовымъ.— Встрѣча съ Н. В. Успенскимъ.— Въ Павловскомъ воксалѣ.— А. А. Краевскій и С. С. Дудышкинъ.—Прощальные визиты.—Отъѣздъ въ полкъ.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ, и первое время по возвращеніи употребилъ на хлопоты о прикомандированіи къ Главному штабу, ходилъ нѣсколько разъ къ генералу Менькову и былъ въ Главномъ штабѣ, но дѣло затягивалось и не спорилось. Графъ Гейденъ отнесся къ просьбѣ Петра Кононовича обо мнѣ весьма любезно, но пока дѣлались запросы и справки, писались докладные записки и доклады, время бѣжало, срокъ отпуска моего истекалъ и мнѣ предстояло подчиниться гнету обстоятельствъ и возвратиться обратно въ полкъ. Но не буду забѣгать впередъ, скажу только, что прикомандированіе мое состоялось въ началѣ апрѣля 1866 года, когда я, вызванный письмомъ генерала Менькова, вторично пріѣхалъ въ Петербургъ.

Посвящая, такимъ образомъ, все время на устройство своихъ служебныхъ дѣлъ, я, конечно, не имѣлъ возможности часто видѣться съ моими литературными друзьями. Но книжка «Стихотвореній поэта-солдата» П. А. Климовымъ была уже издана и я преподнесъ по экземпляру ея: В. С. и Н. С. Курочкинымъ, Д. Д. Минаеву и М. М. Стопановскому. Поэтъ-сатирикъ какъ-то утромъ зашолъ ко мнѣ, поздравилъ меня «съ успѣшнымъ штурмомъ Парнасса», и потребовалъ «спрыски».

— Ты тамъ какъ хочешь, насѣдалъ онъ на меня авторитетно, а спрыснуть надо; иначе не будетъ успѣха.

— Что же, позавтракать что ли соберемся? сдавался я на такіе неотразимые доводы.

— Можно и позавтракать.

— Или лучше уже пообѣдать?

— Пообѣдать, конечно, лучше.

— Тогда ужъ лучше пообѣдаемъ, только не такъ шикарно, какъ въ первый разъ.

— Зачѣмъ шикарно? Пообѣдаемъ запросто.

И вотъ спустя нѣсколько дней, по совѣту Николая Степановича, мы еще разъ сошлись на обѣдъ у Донона въ числѣ пяти человѣкъ.

Изъ числа лицъ, бывшихъ на первомъ обѣдѣ, явились только четверо: Н. С. Курочкинъ, Д. Д. Минаевъ, П. И. Пашино и я. В. С. Курочкинъ и П. А. Климовъ извинились за невозможностью быть, по случаю какихъ-то спѣшныхъ дѣлъ, а прочихъ «кумъ» не звалъ. Обѣдъ состоялся «со всѣми онерами», но прошелъ скромно, безъ рѣчей и тостовъ, кромѣ одного — за успѣхъ изданія. Послѣ обѣда были въ Михайловскомъ театрѣ, но видѣли мало и скоро уѣхали. Изъ экспромтовъ Д. Д. Минаева я записалъ слѣдующій:

Прекрасно накормилъ Донопъ!..
Кумъ, я тобой доволенъ!..
Желудокъ мой такъ нагружонъ,
Что я въ себѣ не воленъ...
Языкъ сталъ хромъ, и ноги слабы,
Въ очахъ сѣро и мглисто....
Смотрю вокругъ—людей нѣтъ—крабы...
Зрю въ Пашино—апста...
Поэтъ-солдатъ, гдѣ ты?.. Ерша
Я вижу лишь съ тромбономъ,
И, вмѣсто кума,—антраша
Танцуетъ гусь съ Дономъ!..

За обѣдомъ Николай Степановичъ сообщилъ мнѣ, что Н. А. Некрасовъ въ городѣ, и что онъ на дняхъ будетъ участвовать въ литературномъ чтеніи въ залѣ Бенардаки, на Невскомъ.

— Хотите, поэтъ Мартьяновъ, я васъ познакомлю съ нимъ! прибавилъ онъ лукаво, зная уже давно мое искреннее желаніе познакомиться съ нимъ.

— Еще бы не хотѣть!..

— Такъ пріѣзжайте на вечеръ, слащаво улыбнулся искуситель, я буду тамъ и тамъ могу познакомить васъ.

Я запасся билетомъ на это чтеніе, и въ назначенный день забрался въ зало пораньше: меня дѣйствительно интересовало знакомство съ «печальникомъ народа», сѣлъ на свое кресло и сталъ ждать его появленія. Публика собиралась и разсаживалась шумно, зажгли на приготовленномъ для чтенія столикѣ свѣчи, но я за массой народа просмотрѣлъ приходъ Некрасова. Я увидѣлъ его, когда онъ вышелъ на эстраду и подошелъ къ столику. Въ наружности его не было ничего поэтическаго, по облику, манерамъ и неуклюжести своей онъ напоминалъ скорѣе простаго скромнаго учителя или конторіста, но не поэта. Въ немъ не было даже Кролевскаго шика и апломба.

Публика встрѣтила его аплодисментами, онъ раскланялся и сѣлъ за столъ. Вынувъ изъ кармана нѣсколько исписанныхъ листковъ, онъ положилъ ихъ на столъ, расправилъ рукой и сталъ читать. Читалъ онъ «Пѣсни о свободномъ словѣ: Разсыльный, Наборщикъ, Поэтъ, Литераторъ, Публика, Пропала книга» и другіе. Сюжетъ пѣсенъ былъ вполнѣ современенъ, онъ затрогивалъ вопросъ о только-что зарождавшейся тогда свободной прессѣ. Публика прослушала ихъ съ большимъ интересомъ и, по окончаніи чтенія, вознаградила поэта восторженными аплодисментами. Но аплодисменты эти, нужно думать, относились или лично къ поэту, пользовавшемуся громадной популярностью среди молодежи, или къ сюжету пѣсенъ, такъ какъ самое чтеніе было далеко неудовлетворительно и многіе изъ числа публики, въ особенности лица, никогда не слыхавшія чтенія поэта, явно выражали свое разочарованіе. Некрасовъ читалъ нервно, порывисто и неровно; голосъ его, глухой и сиплый, несмотря на форсированіе, уподоблялся какому-то далекому подземному выкрику, билъ по нервамъ и заставлялъ невольно вздрагивать и морщиться. Но мысль, хотя бы переданная такимъ непривлекательнымъ органомъ, не могла не имѣть вліянія на массу, и поэта вызвали и проводили съ аплодисментами. Когда Николай Алексѣевичъ, окончивъ чтеніе, проходилъ по залѣ къ выходу, въ сопровожденіи цѣлаго хвоста разныхъ лицъ, Курочкинъ остановилъ его и, указавъ на меня, иронично представилъ:

— Поэтъ-солдатъ желаетъ имѣть честь... примите увѣреніе и прочее, и прочее.

Некрасовъ окинулъ меня быстрымъ взглядомъ и ласково промолвилъ:

— А!.. очень радъ!.. Что же вы не зайдете ко мнѣ? заходите, пожалуйста, безъ церемоніи. По утрамъ я всегда дома.

— Ваши гости, всегда ваши гости! не давъ мнѣ сказать слова, сфиглярничалъ Курочкинъ.

Николай Алексѣевичъ улыбнулся, покачалъ головой, пожалъ намъ руки и прослѣдовалъ далѣе. Толпа ринулась за нимъ и при выходѣ устроила ему манифестацію.

— Видишь! сказалъ мнѣ внушительно Николай Степановичъ, служи народу, служи честно,—и тебя народъ также будетъ чествовать.

На утро я сдѣлалъ визитъ Н. А. Некрасову. Онъ былъ уже одѣтъ и собирался куда-то ѣхать съ Николаемъ Васильевичемъ

Успенскимъ, извѣстнымъ беллетристомъ-народникомъ, сидѣвшимъ въ то время у него, съ какимъ-то другимъ долгогривымъ и угрюмымъ интеллигентомъ, который во все время моего визита упорно молчалъ и только грызъ свои траурные ногти. Я извинился, что пришелъ не во время.

— Ничего, ничего, перебилъ меня Николай Алексѣевичъ, присядьте, я еще имѣю нѣсколько минутъ свободныхъ. Вы, кажется, книжку своихъ стихотвореній издали?

Я молча поклонился и преподнесъ ему экземпляръ книжки. Онъ присѣлъ къ столу, перелистовалъ нѣсколько страницъ, прочелъ двѣ-три піески, повернулъ ко мнѣ голову и быстро проговорилъ:

— Бытъ солдата мнѣ совершенно неизвѣстенъ, но, какъ мнѣ кажется, въ немъ есть весьма интересныя стороны и надъ ними, по моему, слѣдовало бы поработать болѣе серьезно.

Перевернувъ еще нѣсколько страницъ, онъ прочиталъ вполголоса «Солдатку» и, повернувшись ко мнѣ всѣмъ корпусомъ тѣла, сказалъ:

— Это хорошо. Но знаете ли что!... вамъ слѣдовало бы попытаться начать писать прозою разсказы изъ солдатскаго быта. Вотъ Успенскій имя себѣ сдѣлалъ разсказами изъ народнаго быта. Но у насъ до сихъ поръ нѣтъ хорошихъ разсказовъ изъ солдатской жизни. Займитесь этимъ, и первые опыты принесите ко мнѣ: если будетъ удачно, я напечатаю.

Я отвѣчалъ, что на службѣ въ провинціи такъ мало свободнаго времени и начальство вообще противъ офицеровъ-писателей, но что я хлопочу перейти на службу въ Петербургъ, и если это мнѣ удастся, то я, конечно, не премину воспользоваться его любезною обязательностью.

— Солдатскій бытъ имѣетъ уже своихъ рапсодовъ, вмѣшался въ нашъ разговоръ Успенскій, въ лицѣ покойнаго Скобелева и благополучно здравствующаго Погосскаго, дальше ихъ идти нельзя.

— Не говорите этого, Николай Васильевичъ, возразилъ ему «печальникъ народа», старое старится, молодое ростетъ, поэтому, всякая новая попытка восполнить извѣстную отрасль литературы должна быть встрѣчаема съ сочувствіемъ. Однако, намъ пора, поѣдемте!

Я всталъ и подошелъ проститься.

— Долго вы еще пробудете здѣсь, спросилъ меня Некрасовъ, вставая съ кресла.

— Я и самъ еще не знаю. Срокъ моего отпуска недѣли черезъ

двѣ окончится, и тогда мнѣ, если я здѣсь не устроюсь, придется возвратиться въ полкъ.

— Желаю вамъ устроиться! Во всякомъ случаѣ, мы еще съ вами увидимся—вы, вѣдь, зайдете ко мнѣ?

— Всенепремѣнно...

— Такъ приходите же. А пока до свиданья.

На закрытіи Павловскаго воксала, я встрѣтился съ Н. И. Кролемъ. Въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ онъ заявилъ претензію на то, что я не прислалъ ему книжки моихъ стихотвореній и не пригласилъ на «спрыски» ея.

— Такимъ непонятнымъ поступкомъ, неистово ораторствовалъ онъ, морская, по обыкновенію, въ бороду, вы сами лишили себя права на пріемъ у графа Кушелева: теперь я васъ не повезу къ нему ни за какія коврижки.

Я объяснилъ ему, что приглашенія разсылалъ Николай Степановичъ, которому была предоставлена мной полная свобода дѣйствій, но онъ не хотѣлъ вѣрить, надулся и долго молчалъ. Пройдя нѣсколько шаговъ вмѣстѣ со мною по воксалу, онъ замѣтилъ стоявшихъ близъ эстрады А. А. Краевскаго и С. С. Дудышкина, подошелъ и познакомилъ меня съ ними. Я поблагодарилъ Андрея Александровича за появившуюся въ «Голосѣ» очень сочувственную рецензію книжки моихъ стихотвореній, и попросилъ позволенія прислать ему экземпляръ.

— Пожалуйста, отвѣчалъ онъ, а будетъ время, заходите ко мнѣ и сами.

— И намъ пришлите, и мы читать умѣемъ, отозвался редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», вамъ нужно послать вашу книжку во всѣ редакціи.

Я отвѣчалъ, что этимъ дѣломъ завѣдуетъ издатель, и что онъ, вѣроятно, исполнитъ все, что нужно. Начавшаяся музыка прекратила разговоръ и мы съ Н. И. Кролемъ отошли въ сторону; минуту спустя, онъ увидалъ еще какого-то знакомаго, бросился къ нему и исчезъ.

Дня черезъ два, вечеромъ, я встрѣтился съ Н. В. Успенскимъ въ ресторанѣ Палкина; онъ сидѣлъ въ какой-то компаніи, но, увидѣвъ меня, оставилъ ее и присѣлъ къ моему столу. Онъ былъ веселъ и жизнерадостенъ. Выпивъ со мною стаканъ вина, онъ пустился въ сердечныя изліянія, относился къ своимъ литературнымъ коллегамъ свысока и пренебрежительно: Н. А. Некрасова обозвалъ

эксплуататоромъ бѣдныхъ тружениковъ, Краевскаго—жидомъ-ростовщикомъ, Благосвѣтлова — анаѳемой, товарищей честилъ уменьшительными именами: Сашка Левитовъ, Васька Слѣпцовъ, Николашка Помяловскій. Все это, по его словамъ, была мелочь, мошка, мразь. О своихъ разсказахъ онъ былъ высокаго мнѣнія, и также высоко цѣнилъ беллетристическія работы Глѣба Ивановича Успенскаго. «Это—прирожденный талантъ, говорилъ онъ, и пойдетъ далеко. Мы съ нимъ братья, конечно, двоюродные. Два Лазаря. Только онъ—Лазарь богатый, а я—Лазарь бѣдный. Онъ горожанинъ, сынъ богатаго палатскаго секретаря, а я—сельчанинъ, сынъ левита. Онъ въ молодости катался какъ сыръ въ маслѣ, а я глодалъ сухую корку хлѣба. Онъ вышелъ изъ школы со всякими дипломами, а я—недоучка. Но, благодаря Бога, талантомъ я не обиженъ и иду съ Глѣбомъ Ивановичемъ нога въ ногу. Что будетъ дальше — не знаю, а теперь пока всѣмъ этимъ моимъ антагонистамъ я стану костью въ горлѣ. Никому ни въ чемъ не уступлю... Ни на эстолько!» и онъ показалъ конецъ мизинца.

— И такъ, во всемъ? спросилъ я его, чтобы поддержать разговоръ.

— Во всемъ, безъ исключенія.

— Даже въ жертвахъ Бахусу?

— Еще бы! Да знаете ли вы, что сказалъ обо мнѣ Митька Минаевъ? Онъ сказалъ:

«Ну, что мы пьемъ!.. хоть много пьемъ и часто,—
Графинъ, другой,—и баста!
Насъ перепьетъ всѣхъ авторъ «Поросенка»:
Онъ въ день пьетъ—полбоченка!»

Когда положительно выяснилось, что прикомандированіе мое въ настоящее время состояться не можетъ, я, скрѣпя сердце, сталъ собираться къ отъѣзду. Сдѣлалъ прощальные визиты П. К. Менькову, Н. А. Некрасову и А. А. Краевскому, былъ у Н. С. и В. С. Курочкиныхъ и Д. Д. Минаева и посѣтилъ А. П. Швабе. Вездѣ я былъ принятъ очень радушно; всѣ сожалѣли, что я не могъ пристроиться въ Петербургѣ и пожелали мнѣ счастливаго пути. У Минаева я обѣдалъ. Когда я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Н. В. Успенскимъ и его отзывахъ о «братьяхъ писателяхъ», Дмитрій Дмитріевичъ отозвался такъ:

Намъ истинныхъ глупцовъ не отыскать никакъ,
Хоть ими прудъ пруди, нисколько не робѣя.
Но дѣло въ томъ: никто себѣ не врагъ,
И ужъ всегда отыщется дуракъ,
Считающій себя кого-нибудь умнѣе.

На вокзалъ меня проводилъ П. А. Климовъ. Но передъ самымъ отходомъ поѣзда, на платформѣ совершенно неожиданно появился Н. С. Курочкинъ, передалъ мнѣ присланный Василіемъ Степановичемъ томикъ «Пѣсенъ Беранже» съ надписью: «Поэту-солдату на память перваго его дебюта въ литературномъ мірѣ» и пожелалъ счастливаго пути. Когда же я сѣлъ въ вагонъ, послѣ втораго звонка, онъ, пожимая мнѣ руку, подалъ листокъ и сказалъ: «а это отъ меня». Я развернулъ и прочиталъ:

Совѣтъ друга.

Не возносися въ счастіи, поэтъ,
Въ несчастіи не падай духомъ,
Познай себя, и общество, и свѣтъ,
За мухой слова не гонись съ обухомъ,
Чти умъ, достоинство, авторитетъ,
Льсти барынямъ, поддакивай старухамъ,
Особамъ и дѣльцамъ неси привѣтъ,
Жми руки ловеласамъ и евнухамъ,
Умѣй молчать, отвѣтить, дать совѣтъ,
Владѣй очами, языкомъ и слухомъ,—
И проживешь легко ты до ста лѣтъ,
Украсясь лысиной и толстымъ брюхомъ.

Нужно ли говорить: въ какомъ настроеніи я оставилъ Петербургъ!

ПОЛКОВЫЯ ОФИЦЕРСКІЯ БИБЛІОТЕКИ.

ВЪ АРМІИ много говорятъ о необходимости усиленія средствъ и улучшенія состава полковыхъ офицерскихъ библіотекъ. Въ обществѣ носится слухъ, что правительство съ своей стороны имѣетъ въ виду помочь полковымъ библіотекамъ и устроить научные отдѣлы библіотекъ, такъ какъ средствъ, даваемыхъ офицерами недостаточно, а движеніе науки настоятельно требуютъ пополненія библіотекъ современными научными пособіями. Что полковыя офицерскія библіотеки, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, далеко неудовлетворительны по всѣмъ вообще отдѣламъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться не разъ. Мы видѣли библіотеки, гдѣ шкафы ломятся подъ тысячами экземпляровъ различныхъ сочиненій. Чего въ нихъ нѣтъ! Тутъ романы и повѣсти Булгарина, Лажечникова, Воскресенскаго, Загоскина, Зотова, тутъ и «Тысяча одна ночь», арабскія сказки, и «Странствованія Телемака», «преложенныя» на русскій языкъ Захаровымъ въ 1786 году, и «Философъ англинской» или «Житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвелева», напечатанное въ 1764 году; трудовъ писателей современныхъ или мало, или совсѣмъ нѣтъ. Мы видѣли и такія библіотеки, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ старыхъ журналовъ да десятковъ трехъ или четырехъ книгъ всѣхъ родовъ, начиная съ «Духа законовъ» Монтескье и «Политической экономіи» Молинари до «Поваренной книги» Авдѣевой. Мы видѣли, наконецъ, библіотеки, гдѣ каталоги составлены съ знаніемъ дѣла; но книги... книги безъ переплетовъ, разбросаны, перепачканы, растеряны; въ каталогахъ то и дѣло встрѣчаются отмѣтки: «такія-то части утеряны». Въ иныхъ библіотекахъ нѣтъ даже никакихъ руководствъ для составленія би-

бліотекъ и управленія ими. При такомъ положеніи дѣла, учрежденіе библіотекъ должно подвергнуться коренной реформѣ.

Реформа эта тѣмъ скорѣе можетъ совершиться, чѣмъ менѣе общество будетъ разсчитывать на субсидіи. Нужно только небольшое усиліе, небольшія пожертвованія, да добрая воля идти по пути, однажды предначертанному, и библіотеки обновятся, составятся безъ субсидій.

Для благосостоянія библіотекъ, кромѣ денежныхъ средствъ, необходима опредѣлительная система составленія библіотекъ и управленія ими; а этого-то у насъ во многихъ частяхъ арміи и нѣтъ.

Начальникъ одной пѣхотной дивизіи, заботясь о составленіи въ подвѣдомственныхъ ему частяхъ офицерскихъ библіотекъ, въ послѣдовавшемъ по сему предмету распоряженіи говоритъ:

«При настоящей общей потребности умственнаго развитія, и военное сословіе выказало готовность принять мѣры къ доставленію себѣ средствъ для развитія и поддержанія образованія. Гг. офицеры, слѣдуя только своему побужденію и потребностямъ, согласились въ отдѣльныхъ частяхъ образовать библіотеки. Эта мысль такъ благотворна, такую можетъ принести пользу, что остается только желать одного: дабы она нашла себѣ соотвѣтствующихъ исполнителей, которые со всѣмъ усердіемъ къ пользѣ общества принялись бы за это дѣло.

«Но при основаніи библіотекъ учредители впали, по неопытности, въ ошибки. Самая главная изъ нихъ, отъ которой могла бы потеряться цѣль основанія библіотекъ, та, что на составъ ихъ, какъ видно изъ библіотечныхъ каталоговъ, не вездѣ обращено должное вниманіе. Офицеры, выбранные библіотекарями, не задали себѣ труда составить хотя какой-нибудь планъ для выписки книгъ, а потому пріобрѣтали первыя попавшіяся подъ руку въ книгопродавческихъ каталогахъ. Отъ этого, вмѣсто необходимыхъ и полезныхъ сочиненій, долженствующихъ составлять библіотеки, въ нихъ встрѣчаются: «Первоначальный способъ изученія итальянскихъ языковъ», «Тысяча анекдотовъ» и другія».

Это вступленіе довольно мѣтко характеризуетъ состояніе нашихъ полковыхъ библіотекъ. Далѣе опытный администраторъ говоритъ:

«Дабы общія офицерскія библіотеки своимъ составомъ могли удовлетворять цѣли, необходимо устроить ихъ на положительныхъ къ развитію и поддержанію образованія вообще и военнаго по преимуществу направленныхъ основаніяхъ.

«Первою потребностію офицера въ смыслѣ умственныхъ заня-

тій, есть, конечно, познанія, необходимыя ему въ этомъ быту, т. е. познанія военныя. Поэтому на первомъ планѣ при составленіи бібліотекъ въ первомъ и главномъ ихъ отдѣлѣ должны быть сочиненія военныя. Выписка этого рода сочиненій должна начаться съ лучшихъ учебниковъ военныхъ наукъ: тактики, фортификаціи, полевой и долговременной, артиллеріи, стратегіи и проч.

«Затѣмъ слѣдуетъ пріобрѣтеніе сочиненій извѣстныхъ военно-историческихъ авторовъ: Милютина, Бутурлина, Богдановича и другихъ; потомъ біографіи знаменитыхъ военныхъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; наконецъ, военныхъ журналовъ. Вообще нельзя сказать, чтобы въ настоящее время военная литература, даже собственно русская, была бѣдна хорошими произведеніями, и самое званіе офицера уже требуетъ отъ него ближайшаго съ ними знакомства.

«Ко второму отдѣлу слѣдуетъ отнести книги, знакомство съ которыми необходимо каждому образованному человѣку, по предметамъ, которые найдутъ, можно сказать, вседневное примѣненіе въ частной жизни офицеровъ, каковы: исторія, физика, химія, исторія русской литературы и проч. Въ этотъ отдѣлъ включаются: путешествія, біографіи знаменитыхъ людей, историческія записки лучшихъ писателей и проч.

«Наконецъ, третій отдѣлъ, для легкаго чтенія, долженъ заключать въ себѣ: собраніе произведеній лучшихъ русскихъ писателей, лучшіе литературные журналы, повѣсти и романы русскихъ и иностранныхъ писателей и проч.

«Здѣсь указано только основаніе плана, которому долженъ слѣдовать библіотекарь, не стѣсняясь имъ и не слѣдуя ему въ буквальномъ смыслѣ, но стараясь, по возможности и по средствамъ, распространять его. Не нужно, при выпискѣ, слѣдовать порядку нумеровъ въ отдѣлахъ, т. е. пополнять спачала первый, потомъ второй и т. д.; но необходимо постановить правиломъ, чтобы при всякой выпискѣ книгъ къ каждому отдѣлу прибывала какая-нибудь часть. Конечно, чтобы пріохотить къ чтенію, слѣдуетъ начать съ пріобрѣтенія книгъ для легкаго чтенія, потомъ уже пополнять и другіе отдѣлы.

«Выпискою книгъ полезно вначалѣ распорядиться такимъ образомъ, чтобы половина составленной офицерами суммы шла на выписку книгъ третьяго отдѣла, а для прочихъ отдѣловъ по одной четвертой части суммы.

«Можно утвердительно сказать, что при такихъ условіяхъ основанная библіотека удовлетворитъ всякому требованію и принесетъ несомнѣнную пользу».

Относительно же составленія библіотечной суммы, храненія и веденія о ней отчетности, а также избранія библіотекаря и повѣрки дѣйствій его генералъ рекомендуетъ правила, которыя мы передадимъ въ сжатомъ видѣ:

1) Сумма составляется, по добровольному согласію офицеровъ, вычетомъ изъ жалованья съ каждаго безъ исключенія поровну, и если вкладъ будетъ по одному рублю въ треть съ каждаго, то сумма сбора будетъ простираться до 200 рублей въ годъ.

2) Сумма находится на храненіи и въ распоряженіи полковаго библіотекаря, который обязанъ вести три книги: 1) о приходѣ и расходѣ библіотечной суммы, 2) о выдачѣ офицерамъ книгъ и 3) каталогъ состоящимъ въ библіотекѣ книгамъ.

3) Библіотека помѣщается или при полковой канцеляріи, или при квартирѣ библіотекаря, но въ особомъ помѣщеніи, чтобы офицеры могли, если пожелаютъ, заниматься и въ библіотекѣ, имѣя подъ рукою атласы и прочія пособія.

4) Библіотекарь избирается всѣмъ обществомъ офицеровъ полка, и непремѣнно изъ субалтернъ-офицеровъ, и утверждается приказомъ по полку. При этомъ постановлено условіе, чтобы библіотекарь предварительнымъ образованіемъ былъ приготовленъ къ занятію этой должности.

5) Библіотекарь освобождается отъ занятія другихъ постоянныхъ должностей и употребляется только для исполненія кратковременныхъ служебныхъ обязанностей. По полученіи вычтенныхъ съ офицеровъ денегъ, онъ составляетъ каталогъ книгамъ, подлежащимъ выпискѣ, и представляетъ на утвержденіе командиру части. Онъ наблюдаетъ, чтобы книги поступали въ пользованіе офицеровъ не иначе, какъ въ переплетѣ. Въ случаѣ же порчи или утраты книгъ, доноситъ для взысканія съ офицера денегъ по стоимости книгъ.

6) Для обревизованія дѣйствій библіотекаря и для повѣрки суммы, ежегодно, при тѣсныхъ сборахъ полковъ, предъ каждымъ новымъ выборомъ, назначается комиссія изъ одного штабъ и шести оберъ-офицеровъ, которые, по сдѣланіи ревизіи, о результатѣ ея составляютъ отчетъ и представляютъ командиру части. Отчетъ этотъ объявляется въ приказѣ для всеобщаго свѣдѣнія.

Если бы во всѣхъ частяхъ арміи были хотя подобныя руководства, то нѣкоторыя офицерскія библіотеки не стояли бы теперь на такой низкой степени.

Библіотекарь—душа библіотеки. Онъ долженъ избираться непремѣнно обществомъ офицеровъ; но въ нѣкоторыхъ частяхъ библіотекари назначаются командирами, при чемъ интересъ библіотекъ оставляется иногда на второмъ планѣ. Такъ, еще недавно, мы ви-

дѣли въ одномъ полку управляющимъ библіотекою полковаго священника; въ другомъ завѣдывалъ библіотекою лекарскій помощникъ. Бываютъ случаи еще поразительнѣе: въ одной части войскъ, при офицерской библіотекѣ мы вовсе не нашли библіотекаря. Библіотека, уложенная по походному въ ящикахъ, стоитъ въ полковой канцеляріи, и если кому нужны книги, то обращаются къ полковому писарю съ просьбой отыскать ихъ.

То же самое можно сказать и о способѣ пополненія библіотекъ. Расходы дѣлаются не съ цѣлію пополнять отдѣлы новѣйшими научными, историческими или беллетристическими сочиненіями, соображаясь съ каталогомъ и средствами библіотекъ, а такъ себѣ—или по существующей издавна рутинѣ выписывать то, что выписывалось прошлый годъ, замѣняя для разнообразія одинъ журналъ другимъ, или дѣйствуя по вдохновенію... «Кажется, это выписать будетъ хорошо?» спрашиваетъ библіотекарь у полковаго льва. «Безъ сомнѣнія—отвѣчаетъ левъ—я слышалъ въ Петербургѣ: авторъ—талантливый господинъ». И вотъ на слѣдующій годъ выписывается выбранное наугадъ сочиненіе, и всѣ, за малыми исключеніями, довольны: библіотекарь—что посовѣтовался со львомъ; левъ—что къ нему обращаются за совѣтами; офицеры—что будутъ читать «талантливаго автора».

Открываемъ библіотечную книгу одного полка и видимъ: въ приходѣ за январьскую и майскую трети съ небольшимъ 100 р., текущая сентябрьская треть дастъ съ чѣмъ-нибудь 50 р.; всего въ приходѣ будетъ около 150 р. Посмотримъ же, на какой предметъ употреблена эта сумма.

По приходу значится:

	Руб.	Коп.
а) На выписку газетъ, журналовъ и другихъ изданій.	127	56
б) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ N въ NN.	4	50
в) На укупорку	1	20
г) За перевозку библіотеки при передвиженіи полка изъ NN въ NNN	22	20
Итого въ расходѣ. .	155	46

Слѣдовательно, годовая подписная сумма почти вся въ расходѣ; остатокъ самый малый.

Теперь полюбопытствуемъ, что пріобрѣла библіотека за 127 р. 56 к.

По книгѣ значатся выписанными:

		Руб.	Коп.
5 журналовъ		68	50
2 газеты		31	»
Разныя изданія:	«Мѣсяцесловъ»	1	15
» »	«Оружейный Сборникъ»	6	50
» »	«Памятная книжка»	2	65
Приказы:	Высочайшіе, военнаго министра и циркуляры инспекторскаго департамента	16	»
На пересылку денегъ при выпискѣ		1	76
		127	56

Пополнять библіотеку исключительно періодическими изданіями нераціонально. Отражая въ себѣ современную жизнь, журналы не могутъ замѣнить собою такихъ книгъ, значеніе которыхъ остается неизмѣннымъ на многіе годы. Конечно, есть и въ журналахъ статьи капитальныя, никогда неутрачивающія своего достоинства; но дѣло въ томъ, что выписанные журналы остались безъ переплета, и черезъ годъ отъ нихъ останутся одни остовы, по которымъ нельзя будетъ опредѣлить даже того, къ какому году они принадлежатъ. Отъ газетъ же, приказовъ и циркуляровъ не остается ничего. Изданія эти потребовали отъ библіотеки, какъ мы видимъ изъ разсчета, болѣе одной третьей части всей суммы, употребленной на выписку, и не принесли обществу пользы. Газеты, какъ извѣстно, имѣютъ интересъ дня: какую же пользу онѣ могутъ приносить офицерамъ, квартирующимъ всю зиму по деревнямъ, верстахъ въ 20—50 отъ полковаго штаба? Да и въ самомъ полковомъ штабѣ они читаются только въ небольшомъ кружкѣ такъ называемыхъ «чиновниковъ полковаго штаба». Приносятся газеты, большею частію, прямо съ почты на домъ къ полковымъ командирамъ; тамъ онѣ читаются и лежатъ до слѣдующей почты, потомъ отсылаются съ про-

чими бумагами въ полковыя канцеляріи... и исчезаютъ. Впрочемъ, новый или старый нумеръ газеты иногда можно еще встрѣтить въ полковой библіотекѣ; но приказовъ и циркуляровъ ни въ одной изъ библіотекъ находить намъ не случалось, хотя они, какъ мы видимъ по расходу библіотечной суммы, иными библіотеками и выписываются. Цѣль подобной выписки для насъ непонятна... Мы знаемъ только то, что всѣ вообще приказы высылаются войскамъ безплатно. Желающіе же получать приказы передовые, т. е. тотчасъ по отпечатаніи, выписываютъ другой экземпляръ, но выписываютъ на счетъ суммы, отпускаемой на канцелярскіе расходы.

Выписывая одни періодическія изданія да приказы, библіотека, быть можетъ, имѣла къ тому основанія. Ея отдѣлы научный, историческій и беллетристическій полны и богаты? Беремъ каталогъ и провѣряемъ. Въ отдѣлѣ военныхъ наукъ и математики находимъ: «Курсъ элементарной геометріи», Винцента, 1832 г.; «О военныхъ дѣйствіяхъ», Жомини, 1809 г.; «Военно-энциклопедическій лексиконъ», «Руководство къ артиллеріи», Силича; «Аналитику», Жомини; «Опытъ фортификаціи», Бусмара, 1818 г.; «Теорію стратегіи», Языкова; «Теорію партизанскихъ дѣйствій» Давыдова; «О военной съемкѣ», Дюпенъ-де-Монтесона, 1814 г.; «Тактику» Медема; «Исторію военнаго искусства древнихъ народовъ», Зедделера; «Фортификацію», Теляковскаго; «Военную исторію государства россійскаго до кончины Петра III»; «Записки маршала Сенъ-Сира»; «Артиллерійскія записки», Рѣзваго; «Математику», Лакроа, 1823 г.; «О крѣпостныхъ работахъ», 1843 г.; «О продовольствіи войскъ», Затлера, часть вторую. Итого 18 сочиненій. Отдѣлъ исторіи заключаетъ въ себѣ 49 сочиненій; между ними первое мѣсто принадлежитъ «Исторіи Карамзина», доведенной до 1612 года, изданія 1833 г. Затѣмъ слѣдуютъ: «Русская исторія», Глинки, 1825 г.; «Двадцатипятплѣтіе Европы», Зотова, 1841 г., и въ заключеніе «Всеобщая исторія», аббата Милота, 1820 г... тоже отдѣлъ богатый! Въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ 20 сочиненій; въ отдѣлѣ правовѣдѣнія, политики и политической экономіи 10 сочиненій; въ отдѣлѣ словесности 42 сочиненія. Въ томъ числѣ мы находимъ: «Учебникъ словесности», Греча; «Мазепу», Булгарина; «Аббаддонну», Полеваго, и другія рѣдкости. Вотъ и вся библіотека! Есть, кажется, о чемъ позаботиться, пополнить; но своеобразные взгляды библіотекаря рѣшаютъ дѣло иначе: деньги расходуются и библіотека богатѣетъ лишь журнальными остовами.

Мы не возстаемъ безусловно противъ выписки въ библіотеки журналовъ и газетъ; мы полагаемъ только, что всему должна быть мѣра, во всемъ должна преслѣдоваться предвзятая идея... Мы замѣчаемъ, библіотеки не пополняются потому, что выписываемыя періодическія изданія и книги гибнутъ безъ переплетовъ... Мы хотимъ сказать, что выписку газетъ полковые командиры могли бы принять на свой счетъ, а выписку приказовъ даже обязаны.

Мы не возстаемъ безусловно и противъ субсидій: содержаніе офицеровъ, вслѣдствіе повсемѣстной дороговизны на всѣ почти предметы потребленія, до того невелико, что каждый рубль, при полученіи ими третнаго жалованья, учитывается: лишнихъ нѣтъ; слѣдовательно, субсидіи въ дѣлѣ возрожденія и безотлагательнаго пополненія библіотекъ новыми сочиненіями по всѣмъ отдѣламъ дѣйствительно необходимы... но необходимы, повторяемъ, въ дѣлѣ безотлагательнаго пополненія библіотекъ новыми сочиненіями по всѣмъ отдѣламъ. Мы позволяемъ себѣ сказать, что благое дѣло реставраціи и пополненія библіотекъ только тогда достигнетъ предполагаемой цѣли, когда общество офицеровъ, которому принадлежатъ библіотеки, отрѣшившись отъ пагубнаго равнодушія въ собственнымъ интересамъ, приступитъ къ дѣлу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ служить ему по мѣрѣ силъ и знаній. Въ противномъ случаѣ, никакія субсидіи не помогутъ: библіотеки наполнятся, но читать, попрежнему, будетъ нечего.

Мы убѣждены, что общество офицеровъ можетъ возстановить библіотеки своими средствами. Пусть оно только изберетъ систему пополненія библіотекъ и распоряженія ими, пусть эта система будетъ основана на началахъ самоуправленія и контроля дѣйствій библіотекаря обществомъ, библіотеки станутъ современемъ на ту степень благосостоянія, о которой теперь еще немногіе мечтаютъ. Съ принятіемъ системы явится довѣріе къ учрежденію и общество дастъ средства, которыя теперь, видя безполезную затрату жертвуемыхъ имъ денегъ, давать не рѣшается.

Не всѣ офицерскія библіотеки и теперь бѣдны средствами. Въ нѣкоторыхъ полкахъ онѣ имѣютъ запасные капиталы, подъ именемъ «библіотечныхъ суммъ». Суммы эти представляютъ цифры отъ 200 до 500 и болѣе рублей. Изъ этихъ денегъ общество можетъ сдѣлать прекрасное употребленіе. Кромѣ того, никто изъ офицеровъ, мы убѣждены въ томъ, не отказался бы, вмѣсто одного рубля, которымъ онъ теперь жертвуетъ ежетретно безъ убѣжденія въ разум-

номъ его употребленіи, взносить на библіотеку впродолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ по два рубля въ треть. Затѣмъ взносы могли бы войти въ обычную колею. На раціональный составъ и пополненіе библіотекъ потребуется отъ 9 до 12 рублей отъ каждаго офицера. Внести эти деньги въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ никто не пожалѣетъ, лишь бы общество было увѣрено, что жертва не будетъ напрасною.

Возрожденію офицерскихъ библіотекъ, мы полагаемъ, будутъ содѣйствовать также и нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ нашихъ книгопродавцевъ. Стоитъ только обратиться къ нимъ съ предложеніемъ, и они, конечно, не откажутся снабжать полковыя библіотеки, по выбору, книгами въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивалась имъ извѣстная часть суммы.

Итакъ, по нашему мнѣнію, обществу принадлежитъ честь иниціативы дѣла. Пусть оно изберетъ изъ среды своей, съ разрѣшенія начальства, разумѣется, нѣсколькихъ членовъ и составитъ изъ нихъ въ полкахъ комисіи для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія полковыхъ офицерскихъ библіотекъ. Пересмотрѣть каталоги и исключить изъ нихъ хламъ, напрасно занимающій мѣсто, избрать систему составленія библіотекъ и управленія ими, дать инструкцію библіотекарю и указать на средства, которыя потребуются отъ общества для приведенія библіотекъ въ цвѣтущее состояніе—такова будетъ обязанность комисій. Выработанные комисіями проекты, по разсмотрѣніи обществомъ офицеровъ и утвержденіи начальствомъ, скоро подвинутъ дѣло впередъ. Замѣтимъ при этомъ, что, для усиленія библіотечныхъ суммъ, было бы справедливо допустить къ участію въ подпискѣ на библіотеки полковыхъ врачей, капельмейстеровъ, священниковъ, а также юнкеровъ и вольноопредѣляющихся. Теперь лица эти, не дѣлая никакихъ взносовъ, пользуются однако книгами изъ полковыхъ библіотекъ. Допущеніе ихъ къ участію въ подпискѣ доставляло бы полковымъ библіотекамъ лишняго сбора, при существованіи теперешнихъ рублевыхъ только взносовъ, отъ 75 до 90 рублей ежегодно.

КАКЪ ПОГИБЛИ МОИ «БЕСѢДЫ».

ПОСЛѢ крымской войны, когда правительство и интеллигентная часть русскаго общества пришли къ убѣжденію въ необходимости распространенія въ массѣ народа и солдатъ образованія и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовали его осуществленію,—извѣстный беллетристъ, бытописатель и иллюстраторъ солдатско-крестьянской жизни, Александръ Ѳедоровичъ Погосскій, основалъ два небольшіе, тождественные по содержанію, журнала, изъ которыхъ одинъ назывался «Народною», а другой «Солдатскою» бесѣдой.

Благодаря таланту основателя, повѣсти и разсказы котораго читались нарасхватъ, предпринятое имъ изданіе сразу стало на твердую почву и въ непродолжительное время достигло высокой степени развитія: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно имѣло уже до 14,000 подписчиковъ.

Но 1863 годъ оказался неблагосклоннымъ къ Александру Ѳедоровичу. Онъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться, для излеченія болѣзни, заграницу на довольно продолжительное время, а любимое свое дѣтище—маленькіе журнальцы передать въ другія руки, именно въ руки своего пріятеля, извѣстнаго врача-гомеопата Василія Васильевича Дерикера.

Новый издатель-редакторъ въ литературномъ мірѣ былъ человѣкъ пришлый, скорѣе диллетантъ, чѣмъ писатель (другъ и почитатель Сенковскаго, помѣстившій «нѣчто» или «что-то» въ его «Библіотекѣ»); издательское дѣло онъ зналъ плохо; при томъ же, имѣя много занятій по своей профессіи, не могъ отдаться всецѣло пріобрѣтеннымъ имъ случайно журналамъ. Имѣть постоянныхъ сотрудни-

ковъ, отвѣтственныхъ за отдѣлы,—онъ не считалъ нужнымъ, а случайные не могли имѣть вліянія на успѣхъ изданія. Послѣдствіемъ подобнаго положенія дѣла было полнѣйшее фіаско: въ два, три года, число подписчиковъ, не смотря на отсутствіе серьезныхъ конкурентовъ изданію, упало до 6,000.

Сознавая невозможность издавать свои «Бесѣды» при такомъ незначительномъ числѣ подписчиковъ [1]), Дерикеръ попытался было поднять ихъ значеніе помѣщеніемъ въ нихъ, въ видѣ полезныхъ статеекъ, разныхъ своихъ врачебно-практическихъ совѣтовъ, обѣщаніемъ давать подписчикамъ не по шести, а по двѣнадцати книжекъ въ годъ и, наконецъ, изданіемъ особаго приложенія: «Календарь Бесѣдъ». Но всѣ эти издательскія потуги не только не подняли подписки, но, напротивъ, уронили ее окончательно: на 1867 годъ, обѣ «Бесѣды» имѣли только 3,129 подписчиковъ.

Такой печальный исходъ столь блистательно начатаго дѣла окончательно обезкуражилъ Дерикера. Онъ упалъ духомъ и сталъ задерживать выпускъ книжекъ. Въ августѣ 1867 года, у него было выпущено, вмѣсто восьми, только четыре книжки. Денежныхъ средствъ на выдачу остальныхъ восьми книжекъ въ наличности не имѣлось. Издать эти книжки въ кредитъ значило бы обременить изданіе 1868 года значительнымъ долгомъ, а на увеличеніе подписки разсчитывать едвали было возможно, и вотъ Дерикеръ, по зрѣломъ размышленіи, рѣшился продать свои «Бесѣды».

Я былъ знакомъ съ Дерикеромъ, печатался у него и, зайдя какъ-то къ нему въ концѣ лѣта 1867 года, нашелъ его въ страшномъ горѣ отъ разныхъ неудачъ, которыхъ у него, кромѣ неудачи по изданію, какъ нарочно въ то время скопилось довольно. Слово-за-слово, мы разговорились, посѣтовали, потужили о безвыходномъ положеніи нашихъ первыхъ піонеровъ въ дѣлѣ народнаго образованія, и я уже сбирался было уходить, какъ вдругъ Дерикеръ поднялся съ мѣста, прошелся медленно по кабинету и, остановясь противъ меня, сказалъ: «я рѣшился продать мои «Бесѣды»—не купите ли вы ихъ, или не найдете ли мнѣ покупателя»? Меня застигло врасплохъ подобное предложеніе, я не могъ ничего отвѣтить и сказалъ только, что объ этомъ нужно подумать серьезно.

Спустя недѣлю, мы опять свидѣлись и говорили объ условіяхъ

---

[1]) Подписная цѣна за экземпляръ—2 р. въ годъ.

передачи журналовъ, но условія эти казались мнѣ такими тяжелыми, что я разстался съ Дерикеромъ безъ всякой надежды на успѣхъ дѣла. Однако, разумные доводы восторжествовали, Дерикеръ пошолъ на уступки, и въ одно прекрасное утро мы ударили по рукамъ. Онъ передавалъ мнѣ свои редакторскія и издательскія права и старый хламъ, т. е. журналы за прежніе годы и отпечатанныя особыми брошюрами нѣкоторыя статейки. Я же долженъ былъ удовлетворить подписчиковъ 1867 года, т. е. выдать въ этомъ году восемь книжекъ «Бесѣдъ», уплатить ему при заключеніи условія 1,000 руб. и затѣмъ, впродолженіе трехъ лѣтъ, платить ему извѣстный процентъ чистой прибыли, но въ общемъ итогѣ за всѣ годы не менѣе 3,000 руб.

10-го сентября, утромъ, я отправился къ помощнику начальника Главнаго штаба, свиты его величества генералъ-маіору Мещеринову, просить разрѣшенія на изданіе купленныхъ мною «Бесѣдъ», такъ какъ я состоялъ на службѣ въ Главномъ штабѣ, въ его вѣдѣніи. Въ 11 часовъ онъ меня принялъ.

— Что вы скажете?

— Осмѣливаюсь безпокоить, ваше превосходительство, по собственному дѣлу.

— По какому?

— Прошу вашего разрѣшенія и покровительства въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ сдѣлаться источникомъ моего благосостоянія.

— Объяснитесь.

— Вашему превосходительству небезъизвѣстно, что у насъ издается нѣсколько журналовъ для народа и солдатъ. Дѣла издателя одного изъ этихъ журналовъ, именно «Солдатской Бесѣды», Дерикера, пришли въ разстройство. Поэтому онъ предлагаетъ мнѣ принять изданіе.

— Что жъ вы хотите?—перебилъ меня генералъ:—субсидіи?... Откуда я вамъ ее возьму?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я не прошу субсидіи, я прошу разрѣшенія и нравственной поддержки.

— Я ничего не могу вамъ сдѣлать—не въ моей власти...

— Если Погосскій былъ обязанъ многимъ генералу Обручеву, такъ позвольте мнѣ быть обязаннымъ вамъ всѣмъ...

— Я сдѣлалъ Погосскому больше, чѣмъ Обручевъ—опять перебилъ меня генералъ—да дѣло не въ томъ... Его изданію нельзя было не сочувствовать: онъ—извѣстный писатель и пользуется репутаціею.

— Да, если его повѣсти и составляли лучшій отдѣлъ журнала, за то прочіе отдѣлы не соотвѣтствовали...

— Повѣсти,—еще разъ перебилъ меня генералъ,—составляютъ лучшее средство для образованія народа, онъ читаетъ ихъ и поучается.

— Позвольте, ваше превосходительство, доложить вамъ, что народу нужны не одни повѣсти. Я предполагаю дать журналу болѣе серьезное направленіе, печатать, напримѣръ, объясненія значенія новыхъ мировыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, что необходимо знать крестьянину, затѣмъ...

Но живой, подвижный генералъ снова перебилъ меня.—Да, что народъ пойметъ изъ вашихъ книжекъ! Онъ скорѣе пойметъ, если ему объяснятъ это на словахъ... Читать онъ не умѣетъ, а писаря не захотятъ дѣлиться съ крестьяниномъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ ихъ профессію... Впрочемъ, дѣло не мое, издавайте, что знаете, только я не могу понять, чѣмъ я то могу быть вамъ полезенъ?

— Мнѣ нужно разрѣшеніе на право изданія.

— Объ этомъ нужно просить графа [1]). Только графъ едва ли вамъ разрѣшитъ...

— Я надѣюсь на васъ, ваше превосходительство, быть можетъ вы примете на себя трудъ доложить о моей просьбѣ графу.

— Да, конечно, я буду говорить съ нимъ. Но я долженъ признаться, затрудняюсь... Вы займетесь своимъ журналомъ, а дѣла по должности будутъ лежать.

— Ваше превосходительство, я обѣщаю вамъ быть такимъ же исправнымъ чиновникомъ, какъ и теперь... Вѣдь я не буду одинъ заниматься журналомъ, найдутся сотрудники.

— Все же надо прочитывать, надо исправлять, надо, наконецъ, и направленіе дать журналу... какъ будто это пустяки...

— Ваше превосходительство, у васъ, въ штабѣ, и въ настоящее время находятся на службѣ чиновники, которые извѣстную часть времени посвящаютъ казенному дѣлу, а потомъ работаютъ или для журналовъ, или для частныхъ компаній...

Генералъ не утерпѣлъ и горячо перебилъ меня:—за то и дѣла

---

[1]) Графа Ѳедора Логгиновича Гейдена, тогдашняго начальника главнаго штаба.

лежатъ, бумаги накопляются, исполненія нѣтъ, графъ недоволенъ... Нѣтъ! я съ ними скоро принужденъ буду разстаться.

— Не всѣ же таковы, ваше превосходительство; при извѣстной добросовѣстности, я полагаю, можно быть и хорошимъ редакторомъ, и хорошимъ чиновникомъ вмѣстѣ; впрочемъ, ваше превосходительство, вы увидите.

— Хорошо-съ!.. Только вы должны просить графа, подайте ему докладную записку завтра утромъ, если онъ примѣтъ васъ; впрочемъ, я дамъ вамъ знать.

Въ эту минуту вошелъ дежурный и доложилъ, что начальникъ Главнаго штаба проситъ его превосходительство къ себѣ.

— Хорошо, скажи, что приду. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, продолжалъ:—но помните, субсидій—никакихъ! Что же касается до нравственной поддержки изданію, то она будетъ заключаться только въ рекомендаціи журнала войскамъ циркуляромъ. Но и это зависитъ отъ Совѣщательнаго комитета, гдѣ я имѣю голосъ наравнѣ съ другими, слѣдовательно, рѣшеніе зависитъ не отъ меня. Я могу засвидѣтельствовать, что вы—человѣкъ способный, дѣльный... но относительно изданія, я, не видѣвъ его, ничего сказать не могу. Да и комитетъ не можетъ приступить къ обсужденію не видя ну хоть первой вашей книжки.

— Представленіемъ книжки я не замедлю, ваше превосходительство, но я не могу начать печатанія, не получивъ разрѣшенія отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, куда я еще не подавалъ прошенія, не получивъ вашего дозволенія.

— Ну, такъ просите завтра графа. Я же, съ своей стороны, обѣщаю вамъ мой голосъ въ комитетѣ, если изданіе будетъ того заслуживать, понимаете?..

— Дѣло будетъ говорить за себя.

— Ну, хорошо, прощайте, сказалъ генералъ и откланялся.

Я вышелъ съ облегченнымъ сердцемъ: кому изъ служившихъ въ Главномъ штабѣ не было извѣстно, что если генералъ Мещеринов на что-нибудь согласится, препятствія къ тому со стороны графа Гейдена не будетъ. Первое препятствіе было мной устранено, и я, чтобы не терять времени, отправился къ Евгенію Александровичу Погожеву, моему сотоварищу и доброму другу, человѣку состоятельному, служившему тогда въ Главномъ инженерномъ управленіи. Наканунѣ я съ нимъ переговорилвался о совмѣстномъ изданіи «Бесѣдъ», но онъ, баричъ по рожденію и привычкамъ, не поже-

лалъ обременять себя излишнимъ трудомъ, хотя отъ матеріальной поддержки не отказывался. Теперь я спѣшилъ къ нему съ хорошей вѣстью объ удачѣ у начальства. День былъ воскресный, утро позднее, но Погожевъ, послѣ какой-то субботней пирушки, еще спалъ; пришлось обождать. Наконецъ, онъ вышелъ, попенялъ, зачѣмъ я не велѣлъ его разбудить, разспросилъ обо всемъ, касающемся изданія, и обѣщалъ внести отъ себя въ дѣло пай въ 1,000 руб. и дать мнѣ заимообразно, если будетъ нужно, на вексель, 1,000 руб. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно. Дѣло подвигалось впередъ.

На утро, придя пораньше въ Главный штабъ, я начернилъ докладную записку графу Гейдену и отдалъ писарю переписать. Между тѣмъ, генералъ Мещериновъ въ 10 часовъ былъ уже въ штабѣ и, подойдя ко мнѣ, освѣдомился: «являлся ли я графу?»

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство, докладная записка переписывается.

— А вы не могли приготовить ее заблаговременно, сухо замѣтилъ генералъ:—опоздаете и графъ не приметъ васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ я входилъ въ кабинетъ графа; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и просматривалъ бумаги. Взглянувъ на меня. онъ быстро повернулся ко мнѣ и сказалъ громко:

— А, здравствуйте, пожалуйте сюда, садитесь, пожалуйста, что вы?

— Позвольте представить вашему сіятельству докладную записку съ просьбой о разрѣшеніи мнѣ принять званіе и обязанности редактора издателя «Солдатской Бесѣды».

— На какихъ условіяхъ вы принимаете изданіе?

Я объяснилъ условія.

— Ваши сотрудники?

— Редакція еще не сформировалась, но я полагаю пригласить людей, горячо сочувствующихъ дѣлу народнаго образованія.

— Очень радъ! Но это, надѣюсь, не будетъ мѣшать исполненію вашихъ служебныхъ обязанностей.

— Постараюсь, ваше сіятельство, не подавать повода къ жалобамъ на себя. Вся моя жизнь была посвящена труду, не думаю, чтобы я могъ измѣниться теперь.

— Въ такомъ случаѣ съ моей стороны нѣтъ препятствія.

Потомъ, прочитавъ поданную мною докладную записку, графъ положилъ на ней резолюцію: «согласенъ» и, отдавая мнѣ, сказалъ:

отнесите Григорію Васильевичу [1]) и попросите его сдѣлать что нужно».

— Могу ли, ваше сіятельство, просить васъ о покровительствѣ моему журнальцу.

— Все, что будетъ отъ меня зависѣть—обѣщаю сдѣлать, если изданіе ваше будетъ того заслуживать. Прощайте, желаю вамъ успѣха.

Иду къ генералу Мещеринову, передаю ему записку и приказаніе начальника штаба. Весело взглянулъ онъ на меня. Я понялъ этотъ взглядъ и сталъ благодарить его за оказанную поддержку моему сирому пріемышу. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «идите въ канцелярію и скажите Колоколову (правителю канцеляріи), чтобы приготовилъ что нужно.

На другой день мнѣ выдали, за подписью графа Гейдена, для представленія въ Главное управленіе по дѣламъ печати, свидѣтельство слѣдующаго содержанія: «Къ принятію на себя чиновникомъ Главнаго штаба, поручикомъ Мартьяновымъ, званія и обязанностей редактора журналовъ «Народная Бесѣда» и «Солдатская Бесѣда»—со стороны начальства препятствія не имѣется; въ нравственномъ же и политическомъ отношеніяхъ онъ можетъ быть аттестованъ какъ человѣкъ вполнѣ благонадежный».

15-го сентября, я заключилъ съ Деникеромъ нотаріальное условіе о передачѣ мнѣ издательскихъ и редакторскихъ правъ на «Бесѣды», и заплатилъ ему условленную тысячу рублей. Въ тотъ же день я обѣдалъ у моего пріятеля, Порфирія Ассигкритовича Климова, служившаго при статсъ-секретарѣ Бутковѣ. Начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати, сенатора М. Н. Похвиснева, въ то время въ Петербургѣ не было, онъ находился въ отпуску заграницей. Должность его исправлялъ сенаторъ Туруновъ. Находясь съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, Климовъ вызвался поѣхать къ нему со мною вмѣстѣ и познакомить насъ. Кромѣ того, водя хлѣбъ-соль съ извѣстнымъ книгопродавцемъ Иваномъ Ильичемъ Глазуновымъ, онъ обѣщалъ мнѣ устроить печатаніе журналовъ въ его типографіи, на выгодныхъ для меня условіяхъ и, если будетъ нужно, открыть мнѣ кредитъ.

Выбравъ свободное утро, Климовъ поѣхалъ со мной къ Туру-

---

[1]) Генералу Мещеринову.

нову. Онъ встрѣтилъ Порфирія Ассигкритовича съ распростертыми объятіями, безъ церемоніи, по-домашнему. Усадивъ въ кабинетѣ на диванѣ, Туруновъ спросилъ его: «какіе вѣтры занесли васъ ко мнѣ?»

Я ожидалъ въ пріемной и слышалъ громкіе раскаты его голоса. Когда меня пригласили въ кабинетъ, Климовъ церемонно раскланялся и повелъ такую рѣчь:

— Позвольте, ваше превосходительство, представить вамъ неофита прессы, только что слѣпленнаго изъ глины редактора Дерикеровскихъ «Бесѣдъ»; онъ еще не обожженъ, поэтому если милость ваша будетъ, поберегите, не сломайте его.

— О! хо, хо, хо! засмѣялся Туруновъ:—за кого вы насъ принимаете? Развѣ мы ломаемъ,—мы бережемъ и лелѣемъ дѣтей мысли, не хуже всякой мамки.

— Знаю, знаю я вашу заботливость, засмѣялся въ свою очередь Климовъ:—ваши мамки такъ затягиваютъ свивальники, что бѣднымъ дѣтямъ мысли куда какъ плохо приходится.

— Ну что вы! что вы! отпучивался Туруновъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: а ваши бумаги готовы?

— Готовы, ваше превосходительство.

— Ну и прекрасно! дайте ихъ сюда, я ихъ помѣчу, а вы отвезите и отдайте ихъ въ Главномъ управленіи правителю дѣлъ Капнисту, пусть онъ исполнитъ ихъ.

Я сталъ просить его принять участіе въ скорѣйшемъ разрѣшеніи моего ходатайства, такъ какъ сентябрь былъ во второй половинѣ, а мнѣ нужно было выдать восемь книжекъ.

— О, не безпокойтесь! Главное управленіе не задержитъ, все вамъ сдѣлаетъ и скоро, и хорошо.

— А какъ это понять: скоро? вмѣшался Климовъ: — у васъ если говорятъ: «скоро»—то это значитъ: годъ, а «экстренно»—полгода.

— Не нападайте на насъ, Порфирій Ассигкритовичъ, возразилъ Туруновъ, Главное управленіе дѣйствуетъ теперь энергично.

— Энергично! это сколько же потребуетъ времени? продолжалъ Климовъ: — по всей вѣроятности, никакъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ...

Туруновъ защищалъ Главное управленіе, устраняя свою личность, какъ будто онъ былъ совершенно непричастенъ къ дѣламъ печати. Это, казалось мнѣ, звучало какъ-то фальшиво, особенно

въ устахъ человѣка, управлявшаго вѣдомствомъ. Значитъ на него надѣяться нечего, и съ этими мыслями я направился къ Капнисту.

Долго заставилъ дожидать себя въ пріемной Главнаго управленія могущественный правитель канцеляріи. Наконецъ, онъ соизволилъ выйти. Это былъ самъ Юпитеръ громовержецъ. Его походка, взгляды, интонація голоса—все напоминало «человѣка бѣлой кости», ничего общаго съ нами простыми смертными непмѣющаго. Онъ небрежно окинулъ меня взглядомъ и еще небрежнѣе спросилъ:

— А, это вы желали меня видѣть? . что вамъ угодно?

Я подалъ ему мое прошеніе, сказалъ, что представлялся генералу Турунову, что онъ прочиталъ мои бумаги и просилъ передать ихъ ему для исполненія.

— Для исполненія! повторилъ съ саркастической улыбкой Капнистъ: — очень хорошо!.. будетъ исполнено... и, повернувшись на каблукахъ, направился къ своему сѣдалищу.

Я за нимъ—когда могу узнать о разрѣшеніи?

— Вамъ сообщатъ по мѣсту жительства, чрезъ полицію, буркнулъ онъ какъ-то черезъ плечо на ходу и скрылся.

Такой пріемъ не предвѣщалъ ничего добраго, но я тогда вѣрилъ въ силу слова начальства и, улыбнувшись ему въ слѣдъ, вышелъ.

Дальнѣйшія мои хлопоты заключались въ устройствѣ хозяйственной части журналовъ и сформированіи редакціи.

20-го сентября, я видѣлся съ И. И. Глазуновымъ, типографію котораго рекомендовалъ мнѣ Климовъ. Почтенный коммерсантъ принялъ меня чрезвычайно вѣжливо, но не сердечно. Было видимо, что онъ бралъ мое дѣло неохотно; но, въ виду рекомендаціи Климова, отказаться не хотѣлъ. Разспросивъ: какое число экземпляровъ я предполагаю печатать, сколько книжекъ думаю выпустить въ этомъ году, какой сортъ бумаги нужно употребить для нихъ, онъ высчиталъ, что все дѣло въ 1867 году потребуетъ до 5,000 рублей. Потомъ, видя мое изумленіе, прибавилъ, что, во вниманіе просьбы Порфирія Ассигкритовича, мнѣ будетъ сдѣланъ въ типографіи небольшой кредитъ до новой подписки. Я поблагодарилъ его, но сдѣланная имъ смѣта меня сильно обезпокоила; вѣдь, кромѣ печатанія, нужно было еще много денегъ на редакцію и сотрудниковъ. Я рѣшился переговорить съ другими типографщиками.

Образованіе редакціи, вполнѣ отвѣчающей цѣлямъ изданія, духу времени, потребностямъ цензуры и вкусамъ читателей, составляло

одну изъ серьезныхъ задачъ. На первое время я пригласилъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ моихъ пріятелей двухъ братьевъ А. А. и С. А. Ольхиныхъ, бывшаго профессора Н. Ф. Павлова, недавно вернувшагося изъ какой-то дальной окраины, куда онъ былъ административно высланъ за нѣсколько фразъ, сказанныхъ имъ на одной публичной лекціи и, Богъ вѣсть почему, найденныхъ вредными, Е. П. Карновича, П. А. Зарубина и г. Кушакевича. Взглядъ этихъ лицъ на народное образованіе былъ мнѣ, болѣе или менѣе, извѣстенъ и совпадалъ съ моимъ. Такъ какъ я жилъ тогда въ маленькой квартиркѣ, нанимаемой у чиновника Сердюкова, въ Боровой улицѣ, то мы собирались по воскресеньямъ у Ольхиныхъ, которые занимали довольно большую квартиру недалеко отъ меня, у пяти угловъ, и тамъ обсуждали программу и направленіе будущаго журнала, отлагая, впрочемъ, окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ до полученія разрѣшенія на изданіе «Бесѣды».

Но разрѣшеніе затянулось. Прошолъ сентябрь, прошолъ октябрь, никакого отвѣта не даютъ. Прихожу въ Главное управленіе по дѣламъ печати, никто ничего не говоритъ мнѣ; Капнистъ, подъ предлогомъ множества занятій, не выходитъ. Наконецъ, какъ-то ловлю его въ пріемной.

— Позвольте узнать: въ какомъ положеніи мое дѣло? обращаюсь къ нему.

— Мы не получили еще о васъ справки изъ III-го Отдѣленія.

— На что вамъ справка, когда мое начальство, лучше знающее меня, чѣмъ кто-либо, выдало мнѣ свидѣтельство о нравственной и политической благонадежности?

— Такіе ужъ у насъ порядки, процѣдилъ онъ въ отвѣтъ сквозь зубы и какъ-то бочкомъ юркнулъ за дверь.

Что дѣлать! что дѣлать! восклицалъ я, сидя у Климова,—вѣдь это полнѣйшее разореніе. Вотъ уже ноябрь, а выйдетъ разрѣшеніе будетъ декабрь—когда же я успѣю издать восемь книжекъ? когда я сдѣлаю объявленія на будущій годъ? Это, безъ сомнѣнія, Капнистъ нарочно затянулъ, чтобы насолить мнѣ!

— Успокойся, пожалуйста,—отшучивался Климовъ:—при чемъ тутъ Капнистъ! коппись ты самъ лучше въ дѣлѣ, тогда что-нибудь и выйдетъ. Сходи въ III-е Отдѣленіе и узнай.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Постой, мы пошлемъ туда Родіонова, онъ тамъ кой съ кѣмъ знакомъ и можетъ разузнать въ чемъ дѣло.

Родіоновъ, Александръ Николаевичъ, былъ его товарищъ, человѣкъ знакомый со всѣми и вездѣ. Явясь, по зову Климова, и выслушавъ порученіе, онъ отправился въ III-е Отдѣленіе, но тамъ случайно попалъ на самого статскаго совѣтника Горемыкина, завѣдывавшаго секретною частію, получилъ выговоръ и приказаніе: «прислать меня къ нему для личныхъ объясненій».

Являюсь въ III-е Отдѣленіе, сижу между голубыми мундирами часъ и болѣе,—зову нѣтъ. Прошу доложить—говорятъ, что занятъ. Посылаю г. Горемыкину мою визитную карточку, на которой написалъ, что я уволенъ моимъ начальствомъ только на одинъ часъ, сижу у него полтора часа, и если ему невозможно принять меня, то я явлюсь въ другое время, а теперь долженъ отправиться на службу. Посланный возвратился съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ. Вхожу. Сидитъ господинъ довольно приличной наружности, съ ленточкой Владиміра въ петлицѣ. Кланяюсь.

— Здравствуйте! обратился ко мнѣ Горемыкинъ:—это вы посылали чиновника Родіонова за справкой?

— Я.

— Какъ же вы осмѣлились развѣдывать государственныя тайны?

— Никакихъ государственныхъ тайнъ я не посылалъ развѣдывать, а послалъ за справкой, почему III-е Отдѣленіе не отвѣчаетъ на запросъ лично обо мнѣ Главнаго управленія по дѣламъ печати, и послалъ съ разрѣшенія моего начальства, такъ какъ мнѣ самому, какъ состоящему на службѣ, сходить было некогда.

— Кто вамъ сказалъ о сдѣланномъ намъ запросѣ?

— Правитель дѣлъ главнаго управленія по дѣламъ печати Капнистъ.

— Онъ не имѣлъ права вамъ этого говорить, а вы провѣрять его слова. Справка, о которой идетъ рѣчь, составляетъ секретъ.

— Для васъ — да! для меня — нѣтъ! Ничего дурного сказать вы обо мнѣ не можете: въ политическихъ демонстраціяхъ я не участвовалъ, подъ надзоромъ полиціи не состою, къ тайнымъ обществамъ не принадлежу, образа мыслей, опаснаго для общества или для правительства, не придерживаюсь, по суду неопороченъ, служба безупречна, поведеніе — вполнѣ достойное офицера и гражданина. И все это подтверждено въ свидѣтельствѣ, выданномъ мнѣ начальникомъ Главнаго штаба и представленномъ мною въ Главное управленіе по дѣламъ печати. Какіе же, послѣ этого, могутъ быть у

васъ секреты обо мнѣ? Я не только къ вамъ, но и къ государю могу идти и просить, что мнѣ нужно.

— Все это очень хорошо, но вы затѣваете издавать журналъ, вы не одни будете издавать, у васъ будутъ сотрудники?

— Да, будутъ.

— Кто именно, позвольте узнать?

— Мировой судья Ольхинъ, его братъ, служащій въ министерствѣ финансовъ, изъ литераторовъ: Павловъ, Карновичъ, Кушакевичъ, Зарубинъ и другіе.

— Это все люди либеральнаго образа мыслей, а Павловъ даже былъ высланъ. Вращаясь въ средѣ подобныхъ людей, вы легко могли проникнуться дурными идеями; намъ нужно узнать это все.

— Узнать было довольно времени, вы держите справку почти два мѣсяца, а это меня разорить можетъ.

— Позвольте, вы слишкомъ себѣ позволяете... Только я одинъ могу судить, сколько мнѣ нужно времени для наведенія справокъ о васъ и вашихъ будущихъ сотрудникахъ... При такомъ образѣ мыслей, вы едва ли можете быть полезнымъ руководителемъ народа и солдатъ.

— Предоставьте это знать моему начальству.

— Но!.. довольно!.. можете идти!..

Я отправился къ начальнику Главнаго штаба и передалъ ему весь разговоръ мой съ Горемыкинымъ. Онъ выслушалъ меня внимательно и сказалъ:—«Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ кажется уже пріѣхалъ, скажите въ канцеляріи, чтобы написали ему отъ меня письмо о васъ».

16-го ноября, графъ Гейденъ писалъ Похвисневу слѣдующее:

«Во ввѣренное вамъ управленіе поступило ходатайство состоящаго при Главномъ штабѣ поручика Мартьянова объ утвержденіи его въ званіи редактора журнала «Солдатская Бесѣда». Признавая необходимымъ, чтобы во главѣ изданія, предназначеннаго для нижнихъ чиновъ, стоялъ человѣкъ, хорошо знающій быть солдата и его потребности, энергическій и способный, могущій придать журналу соотвѣтственное видамъ военнаго министерства направленіе, и причисляя къ разряду такихъ лицъ поручика Мартьянова, я долгомъ поставляю обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой: не признаете ли возможнымъ ускорить утвержденіемъ помянутаго офицера въ званіи редактора и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Гейденъ доложилъ о моемъ дѣлѣ военному министру и, по приказанію послѣдняго, было написано письмо къ военному цензору, генералъ-лейтенанту Штюрмеру, о содѣйствіи къ скорѣйшему разрѣшенію моего ходатайства.

Письмо къ Похвисневу на утро я отвезъ и вручилъ Михаилу Николаевичу лично. Онъ вышелъ ко мнѣ заспанный, въ халатѣ. Прочитавъ письмо, приложилъ руку ко лбу и, подумавъ немного, сказалъ: — Не помню!.. кажется, такого представленія у насъ не было... впрочемъ, я прикажу справиться. Что окажется—увѣдомлю, или лучше, пойду гулять, самъ зайду къ графу Ѳедору Логгиновичу, такъ и скажите ему.

Генералъ Штюрмеръ, отъ 19-го ноября, отвѣчалъ: «Дѣло объ утвержденіи редакторомъ «Солдатской Бесѣды» извѣстнаго и мнѣ, по своимъ литературнымъ способностямъ, поручика Мартьянова еще не рѣшено, но начальникъ Главнаго управленія цензуры принимаетъ въ просьбѣ г. Мартьянова живое участіе и надѣется устранить препятствія къ удовлетворительному его рѣшенію».

Изъ письма этого оказалось, что возникли какія-то препятствія. Но какія? Откуда? Со стороны ли Горемыкина, или Капниста,— я не зналъ, какъ не зналъ и того, чѣмъ помочь дѣлу, такъ неожиданно подорванному въ самомъ началѣ. До конца года оставался одинъ мѣсяцъ: сотрудники, въ виду затрудненій со стороны цензуры, не знали, къ какому времени нуженъ будетъ матеріалъ для журнала и одинъ за другимъ отказывались. И. И. Глазуновъ нашелъ положительно невозможнымъ отпечатать въ декабрѣ всѣ восемь книжекъ. «Все, что можно сдѣлать, прибавилъ онъ, это напечатать двѣ книжки, и то если нужный матеріалъ будетъ доставленъ въ началѣ декабря». Благопріятное для подписки время уходило. Объявленія о подпискѣ, обыкновенно, начинаютъ дѣлать съ октября, дабы подписчики могли заблаговременно знать о выходѣ журналовъ и подписаться. Начать же подписку въ декабрѣ—значило бы потерпѣть полнѣйшую неудачу, такъ какъ подписчики, въ особенности части войскъ, на которыя я болѣе всего долженъ былъ разсчитывать, большею частью, подписку уже сдѣлали. Положеніе становилось критическимъ; но я все еще ждалъ, не теряя надежды, разрѣшенія.

Но вотъ прошелъ ноябрь и наступилъ декабрь, а разрѣшенія нѣтъ, какъ нѣтъ! Начальство, встрѣчаясь со мной, освѣдомлялось и покачивало головой, товарищи подсмѣивались. Единственной от-

радой въ это тяжелое для меня время было личное представленіе мое военному министру, генералъ-адъютанту Милютину.

Дмитрій Алексѣевичъ навѣщалъ иногда графа Гейдена, имѣвшаго квартиру въ зданіи главнаго штаба. Онъ прямо проходилъ къ нему въ кабинетъ, бесѣдовалъ, а изрѣдка поднимался на верхъ и посѣщалъ главный штабъ.

Кстати, мнѣ припомнился одинъ курьезный случай.

Въ пріемной графа дежурилъ молодой офицеръ, прикомандированный къ штабу для зачисленія на должность чиновника для порученій. Не зналъ ли онъ министра, или хотѣлъ выдвинуться особой пунктуальностью службы, только, когда генералъ Милютинъ, войдя въ пріемную, направился прямо въ кабинетъ графа, онъ загородилъ ему дорогу и внушительно проговорилъ: — позвольте, ваше высокопревосходительство, къ графу нельзя входить безъ доклада».

— Какъ нельзя! возразилъ озадаченный министръ: да развѣ вы меня не знаете? я—военный министръ...

Офицеръ сконфузился, но захотѣлъ выдержать характеръ до конца и отвѣчалъ: — все-таки, ваше высокопревосходительство, позвольте доложить».

Генералъ-адъютанту Милютину пришлось отойти къ окну и стать какъ бы въ положеніе просителя. Но не прошло и двухъ минутъ, какъ двери кабинета распахнулись и графъ Ѳедоръ Логгиновичъ, весь красный отъ волненія, бросился къ министру съ извиненіями.

— Вотъ какъ, графъ, замѣтилъ ему Дмитрій Алексѣевичъ, нынче ваши адъютанты меня уже не узнаютъ.

Бѣдный поручикъ на другой же день былъ отчисленъ въ полкъ.

Но возвратимся къ моимъ «Бесѣдамъ».

Въ одно изъ такихъ посѣщеній министромъ главнаго штаба, когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе въ ученый комитетъ, онъ былъ остановленъ графомъ у моего стола.

— Вотъ, ваше высокопревосходительство, тотъ офицеръ, сказалъ графъ, о которомъ я вамъ докладывалъ. Онъ пріобрѣлъ отъ Дерикера право на «Солдатскую Бесѣду» и теперь хлопочетъ объ утвержденіи его въ званіи редактора.

Дмитрій Алексѣевичъ подалъ мнѣ руку и спросилъ:—ну, что же, какъ у васъ идетъ дѣло?

Я было сталъ развивать картину возникшихъ затрудненій, но

онъ перебилъ меня: — Да, я знаю... но все же есть надежда, что вы получите желаемое.

Я молчалъ.

— А я испросилъ, продолжалъ министръ, по просьбѣ Дерикера, на удовлетвореніе вашихъ подписчиковъ пособіе.

Не зная ничего о просьбѣ Дерикера, я счелъ долгомъ поблагодарить Дмитрія Алексѣевича за его покровительство изданію и, когда онъ ушелъ, бросился въ канцелярію за справкою. Оказалось, что Дерикеръ получилъ уже ассигнованное журналу пособіе.

Передъ праздникомъ Рождества, въ видѣ подарка на ёлку, я получилъ, чрезъ полицію, увѣдомленіе главнаго управленія по дѣламъ печати, что ходатайство мое объ утвержденіи меня въ званіи редактора «Бесѣдъ» уважено быть не можетъ. Причинъ отказа не приведено.

На утро, графъ Гейденъ, вѣроятно, получившій подобное же увѣдомленіе, пригласилъ меня къ себѣ и съ участіемъ спросилъ:— вамъ отказали?

— Отказали, ваше сіятельство.

— Что же вы намѣрены предпринять?

— Выждать время... я такъ пораженъ отказомъ, что теперь ничего не могу сообразить.

— Очень жаль!.. но что дѣлать!.. впрочемъ, если что нибудь надумаете, обратитесь къ Григорію Васильевичу, онъ мнѣ доложитъ...

И искренно, съ видимымъ сочувствіемъ къ моему горю, пожалъ мнѣ руку.

Таковъ былъ финалъ злополучной попытки возобновить изданіе «Бесѣдъ». Но я не отчаявался поправить дѣло. Лѣтомъ 1868 года, я думалъ возобновить мое ходатайство, съ тѣмъ, чтобы начать изданіе въ 1869 году. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. А. Ѳ. Погосскій вернулся изъ-заграницы и основалъ, въ 1868 году, новый журналъ «Досугъ и Дѣло». Изданіе это, въ первый же годъ своего существованія, пріобрѣло болѣе 5,000 подписчиковъ. Конкуррировать съ такимъ талантливымъ издателемъ, какъ Погосскій, при существованіи еще журнала Гейрота, было трудно, и я счелъ за лучшее отложить возобновленіе «Бесѣдъ» до болѣе благопріятныхъ временъ.

Но долго еще друзья-товарищи посмѣивались надъ моимъ редакторствомъ. Одинъ остроумный карикатуристъ (Іевлевъ) нари-

совалъ даже каррикатуру «Мартьяновскія Бесѣды». Представлена была аудиторія, переполненная солдатами и народомъ. Я пробираюсь на каѳедру, держа въ рукахъ «Бесѣды». На первой ступенькѣ меня останавливаютъ жандармы. Одинъ («жандармъ права» съ лицемъ Горемыкина) говоритъ мнѣ:—«позвольте, вы бесѣдовать не можете, вы нарушаете государственныя тайны». Другой же («жандармъ мысли» съ лицемъ Каннста) отбираетъ отъ меня «Бесѣды», говоря:—«извините... я только исполняю, что приказано».

Сохранилась ли эта каррикатура? Набросана она и зло, и мѣтко.

ТРИ ДНЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ДРЕВНІЙ Херсонесъ Таврическій имѣетъ для насъ важное историческое значеніе въ томъ отношеніи, что въ немъ совершилось крещеніе великаго князя Владиміра, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси.

Принятіе Владиміромъ христіанства воспослѣдовало не вдругъ, а по предварительномъ сравненіи многихъ вѣроученій и по совершенномъ убѣжденіи князя и собранныхъ имъ бояръ и старѣйшинъ въ правотѣ и святости греческаго вѣроисповѣданія. Событіе это, по словамъ нашихъ лѣтописей, совершилось слѣдующимъ образомъ. Въ 936 году приходили ко Владиміру послы изъ Волжской Болгаріи, и предлагали ему принять магометанство. Приходили также миссіонеры изъ Рима и проповѣдники отъ жидовъ хозарскихъ, и былъ присланный греками философъ. Но изо всѣхъ религіозныхъ толкованій ихъ, Владиміру наиболѣе понравилось объясненіе греческаго философа, который и былъ одаренъ щедро и отпущенъ съ великою честью. Въ слѣдующемъ году, Владиміръ, по совѣту бояръ и градскихъ старцевъ, послалъ десять разумнѣйшихъ мужей къ болгарамъ, къ католикамъ и въ Цареградъ, для испытанія предложенныхъ вѣръ на мѣстѣ. По возвращеніи посланныхъ, на собранномъ вновь совѣтѣ бояръ и старцевъ, было отдано предпочтеніе греческой вѣрѣ. «Гдѣ примемъ крещеніе»?—спросилъ Владиміръ. «Гдѣ ти любо»,—отвѣчали бояре. 988 годъ ознаменовался походомъ Владиміра на Херсонесъ. Долго не могъ онъ взять укрѣпленнаго города, не смотря на всѣ свои усилія. Напрасно онъ угрожалъ херсонесцамъ держать ихъ въ осадѣ цѣлыя три лѣта, если они не сдадутся,—осажденные не соглашались. Наконецъ, одинъ изъ корсунянъ, по

имени Анастасій, пустилъ изъ города въ станъ русскій стрѣлу съ надписью: «за вами къ востоку находятся колодези, откуда херсонцы получаютъ воду чрезъ трубы; перекопайте водопроводы». Услышавъ это, Владиміръ воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: «если это сбудется, я непремѣнно крещусь». Указанное средство оказалось успѣшнымъ, Владиміръ овладѣлъ Херсонесомъ и, вступивъ въ него съ дружиною, послалъ сказать греческимъ императорамъ Василію и Константину: «вашъ славный городъ я взялъ, такъ поступлю я и съ вашей столицею, если не отдадите за меня сестры своей, еще незамужней, которая, какъ слышно, есть у васъ». Императоры, съ своей стороны, потребовали отъ него, чтобы онъ крестился, соглашаясь только подъ этимъ условіемъ исполнить его желаніе. «Скажите царямъ своимъ, — отвѣчалъ Владиміръ посламъ греческимъ, — что я крещусь, что я еще прежде испыталъ законъ вашъ, чрезъ нарочитыхъ своихъ мужей, и полюбилъ вашу вѣру и ваше богослуженіе». Чрезъ нѣсколько времени прибыла въ Херсонесъ на кораблѣ царевна, сопутствуемая многими сановниками и пресвитерами, и крещеніе Владиміра совершилось въ церкви св. Василія, стоявшей посреди Херсонской городской площади, а затѣмъ послѣдовало и бракосочетаніе его съ греческою царевною. Въ память всего этого, великій князь построилъ въ Херсонесѣ церковь и, возвративши завоеванный городъ царямъ греческимъ, какъ вѣно за руку сестры ихъ Анны, отправился въ свою столицу.

Вся историческая жизнь Херсонеса сложилась такъ, какъ будто его исконнымъ призваніемъ было—передать Россіи неугасимый свѣтильникъ православія и опочить затѣмъ навѣки. Прослѣдимъ его исторію вкратцѣ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ вышесказаннаго.

Полуостровъ Крымъ въ глубокой древности заселенъ былъ дикимъ и невѣжественнымъ народомъ таврами, отчего и получилъ названіе Таврическаго. Легенды о немъ восходятъ къ временамъ доисторическимъ. Въ греческихъ сказаніяхъ о миѳологическихъ герояхъ мы встрѣчаемъ упоминовенія: то о томъ, какъ Тезей аѳинскій похитилъ съ южнаго берега Понта-Эвксинскаго (Чернаго моря) прекрасную и храбрую королеву амазонокъ Антіону; то о томъ, какъ Ахиллесъ со своей дружиной совершаетъ здѣсь воинскія игры и показываетъ свое искусство въ бѣганіи; то, наконецъ, о томъ, какъ Ифигенія, дочь Агамемнона, знаменитая жрица богини Артемиды, собирается заклать въ Тавридѣ брата своего Ореста, а Пиладъ предлагаетъ принести въ жертву свою жизнь, чтобы только спасти

жизнь друга своего. Историческая же извѣстность о Тавридѣ начинается съ заселеніемъ береговъ Крыма греческими поселеніями. По словамъ Страбона, Херсонесъ основанъ ираклеотами, въ началѣ VI вѣка до Р. Х. Извѣстная предпріимчивость, смѣлость и энергія греческихъ поселенцевъ способствовали развитію торговли какъ Херсонеса, такъ и другихъ сосѣдственныхъ съ нимъ колоній, и они скоро стали богатыми и могущественными. Построенный въ углу Таврическаго полуострова, между заливомъ Ктенусъ (нынѣшній Севастопольскій рейдъ) и заливомъ Символонъ (Балаклавская бухта), Херсонесъ былъ защищенъ со стороны Тавроскифскихъ владѣній высокою, со многими башнями и рвомъ, каменною стѣною, имѣвшей протяженіемъ по словамъ Страбона, около 50 стадій (8 верстъ). Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ ведетъ болѣе или менѣе успѣшную борьбу съ сосѣдственными тавроскифскими племенами. Во времена владычества римлянъ, его подчиняютъ сперва вассальному царю Босфора, но потомъ зависимость его измѣняется въ непосредственное подчиненіе Риму и ему возвращено было отчасти прежнее республиканское самоуправленіе. При раздѣленіи Римской имперіи, Херсонесъ подчиняется Византіи и зависимость его отъ нея продолжается до самаго ея паденія. Какъ отдаленнѣйшая область Римской имперіи, онъ служитъ мѣстомъ ссылки политическихъ и другихъ преступниковъ. Такъ, здѣсь была заключена, за сочувствіе къ христіанству, Флавія Домитилла, племянница императоровъ Тита и Домиціана, здѣсь томились въ заточеніи и папа римскій Климентъ, и папа римскій Мартинъ I-й, наконецъ, сюда же былъ сосланъ и императоръ Юстиніанъ II-й, по низложеніи его Леонтіемъ. Но не смотря на это, Херсонесъ имѣетъ громадное значеніе,—онъ служитъ средоточіемъ богатства, наукъ, искусствъ и греческой цивилизаціи въ Тавридѣ. Занимая территорію до 40 верстъ въ окружности, онъ ведетъ обширную торговлю и даже вмѣшивается въ политику византійскаго двора. По словамъ Дюбуа-Монпере, въ лучшую пору его развитія, въ немъ насчитывалось до 5,000 домовъ и до 50,000 жителей. Въ періодъ великаго переселенія народовъ, Херсонесъ подвергается нападеніямъ готѳовъ, угровъ, аваровъ, хозаровъ и гунновъ, и отражаетъ ихъ собственными своими силами, такъ какъ Византія не имѣла уже возможности защищать свои отдаленныя области. Но вотъ, подъ стѣнами знаменитаго города появляется нашъ великій князь Владиміръ со своими дружинами и покоряетъ его. Событіе знаменательное! Херсонесъ покоряется за тѣмъ, чтобы дать великому

князю, а съ нимъ вмѣстѣ и всей Руси, крещеніе. Это выдающееся изъ ряда другихъ явленіе составляетъ самое важное, самое блестящее дѣло во всей его исторической жизни, эпопею его призванія, исполнивъ которую, онъ начинаетъ склоняться къ упадку. Его постоянныя столкновенія съ печенѣгами и половцами въ XI и XII и съ генуэзцами и татарами въ XIII вѣкѣ истощаютъ его силы, а набѣгъ Ольгерда князя литовскаго въ 1363 г. наноситъ ему самый жестокій ударъ, послѣ котораго онъ не могъ уже поправиться: стѣны его были разрушены, жители перебиты или уведены въ плѣнъ, а городъ сожженъ или обращенъ въ развалины. Окончательное же разрушеніе Херсонеса совершилось при завоеваніи Крыма турками въ 1475 году. Съ этихъ поръ городъ опустѣлъ совершенно, и только остатки стѣнъ, башенъ, храмовъ и дворцовъ, еще долго напоминали путешественникамъ время прежняго его величія.

Въ послѣдующіе затѣмъ годы, близъ развалинъ Херсонеса поселились татары. Построенная ими маленькая деревушка Ахтіаръ, съ покореніемъ Крыма русскими въ 1783 году, по повелѣнію императрицы Екатерины, переименована въ Севастополь. Вновь возникшій городъ поглотилъ остатки прежняго. Посланный Стефаномъ Баторіемъ къ крымскому хану въ 1578 г. Максимъ Броневій, при посѣщеніи развалинъ Херсонеса, этого, по его выраженію, «гордаго, изящнаго и славнаго города», видѣлъ еще остатки стѣнъ и башенъ, построенныхъ изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Княжескій дворецъ, обширный, по его словамъ, какъ цѣлый городъ, съ великолѣпными входными воротами, продолжалъ еще существовать, какъ продолжали существовать и нѣкоторыя ограбленныя и лишенныя своихъ цѣнныхъ мраморовъ церкви. При покореніи Крыма русскими, многіе изъ видѣнныхъ Броневіемъ остатковъ зданій, стѣнъ, башенъ и воротъ были еще цѣлы. Но, по приказанію князя Потемкина, ихъ стали разрушать, а камни и мраморы употреблять на постройку Севастополя. И сколько мраморовъ, капителей, фрескъ, было положено въ фундаменты казармъ и другихъ зданій! Стѣны же и ворота, по преданію, пошли на постройку Севастопольскаго карантина. Императоръ Александръ I-й приказалъ остановить разрушеніе, но было уже поздно. Новѣйшіе путешественники: Палласъ въ 1793 г. и Муравьевъ въ 1820 г. находятъ еще слѣды городской стѣны и водопровода. Но Терещенко, посѣтившій Крымъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, пишетъ въ своихъ «Очеркахъ Новороссійскаго края» слѣдующее: «Я спѣшилъ взглянуть на слѣды древняго Херсонеса,

но каково было мое удивленіе, когда открылась предо мной лишь равнина, усыпанная щебнемъ, и только кое-гдѣ выказывались бугры— быть можетъ, слѣды зданій. Время стерло съ лица земли тотъ знаменитый Херсонесъ, который три раза падалъ и возрождался. Съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхалъ я изъ Балаклавы въ Херсонесъ, отстоящій въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, съ такимъ же негодованіемъ смотрѣлъ на пустое мѣсто, безъ памятниковъ, безъ малѣйшихъ остатковъ его древняго величія».

Исчезъ съ лица земли исполнившій свое назначеніе Херсонесъ Таврическій, и мы только въ раскопкахъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ его нахожденія извѣстнымъ нашимъ археологомъ, графомъ А. С. Уваровымъ, можемъ видѣть теперь слѣды его прежнихъ богатствъ, его цивилизаціи и нѣкоторыхъ изъ его построекъ.

Изъ числа многихъ открытій, сдѣланныхъ графомъ А. С. Уваровымъ, особенное вниманіе обратили на себя развалины церкви, въ которой, какъ признано нынѣ, крестился великій князь Владиміръ. Покойный архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій возымѣлъ счастливую мысль возстановить этотъ храмъ и, съ благословенія Святѣйшаго Синода, устроилъ въ 1853 г., близъ остатковъ открытаго храма общежительную киновію и при ней малую церковь во имя св. благовѣрной княгини Ольги. Во время осады Севастополя, церковь эта и келіи иноковъ были разрушены. На мѣстѣ ихъ французы построили батареи и громили оттуда Севастополь. Въ 1857 году, разрушенная киновія возстановлена, а въ слѣдующемъ затѣмъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе построить надъ остатками церкви, въ которой крестился великій князь Владиміръ, большой соборный храмъ, во имя равноапостольнаго просвѣтителя Россіи, и отъ монаршихъ щедротъ были дарованы первоначальныя средства для производства работъ. 23 августа 1861 года, Государь Императоръ соизволилъ лично совершить закладку храма. Въ этомъ же году и скромная херсонесская киновія была возведена на степень первокласснаго монастыря. Работы по устройству монастыря двинулись впередъ быстро. Двухъ-этажный архимандритскій домъ, съ домовой церковью, во имя Корсунской Божіей матери, былъ оконченъ постройкою въ 1863 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ построено и нѣсколько братскихъ келій. Но сооруженіе храма во имя равноапостольнаго князя Владиміра долгое время ограничивалось возведеніемъ стѣнъ фундамента, и только въ послѣдніе два года, благодаря энергическимъ усиліямъ архимандрита Евгенія и ревности принявшаго

на себя постройку храма, извѣстнаго нашего строителя П. І. Губонина, строительныя работы производились съ особенной заботливостью, такъ что стѣны храма къ концу 1874 года были выведены подъ своды втораго этажа *).

Въ ноябрѣ 1874 года мнѣ пришлось совершить поѣздку въ Крымъ. Тотчасъ по прибытіи въ Севастополь, мнѣ захотѣлось исполнить свое давнишнее желаніе поклониться мѣсту, откуда Русь восприняла свѣтъ христіанскаго вѣроученія, и на утро, въ обществѣ С. П. Губонина, сына строителя Херсонесскаго собора, пріѣхавшаго одновременно со мною въ Севастополь для осмотра работъ, произведенныхъ въ соборѣ въ теченіи лѣта, я отправился въ Херсонесскій монастырь. День былъ теплый, тихій и ведренный, какой можетъ только быть въ глубокую осень на югѣ Россіи. Извощичій экипажъ рысцой потащилъ насъ по улицамъ Севастополя, если только можно назвать улицами эти взрытые, какъ гряды, циклопическіе тропы, вьющіеся между рунъ разрушеннаго города. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разразившаяся такъ нежданно надъ Севастополемъ гроза превратила его въ безпорядочную груду камней, но эта груда камней лежитъ и донынѣ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ она осталась, когда гроза утихла. Это даже и не груда камней, но какая-то искалѣченная, безобразная масса скелетовъ безъ череповъ, съ провалами во впадинахъ глазъ, съ изломанными ребрами и пустыми внутренностями. Правда, кое-гдѣ встрѣчаются исправленные для жилья дома, встрѣчаются и небольшія новыя постройки, но въ общихъ чертахъ картина разрушенія производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Вы видите не городъ, а какое-то громадное покинутое кладбище, съ развалившимися памятниками, обрушившимися могилами и торчащими изъ-подъ земли углами гробовъ.

Тлѣніе и запустѣніе царятъ въ этомъ, забытомъ людьми жилищѣ смерти и нескоро еще жизнь, какъ кажется, коснется его своимъ дыханіемъ.

---

*) Для постройки храма былъ образованъ особый строительный комитетъ, существовавшій до 1873 г., т. е. до того времени, когда работы по постройкѣ были переданы г. Губонину. Медленность постройки храма за прежнее время происходила вслѣдствіе незначительности имѣвшихся въ распоряженіи комитета суммъ, такъ какъ только на 1873 г. для постройки былъ испрошенъ кредитъ въ 250,000 руб.

Выбравшись за городъ, мы поѣхали мимо бывшихъ нашихъ бастіоновъ и непріятельскихъ траншей и батарей. Въ ложбинѣ между двумя возвышенностями, посылавшими другъ другу смерть и разрушеніе изъ нѣсколькихъ сотъ орудій, лежитъ городское кладбище съ небольшой при немъ церковью, сохранившеюся и во время осады. Дорога, окрестные холмы и балки, усѣяны небольшими бѣлыми камнями. Кругомъ глухо и безлюдно—ни одного строенія, ни одного деревца до самаго монастыря.

Среди такой пустынной мертвенности, видъ вновь строющейся обители производитъ самое отрадное впечатлѣніе. Жизнію и трудомъ вѣетъ отъ этихъ простыхъ, незатѣйливыхъ, деревянныхъ святыхъ воротъ, у которыхъ мы не нашли, однако, ни привратника, ни толпы нищихъ, ни толпы торговцевъ,—этихъ атрибутовъ каждаго сколько-нибудь значительнаго русскаго монастыря. Отодвинувъ низенькую на колесцахъ рогатку, заставлявшую проходъ во святыхъ воротахъ, мы вошли на дворъ монастыря и пройдя нѣсколько шаговъ впередъ по нешпрокой песчанистой дорожкѣ, очутились передъ новымъ, весьма красивымъ двухъэтажнымъ домомъ настоятеля. Налѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дорожки, виднѣется небольшая монастырская церковь, построенная во имя семи священномучениковъ въ Херсонессѣ епископствовавшихъ, а за нею далѣе—братскія кельи и другія монастырскія постройки. Направо же высится закутанный въ лѣса новый Владимірскій соборъ. Монастырскій дворъ не великъ, но содержится чисто и опрятно. Передъ домомъ настоятеля разведенъ маленькій садикъ съ клумбою цвѣтовъ и небольшой бесѣдкой. Трудъ, забота и попеченіе о развитіи и благосостояніи обители выказываются на каждомъ шагу.

Узнавъ отъ одного изъ монастырскихъ служекъ, что архимандрита Евгенія нѣтъ дома, мы отправились ко вновь строющемуся храму. Храмъ сооружается по плану профессора Гримма, подъ наблюденіемъ архитектора М. Ю. Арнольда, изъ громадныхъ тесаныхъ плитъ бѣлаго инкерманскаго камня, съ мраморными по фасаду колоннами [1]). Это будетъ зданіе простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ велп-

---

[1]) Первоначально предполагалось облицевать храмъ порфиромъ и мраморомъ; но такъ какъ эта мѣра требовала расходу до 700,000 р., то и рѣшили, впослѣдствіи, ограничиться только постановкою по фасаду мраморныхъ колонъ.

чественное и чисто въ русскомъ стилѣ; оно занимаетъ площадь въ 304 квадратныхъ сажени, и будетъ состоять изъ двухъ этажей. Высота его съ крестомъ около 19 саженъ. Нижній этажъ возведенъ надъ остатками стѣнъ церкви, въ которой великій князь Владиміръ воспринялъ св. крещеніе, а верхній предназначается для богослуженія. Съ чувствомъ нѣмаго благоговѣнія осматривалъ я остатки стѣнъ этой древней базилики. Внѣшняя форма ихъ представляетъ образецъ византійскаго стиля. Алтарь церкви выдается наружу полукруглымъ выступомъ, стѣны сложены изъ грубо обтесанныхъ желтоватаго цвѣта, большихъ камней, между которыми мѣстами виднѣются обломки колонъ, вѣроятно, какого-либо еще болѣе древнѣйшаго храма. Вышина сохранившихся стѣнъ отъ полу: со стороны алтаря и входа достигаетъ—семи, а въ прочихъ мѣстахъ—не болѣе трехъ-четырехъ футовъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ вновь строющагося храма виднѣются слѣды еще двухъ отрытыхъ церквей, а вокругъ ихъ и нѣсколько всторону, между громадными глыбами камней, обтесываемыхъ для новаго собора, известочныхъ творилъ, бревенъ, воротовъ и грудъ мусора, попадаются обломки древнихъ колоннъ, карнизовъ, крестовъ—какъ будто съ этого должно начаться объединеніе древняго міра съ идущимъ къ нему навстрѣчу новымъ.

Съ высоты верхней площадки лѣсовъ я обозрѣвалъ территорію «гордаго, изящнаго и славнаго» Херсонеса. Мнѣ хотѣлось опредѣлить положеніе: и главной его улицы—Аркаса, шедшей, какъ извѣстно, отъ западныхъ воротъ по южному краю города и поворачивавшей потомъ на сѣверовостокъ, и главной городской площади съ ея храмами и дворцами, и дворца княжескаго, «обширнаго какъ городъ», и знаменитой городской стѣны, съ ея башнями и рвами, начинавшейся у Черной рѣчки и шедшей немного выше Инкермана до самой Балаклавской бухты, и не менѣе знаменитыхъ водопроводовъ. Но исполнить этого, къ сожалѣнію, я не могъ, такъ какъ на поверхности земли никакихъ слѣдовъ ихъ существованія (кромѣ отрытыхъ при раскопкахъ слѣдовъ церквей) уже не оказывалось. Время все уничтожило и только одно вѣчно неизмѣнное море также, какъ и прежде, во время славы и могущества Херсонеса, кипитъ и пѣнится у его крутыхъ каменистыхъ береговъ. Все также мѣрно и безустанно, одна вслѣдъ за другой, несутся волны на эти выдающіеся береговые выступы, мыски и крошечные каменные островки, и прядаютъ высоко съ шумомъ, покрытые пѣной, какъ бѣлоснѣж-

ной пеленой, и дробятся и разсыпаются тысячами брызгъ. А тамъ, вдалекѣ, гдѣ море какъ бы сливалось съ густой яркой синью горизонта, прозрачная свѣтлозеленая масса волнъ, чуть-чуть колеблясь, вспыхиваетъ подъ златисто-бѣлесоватыми лучами осенняго солнца, и горитъ, и блеститъ багряницемъ, чернью и серебромъ.

Въ тотъ же день, подвечеръ, я совершилъ поѣздку по линіи бывшихъ севастопольскихъ укрѣпленій южной стороны. На Малаховомъ курганѣ я пробылъ довольно долго. Вотъ что занесъ я тамъ, на память объ этомъ достопамятномъ вечерѣ, въ дневникъ свой 20 ноября 1874 года.

На Малаховомъ курганѣ.

Съ благоговѣніемъ склоняюсь предъ тобою,
Холмъ историческій, священный, славный холмъ,
Свидѣтель мужества, геройства, чести, долга,
И памятникъ всѣхъ дѣлъ, свершенныхъ ими здѣсь.
Земля вокругъ тебя вся вспахана огнемъ
И пропиталася до нѣдръ людскою кровью.
Въ надеждѣ отстоять твердыню дорогую
И съ нею родину отъ вражьяго вторженья,
Здѣсь пали легіоны нашихъ Леонидовъ,
Принявъ на щитъ удары полчищъ полумѣра
И грудью мощной отразивъ ихъ ярый натискъ,
Здѣсь русскіе костьми легли богатыри.
При залпахъ тысячи громаднѣйшихъ орудій,
Подъ огненнымъ дождемъ свинца и чугуна,
Въ дыму и пламени негаснувшихъ пожаровъ,
Подъ смертный хрипъ и стонъ истерзанныхъ людей,
Здѣсь триста сорокъ дней разыгрывалась драма,
Которой цѣлый міръ, дивясь, рукоплескалъ.
Геров Сарагоссы, Трои, Карфагена,
Васъ, севастопольцы, едваль не превзошли...
Здѣсь не былъ просто бой—боролися гиганты,
Тутъ рыцари дрались, сойдяся въ поединкѣ,
Тутъ крики слышались: «стрѣляйте вы, мы—послѣ»...
Смерть проносилася, но не было побѣды:
Антей не побѣжденъ, когда его пята
Касается земли, какъ матери и силы...
Изуйте жъ пози здѣсь, пришельцы-пилигримы,
Зане то мѣсто, гдѣ стоите вы, есть свято!,.
Съ какимъ волненіемъ и трепетнымъ желаньемъ,
Пришлецъ издалека, рвался я мыслью видѣть

Тебя, мой дорогой и сердцу близкій холмъ,
И вотъ я, наконецъ, у твоего подножья.
Вокругъ нѣмая тишь, безлюдье и пустыня,
Известка, глина, грязь и глыбы плитняка—
Все исковеркано, изрѣзано и взрыто,
Какъ будто волны здѣсь морскія въ бурномъ взметѣ
Окаменѣли вдругъ подъ взглядомъ чародѣя.
Осенній теплый день склоняется къ закату,
Послѣдній солнца лучъ, лучъ поздній и холодный,
Подъ легкимъ облачкомъ, гонимымъ вѣтеркомъ,
Какъ рѣзвое дитя, играетъ и бѣжитъ
По ямамъ и буграмъ изборожденной почвы,
И гдѣ то тамъ вдали теряется и гаснетъ...
Почтительно какъ сынъ, съ главой непокровенной,
Я поднялся на холмъ, который силы вражьи
Съ такимъ неистовствомъ громили день и ночь,
Въ который брошено такъ много бомбъ и ядеръ,
И на который глазъ людскихъ, дивясь, смотрѣло
Едва-ль не болѣе, чѣмъ смотритъ съ неба звѣздъ...
Вотъ башня—памятникъ, гдѣ наши командиры,
Отцы сѣдыхъ дружинъ, какъ бы зеницу ока,
Блюли имъ ввѣренный самой судьбою постъ.
Вотъ славный тотъ блиндажъ, гдѣ старый левъ Синопа,
Окончивъ свой обходъ по линіямъ огня,
Бесѣдовалъ съ дѣтьми своими—моряками
И оживлялъ въ нихъ духъ и вѣру въ одолѣнье.
А вотъ—колодцы мины съ ихъ мрачнымъ лабиринтомъ
Подземныхъ галлерей, воронокъ, душниковъ,
Гдѣ русскій нашъ Вобанъ съ такимъ искусствомъ велъ
Подземную войну съ противникомъ достойнымъ.
Вотъ мѣсто, гдѣ ядро Корнилова сразило,
Вотъ здѣсь Панфиловъ палъ, а здѣсь Нахимовъ славный,
Смертельно раненый, окончилъ славно жизнь.
О! сколько горестныхъ и жгучихъ вспоминаній
Въ насъ будитъ этотъ холмъ своимъ живымъ разсказомъ.
Взволнованный, въ слезахъ, всхожу на валъ кургана,
Вокругъ раскинулись въ нестройномъ безпорядкѣ
Ложбины узкія, овраги, балки, кручи,
Останки батарей, руины грозныхъ верковъ,
Окоповъ всяческихъ, люнетовъ и траншей;
На западѣ заря сгорѣла, гаснетъ отблескъ,
Земля одѣлася прозрачной сѣрой дымкой,
И звѣздочки зажглись на синемъ склонѣ неба.
Пора бы и домой, но я еще стою,
Смотрю и думаю, о прошломъ вспоминаю...
И вотъ передо мной какъ будто возстаетъ
Не мертвый нынѣшній, но прежній Севастополь,
Съ его стальной стѣной недремлющихъ штыковъ,
Въ огневомъ поясѣ грохочущихъ орудій.

Идетъ въ разгарѣ бой, кровавый страшный бой,
Изъ-подъ густой зловѣщей черной тучи дыма,
Застлавшей горизонтъ, не видно даже свѣта,
День превратился въ ночь, ночь ужаса и страха,
Орудія, мортиры, ружья, штуцера,
Стрѣляя залпами и порознь, превзойти
Въ убійственной борьбѣ стараются другъ друга.
Снаряды сыплются—какъ частый крупный градъ,
Чугунъ, свинецъ и мѣдь валятся словно съ неба,
И мѣста нѣтъ вблизи, гдѣ-бъ человѣкъ, укрывшись,
Спокойно могъ сказать: «теперь я безопасенъ»...
Смерть носится какъ вихрь и коситъ жатву крови,
И бѣшенымъ ея порывамъ нѣтъ конца.
Ей кажется, что міръ ей отданъ весь на жертву,
И мечется она безумно тамъ и здѣсь,
И новыхъ тысячи любимцевъ избираетъ,
Межъ тѣмъ какъ раненый, истерзанный, избитый,
Напрасно ждетъ ее и молитъ, словно блага,
Перста холоднаго ея прикосновенья.
Вездѣ лежатъ тѣла—и лошади, и люди;
И трупы цѣлые, и части, члены труповъ
Смѣшалися съ людьми, въ которыхъ тлѣетъ жизнь,
И человѣкъ живой завидуетъ умершимъ.
Одинъ глотокъ воды дороже полуміра,
Послѣдняя мольба въ борьбѣ за жизнь о немъ;
Здѣсь блѣдныя уста сомкнулися съ молитвой,
Тутъ вопль проклятія колеблетъ жгучій воздухъ,
Страдалецъ чуть дыша, коснѣющей рукой,
Чтобъ жажду утолить, щепоточку травы,
Отъ крови влажную, вокругъ себя срываетъ...
Но бой колеблется, враги зовутъ резервы,
И вотъ они спѣшатъ, усиливая бѣгъ,
Имъ нужно во время прибыть, чтобы ворваться
Въ завѣтный бастіонъ—вѣнецъ ихъ всѣхъ усилій;
Уже полкъ за полкомъ, какъ валъ за валомъ въ морѣ,
Несутся, буйные, впередъ неудержимо,—
И вотъ ударились о каменный утесъ,
И вспять отпрянули, лишь брызги волнъ, да пѣна
Взлетѣли высоко и пали въ тѣже волны,
Скала не дрогнула, утесъ не шевельнулся...
Еще ударъ, другой, и масса волнъ громадныхъ
Въ напорѣ яростномъ ужъ хлещетъ чрезъ утесъ,
Но каменная грудь скалы не подалася...
Хвала тебѣ во вѣкъ, безсмертный нашъ Хрулевъ,
Ты къ «благодѣтелямъ» о выручкѣ воззвалъ,
И съ ними бросился и выручилъ побѣду.
Но тѣни падаютъ... и только Горчаковъ
Со свитою своей стоитъ еще у бухты,
Какъ въ тотъ несчастный день, когда твердыня пала,

И передъ нимъ войска въ молчаньи проходили.
Всю тяжесть этого жестокаго паденья
Онъ вынесъ на себѣ, достойный нашъ стратегъ,
И, гордый правотой своей въ дни тяжкихъ бѣдъ,
Онъ легъ вблизи своей разрушенной твердыни,
Какъ будто говоря: «за это я отвѣчу»...
Межъ тѣмъ ночь южная спускается все ниже
И кроетъ синей тьмой, какъ пологомъ, окрестность.
Съ душой, исполненной печали и тоски,
Я земно кланяюсь тебѣ, курганъ Малаховъ,
Вестминстеръ доблести и храбрости и славы,—
Угрюмый, какъ вокругъ природа,—Партенонъ:
Твое безсмертное геройское паденье
Къ развитью нашего величья послужило...

На другой день утромъ я посѣтилъ севастопольскій музей, устроенный въ пожертвованномъ графомъ Тотлебеномъ домѣ, а вечеромъ на четырехвесельномъ катерѣ ѣздилъ на Братское кладбище. Въ день же отъѣзда изъ Севастополя осматривалъ городской соборъ, въ которомъ погребены павшіе при защитѣ адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и Истомпнъ. Но тетрадка, въ которой были записаны впечатлѣнія видѣннаго, утратилась, — и я не считаю себя вправѣ профанировать чувства, тѣснившія тогда грудь, на память. Поэтому, обрывая разсказъ на половинѣ, заношу для памяти оставшееся донынѣ непонятнымъ впечатлѣніе погребенія праха трехъ адмираловъ отдѣльно отъ князя М. Д. Горчакова, генерала С. А. Хрулева и другихъ достославныхъ вождей, улегшихся запросто среди кургановъ и братскихъ могилъ товарищей по защитѣ падшей твердыни на «Братскомъ кладбищѣ» сѣверной стороны. Вѣдь тамъ преданы землѣ всѣ убитые и умершіе отъ ранъ и болѣзней воины-защитники, какъ пѣхотинцы, такъ и моряки. Зачѣмъ же выдѣлены эти три героя? Зачѣмъ отчуждены они отъ тысячъ другихъ храбрыхъ и храбрѣйшихъ? Неужели въ этомъ могло выразиться какое-либо особенное имъ отличіе?.. Но, оставляя въ сторонѣ сужденіе о томъ, не могу не замѣтить, что всякому русскому человѣку горячо любящему свою родину и дорожащему ея славой и справедливостью, гораздо пріятнѣе было бы видѣть всю тѣсную дружную родную семью защитниковъ Севастополя—похороненною рядомъ на одномъ зеленомъ предгорьѣ «великой нивы смерти».

КНЯЗЬ А. Л. ДАДІАНЪ,

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

КНЯЗЬ Александръ Леоновичъ Дадіанъ, извѣстный своими несчастіями, какъ очистительная жертва тѣхъ традиціонныхъ порядковъ, которые въ доброе старое время существовали въ управленіи полковою хозяйственною частію на Кавказѣ, родился въ 1801 году, въ наслѣдственномъ имѣніи симбирской губерніи, сенгилѣевскаго уѣзда, гдѣ у его родителей было до 1000 душъ крестьянъ, и получилъ отличное по тому времени домашнее воспитаніе. По словамъ лицъ, коротко знавшихъ князя, это былъ человѣкъ высокаго образованія, характера мужественнаго и непреклонной силы воли.

Дадіанъ поступилъ на службу подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ въ 1817 году; въ 1821 г. произведенъ въ прапорщики, а въ 1825 г., въ чинѣ поручика, назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адъютанту Паскевичу [1]).

Онъ участвовалъ въ войнахъ: персидской 1826—1827 г. и турецкой 1828—1829 г. и экспедиціяхъ противъ горцевъ 1830, 1831 и 1832 годовъ. Въ 1827 году, графъ Паскевичъ-Эриванскій удостоилъ его порученія донести императору Николаю о взятіи Тавриза, за что Дадіанъ произведенъ въ капитаны, а въ 1829 году онъ былъ посланъ къ государю съ донесеніемъ о сраженіи при Коинлы и взятіи турецкаго лагеря и трехъ-бунчужнаго паши въ

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій.

плѣнъ, за что произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ его величества.

Въ концѣ того же 1829 года, онъ получилъ въ командованіе эриванскій карабинерный (нынѣ 13-й лейбъ-гренадерскій его величества) полкъ.

Дадіанъ былъ женатъ на дочери командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютанта барона Розена, Лидіи Григорьевнѣ Розенъ.

Въ 1837 году, во время посѣщенія императоромъ Николаемъ Кавказа, по донесенію находившагося въ Тифлисѣ для выработки положенія объ управленіи закавказскимъ краемъ, сенатора барона Гана о злоупотребленіяхъ въ эриванскомъ полку, князь Дадіанъ, лично государемъ, при разводѣ 24 сентября, въ Тифлисѣ, на Мадатовской площади, былъ лишенъ флигель-адъютантскаго званія и отправленъ въ Бобруйскъ, гдѣ и находился подъ судомъ, съ содержаніемъ въ казематѣ арестованнымъ, до 1840 года.

Между тѣмъ, флигель-адъютанту Катенину [1]), было повелѣно: сдѣлать инспекторскій смотръ полку и произвести формальное слѣдствіе о дѣйствіяхъ Дадіана, съ тѣмъ, чтобы донесеніе Катенина служило основаніемъ суждснію военнаго суда. По суду оказалось слѣдующее:

1. Войска кавказскаго корпуса были обязаны устраивать штабъ-квартиры для себя собственными хозяйственными средствами, получая только безъ платы лѣсъ изъ владѣльческихъ дачъ и обывательскія подводы для подвозки къ мѣсту построекъ разныхъ матеріаловъ. Сверхъ того, съ цѣлію облегченія войскъ кавказскаго корпуса въ устройствѣ полковыхъ штабовъ, было разрѣшено имъ, кромѣ штатныхъ подъемныхъ лошадей, имѣть еще рабочихъ воловъ, на покупку которыхъ употреблялись деньги изъ отпускавшихся на устройство штабъ-квартиръ, и иногда изъ экономическихъ полковыхъ суммъ. На этомъ основаніи эриванскому карабинерному полку были отведены частныя земли около Тифлиса для рубки лѣса и сѣнокошенія. Дадіанъ продовольствовалъ накошеннымъ сѣномъ не однихъ полковыхъ лошадей и быковъ, но и собственный скотъ и конскій заводъ свой, а зимою довольствовалъ скотъ полковаго маркитанта и дру-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ.

гихъ лицъ, не платя за излишнее сѣно денегъ владѣльцамъ земель; церковныя же земли началъ онъ распахивать и подъ посѣвъ хлѣба.

2. Для надзора за конскимъ заводомъ и скотоводствомъ своимъ, Дадіанъ употреблялъ 8-мь унтеръ-офицеровъ и до 100 человѣкъ рядовыхъ, а для прислуги въ домѣ и при хозяйственныхъ заведеніяхъ держалъ у себя 4-хъ унтеръ-офицеровъ и 36 человѣкъ рядовыхъ, изъ которыхъ одного (камердинера) произвелъ въ унтеръ-офицеры за расторопность по фронту.

3. Дадіанъ, взявъ на себя заготовленіе провіанта для полка, постройку мельницы и возведеніе разныхъ зданій, употреблялъ нижнихъ чиновъ въ работы и перевозки, частію безъ платы, частію за малое вознагражденіе.

4. При постройкѣ полковымъ маркитантомъ винокуреннаго завода, Дадіанъ назначилъ къ нему нижнихъ чиновъ для работъ по 5-ти коп. въ сутки, тогда какъ вольные люди въ Тифлисѣ получали гораздо больше.

5. Кромѣ нижнихъ чиновъ употреблялъ Дадіанъ на работы солдатокъ безъ платы и однажды за ослушаніе наказалъ ихъ.

6. Обывательскія подводы, назначенныя въ пособіе для устройства полковой штабъ-квартиры, употреблялъ Дадіанъ для подвозки матеріаловъ къ другимъ казеннымъ постройкамъ и оставлялъ ихъ на работѣ долѣе назначеннаго срока.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло и признавъ князя Дадіана виновнымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и къ написанію въ рядовые, но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе прежнюю безпорочную службу Дадіана, бытность въ походахъ и сраженіяхъ, трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ и раскаяніе въ проступкахъ и испрашивалъ милосердія къ участи его.

Императоръ Николай Павловичъ, разсмотрѣвъ докладъ генералъ-аудиторіата въ Динабургѣ, 12-го мая 1840 года, изволилъ написать на немъ собственноручно: «Полковникъ князь Дадіанъ совершенно достоинъ присужденнаго наказанія, вина его сугубо тяжка тѣмъ, что онъ носилъ званіе моего флигель-адъютанта и, бывъ близкимъ родственникомъ корпуснаго своего командира, какъ бы обязанъ былъ симъ еще болѣе удаляться отъ всего законопротивнаго, служа скорѣе другимъ примѣромъ строгаго соблюденія порядка службы. Нарушивъ столь наглымъ образомъ свою обязанность, онъ недостоинъ

никакого помилованія. Желая, однако, и въ семъ случаѣ оказать возможное вниманіе къ службѣ генералъ-адъютанта барона Розена, повелѣваю: лишивъ полковника князя Дадіана чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и вмѣнивъ ему трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправить на жительство безвыѣздно въ Вятку».

Въ 1840 году, по ходатайству генералъ-адъютанта барона Розена, Дадіану дозволено жить въ имѣніи барона Розена близъ Москвы, а въ 1844 г. разрѣшенъ ему временной въѣздъ въ Москву для свиданія съ матерью, и затѣмъ, по просьбѣ сей послѣдней, ему позволено безвыѣздно жить въ Москвѣ.

Въ 1856 году, по случаю коронаціи государя императора Александра Николаевича, Дадіану были возвращены всѣ права по службѣ, которыя онъ пріобрѣлъ до состоянія о немъ высочайшей конфирмаціи, т. е. чинъ полковника (въ отставкѣ), ордена, княжеское и дворянское достоинство.

Дадіанъ умеръ въ Москвѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Катастрофа, постигшая Дадіана въ 1837 году, какъ громовой ударъ разразилась надъ Кавказомъ, и слухи о ней пронеслись по всей Россіи, принимая разнообразную и иногда даже фантастическую форму. Легенду объ этомъ событіи въ самомъ искаженномъ видѣ мнѣ пришлось слышать въ Пятигорскѣ въ 1870 году. Нѣсколько варьяцій попали въ печать.

И. И. Лореръ, находившійся въ 1837 году на Кавказѣ, въ запискахъ своихъ («Русскій Архивъ» 1874 года, кн. 2, стр. 371) говоритъ о катастрофѣ 24 сентября слѣдующее: «По обыкновенію, Вревскій [3]) пришелъ къ намъ однимъ утромъ, и какимъ угрюмымъ показался онъ намъ! Сейчасъ же причина разъяснилась. «Слышали вы, господа, что случилось съ бѣднымъ княземъ Дадіаномъ въ Тифлисѣ? Вы знаете, что онъ командуетъ полкомъ и женатъ на дочери главнокомандующаго Розена. Дорогою государь получилъ доносъ на князя Дадіана, которымъ его обвиняютъ въ употребленіи солдатъ на свои работы, недодачѣ жалованья рекрутамъ и прочихъ неозво-

---

[3]) Адъютантъ военнаго министра, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабъ-ротмистръ, находившійся въ то время при генералѣ Вельяминовѣ. Убитъ въ дѣлѣ подъ Черной, въ чинѣ генерала свиты его величества.

лительныхъ поступкахъ; можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхалъ государь въ Тифлисъ. Ни Розенъ, ни начальникъ штаба не подозрѣвали, что ихъ ожидаетъ. Разводъ назначенъ былъ отъ полка, которымъ командовалъ Дадіанъ, и князь передъ строемъ ожидалъ прибытія государя. На площади собралось безчисленное число народа, грузинъ, армянъ и мирныхъ черкесъ. На балконѣ одного дома на площади сидѣли супруги главнокомандующаго и князя Дадіана, разряженныя, веселыя. День былъ прекрасный. Наконецъ выѣхалъ государь. Барабаны загрохотали, музыка гремѣла, но царь махнулъ рукой и водворилась тишина. Государь скомандовалъ «къ ногѣ» и велѣлъ составить ружья въ козлы. Огромная свита не понимаетъ этого маневра. Государь собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ въ кружокъ и долго съ ними разговаривалъ о чемъ-то, потомъ созываетъ солдатъ и дѣлаетъ съ ними тоже самое; потомъ командуетъ: «становись!» Полкъ выстроился. Дадіанъ съ опущенной саблей въ рукѣ, все еще не понималъ причины этихъ дѣйствій, но тутъ государь громко приказалъ коменданту снять съ князя Дадіана флигель-адъютантскіе эксельбанты, какъ съ недостойнаго носить это отличіе. Но что происходило въ это время съ бѣдными дамами на балконѣ? Онѣ лежали въ обморокѣ. Тутъ же подъѣхала фельдъегерская тройка, посадили въ нее оборваннаго, обезчещеннаго князя Дадіана и повезли въ крѣпость Бобруйскъ».

«По другимъ разсказамъ — комментируетъ вышеприведенный фактъ издатель «Архива» г. Бартеневъ:—преступленія Дадіана, закрѣпостившаго и грабившаго солдатъ, открылись государю случайно. Когда государь приближался къ Тифлису, загорѣлись отъ быстрой ѣзды оси въ его коляскѣ. Въ числѣ людей сбѣжавшихся помогать бѣдѣ, государь узналъ одного солдата подъ крестьянскою одеждою, и тотъ доложилъ ему, что цѣлые десятки и сотни солдатъ работаютъ поблизости въ имѣніи Дадіана. Пока справляли коляску, государь на простой телѣгѣ съѣздилъ въ указанное имѣніе и лично удостовѣрился въ томъ, что его воины обращены въ земледѣльцевъ».

Относительно отправки Дадіана въ Бобруйскъ, г. Бартеневъ замѣчаетъ, что онъ былъ преданъ суду на мѣстѣ и отвезенъ въ Бобруйскъ послѣ того, какъ его изобличили въ его дѣйствіяхъ.

Въ дѣйствительности же, Дадіанъ не командовалъ разводомъ, государь не собиралъ въ кружокъ ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ, не разговаривалъ съ ними и не командовалъ: «становись»!

Все это плоды досужей фантазіи. Равномѣрно и разсказъ о поѣздкѣ государя въ простой телѣгѣ въ имѣніе князя Дадіана и личномъ удостовѣреніи его тамъ объ обращеніи вопиовъ въ земледѣльцевъ—чистѣйшая выдумка.

Въ исторіи эриванскаго полка, г. Шабанова, объ этомъ происшествіи говорится слѣдующее:

«22 сентября, въ первый разъ жители Тифлиса съ восторженными криками и народною музыкою-зурной — встрѣтили государя Николая Павловича. На другой день, 1-й батальонъ эриванцевъ, щегольски одѣтый, былъ выстроенъ съ утра за Авладаромъ, на возвышенной равнинѣ, вмѣстѣ съ другими войсками, для представленія государю. Дадіанъ командовалъ одной изъ линій, при чемъ сбился въ фронтовыхъ построеніяхъ, за что получилъ замѣчаніе. Затѣмъ, въ слѣдующій день назначенъ былъ всѣмъ войскамъ церемоніальный маршъ на александровской площади (нынѣ александровскій садъ). Въ этотъ день погода была ясная. На небѣ не было ни одной тучки. Сентябрское южное солнце не жгло, а лишь только грѣло. Толпа любопытныхъ окружала площадь и сосѣдніе дома. По рядамъ эриванцевъ уже разносилось «смирно», при пріѣздѣ разныхъ начальствующихъ лицъ. Наконецъ, заколыхался народъ, показался государь со свитою. Раздалось еще разъ: «смирно, на плечо, на-караулъ», и баталіонъ, сдѣлавъ пріемы, замеръ,—только торжественные звуки музыки нарушали тишину. На привѣтствіе Николая Павловича баталіоны откликнулись «ура», толпа народа подхватила это радостное восклицаніе и долго оно раздавалось въ воздухѣ. Государь остался чрезвычайно доволенъ смотромъ, за что пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ водки. Но этотъ день произвелъ сильное впечатлѣніе на эриванцевъ,—на ихъ полковаго командира, князя Дадіана, о его злоупотребленіяхъ былъ сдѣланъ государю доносъ. Отличительная черта покойнаго монарха, строгость и справедливость, выказалась и здѣсь. Онъ, въ виду всего народа, приказалъ съ полковника Дадіана снять эполеты и флигель-адъютантскіе эксельбанты за тѣ злоупотребленія, о коихъ государю было донесено».

Но и здѣсь фактъ разжалованія передань невѣрно: съ князя Дадіана былъ снятъ только эксельбантъ; эполетъ же онъ лишился по приговору суда.

Фактъ этотъ не лишенъ историческаго значенія, и потому я позволяю себѣ возстановить его, пользуясь обязательно предложен-

ными въ мое распоряженіе записками очевидца, подполковника А. В. Антонова, бывшаго въ 1837 году полковымъ адъютантомъ эриванскаго полка.

Государь императоръ Николай Павловичъ прибылъ на Кавказъ на пароходѣ «Звѣзда» и высадился въ Поти, 17 сентября 1837 г.

Постоянные дожди и суровая осенняя погода испортили настолько дороги, что маршрутъ слѣдованія его величества былъ измѣненъ.

Мѣстами государь долженъ былъ ѣхать верхомъ на казачьихъ лошадяхъ, отъ Кутаиса же совершилъ путь съ бывшимъ въ то время командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ, въ открытой коляскѣ.

На Бѣлогорской станціи встрѣтила государя, возлѣ дороги, находившаяся тутъ на работѣ 7-я рота эриванскаго полка. Государь приказалъ остановиться и, не выходя изъ экипажа, поздоровался съ солдатами и, поблагодаривъ ихъ за усердную службу, прослѣдовалъ далѣе [4]).

Недоѣзжая 19 верстъ до Сурама, гдѣ приготовленъ былъ для его величества ночлегъ, императоръ, по усталости, изволилъ остановиться на Квирильскомъ посту, гдѣ и заночевалъ съ 19 на 20 сентября. Здѣсь, въ 11 часовъ вечера, получено было донесеніе сенатора барона Гана о злоупотребленіяхъ Дадіана.

Ночь на этой станціи государь провелъ не покойно и, какъ разсказывали, утромъ былъ сильно взволнованъ.

20 сентября, въ 8 часовъ утра, государь прибылъ въ Сурамъ, верхомъ, и остановился въ домѣ князя Абашидзе. Недоѣзжая шаговъ 20 до почетнаго караула отъ 3-й карабинерной роты эриванскаго полка, скомплектованной, на этотъ случай, изъ георгіевскихъ кавалеровъ, сошелъ съ лошади, и, снявъ съ себя бурку, подошелъ къ караулу и поздоровался съ солдатами. Представлявшій караулъ баталіонный командиръ эриванскаго полка, маіоръ Антоновъ, увидѣвъ государя, такъ растерялся, что, вмѣсто того, чтобы обойти фронтъ сзади, проломился черезъ его середину и сталъ за почетнымъ карауломъ, а командовавшій карауломъ ротный командиръ штабсъ-капитанъ Савицкій, ошибся въ командныхъ словахъ; на лицѣ государя выразилось неудовольствіе: приказавъ отпустить роту

---

[4]) Государь во время слѣдованія отъ Поти до Квирильскаго поста изволилъ находиться въ отличномъ расположеніи духа.

на квартиры, онъ обратился къ Розену съ слѣдующими словами: «и тутъ довольно дурно». Войдя въ приготовленный для его величества домъ и отвѣдавъ нѣсколько винограда изъ поднесенныхъ фруктовъ, утомленный тяжелою дорогою, государь отдыхалъ до $4^1/_2$ часовъ за полдень и затѣмъ, выйдя на крыльцо дома, долго любовался окрестностями Сурама, по направленію къ Боржомскому ущелью.

Послѣ обѣда государь долго ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Прекрасная южная ночь вновь вызвала его на крыльцо, гдѣ сидѣли тогда Орловъ [5]) и Багратіонъ [6]); но здѣсь государь пробылъ не болѣе получаса и возвратился въ комнаты, гдѣ занимался дѣлами до 2-хъ часовъ ночи, призывая къ себѣ изрѣдка Адлерберга и Орлова.

На другой день, около 7-ми часовъ утра, государь, совершенно готовый къ отъѣзду, въ бѣлой фуражкѣ и лѣтней конногвардейской шинели, вышелъ на крыльцо занимаемаго имъ дома, у подъѣзда котораго стояла уже шестерней запряженная открытая коляска. Указавъ на Боржомское ущелье, его величество сталъ разговаривать съ Розеномъ; между тѣмъ къ дому подъѣхало верхами человѣкъ сорокъ карталинскихъ князей и дворянъ. Они были одѣты въ богатыя національныя разноцвѣтныя одежды, украшенныя широкими, золотыми галунами, отлично вооружены и сидѣли на чистокровныхъ казахскихъ жеребцахъ, вся сбруя которыхъ блестѣла серебромъ и золотомъ. Государь сошелъ съ крыльца и, подойдя къ всадникамъ, поздоровался съ ними. Глядя на нихъ не безъ удовольствія, между прочимъ, изволилъ имъ сказать: «Господа, такимъ молодцамъ нужно служить». Послѣ этого государь, пригласивъ барона Розена, сѣлъ въ коляску и отправился въ Ахалцыхъ, куда, въ качествѣ конвоя его величества, отправились и карталинцы.

Между тѣмъ Антоновъ, по приказанію Розена, отправился въ Тифлисъ и передалъ князю Дадіану о поданномъ на него доносѣ. Князь отвѣчалъ: «да, мнѣ сообщено объ этомъ вчера», и, подумавъ, прибавилъ: «какая ложь! хорошаго ждать теперь нечего; остается одно: надѣяться на Бога и на великодушіе царя; я—жертва низкихъ интригъ и гнусной клеветы; время откроетъ все. Съ вѣрою

---

[5]) Бывшій шефъ корпуса жандармовъ.
[6]) Зять владѣтеля Мингреліи.

буду ожидать участи и съ покорностію перенесу все, что меня ожидаетъ».

22 сентября, въ 9 часовъ вечера, государь прибылъ въ Тифлисъ и тотчасъ же повелѣлъ флигель-адъютанту Катенину, пріѣхавшему въ Тифлисъ двумя недѣлями ранѣе государя, отправиться въ Манглисъ (гдѣ была полковая штабъ-квартира эриванскаго полка), и повѣрить справедливость доноса. Катенинъ возвратился на другой день въ 8 часовъ вечера и представилъ собранныя имъ на-скоро свѣдѣнія. Затѣмъ, когда, по заведенному порядку, его величеству представленъ былъ именной списокъ состоящихъ на лицо флигель-адъютантовъ для исполненія дежурствъ при его особѣ, государь собственноручно изволилъ отмѣтить противъ фамиліи Дадіана: «флигель-адъютанта полковника князя Дадіана у меня нѣтъ». Подобное рѣшеніе въ ту же минуту разнеслось по городу, и князь Дадіанъ былъ такъ пораженъ этимъ, что въ тотъ же вечеръ заболѣлъ.

На 24 число былъ назначенъ разводъ отъ 1-го баталіона эриванскаго полка. Баталіонъ, подъ командою подполковника Далена, выстроился на Мадатовской площади, въ 11 часовъ. Государь съ барономъ Розеномъ прибылъ къ разводу ровно въ часъ и, поздоровавшись съ людьми, медленно прошелъ по фронту, пристально вглядываясь въ лица солдатъ, подобранныхъ молодецъ къ молодцу. Затѣмъ, отойдя на средину баталіона, скомандовалъ вполголоса: «повзводно направо»; люди исполнили это движеніе довольно стройно. Но проходя мимо государя церемоніальнымъ маршемъ, по плацу, покрытому вслѣдствіе бывшаго наканунѣ дождя грязью, люди скользили, отъ чего въ строю происходило нѣкоторое волненіе. Государь замѣтилъ барону Розену: «солдаты хороши, но дурно выправлены и ведутъ короткій шагъ»; затѣмъ его величество спросилъ: «а гдѣ полковникъ Дадіанъ»? на что было доложено, что онъ боленъ. «Послать его ко мнѣ», сказалъ государь.

Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Вальховскій, тотчасъ отправился за княземъ, квартировавшимъ на той же площади, въ домѣ Шамиръ-Хана, и не прошло 10-ти минутъ, какъ Вальховскій съ Дадіаномъ, одѣтымъ въ полковой мундиръ, при эксельбантѣ, показались передъ фронтомъ строя.

Недоходя шаговъ 15-ти до государя, они остановились. Вальховскій отошелъ за свиту, а Дадіанъ остался на мѣстѣ. Государь взглянулъ на него съ неудовольствіемъ и, повернувшись къ присутствовавшимъ на разводѣ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ,

произнесъ громко и грозно: «торги, барыши ненавижу; мои адъютанты сдѣлались здѣсь извощиками [7]) и маркитантами. За хорошую, усердную службу я достойно награждаю, за зло же и противозаконные поступки примѣрно наказываю, и примѣромъ этого будетъ полковникъ князь Дадіанъ». Потомъ, указавъ на него рукою, произнесъ гнѣвно: «Брайко [8]), снять эксельбанты»!

Грозныя слова государя произвели сильное впечатлѣніе; всѣ присутствовавшіе при разводѣ какъ будто окаменѣли. Массы же народа, окружавшаго площадь и занимавшаго окна, балконы и крыши сосѣднихъ домовъ, заколыхались и въ воздухѣ послышался какой-то неясный гулъ; затѣмъ мгновенно все стихло и водворилась мертвая тишина.

Брайко, подойдя къ Дадіану, никакъ не могъ отстегнуть эксельбанта: замѣтно было, какъ у старика тряслись руки. Дадіанъ, сохранившій присутствіе духа, разстегнулъ бортъ мундира и, отвязавъ эксельбантъ, передалъ его Брайко, который поднесъ его государю.

Государь, принявъ эксельбанты и, какъ будто взвѣшивая ихъ, громко кликнулъ: «Розенъ, адъютантъ Вельяминова!» Подбѣжалъ капитанъ Розенъ [9]), и государь, недопустивъ его шага на три, бросилъ ему эксельбанты со словами: «на! но смотри, умѣй ихъ оправдать» [10]). Потомъ, обратясь къ Дадіану, произнесъ: «Въ Бобруйскъ!» Въ это время старикъ Розенъ, преклонивъ немного колѣно и цѣлуя въ правое плечо государя, сказалъ: «Государь, я служилъ вашему отцу, вашему брату и вамъ болѣе 42-хъ лѣтъ, пощадите мою службу, простите князя Дадіана». Сцена была въ высшей степени трогательная. Съ напряженнымъ вниманіемъ свита и массы народа слѣдили за каждымъ движеніемъ государя, но государь, положа руку на плечо Розена, произнесъ: «Владиміръ Григорьевичъ, чтобы по-

---

[7]) Выраженіе «извощиками», относилось до командира грузинскаго гренадерскаго полка, полковника графа Опермана, содержавшаго по дорогѣ въ Тифлисъ почтовыя станціи.

[8]) Тифлисскій военный губернаторъ.

[9]) Сынъ корпуснаго командира.

[10]) Назначивъ сына барона Розена флигель-адъютантомъ, ввечеру того же дня государь, видимо желая хоть нѣсколько утѣшить старика, пожаловалъ во фрейлины ея величества и дочь его (впослѣдствіи извѣстная игуменья Митрофанія).

казать тебѣ, что я уважаю тебя и твою службу, я оставляю на полковникѣ князѣ Дадіанѣ эполеты и предоставляю лишеніе ихъ закону». Затѣмъ повторилъ еще разъ: «въ Бобруйскъ!» Послѣ развода государь съ бароном Розеномъ изволилъ отправиться въ военный госпиталь, откуда менѣе чѣмъ черезъ полчаса прислалъ флигель-адъютанта князя Васильчикова съ дозволеніемъ воспользоваться князю Дадіану однимъ часомъ, для прощанія съ своимъ семействомъ и родными.

26 числа, часовъ въ 5 утра, государь, не предваряя никого о намѣреніи своемъ оставить Грузію, выѣхалъ изъ Тифлиса по тракту на Владикавказъ. Слѣдуя по крутому спуску къ повороту на рѣкѣ Вѣрѣ, у отвѣснаго обрыва рѣки Куры, едва не подвергся несчастію. Экипажъ его, по неосторожности форейтора, повалился на бокъ, но его величество съ графомъ Орловымъ успѣли благополучно соскочить на дорогу. Узнавъ, что почтовую станцію содержитъ тифлисскій полиціймейстеръ, маіоръ Ляховъ, его величество тотчасъ потребовалъ его къ себѣ и пока устанавливали экипажъ и перекладывали лошадей, явился Ляховъ. Государь, сдѣлавъ нѣсколько внушительныхъ замѣчаній за грязную спекуляцію, несовмѣстную съ царскою службой, повелѣлъ сейчасъ же отрѣшить его отъ должности и исключить изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать.

Вскорѣ послѣ того, корпусный командиръ Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ, а на его мѣсто присланъ генералъ Головинъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Дадіанъ былъ виноватъ и что въ примѣрномъ наказаніи его выразилась отличительныя черты характера покойнаго государя — строгость и справедливость. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что злоупотребленія, за которыя онъ понесъ наказаніе, были, такъ сказать, продуктомъ времени, и что они существовали не въ одномъ только эриванскомъ полку, но и въ другихъ частяхъ войскъ и считались у современниковъ не иначе, какъ «порожденіемъ обстоятельствъ». Войска занимали полупокоренный, полувраждебный край. Размѣщая ихъ въ наиболѣе нужныхъ, по военнымъ соображеніямъ, пунктахъ, кромѣ всегдашней боевой готовности, отъ нихъ требовали устройства полковыхъ штабъ-квартиръ и солдатскихъ поселковъ, проложенія дорогъ, расчистки лѣсовъ и другихъ работъ, способствующихъ колонизаціи края, не давая для того никакихъ другихъ средствъ, кромѣ предоставляемыхъ сосѣдственною природою или случаемъ. Поневолѣ приходилось употреб-

лять вездѣ и во всемъ нижнихъ чиновъ и экономическія суммы, или же изыскивать другіе, не всегда позволительные источники. Дадіанъ заявлялъ объ этомъ военно-судной коммисіи, но на запросъ ея по сему предмету, генералъ Головинъ отозвался уклончиво, что положительныхъ свѣдѣній о подобныхъ безпорядкахъ въ корпусномъ штабѣ не имѣется.

Въ доказательство же сказаннаго считаю нелишнимъ привести слѣдующій фактъ. Въ томъ же 1837 году и тѣмъ же сенаторомъ барономъ Ганомъ былъ представленъ государю докладъ о злоупотребленіяхъ командира грузинскаго пѣшаго полка, полковника князя Андронникова. Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ изслѣдовать ихъ и если окажутся справедливыми, то сдѣлать надъ княземъ Андронниковымъ строжайшій примѣръ. Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло о князѣ Андронниковѣ, нашелъ слѣдствіе неудовлетворительнымъ, но усмотрѣвъ, что Андронниковъ самъ сознался въ противозаконной отдачѣ состоявшихъ въ полку на службѣ милиціонеровъ офицерамъ въ частныя услуги и для производства работъ, въ сдѣлкѣ съ жителями, которые, вмѣсто требовавшихся отъ нихъ въ полкъ милиціонеровъ, представляли ему условленное число рабочихъ для работъ, а онъ, какъ самъ объяснилъ, замѣнялъ ихъ собственными средствами, ставя въ полкъ своихъ людей; сверхъ того, по собственному же его сознанію, оказался онъ виновнымъ въ самовольномъ сборѣ съ жителей денегъ для обмундированія сотни милиціонеровъ, представленной государю императору при посѣщеніи его величествомъ въ 1837 году закавказскаго края,— генералъ-аудиторіатъ полагалъ: князя Андронникова за означенныя злоупотребленія предать военному суду при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, вмѣнивъ суду въ обязанность всѣ объявленныя на Андронникова жалобы изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ съ предписанною закономъ строгостью. Государь императоръ изволилъ разсматривать этотъ докладъ въ Варшавѣ, 19 мая 1840 года, и, принявъ во вниманіе ходатайство главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею графа Паскевича-Эриванскаго о прежней отличной службѣ и ранахъ князя Андронникова, высочайше повелѣть соизволилъ: «Дѣло оставить безъ дальнѣйшихъ слѣдствій и полагать конченнымъ; полковника князя Андронникова вновь на службу не опредѣлять; издержки же, бывшія по пропзводству изслѣдованія на прогоны и прочее, принять на счетъ казны».

Самое донесеніе барона Гана о Дадіанѣ, какъ видно изъ запи-

сокъ А. В. Антонова, вызвано не однимъ только желаніемъ блага странѣ, но и совершенно иными побужденіями. Присланный для водворенія въ Закавказскомъ краѣ гражданскаго управленія, баронъ Ганъ стремился провести такія предположенія, которыя были противны убѣжденіямъ барона Розена. Отсюда произошли первоначально ихъ натянутыя, а потомъ совершенно враждебныя отношенія, окончившіяся лишеніемъ Дадіана чина и званій, а Розена — мѣста главнокомандующаго. Недаромъ въ запискахъ И. И. Лорера и въ исторіи эриванскаго полка донесенія Гана названы «доносами»,— въ названіи этомъ сказался приговоръ современниковъ.

Княгиня Л. Г. Дадіанъ, въ прошеніи объ облегченіи участи мужа, между прочимъ, излагаетъ, что Дадіанъ не по винѣ понесъ наказаніе, такъ какъ изслѣдованіе по поданному на него доносу произведено было Катениным въ отсутствіе Дадіана, безъ соблюденія законныхъ формъ, поверхностно и пристрастно, и военный судъ, имѣвшій повелѣніе принять это изслѣдованіе основаніемъ къ сужденію Дадіана, постановилъ приговоръ не на основаніи фактовъ. А. В. Антоновъ въ запискахъ своихъ говоритъ, что дѣйствія Катенина, во время производства слѣдствія въ полку, были дѣйствительно далеко не безупречны: всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы добиться показаній не въ пользу Дадіана. А. П. Ермоловъ, котораго встрѣтилъ Антоновъ у Дадіана въ Москвѣ въ 1849 году, коснувшись въ разговорѣ катастрофы 24 сентября 1837 года, сказалъ, указавъ на Дадіана: «его погубило что? Не доносъ и не слѣдствіе, но отвѣтъ Катенина государю. На вопросъ государя: «все ли правда, что написано въ доносѣ на Дадіана?» Катенинъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, все правда и все подтвердилось; «но не смѣю не сознаться предъ вашимъ величествомъ—прибавилъ ловкій слѣдователь—что изъ участія къ Дадіану, какъ къ товарищу, я многое скрылъ». Этихъ словъ было достаточно, чтобы погубить Дадіана».

Не эти ли слова и побудили государя императора повелѣть судить Дадіана на основаніи фактовъ, собранныхъ слѣдствіемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что Катенинъ сумѣлъ дать дѣлу Дадіана особый колоритъ; но причины, побудившія его такъ дѣйствовать, остались не разъясненными. А. В. Антоновъ, ссылаясь на нѣкоторые факты, полагаетъ, что они были прямымъ послѣдствіемъ увольненія въ 1836 году въ отставку изъ эриванскаго полка роднаго брата Катенина, о дурномъ поведеніи котораго и крайне безнравственныхъ поступкахъ Дадіанъ вынужденъ былъ

довести до свѣдѣнія корпуснаго командира. Предположеніе это не лишено нѣкоторой доли вѣроятія. Въ Пятигорскѣ, въ 1870 г., я слышалъ отъ одного изъ жителей Тифлиса, свидѣтеля событія, что самое донесеніе Гана сдѣлано было по внушенію Катенина, и хотя объ умершихъ, по извѣстной поговоркѣ «de mortuis aut bene, aut nihil», принято говорить только хорошее, или ничего не говорить, но я въ настоящемъ дѣлѣ предпочитаю придержаться перифраза этой поговорки князя В. Ѳ. Одоевскаго: «de mortuis seu veritas, seu nihil».

Николай I на саперныхъ работахъ.

По объявленіи войны Франціи и Англіи въ 1854 году, признано было необходимымъ, на случай высадки непріятеля, впереди кронштадскихъ укрѣпленій возвести еще нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, и съ этой цѣлію на косѣ, близъ купеческой стѣнки, стали возводить батарею на 60 орудій, люнетъ на два баталіона и редутъ. Для производства работъ выслали учебный саперный баталіонъ и, кромѣ того, нарядили офицеровъ отъ прочихъ саперныхъ баталіоновъ. Работы начались 20-го марта. Императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ часто и лично наблюдалъ за производствомъ работъ.

Встрѣтивъ однажды солдата съ георіевскимъ крестомъ, государь спросилъ его.

— Гдѣ получилъ крестъ?

— Подъ Силистріей, ваше императорское величество, въ 1829 году,—отвѣчалъ солдатъ.

— Теперь подъ Силистріей ваши товарищи, — замѣтилъ государь: — а вамъ выпала честь защищать Петербургъ, а это стоитъ Силистріи. Чего бы не далъ другой солдатъ, чтобы сказать впослѣдствіи: я защищалъ Петербургъ. Не такъ ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество,—отвѣчалъ солдатъ: — мы это чувствуемъ; останемся живы, — и дѣтямъ, и внукамъ передадимъ.

Когда батарея была готова и вооружена, Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее подробно, нашелъ въ исправности и остался доволенъ. Обратясь къ командовавшему обороной, генералъ-лейтенанту Граббе, государь сказалъ: — а вѣдь было бы во что, а то есть чѣмъ!

Осмотрѣвъ редутъ, императоръ сказалъ окружавшимъ его офицерамъ:

— Если высадка будетъ, то мы здѣсь и умереть должны!

Оставляя укрѣпленіе, государь сказалъ солдатамъ: — смотрите, ребята, не робѣйте! первая бомба къ вамъ — и я съ вами!

Императоръ Николай I въ адмиралтействѣ.

Въ 1838 году, въ новомъ адмиралтействѣ строился новый корабль «Россія». Императоръ Николай Павловичъ интересовался работами и заѣзжалъ иногда въ адмиралтейство. Однажды лѣтомъ, онъ пріѣхалъ часа въ четыре пополудни. Строитель корабля, полковникъ Александръ Андреевичъ Поповъ, отправился пообѣдать, его помощникъ и другія начальствующія лица тоже разошлись, такъ что императора встрѣтилъ одинъ только прапорщикъ корпуса корабельныхъ инженеровъ Албенскій. Государь поднялся на работы, прошолъ и спросилъ сопровождавшаго его офицера:

— Какія идутъ работы?

— Бимсы кладутъ, ваше императорское величество.

— Сколько положено бимсовъ?

Офицеръ, застигнутый врасплохъ вопросомъ, замялся и отвѣтилъ неувѣренно. Это не понравилось государю и онъ сошолъ внизъ. Параллельно элингу строился тогда большой каменный сарай для храненія корабельныхъ лѣсовъ, подъ наблюденіемъ штабсъ-капитана корабельныхъ инженеровъ Посыпкина. Постройка только что была начата и выведена немного выше фундамента. Государь, проходя мимо, зашелъ на работы и, окинувъ ихъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ:

— А гдѣ же Посыпкинъ?

— Его нѣтъ, ваше императорское величество.

— А помощникъ его здѣсь?

— Тоже нѣтъ еще, ваше императорское величество.

— А кондукторъ?

— Не пришелъ еще, ваше императорское величество.

— Кто же тутъ распоряжается работами?

— Я, ваше императорское величество, раздался сзади государя голосъ десятника.

Государь обернулся, десятникъ стоялъ въ позѣ ефрейтора съ откинутой въ родѣ ружейнаго пріема саженью. Недовольство императора быстро смѣнилось улыбкой. Но онъ ничего не сказалъ десятнику, прошелъ по линіи работъ и направился къ выходу. Когда же садился въ экипажъ, приказалъ прапорщику Албенскому передать штабсъ-капитану Посыпкину, что онъ арестуется на двѣ недѣли за оставленіе работъ безъ надлежащаго надзора.

Кадеты морскаго корпуса въ Александріи.

Однажды лѣтомъ 1844 года, кадеты морскаго кадетскаго корпуса, находившіеся на учебной кадетской эскадрѣ, состоявшей изъ 4 фрегатовъ и находившейся на якорѣ въ Маркизовой лужѣ близъ Петергофа, по случаю какого-то праздничнаго дня, были отпущены на берегъ. Кадеты были распредѣлены на кучки, въ числѣ 10-ти человѣкъ каждая, и подъ командою старшихъ отправились на прогулку въ сады Петергофа и другія ближайшія окрестности. Одна изъ такихъ кучекъ, погулявъ въ нижнемъ Петергофскомъ саду, вышла изъ сада и направилась по берегу. Не успѣла она сдѣлать и ста шаговъ, послышался стукъ проѣзжавшаго экипажа и вслѣдъ за симъ показалась императорская линейка, въ которой ѣхалъ государь императоръ Николай Павловичъ съ своей августѣйшей супругой и дочерьми, великими княжнами Ольгой и Александрой Николаевнами.

— Здорово, моряки! привѣтствовалъ кадетъ государь.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! отвѣчали дружно кадеты.

— Маршъ за мной въ Александрію! крикнулъ государь, объѣзжая кучку кадетъ.

Кадеты ринулись вслѣдъ за экипажемъ бѣгомъ.

— Не бѣжать! обратился къ нимъ государь, идите шагомъ, а то устанете.

Черезъ нѣсколько минутъ моряки появились у дворца въ Александріи. Государь въ разстегнутомъ сюртукѣ, стоялъ на балконѣ. Увидя подходящихъ кадетъ, онъ показалъ имъ рукой на стоявшую въ саду близъ балкона мачту съ веревочными лѣстницами, штагами

и подвязанной внизу сѣткой, и скомандовалъ: «къ вантамъ! на марсъ»!

Моряки, какъ пчелы, облѣпили мачту и полѣзли на вершину. Не успѣли они подняться на марсъ, какъ изъ дворца, по приказанію государя, выбѣжали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи съ нѣсколькими пажами и приняли участіе въ играхъ моряковъ.

Возлѣ государя, между тѣмъ, собралась вся царская семья. Великая княжна Александра Николаевна въ особенности интересовалась эволюціями моряковъ кадетовъ, лазившихъ по снастямъ и прыгавшихъ съ высоты въ сѣтку съ изумительной ловкостью, и радостными восклицаніями поощряла молодыхъ людей къ повторенію наиболѣе трудныхъ эволюцій.

— Что же ты не угостишь ничѣмъ кадетъ? обратился къ ней августѣйшій ея родитель, замѣтя ея радостное настроеніе.

— Сейчасъ, папа! отвѣчала весело великая княжна, и быстро повернувшись, исчезла за дверями балкона.

Черезъ нѣсколько минутъ камеръ-лакеи подали морякамъ мороженое, а затѣмъ вышла и сама великая княжна съ большою коробкою конфектъ.

Кадеты были позваны къ балкону и получили по нѣскольку конфектъ лично изъ ея рукъ. Когда же конфектъ осталось немного и для всѣхъ 10-ти недоставало, нѣкоторые кадеты стали просить этотъ остатокъ отдать имъ. Но великая княжна не согласилась, находя это несправедливостью. Тогда кто-то изъ кадетъ попросилъ ее бросить оставшіеся конфекты «на шарапъ».

— Что это такое значитъ: на шарапъ? спросила великая княжна, улыбнувшись, и какъ это сдѣлать?

Великій князь Николай Николаевичъ объяснилъ ей значеніе «шарапа» и она съ удовольствіемъ изъявила желаніе исполнить просьбу кадетъ. Высыпавъ конфекты на тарелку, она бросила ихъ вверхъ, но тарелка выскользнула изъ рукъ и разбилась.

Произошла свалка, каждый кадетикъ хотѣлъ поймать хоть одну конфекту и, конечно, сталкивался съ другими—и многіе падали.

— Ну, вотъ видите, какъ это нехорошо вышло, опечалилась великая княжна, смотрите, смотрите они ушибутся, да и тарелка разбилась.

— Успокойтесь, ваше императорское высочество, мы не ушиблись, отвѣчали вскочившіе на ноги кадеты, а что тарелка разби-

лась, то это къ нашему благополучію, мы соберемъ ея черепки и будемъ хранить ихъ на память нынѣшняго счастливаго для насъ вечера.

И кадеты, дѣйствительно, собрали черепки и раздѣлили ихъ поровну между собою.

Николай Павловичъ, смотря на сцену «шарапа», смѣялся отъ души, когда же замѣтилъ, что два кадетика стали пререкаться изъ за спорнаго черепка, погрозилъ и сказалъ: «дѣти, не ссориться!»

Спустя нѣсколько времени, когда кадеты играли и рѣзвились съ великими князьями на площадкѣ близъ балкона, государь подозвалъ старшаго и, посмотрѣвъ на часы, спросилъ:

— Когда и гдѣ приказано имъ собираться?

Моряки столпились всѣ около балкона и отвѣчали:

— За полчаса до зари, ваше императорское величество, на угловомъ плашкоутѣ казенной пристани.

— Однако не время ли вамъ собираться, а то, пожалуй, опоздаете.

Моряки отвѣчали на перебой:

— «Нѣтъ, ваше величество, не опоздаемъ», говорилъ одинъ. «Мы теперь живо долетимъ до плашкоута», добавилъ другой, «мы еще и выкупаться успѣемъ...» перебивалъ третій; «а когда сядемъ въ катеръ, чтобы согрѣться, будемъ усиленно грести», добавлялъ четвертый.

— Ну, а какъ пріѣдете, тотчасъ спать ляжете?

— Нѣтъ, государь, какой же тутъ сонъ! намъ спать не дадутъ товарищи, будутъ разспрашивать, что мы видѣли, что насъ спрашивали, какъ мы отвѣчали. Насъ цѣлую недѣлю будутъ разспрашивать о сегодняшнемъ днѣ.

— Ну, дѣти, прощайте, кланяйтесь товарищамъ, сказалъ ласково государь и поклонился морякамъ.

— Ваше величество, позвольте намъ опять придти сюда, заговорилъ было одинъ изъ самыхъ младшихъ кадетъ.

— Ну, это не отъ меня зависитъ, перебилъ его Николай Павловичъ смѣясь, просите разрѣшенія своего начальства, а то, пожалуй, мнѣ и за сегодняшнее достанется, если вы явитесь не во время, или не въ порядкѣ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и подпоручикъ Симанскій.

Однажды, въ началѣ сороковыхъ годовъ, на Морской портовой гауптвахтѣ стоялъ въ караулѣ подпоручикъ финляндскаго полка Симанскій. Такъ какъ въ теченіи дня у него въ караулѣ все обстояло благополучно, происшествій и перемѣнъ никакихъ не было, то традиціонный вечерній рапортъ, составленный, по обыкновенію, старшимъ унтеръ-офицеромъ, онъ подписалъ и отослалъ въ комендантское управленіе, не читая. Обстоятельство это прошло бы, какъ всегда, безъ всякихъ послѣдствій, если бы великій князь Михаилъ Павловичъ, вслѣдствіе какой-то неточности въ комендантскомъ рапортѣ, не потребовалъ къ себѣ въ тотъ вечеръ всѣхъ подлинныхъ вечернихъ рапортовъ караульныхъ начальниковъ. Безграмотность и неразборчивость рапорта подпоручика Симанскаго поразила его и онъ приказалъ представить ему «этого — какъ онъ выразился, — автора клинописи», по смѣнѣ его съ караула.

— Это твой рапортъ? обратился великій князь къ явившемуся къ нему утромъ подпоручику.

— Мой, ваше императорское высочество, отвѣчалъ офицеръ.

— Прочитай!

Подпоручикъ Симанскій развернулъ рапортъ и, къ ужасу своему, не могъ разобрать написаннаго.

— Ты гдѣ учился?

— Въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, ваше императорское высочество.

— Кто преподавалъ русскую словесность?

— Профессоръ Плаксинъ, ваше императорское высочество.

— А каллиграфію?

— Преподаватель Шлезингеръ, ваше императорское высочество.

— И у такихъ учителей ты не могъ научиться какъ слѣдуетъ писать по-русски!.. отправляйся подъ арестъ!..

И великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ коменданту арестовать подпоручика Симанскаго на двѣ недѣли, а профессора Плаксина и преподавателя Шлезингера каждаго на три дня.

Великій князь Михаилъ Павловичъ и коннопіонеры.

Однажды во время лагернаго сбора подъ Краснымъ Селомъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, передъ маневрами, пріѣхалъ въ лагерь и остановился въ красносельскомъ дворцѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ потребовалъ отъ всѣхъ частей войскъ, въ лагерѣ находившихся, полковыхъ адъютантовъ, для отдачи имъ приказаній. Первымъ прискакалъ адъютантъ коннопіонернаго дивизіона, подпоручикъ Борщовъ. День былъ жаркій и великій князь въ разстегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ на эстрадѣ съ двумя-тремя генералами за столомъ и пилъ какой-то прохладительный напитокъ.

— А, Борщовъ! Это ты! встрѣтилъ ласково Михаилъ Павловичъ молодого офицера. Что, жарко? Не хочешь ли прохладиться?

— Жарко-то—жарко, ваше императорское высочество, отвѣчалъ бойко офицеръ, только этимъ питьемъ не прохладишься. Вотъ если бы выпить бутылочку шампанскаго со льдомъ, тогда, дѣйствительно, душа немножко бы остудилась.

— Бутылку шампанскаго! воскликнулъ въ изумленіи великій князь, да развѣ ты можешь выпить бутылку шампанскаго? Вѣдь ты долженъ получить приказаніе и передать его для исполненія.

— Могу увѣрить, ваше императорское высочество, честью, что коннопіонеры и пить, и служить умѣютъ.

— Посмотримъ! улыбнулся Михаилъ Павловичъ, и велѣлъ подать шампанскаго.

Между тѣмъ собрались адъютанты прочихъ частей войскъ; подпоручикъ Борщовъ, какъ бы въ отличіе получивъ въ свое распоряженіе бутылку шампанскаго, вылилъ ее въ большой серебряный ковшъ, пожелалъ великому князю здоровья и выпилъ залпомъ.

Михаилъ Павловичъ только пожалъ плечами и, когда адъютанты всѣ собрались, отдалъ имъ приказаніе о занятіяхъ на утро и отпустилъ ихъ.

Въ полночь, когда лагерь спалъ крѣпкимъ сномъ, на переднемъ редутѣ взвилась сигнальная ракета и дежурный барабанщикъ ударилъ тревогу. На поданный сигналъ отликнулись барабаны по всей линіи лагеря и войска, устраиваясь на маршѣ, ринулись на мѣсто сбора. Великій князь ожидалъ уже выхода войскъ въ поле, и къ величайшему его удивленію первымъ на позицію явился коннопіонерный дивизіонъ и адъютантъ Борщовъ въ полной формѣ ѣхалъ сзади его командира.

— Молодцы, коннопіонеры! привѣтствовалъ великій князь проходившій дивизіонъ.

— Рады стараться, ваше императорское высочество, отвѣчали съ энтузіазмомъ солдаты.

— Теперь я окончательно убѣдился, улыбнулся великій князь, обращаясь къ подъѣхавшему къ нему послѣ салюта командиру дивизіона, что коннопіонеры умѣютъ пить, умѣютъ и служить.

Генералъ Дрентельнъ.

Въ военномъ собраніи одного изъ полковъ кіевскаго военнаго округа, во время игры на бильярдѣ, поссорились офицеры, причемъ одинъ изъ поручиковъ оскорбилъ на словахъ своего ротнаго командира. Оскорбленный подалъ рапортъ, поручика предали суду, но судъ, принявъ во вниманіе смягчающія обстоятельства, оправдалъ его. Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ, командовавшій въ то время войсками округа, узнавъ объ этомъ, вызвалъ къ себѣ всѣхъ членовъ суда для личнаго объясненія. На сдѣланный вопросъ предсѣдатель доложилъ, что судъ принялъ во вниманіе, что оскорбленіе офицеромъ начальника вызвано имъ самимъ и что оно сдѣлано послѣ игры въ клубѣ.

— Я — Дрентельнъ, сказалъ на это начальникъ края: и въ банѣ — командующій войсками. Такъ вы, ваше превосходительство, и знайте.

И съ этими словами откланялся и отпустилъ членовъ суда.

Представлялся генералу Дрентельну на весеннемъ смотру кавалерійскій полкъ. Лошади были мохнаты и худы. Проходитъ эскадронъ, другой, третій—генералъ молчитъ, что было знакомъ его недовольства. Прошли остальные эскадроны, генералъ ни слова. Наконецъ, махнулъ рукой и повернулъ лошадь. Полковой командиръ, чуя грозу, подъѣхалъ, взялъ подъ козырекъ и началъ объяснять, что ремонты за послѣдніе годы были очень плохи, что онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы ихъ исправить, даже приказалъ давать имъ сѣчку съ мукою...

— Вы бы, полковникъ, попробовали ихъ овсомъ покормить, улыбнулся въ отвѣтъ командующій войсками и уѣхалъ съ плаца.

Однажды генералъ Дрентельнъ пріѣхалъ въ казармы одного изъ батальоновъ, расположенныхъ въ кіевской крѣпости, осмотрѣлъ помѣщенія, прошелъ на кухни и потребовалъ пробу солдатской пищи. Кашеваръ, какъ ни старался зачерпнуть щей со дна погуще, пища оказалась безъ навара и очень жидкой.

— Ваше высокопревосходительство, ваше высокопревосходительство... лепеталъ перетрусившій батальонный командиръ, стараясь найти предлогъ для оправданья.

— А вы вотъ что, полковникъ, перебилъ его генералъ, титулъ мой употребляйте порѣже, а щи варите погуще.

Генералъ, графъ Никитинъ.

Инспекторъ всей резервной кавалеріи, генералъ отъ кавалеріи графъ Никитинъ, посѣщая находившійся въ мѣстѣ квартированія его штаба госпиталь, требовалъ отъ смотрителя, чтобы въ палатахъ госпиталя была температура не менѣе 15°. Смотритель принималъ всѣ мѣры, чтобы исполнить приказаніе начальника, но достигнуть успѣха не могъ: при каждомъ новомъ посѣщеніи грозный инспекторъ удостовѣрялся, что въ одной палатѣ температура 12°, въ другой 14°, въ третьей 18° и т. д. Терпѣніе его истощилось и онъ приказалъ смѣнить смотрителя. Вновь назначенный смотритель Ивановъ, желая угодить графу, приказалъ слесарю всѣ термометры передѣлать, поставивъ въ нихъ вмѣсто ртути оловянные палочки, которые бы постоянно показывали 15°. Продѣлка эта удалась, графъ Никитинъ остался доволенъ и въ первую же очередь представилъ Иванова къ наградѣ.

Генералъ, графъ Евдокимовъ.

Извѣстный кавказскій герой, генералъ, графъ Н. И. Евдокимовъ, прочитавъ полученный приказъ о присвоеніи генераламъ новой формы обмундированія и, между прочимъ, красныхъ штановъ при парадной формѣ, сказалъ окружающимъ: «прежде генераловъ узнавали по головамъ, а теперь будутъ узнавать по ногамъ».

Генералъ Мещериновъ и полковникъ Кюхельбекеръ.

Помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Мещериновъ, прочитывая поданныя ему къ подписи полковникомъ М. В. Кюхельбекеромъ (сыномъ извѣстнаго декабриста) бумаги, нашелъ ихъ составленными неудовлетворительно и долго распекалъ его. Онъ требовалъ, чтобы бумаги писались кратко, сжато и понятно, и закончилъ свое длинное наставленіе словами: «во многомъ писаніи нѣсть спасенія».

— Позвольте, ваше превосходительство, возразилъ Кюхельбекеръ, мнѣ помнится, что святые отцы заповѣдали намъ, «что во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія».

Директоръ полиціи исполнительной Оржевскій.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, директоръ департамента полиціи исполнительной, Оржевскій, купилъ на Фонтанкѣ, близъ Семіоновскаго моста домъ, выходившій дворомъ и на Моховую улицу, отстроилъ его и переѣхалъ въ него на жительство. Справивъ, по обычаю, новоселье, новый хозяинъ отправился на покой въ устроенную для него опочивальню, и тамъ, покончивъ съ дневными занятіями, на новомъ ложѣ сладко заснулъ. Вдругъ ночью онъ слышитъ какъ будто за окномъ иль за стѣною какое-то шипѣнье и вслѣдъ затѣмъ закуковала кукушка. Почтенный сановникъ перепугался, вообразивъ себѣ, что кукушка накуковала ему близость смерти, и потребовалъ управляющаго Клавдія Андреевича Шубина, извѣстнаго впослѣдствіи начальника адреснаго стола. Разсказавъ ему о случившемся, онъ отдалъ ему приказаніе о переѣздѣ на старую квартиру, но почтенный управитель успокоилъ встревоженнаго директора увѣреніемъ, что это кукуютъ стѣнные часы у живущаго въ сосѣдней квартирѣ купца-дровяника Петра Петровича Гвоздева. Казалось бы всякіе страхи должны были исчезнуть, но мнительный домовладѣлецъ потребовалъ отъ Гвоздева или перемѣщенія часовъ или выѣзда съ квартиры. А такъ какъ у Гвоздева былъ заключенъ съ прежнимъ домовладѣльцемъ контрактъ на нѣсколько лѣтъ, то онъ отказался исполнить требованіе Оржевскаго. Тогда послѣдній приказалъ его выселить, заплативъ ему всѣ расходы по нарушенію контракта.

Министръ финансовъ Канкринъ.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, министръ финансовъ Канкринъ, желая приступить къ замѣнѣ русскаго ассигнаціоннаго рубля—серебрянымъ рублемъ, обратился къ содѣйствію тогдашняго петербургскаго головы, извѣстнаго табачнаго фабриканта Василія Григорьевича Жукова и просилъ его возбудить въ городской шестигласной думѣ вопросъ о неотложной необходимости и пользѣ подобной замѣны.

— Ви, патушка, говорилъ Егоръ Францевичъ В. Г. Жукову, пусть только немножко ополфанитъ этотъ фопросъ, а выстругать его путедъ нѣмецкій мастеръ.

— Оболванить — почему и не оболванить, отвѣчалъ Василій Григорьевичъ, только будетъ ли это, ваше превосходительство, хорошо для насъ?

— О, конешно, ошень коропіо путедъ! улыбался Егоръ Францевичъ, ви полюшитъ серепряный рюпь!

Но собранная городскимъ головою въ экстренномъ засѣданіи дума, состоявшая тогда исключительно изъ купцовъ, отнеслась къ сдѣланному ей предложенію скептически и поднятый вопросъ былъ забаллатированъ. Пришлось прибѣгнуть къ помощи нѣмцевъ; собрали въ общее засѣданіе биржевой комитетъ, иностранныхъ негоціантовъ, выборныхъ отъ купечества, мѣщанъ и ремесленниковъ и вопросъ о замѣнѣ ассигнаціоннаго рубля серебрянымъ—получилъ одобреніе.

— Ну, фотъ и отлишно! говорилъ Егоръ Францевичъ, принимая депутацію собранія, ви полюшайтъ серепряный рюпь, и путедъ, я рюшаю, ошень покатъ.

А. Н. Муравьевъ.

Извѣстный святоша, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ бытность свою въ Петербургѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ каждой отправкой арестантовъ въ Сибирь, являлся въ пересыльную тюрьму, бесѣдовалъ съ ними и одѣлялъ ихъ религіозно-нравственными книжками. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, въ 1863 году, когда въ тюрьмѣ находилось много поляковъ изъ повстанцевъ, шедшихъ въ каторгу и на поселеніе, Андрей Николаевичъ, подойдя къ

повстанцу Домонтовичу, обратился къ нему съ теплымъ словомъ христіанскаго утѣшенія и предложилъ экземпляръ «Новаго Завѣта». Но Домонтовичъ, вскочивъ быстро въ наръ, бросился на него и хотѣлъ ударить его кандалами. Остановленный вовремя надзирателями, онъ былъ взятъ въ контору и подвергнутъ спросу: за что онъ хотѣлъ убить человѣка, который заботится о его нравственномъ преуспѣяніи.

— О моемъ нравственномъ преуспѣяніи я позабочусь самъ, отвѣчалъ Домонтовичъ, и это не его дѣло. Онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы вмѣсто заботъ о моей душѣ, позаботился о моемъ тѣлѣ. На мнѣ вотъ истлѣла рубашка и я больше году въ банѣ не былъ. На это онъ не обращаетъ вниманія.

— Онъ правъ, сказалъ тогда А. Н. Муравьевъ и, вынувъ изъ бумажника пять рублей, упросилъ смотрителя не только простить арестанта, но купить ему двѣ рубахи съ подштанниками и выпарить его въ банѣ.

Генералъ, графъ Тотлебенъ.

Въ 1880 году, на одномъ изъ вечеровъ у одесскаго генералъ-губернатора, графа Э. Т. Тотлебена, управляющій гражданскою частью края, статсъ-секретарь С. Ѳ. Панютинъ, отозвался съ похвалой о музыкантскомъ хорѣ с.-петербургской пожарной команды и высказалъ мысль, что было бы очень недурно, если бы и Одесса завела у себя такой же хоръ.

— Ну, отозвался на это графъ Эдуардъ Трофимовичъ, петербургскіе пожарные прошли огнь и воду и дошли до мѣдныхъ трубъ, а наши проходятъ только первую стихію, слѣдовательно, до трубъ имъ еще далеко.

Статсъ-секретарь Панютинъ.

19 февраля 1880 года исполнилось 25-ти-лѣтіе со дня восшествія на прародительскій престолъ государя императора Александра Николаевича. Я написалъ тогда по этому поводу слѣдующую патріотическую пѣснь:

19 февраля 1880 года.

Могучій властелинъ, нашъ Кесарь именитый,
Отецъ отечества, Верховный вождь дружинъ,
Освободитель-Царь, Царь мудрый, родовитый,
Бояринъ первый нашъ и первый гражданинъ
Всей Руси и Литвы, и Грузіи, и Крыма,
Финляндіи, Сибири, Польши и иныхъ,
Привѣтствуемъ тебя во всѣхъ дѣлахъ Твоихъ,
Старѣйшина Ты нашъ, глава Богохранимый!..
Твой нынѣ юбилей—и всѣ Твои народы,
Надежды на Тебѣ совокупивъ одномъ,
Въ Твоихъ дѣяньяхъ зря свѣтъ правды и свободы,
Тебя привѣтствуютъ съ великимъ этимъ днемъ!..
Родился Ты въ Москвѣ, въ благословенный вѣкъ,
Воспѣтъ поэтами, поэтомъ и воспитанъ,
Героемъ-рыцаремъ Родителемъ испытанъ,
И на престолъ возсѣлъ какъ царь и человѣкъ.
Дѣянія Твои, о Царь, могуль-ль воспѣть я...
Великъ Ты въ нихъ, великъ, какъ Твой великъ народъ!
Пройдутъ года, вѣка, пройдутъ тысячелѣтья,—
Они останутся, прейдутъ изъ рода въ родъ!...
Когда, и гдѣ, и кто подумать только могъ,
Что слово лишь одно освободитъ мильоны
Несчастныхъ тѣхъ существъ, кого сковалъ самъ Рокъ,
Чья жизнь была позоръ, проклятія и стоны?...
Когда, и гдѣ, и кто смѣлъ думать, чтобъ рабы,
Съ которыхъ только-что оковы были сняты,
Могли быть призваны рѣшить свои судьбы,
Возсѣсть въ судебныя и земскія палаты?
Когда, и гдѣ, и кто смѣлъ мысль питать о томъ,
Чтобъ равноправіе въ сословьяхъ водворилось,
Чтобъ тягость воинскую несли всѣ съ мужикомъ,
Чтобъ милость на судѣ и правда воцарилась?..
Но Ты такъ восхотѣлъ, изрекъ Ты только: «бысть»!
И все создалося... окрѣпло... вознеслося...
Какое тутъ перо, какую нужно кисть
Чтобъ описать все то, что на Руси сбылося
За четверть вѣка лишь, по слову одному,
Безъ потрясенія, безъ шума и тревоги!..
Пошли-жъ, о Господи, за то Ты лѣта многи,
И радость, и покой, и здравіе Тому,
Кого ты Самъ избралъ для счастія Россіи,
Кого за кротость Ты всѣхъ болѣ возлюбилъ,
И въ исполненіи Его земной миссіи,
Самъ умудрялъ, и велъ, и отъ бѣды хранилъ!..
Да царствуетъ еще Онъ долго надъ своимъ
Великимъ, преданнымъ, испытаннымъ народомъ
И сыплетъ на него, Тобой руководимъ,
Благодѣянія свободы годъ за годомъ!..

Пѣснь эту я предполагалъ отпечатать въ небольшомъ числѣ экземпляровъ на почтовой бумагѣ и преподнести въ день юбилея своему начальству и нѣкоторымъ друзьямъ и знакомымъ. Переписавъ ее набѣло, я представилъ ее въ одесскій цензурный комитетъ; но, къ величайшему моему удивленію, разрѣшенія на напечатаніе не послѣдовало. Бѣгу—справляюсь, говорятъ, что пѣснь представлена управляющему гражданскою частью края и имъ задержана. Иду къ статсъ-секретарю Панютину, спрашиваю: почему пѣснь остановлена? онъ отвѣчаетъ, что боится пропустить, чтобы нигилисты не воспользовались ея появленіемъ и не стали подъ видомъ этой пѣсни разсылать своихъ ругательныхъ листковъ. Такимъ образомъ моя патріотическая пѣснь ко дню юбилея въ свѣтъ и не вышла. Но въ это время печатался въ С.-Петербургѣ «Сборникъ моихъ стихотвореній», я послалъ копію къ издателю и пѣснь вошла въ «Сборникъ». Получивъ нѣсколько экземпляровъ «Сборника» въ Одессѣ, я представилъ одинъ изъ нихъ Степану Ѳедоровичу и указалъ на отпечатанную пѣсню. Онъ только развелъ руками и сказалъ:

— Петербургъ—дѣло великое, тамъ все можно сдѣлать, но мы находимся совершенно въ другихъ условіяхъ: чтобы не сдѣлать ошибки, мы во многомъ должны себя сдерживать. Впрочемъ, теперь, если вы хотите, я могу разрѣшить вамъ отпечатать отдѣльные экземпляры вашей пѣсни.

Но это уже было, по пословицѣ,—послѣ ужина горчица.

Генералъ Шлосманъ.

Гатчинскій второй комендантъ, генералъ-маіоръ Шлосманъ, гуляя въ Гатчинскомъ паркѣ съ графомъ Адлербергомъ и чиновникомъ Ивановскимъ, объяснялъ имъ исторію дворца. Графъ Адлербергъ зѣвалъ и, смотря на звѣздное небо, спросилъ его: «а не знаете ли вы, Александръ Карловичъ, какъ это астрономы опредѣлили, гдѣ какія звѣзды находятся»?

— Это неудивительно, графъ, отвѣчалъ генералъ Шлосманъ, что астрономы знаютъ, гдѣ звѣзды на небѣ находятся, а удивительно то, что они узнали, какъ ихъ зовутъ.

Генералъ Алопеусъ.

Генералъ Алопеусъ командовалъ въ пятидесятыхъ годахъ одною изъ бригадъ 1-й пѣхотной дивизіи. Въ лагерѣ подъ Динабургомъ, онъ часто производилъ ученья полкамъ бригады, а тотчасъ, по окончаніи ученья, возвращался въ свою палатку и садился завтракать.

Хорошій моціонъ даетъ хорошій аппетитъ. Окончивъ однажды ученье ранѣе обыкновеннаго, генералъ вернулся въ лагерь, бросилъ повода лошади дневальному и, не доходя еще палатки, закричалъ своему деньщику: «эй, Чепурной, завтракать».

Но вмѣсто Чепурнова отмахнулъ полу палатки ординарецъ и, вытянувши руки по швамъ, отвѣтилъ скороговоркою: «Ихъ нѣтъ, ваше превосходительство».

— Какъ нѣтъ?! Гдѣ же онъ?

— Ушомши, ваше превосходительство.

— Куда?

— За пропитомствомъ, ваше превосходительство (за своимъ обѣдомъ въ роту).

— Сказать ему, чтобы безъ меня не ходилъ, вспылилъ генералъ и, повернувшись, отправился завтракать къ полковому командиру.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.